

Гарольд Д. Лассуэлл

ПСИХОПАТОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Москва
2005

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Гарольд Д. ЛАССУЭЛЛ

ПСИХОПАТОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

*Научный редактор русского издания
доктор политических наук, профессор Т.Н.Самсонова*

УДК 303

ББК 60.5

Л 26

Печатается по изданию:
PSYCHOPATHOLOGY AND POLITICS
by Harold D. Lasswell
The University of Chicago Press
Chicago and London, 1977

Перевод доктора политических наук, профессора
Т.Н.Самсоновой, кандидата политических наук *Н.В.Коротковой*
Научный редактор русского издания профессор *Т.Н.Самсонова*
Лассуэлл Гарольд Д.

Л 26 Психопатология и политика: Монография / Пер. с англ.
Т.Н.Самсоновой, Н.В.Коротковой. – М.: Издательство РАГС, 2005.
– 352 с. (Серия «Антология зарубежной и отечественной мысли».)
ISBN 5-7729-0163-X

Гарольд Д.Лассуэлл (1902–1978) – один из наиболее известных специалистов в американской и мировой политической науке. Он является создателем нового направления в исследовании политических феноменов – политического психоанализа. В книге «Психопатология и политика» четко сформулированы основные принципы психоанализа и раскрыты широкие возможности его применения в политической сфере.

Предисловие к книге Г.Лассуэлла написано известным американским политологом и политическим психологом, профессором Принстонского университета Ф.И.Гринстайном.

Книга адресована политологам, психологам, социологам, философам, а также профессиональным политикам.

УДК 303

ББК 60.5

ISBN 5-7729-0163-X

© Самсонова Т.Н., науч. ред., перевод, 2005

© Короткова Н.В., перевод, 2005

© Попов В.Д., «Постскрипtum», 2005

© Издательство РАГС,

издание на русском языке, 2005

© The University of Chicago Press

Chicago and London, 1977

К ЧИТАТЕЛЮ

Г. Лассуэлл (1902–1978) – один из самых известных специалистов в области американской политической науки. Его книга «Психопатология и политика» (1930) стала заметным событием в научной жизни. Само название работы носило провоцирующий характер и вызывало (и продолжает вызывать) большой интерес у читателей. Людей всегда интересовали политические деятели, свойства их характера и специфика политического поведения. Отсюда естественное стремление проникнуть во «внутренний мир» политиков, понять особенности становления их личности, объяснить побудительные мотивы действий. Каждый человек – загадка, политик, особенно выдающийся политический деятель, – загадка вдвойне. Политика – особая сфера деятельности, она требует от действующих в ней лиц соответствующих способностей. Политикам, хотя и в разной степени, присущи честолюбие, жажда власти, стремление быть на виду, умение навязывать окружающим свои взгляды и волю, проницательность. Вместе с тем в политике нередки проявления цинизма, аморализма и т. п.

Работа Г. Лассуэлла написана в психоаналитическом ключе. Он стремился выявить бессознательные побуждения и мотивы политической деятельности личности. Чтобы изучить человека, надо не просто исследовать отдельные факты его биографии и черты характера, необходимо понять его «жизненный план», «стратегию жизни». Отдельные поступки человека, черты характера, всякого рода невротические отклонения – все это трансформации единого внутреннего «ядра» личности.

Была ли подготовлена публика в 1930 г. к восприятию психоаналитического труда, акцентировавшего внимание при изучении личности на интимных сторонах человеческой жизни? К тому времени психоанализ уже получил в США довольно широкое распространение. И тем не менее некоторые рассуждения автора

в «Психопатологии и политике» казались неожиданными, шокирующими и даже не очень нужными. Между тем интерес к потайной, обычно не предающейся огласке жизни человека имел прямое отношение к объективному изучению взаимоотношений личности и общества, к исследованию связей между психическими процессами и политической деятельностью людей.

Г.Лассуэлл так оценивал роль психоанализа в исследовании политических феноменов: «Психоанализ – всеобъемлющая теория развития человеческой личности и охватывает как «больных», так и «здоровых». Психоанализ – это и выдающийся метод наблюдения, в котором соединяются «свободные ассоциации» и «толкование». С помощью этих средств психоанализ способен раскрыть направленность и силу «бессознательных» факторов и расположить критические ситуации, в которых они формируются, по линии развития индивидуума. Психоанализ внес в политическую науку, как и во все науки о человеке, метод исследования бессознательного основания личности и ситуаций».

Г.Лассуэлл четко сформулировал основные достижения психоанализа, созданного З.Фрейдом и получившего дальнейшее развитие в трудах других известных психоаналитиков – А.Адлера, К.Г.Юнга, Ш.Ференци и др.* Он показал, что для успешного исследования политического поведения необходимо выделять наиболее значимые этапы становления человека, раскрыть их роль в формировании его характера и побудительных мотивов последующей деятельности. Большое внимание было уделено описанию метода свободных ассоциаций, который позволяет понять и, если надо, преодолеть рационализацию – сознательное оправдание людьми своего поведения.

Одно из центральных мест в работе «Психопатология и политика» занимает концепция политического человека (*homo politicus*). Формула, раскрывающая это понятие, учитывает три критерия: частные мотивы человека в том виде, как они сложились еще в раннем возрасте и в семье; перемещение частных мотивов

* Подробнее см.: Самсонова Т.Н. К истории становления политического психоанализа // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2001. № 2.

от семейных объектов к общественным; рационализация переноса в терминах общественных интересов. Позднее, в работе «Власть и личность» (1948) и других трудах Г.Лассуэлл внес уточнения в развиваемую им последовательность. Он обосновал положение, что политические личности чаще всего стремятся компенсировать возникающие в раннем детстве бессознательное чувство неполноценности, низкую самооценку. Детство только на первый взгляд кажется безоблачным. Властолюбивые устремления, считал Г.Лассуэлл, рационализируются политической личностью, но очень часто эта погоня за властью – лишь одна из распространенных попыток человека убежать от самого себя.

Политики, как и все люди, отличаются друг от друга, среди них нет единого психологического типа. Г.Лассуэлл выделяет три типа политических лидеров: это агитаторы, администраторы и теоретики. Агитаторы стремятся к власти, используя свое красноречие или способности письменного обращения к большим аудиториям; администраторы мастерски координируют политические действия, а теоретики дают идеологические обоснования и оправдания политических действий. Но возможны и «комбинированные» типы политиков, одинаково успешно проявляющих себя в каждой из сфер политической деятельности.

Психоаналитический подход в исследовании различных политических феноменов получил дальнейшее развитие в других произведениях Г.Д.Лассуэлла. Сейчас мало кто отрицает важность проведения психологических и психоаналитических исследований политического лидерства. Психоанализ вошел в арсенал широко распространенных методов исследования политических феноменов и играет немаловажную роль в изучении проблем личности в политике.

Т.Н.Самсонова

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1977 г.

Переиздание опубликованной в 1930 г. классической работы Гарольда Дуайта Лассуэлла «Психопатология и политика» является знаменательным событием интеллектуальной жизни*. Подобно многим другим значительным произведениям в области обществознания, подготовленным в 1920–1930-е гг.** в стенах Чикагского университета, эта работа намного опередила свое время. Сама жизнь в двух отношениях подводила к написанию «Психопатологии и политики». Во-первых, начиная с 1930 г., многие последующие годы были насыщены политическими событиями и явлениями, которые невозможно полноценно изучить, не следуя примеру Лассуэлла по использованию современной клинической психологии. Примеры варьируют от движения немецкого национал-социализма, который вряд ли проявился в то время, когда Лассуэлл писал свою работу, до вынужденной отставки в 1974 г. такой таинственной, подверженной эмоциям личности, как президент Ричард М. Никсон. Циркулировавшие в последний период пребывания Никсона у власти распространенные сравнения Белого дома с бункером Гитлера и проводившиеся параллели между саморазрушительной природой обоих лидеров и отсутствием контактов с реальной действительностью были полемическим упрощением. Но эти сравнения не были абсолютно беспочвенными. Во-вторых, как ученые, так и не слишком про-

* Читателям, знакомым только с изданием 1960 г. (Viking Press), не известно (кроме заключений из текстуальных ссылок на них), что в оригинале эта книга содержала библиографическое и методологическое приложения, которые включены в данное издание. Читатели, знакомые только с первой публикацией 1930 г. и с изданием 1950 г., найдут в этом варианте «Послесловие», написанное Лассуэллом для издания 1960 г.

** Для обсуждения вопроса о том, как политическая наука встраивается в более широкую модель новаторства в области обществознания, предпринятого в этот период в Чикагском университете, см. написанную Барри Д. Карлом биографию Чарльза Э. Мерриама – интеллектуального наставника Лассуэлла и многих других политологов Чикагского университета, которые работали на возглавляемом Мерриамом факультете: Charles E. Merriam and the Study of Politics (Chicago: University of Chicago Press, 1974).

фессионально подготовленные политические обозреватели все больше внимали призыву Лассуэлла к изучению и анализу общественного значения «внутреннего» мира политических деятелей.

Чтобы стать классикой, книга не только должна быть новаторской в своей области, но и продолжать оказывать влияние. Уже само название «Психопатология и политика» привлекало внимание читателей и вызывало непосредственный отклик в восприятии, по крайней мере, некоторых элементов политического поведения, а именно, явлений, рассмотренных выше, которые кажутся непонятными, если принимать во внимание лишь окружающий их контекст и рассматривать политическую психологию как рациональное действие. Используя широко известную классификацию книг, предложенную сэром Фрэнсисом Бэконом, эта книга попадает в третий и высший разряд изданий «немногих, которые надо прожевать и переварить». Даже тех читателей, которые обычно рассматривают книгу как нечто, что следует просто «попробовать» или быстро проглотить, также вдохновят яркая манера изложения и многочисленные смелые, убедительные размышления Лассуэлла о политике и психике. Например:

«Политическая наука без биографии есть форма набивания чучел.

Политический человек переносит личные мотивы ... на общественные объекты, рационализируя первые с точки зрения общественного интереса.

Политические движения черпают свою жизнеспособность за счет перемещения частных эмоций на общественные объекты.

Политические кризисы осложняются сопутствующим им усилением первозданных порывов.

Политические символы призваны, прежде всего, выполнять роль мишеней для перемещенных эмоций в силу неопределенности их использования, в соответствии с индивидуальным опытом и в силу их широкого распространения.

Политические методы принуждения, увещевания и обсуждения предполагают, что роль политики заключается в разрешении конфликтов, когда они происходят. Идеал превентивной политики состоит в преодолении конфликта путем ... снижения уровня напряженности в обществе с помощью эффективных методов, к которым, в первую очередь, относится обсуждение».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1977 г.

Переиздание опубликованной в 1930 г. классической работы Гарольда Дуайта Лассуэлла «Психопатология и политика» является знаменательным событием интеллектуальной жизни*. Подобно многим другим значительным произведениям в области обществензнания, подготовленным в 1920–1930-е гг.** в стенах Чикагского университета, эта работа намного опередила свое время. Сама жизнь в двух отношениях подводила к написанию «Психопатологии и политики». Во-первых, начиная с 1930 г., многие последующие годы были насыщены политическими событиями и явлениями, которые невозможно полноценно изучить, не следуя примеру Лассуэлла по использованию современной клинической психологии. Примеры варьируют от движения немецкого национал-социализма, который вряд ли проявился в то время, когда Лассуэлл писал свою работу, до вынужденной отставки в 1974 г. такой таинственной, подверженной эмоциям личности, как президент Ричард М.Никсон. Циркулировавшие в последний период пребывания Никсона у власти распространенные сравнения Белого дома с бункером Гитлера и проводившиеся параллели между саморазрушительной природой обоих лидеров и отсутствием контактов с реальной действительностью были полемическим упрощением. Но эти сравнения не были абсолютно беспочвенными. Во-вторых, как ученые, так и не слишком про-

* Читателям, знакомым только с изданием 1960 г. (Viking Press), не известно (кроме заключений из текстуальных ссылок на них), что в оригинале эта книга содержала библиографическое и методологическое приложения, которые включены в данное издание. Читатели, знакомые только с первой публикацией 1930 г. и с изданием 1950 г., найдут в этом варианте «Послесловие», написанное Лассуэллом для издания 1960 г.

** Для обсуждения вопроса о том, как политическая наука встраивается в более широкую модель новаторства в области обществензнания, предпринятого в этот период в Чикагском университете, см. написанную Барри Д. Карлом биографию Чарльза Э.Мерриама – интеллектуального наставника Лассуэлла и многих других политологов Чикагского университета, которые работали на возглавляемом Мерриамом факультете: Charles E. Merriam and the Study of Politics (Chicago: University of Chicago Press, 1974).

фессионально подготовленные политические обозреватели все больше внимали призыву Лассуэлла к изучению и анализу общественного значения «внутреннего» мира политических деятелей.

Чтобы стать классикой, книга не только должна быть новаторской в своей области, но и продолжать оказывать влияние. Уже само название «Психопатология и политика» привлекало внимание читателей и вызывало непосредственный отклик в восприятии, по крайней мере, некоторых элементов политического поведения, а именно, явлений, рассмотренных выше, которые кажутся непонятными, если принимать во внимание лишь окружающий их контекст и рассматривать политическую психологию как рациональное действие. Используя широко известную классификацию книг, предложенную сэром Фрэнсисом Бэконом, эта книга попадает в третий и высший разряд изданий «немногих, которые надо прожевать и переварить». Даже тех читателей, которые обычно рассматривают книгу как нечто, что следует просто «попробовать» или быстро проглотить, также вдохновят яркая манера изложения и многочисленные смелые, убедительные размышления Лассуэлла о политике и психике. Например:

«Политическая наука без биографии есть форма набивания чучел.

Политический человек переносит личные мотивы ... на общественные объекты, рационализируя первые с точки зрения общественного интереса.

Политические движения черпают свою жизнеспособность за счет перемещения частных эмоций на общественные объекты.

Политические кризисы осложняются сопутствующим им усилением первозданных порывов.

Политические символы призваны, прежде всего, выполнять роль мишеней для перемещенных эмоций в силу неопределенности их использования, в соответствии с индивидуальным опытом и в силу их широкого распространения.

Политические методы принуждения, увещевания и обсуждения предполагают, что роль политики заключается в разрешении конфликтов, когда они происходят. Идеал превентивной политики состоит в преодолении конфликта путем ... снижения уровня напряженности в обществе с помощью эффективных методов, к которым, в первую очередь, относится обсуждение».

Безусловно, набор привлекательных цитат автоматически не придает книге непреходящую ценность. Но если следовать бэконовской идее медленного усвоения, то вся значимость этой книги как целостного, глубоко проникающего, оригинального исследования становится особенно очевидной. Такому прочтению «Психопатологии и политики» будет очень способствовать понимание основных характеристик, которые Лассуэлл ввел в оборот в довольно прерывистой манере – так, что торопливый читатель может пропустить их, сконцентрировавшись вместо них на том, что может быть всего лишь пророческим утверждением или схематическим исследованием клинического случая, которое опирается на психосексуальные начала политической ориентации и поведения. Читатель обнаружит, что, несмотря на свое название, книга, в действительности, лишь отчасти посвящена поведению «душевно неуравновешенных людей». В силу причин, о которых я кратко скажу ниже, клинические материалы скорее изложены как с целью ознакомить читателя с психодинамической концепцией личности, так и обеспечить его поучительным, но иллюстративным объектом возможного исследовательского изучения. Очень важно также понять, что в основе этой книги – гипотетическое аналитическое изложение, умышленно доведенное до крайностей. В последних главах Лассуэлл откровенно признается: эмпирическое зерно формулировок и иллюстративные примеры, данные в предыдущих главах, незначительны, однако и концептуальные средства, и исследовательские процедуры движения от гипотезы к надежному эмпирическому знанию доступны. В этом заключается суть предупреждения Лассуэлла, содержащегося в последнем параграфе его введения. «Первая часть книги излагается в довольно догматической манере», которая «призвана затемнить в высшей степени неудовлетворительную природу» клинической психологии того времени. «Последние главы (XI и XII) посвящены критическому и конструктивному обсуждению этих вопросов и призваны в полной мере раскрыть временный, хотя, по сути, и важный характер всего исследования».

Указывая на подразделы книги, Лассуэлл предлагает более подробное вычленение основных проблем в последнем параграфе главы I. Первые три главы, так же, как части главы V, «представ-

ляют собой изложение психопатологических положений в историческом развитии». В главе IV Лассуэлл рассматривает «существующий критерий» выделения «политических типов». Первая часть этого исследования позволяет провести существенное различие между общепринятым и специальным пониманием термина *politics*, которое Лассуэлл постоянно использует в своих работах. Это определение ускользает от некоторых его читателей, приводя к последующей путанице относительно таких распространенных, употребляемых Лассуэллом терминов, как *politics* и *political man*. На заключительных страницах главы V Лассуэлл резюмирует свои замечания относительно психологической типологии. В соответствии с разработанной классификацией Лассуэлл предлагает «избранный материал по жизнеописанию» (главы с VI по IX), обсуждает «значение исследования личности для общей политической теории» (глава X и части главы XIII) и «критикует существующие методы исследования» (упомянутые выше «недогматические» главы XI и XII).

Проследившая главу за главой, наряду с некоторым обращением к последующим работам Лассуэлла, а также к работам тех, кто опирался на разграничения и утверждения, сделанные Лассуэллом в 1930 г., разрешите мне кратко охарактеризовать некоторые аналитические использования, переходы и взаимосвязи, которые отличают эту книгу и показывают, почему она остается важным ориентиром в исследовании личности и политики.

В главах I и II Лассуэлл объясняет, почему первый термин в названии его книги не ограничивается его обращением к психопатологическим политическим участникам, а скорее означает методологию исследования как нормального, так и аномального использования того, что можно назвать анализом крайнего случая. Он доказывает, что примеры симптоматологии, которые ведут к психиатрическому лечению, включают в себя проявления в явно преувеличенных и, следовательно, более отчетливо наблюдаемых формах тенденций развития личности, которые широко распространены среди здорового населения. Симптомы самозащиты личности и структуры характера нормальных людей приглушены и потому не столь явные по сравнению с резко очерченными психологическими портретами, созданными с помощью «клинической

карикатуры» явной патологии. Каждый может использовать данные контрольной группы «нормальных» людей, которые были вовлечены в политику и подвергались психотерапии с дидактической целью в соответствии с их собственной профессиональной подготовкой или из познавательного интереса, распространяя таким образом свои выводы на все население.

Лассуэлл также утверждает, что психиатрические архивы представляют собой доступные богатейшие современные источники всеохватывающих историй жизни и психодинамических данных людей. Эти записи содержат многочисленные наблюдения различных диагностиков, имевших доступ к клиническим материалам, а также другие наблюдения, связанные с поведением пациента до и в ходе лечения. Более того, психиатрические архивы содержат в высшей степени личные данные, относящиеся к психологическому функционированию, что обычно находится вне поля зрения традиционных биографов. Кроме того, медицинская процедура предъявляет определенные требования к клиницисту – требования, которые делают его наблюдения и методы концептуализации особенно ценными для политолога. Клиницист должен рассматривать своего пациента в целостности, анализируя, каким образом соотносятся в функционирующих индивидуумах черты личности, которые академические психологи часто изучают изолированно. Клиницист должен постоянно принимать решения, основанные на предположениях, например, решения о госпитализации или выписке пациента или о том, какой вид терапии провести. Так, клинические методы, независимо от их методологического несовершенства, подходят, видимо, для дисциплины, представители которой пытаются объяснить и предсказать поведение людей в реальных ситуациях, а именно, в различных сферах политики.

Главы II и III содержат упрощенные выводы из работ Фрейда и других клиницистов, чьи интересы простирались в других направлениях, в отличие от Фрейда. Хотя Лассуэлл часто отмечает, что не верит глубоко в какую-либо теорию личности, он в то же время подчеркивает две новации Фрейда – определенные ключевые аспекты психоаналитической теории умственной деятельности и вид психоаналитической клинической процедуры, которые, по

его мнению, являются фундаментальными новациями в исследовании человечества.

Интересующие Лассуэлла аспекты умственной деятельности, рассматриваемые психоанализом, основаны на утверждении, что существенная, хотя и изменчивая, часть воспоминаний человека обременена (обычно в начале жизни) не воспринимаемыми чувствами побочными значениями. Поэтому эти значения, чувства и импульсы оторваны от сознательного восприятия за счет психодинамической энергии, подобно тому, как мускул под влиянием сильного напряжения испытывает спазм и сильно сжимается с целью самосохранения. Но подобно тому, как мускульные спазмы имеют побочные эффекты, такие, как боль или физические дисфункции, то же происходит и с подавлением чувств. Подавленные мысли, оставаясь неосознанными, поглощают физическую энергию. Поскольку они подавляются, неосознанные импульсы продолжают сохранять свою динамическую нагрузку и ищут выход. Отвергая непосредственное выражение, они получают косвенное выражение в широком спектре явлений, включая клинические симптомы, ошибочные действия (такие, как обмолвки и случайности), мечты и, что особенно важно с точки зрения политического анализа, рационализации. Рационализации являются осознанными мотивами поведения людей, которые неведомы им (помимо кратких мгновений или после психотерапии либо других сознательно осуществляемых действий), что является скорее выходом неосознанных потребностей, чем результатом мотивов, осознанно воспринимаемых человеком. Лассуэлл иллюстрирует рационализацию и предваряет обсуждение свободной ассоциации как противоядие от рационализации, иллюстрируя это (с. 20) на примере исследовавшегося субъекта, который, подчиняясь гипнотическому указанию, придумывает ложную причину (обоснование) действия, которое он только что совершил, а затем постепенно осознает, что у этого действия совершенно другие, неосознанные причины.

Когда «возвращение подавляемой» мысли происходит успешно в результате психотерапии, а не в результате одного из многочисленных, замаскированных выходов, описанных ранее, обычно это является результатом клинической процедуры, которую Лассуэлл рассматривает как вторую важную новацию Фрейда, а

именно, метод свободных ассоциаций. Лассуэлл считает этот опыт настолько важным, что призывает к его глубокому изучению, особенно людьми, находящимися на ответственных постах и способными свести на нет распространение иррационального «осуществления» социального и политического поведения.

Психоаналитики продолжают полагаться на одобряющих их пациентов, чтобы научиться использовать свободные ассоциации – процедуру непосредственного движения от мысли к мысли, одновременно описывая словами ход мыслительного процесса, независимо от того, насколько маловероятен порядок возникающих ассоциаций. С помощью свободной ассоциации пациент может исследовать предсознательную пограничную линию между осознанными мотивациями и подавленной, неосознанной одержимостью, постепенно восстанавливая исходные подавленные воспоминания и достигая катарсиса, вырываясь из плена своего психологического прошлого*.

Психодинамический подход и процедура свободной ассоциации являются основными компонентами вклада Фрейда, на которые Лассуэлл опирается в своем исследовании личности и политики. В написанном в 1960 г. «Послесловии» он разъяснял, что в 1930 г. знал не только о различных взглядах психоаналитиков того времени, но и о новациях (подобно психологии личности), которые только намечались. Его цель заключалась в том, чтобы привлечь внимание читателей к *подходу*, а не провозглашать догму. Действительно, в главе V, где Лассуэлл суммирует несогласие Юнга и Адлера с Фрейдом, он рассматривает разногласия не как ересь, а как конструктивное дополнение к существующей ортодоксальной психоаналитической теории и в равной степени как необходимость

* Академические психологи скептически относятся к психоаналитической теории и терапии, но литература, посвященная как компонентам психоанализа, так и эмпирической проверке, постепенно увеличивается. С того времени, когда писал Лассуэлл, больше внимания в современном психоанализе уделялось медленному усвоению, или адаптации к устоявшимся структурам, чем вспышкам озарения, вызванным свободной ассоциацией как прямым, непосредственным источником ослабления симптома.

систематического эмпирического исследования, к которому он призывает в главах XI и XII.

Как я уже говорил, глава IV «Критерии политических типов» представляет особую важность для читателя, который жаждет полностью понять эту книгу. Она четко разделена на две части: обсуждение критериев идентификации явлений, которые можно назвать *политическими*, и обсуждение критериев создания психологических типологий. После внимательного изучения первой части станет ясно, почему так много критиков Лассуэлла не воспринимают некоторые его высказывания о природе политической мотивации и политических процессов в целом. Лассуэлл вводит (с. 42–45) «функциональное» определение термина «политическое», отличая его от «институционального» (или, как он писал в некоторых своих поздних работах, «общепринятого») определения. Каждое определение создает свой критерий определения политиков. Так как определение Лассуэлла функционально, а обычно используется институциональное определение, население, к которому обращается Лассуэлл, говоря о «политическом человеке», несравнимо, по крайней мере, с группой делегатов на Американский съезд по выдвижению президента, часть которых, несомненно, принадлежит к описанным Лассуэллом политическим типам, а часть — нет*.

Лассуэлловское определение *функциональной политики и политиков* не только исключает многих людей, которых в повседневной жизни можно отнести к политическим или правительст-

* В поздних работах, таких, как «Власть и личность» (New York: W.W.Norton & Co., 1948), Лассуэлл утверждал, что «низкая самооценка» является возможной причиной потребности во власти. Попытка Поля Снидермана, предпринятая в его ценном исследовании «Личность и демократическая политика» (Berkeley: University of California Press, 1975), проверить гипотезу Лассуэлла, используя группу делегатов на партийный съезд США в 1956 г., является иллюстрацией, не подходящей для сравнения группы, упомянутой в тексте. Снидерману известно специализированное значение Лассуэлла, но он утверждает, что в лассуэлловской формулировке косвенно высказана гипотеза, что институциональные политики *склонны* к низкой самооценке. Я не нашел в работах Лассуэлла ничего для подкрепления точки зрения Снидермана.

венным акторам, но которые в действительности выполняют механические задачи или вовлечены в деятельность, которая носит возрастающий рядовой или статусный характер. Его определение *включает* также некоторых людей, которых можно иначе охарактеризовать «институционально» из-за их сообщества – это, например, банкиры, юристы или священники. Специальный критерий определения действующих в обществе политиков (политических людей) и их подтипов, временно введенный Лассуэллом в «Психопатологии и политике», – участие в защите и расширении «взаимных действий» и в «урегулировании конфликтов». В своих более поздних работах Лассуэлл подчеркивает использование власти в смысле ответственности или осознания ответственности за принятие таких социальных решений, которые осуществляются с помощью санкций.

Результатом этой кажущейся семантической нечеткости становится аналитическая четкость. Особенно четко научная цель использования такого определения изложена Лассуэллом в первой главе его книги «Власть и личность» (1948). Политики, определяемые как функциональные, могут обладать определенными общими психологическими свойствами, хотя это и надо установить эмпирически. Множество искателей места, временно находящихся на постах, и обладателей синекуры, т. е. те, кого называют политиками в силу их институционального положения, олицетворяют набор социальных ролей, весьма различных для того, чтобы ожидать, что они обладают психологическими свойствами, отличающими их от других групп населения **.

* Во многих своих работах Лассуэлл последовательно определял политику функционально, за исключением, когда он четко указывает, что использует институциональное определение. Это относится как к содержанию всей его политической теории, так и к его формулировкам «личность и политика». Для более полного ознакомления с библиографией Лассуэлла конца 60-х гг. см. сборник статей, посвященных его творчеству, под ред. Арнольда А. Порой: *Politics, Personality, and Social Science in the Twentieth Century: Essays in Honor of Harold D. Lasswell* (Chicago: University of Chicago Press, 1969). Р. 407–46.

** Спустя годы Браунинг и Джекоб эмпирически показали, что в то время, как институциональные политики не различались психологически в

На известных заключительных страницах главы V «Психопатологии и политики» Лассуэлл описывает родовой политический тип – политического человека, переносящего опыт личной жизни, ведущий к подавлению внутренних импульсов, которые затем смещаются на общественную сцену и рационализируются на основе его концепции общественного интереса. Часто цитировавшееся его определение этого процесса $p\}d\}r = P$ – буквы, означающие «private» («частное»), «displacement» («смещение»), «rationalisation» («рационализация») и «political man» («политический человек»), и скобки, означающие изменение. Этот пассаж лучше понять как продолжение второй части главы IV, где Лассуэлл излагает трехступенчатый процесс формирования типов. На первой ступени определяются «внутренние» выявленные характеристики (например, «политический человек» определяется в силу его стремления к обладанию властью). На второй ступени определя-

своей мотивации, функциональные политики *различались*. См.: *Rufus P. Browning and Herbert Jacob*, Power Motivation and the Political Personality // *Public Opinion Quarterly* 28 (1964). P. 75–90, и результат следующей работы Браунинга в: *Fred I. Greenstein*, Personality and Politics: Problems of Evidence, Inference, and Conceptualization, rev. ed. (New York: W.W. Norton & Co., 1975). P. 131–33. Для знакомства с другим эмпирическим исследованием, проведенным на основе «Психопатологии и политики», см. оригинальный свод наблюдений за пациентами психиатрической клиники: *Brent M. Rutherford*, Psychopathology, Decision-Making, and Political Involvement // *Journal of Conflict Resolution* 10 (1966). P. 387–407. Обе статьи перепечатаны с аналитическими введениями в: *Fred I. Greenstein and Michael Lerner*, eds., A Source Book for the Study of Personality and Politics (Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press, 1971). Дополнительная работа, нацеленная на эмпирическую проверку гипотезы Лассуэлла, включает: *Fred I. Greenstein*, Private Disorder and the Public Order: A Proposal for Collaboration between Psychoanalysts and Political Scientists // *Psychoanalytic Quarterly* 37 (1968). P. 261–81, переизданный в: *F. Greenstein and M. Lerner*, A Source Book and *Larry R. Baas and Steven R. Brown*, Generating Rules for Intensive Analysis: The Study of Transformations // *Psychiatry* 36 (1973). P. 172–83. Для изучения современного состояния дискуссии по типологизации, предложенной в «Психопатологии и политике», см.: *A. F. Davies*, Politics as Work (Melbourne: Melbourne Politics Monograph, 1973).

ются соотносимые с этой основной характеристикой человека понятия во взрослом его состоянии. Наконец, на третьей ступени изучается история жизни, начиная с детства и до зрелости, раскрываются обстоятельства, которые формируют психологический характер личности; они образуют «эволюционные очертения».

В этой части главы IV Лассуэлл выделяет также классы людей в рамках основной категории политического человека, т. е. агитаторов, которые стремятся к власти с помощью ораторского искусства или своих трудов, предназначенных для больших масс людей; администраторов, которые координируют политическую деятельность; и теоретиков, которые разрабатывают теоретические обоснования и оправдания политики. Люди могут олицетворять собой чистые варианты одного из типов или смесь типологических качеств; в каждом случае в каждом подтипе политического человека содержится внутренняя определяющая характеристика, и он открыт для исследования в типичных для него соотношениях («корреляционная» классификация Лассуэлла) и в предшествующей жизни (развивающийся краткий биографический очерк)¹.

В работе «Власть и личность» (1948) и в последующих трудах Лассуэлл выдвинул эволюционную и корреляционную гипотезы относительно определяющих детерминант последовательности $p \} d \} r = P$. Он утверждал, что политические люди являются обычными людьми, стремящимися к компенсации в силу подсознательного чувства ущемленного собственного достоинства, порожденного прошлым опытом, где награды и санкции перемешаны таким образом, что хотя человек и не утратил в результате этих санкций эмоциональность, он остался в состоянии неуверенности и проявляет ее в стремлении получить власть, что ведет его к оправданию своих властных устремлений, обосновывая их усилиями приумножить общественное благосостояние. В этой работе Лассуэлл пошел дальше в формулировке идеи, которая кратко изложена

¹ Для дальнейшего обсуждения классификации политических типов см. работу Лассуэлла «A Note on 'Types' of Political Personality: Nuclear, Co-Relational, Developmental» // *Journal of Social Issues* 24 (July, 1968). P. 81–91, переизданную с пояснительным введением в: *F.Greenstien and M.Lerner, A Source Book*.

в последних двух параграфах главы VIII «Психопатологии и политики»: концепция структуры характера, в котором потребности во власти подчинены полному спектру целей и в котором есть готовность поделиться властью, т. е. демократический характер.

В конкретных исследованиях личностей агитаторов, администраторов и теоретиков (случаи А, В, С, D etc.) в главах с V по IX «Психопатологии и политики», в действительности, не выявлено демократических характеров. И, по моему мнению, Лассуэлл никогда не проводил исследование или биографическое описание человека, которого он считал соответствующим этому понятию. Тем не менее, в поздних работах, прежде всего, в большом исследовании на эту тему он анализировал качества и гипотетические биографические очерки таких людей¹. Он, однако, замечал, что даже в группе институциональных политических лидеров, для которых власть представляет скорее внутреннюю, чем инструментальную ценность, вынужденное стремление к власти должно иметь весьма умеренную, а не чрезмерно высокую психическую ценность. Иначе может возникнуть тип человека, который просто не в состоянии участвовать в согласованных действиях, необходимых для достижения и сохранения высоких позиций, по крайней мере, в сложных индустриальных обществах*.

В главе X «Психопатологии и политики» обсуждение индивидуальной и типологической политической психологии доходит до широкого изложения обширной социополитической теории, содержащей как предписывающие, так и описательные компоненты.

¹ *Lasswell Harold D. The Democratic Character // The Political Writings of Harold D. Lasswell (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1951). P. 465–524.*

* *Lasswell Harold D. The Selective Effect of Personality on Political Participation, in Richard Christie and Maria Jahoda, eds., Studies in the Scope and Method of «The Authoritarian Personality» (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1954). P. 224.* В этом эссе Лассуэлл вновь поясняет, что ищет стечение обстоятельств, при котором демократические характеры возглавляют институционально определяемый политический процесс. Так, выражаясь в функциональных терминах, лидеры не могли бы оставаться политическими людьми. Как он формулирует (p.210) эту мысль, ссылаясь на стремление детей доминировать над своим окружением, «все люди рождаются политиками, и некоторые не выходят из этого состояния».

Данную Лассуэллом в главе X формулировку можно с успехом рассматривать как анализ применения к политическим системам ситуации, при которой значительная часть институциональных политических лидеров и их последователей склонна вытеснять неосознанный аффект и обосновывать вытесненный аффект на основе общественного интереса. При таком состоянии дел следует, что нормальные процессы политического обмена могут чаще перерастать в разрушительный конфликт, чем переходить в процессы разрешения конфликтов и целостного решения социальной проблемы.

Политическая арена – наиболее подходящее место для смещения личной психической травмы, поскольку и наблюдаемость публичного политического дискурса и конфликта, и символы, используемые в политическом конфликте, смутны и поэтому, подобно другим неопределенным стимулам, таким, как чернильные кляксы, используемые в проективных тестах, с успехом служат объектами, на которые смещается неосознанный аффект. Лассуэлл заключает, что в той же степени, в какой осуществляется такая психодинамическая политика рационализации, обычные процессы соперничества, связанные с демократическим дискурсом и конфликтом, могут, вероятно, вызвать результат, прямо противоположный ожидаемому. Для решения общих проблем больше необходимо не политика разрешения конфликта, а своего рода коллективная психотерапия путем всеохватывающего исследования условий жизни людей. Высококвалифицированные специалисты по управлению (policy scientists), чьи междисциплинарная подготовка и психоаналитическое самопознание дают им возможность скорее объяснять, а не рационализировать, необходимы в качестве советников, к которым могут обратиться граждане за советом в вопросах политики. С таким внутренним пониманием граждане смогут *преодолеть* конфликты, осознав их основные составляющие. Вполне очевидна была бы параллель между этим методом решения проблемы на политическом уровне общества и методикой свобод-

* Таким образом, постоянное подчеркивание Лассуэллом важности подхода «policy science» к политическому исследованию является предписывающим в той же мере, как и описывающим.

ных ассоциаций, используемой людьми для решения своих личных дилемм.

Видимо, по аналогии с платоновским философом-правителем Лассуэлл создает образ очень компетентного, междисциплинарного обществоведа-ученого – советника в вопросах политики. Но Лассуэлл явно предостерегает от технократии, управляемой такими социальными терапевтами. Он, скорее, предвидит такое же отношение на социальном уровне, как то, что происходит, в принципе, в психоаналитическом отношении между пациентом и терапевтом. Терапевт не доминирует над пациентом, но является орудием для достижения пациентом самовыражения.

В главах XI и XII, где Лассуэлл переходит от «догмы» к критическому и конструктивному обсуждению, он упоминает недоказанный и часто автоматически самоутверждающийся статус предположений, взятых из различных школ психодинамической психологии и психотерапии того времени. Далее он выдвигает исследовательскую процедуру проверки и классификации связанных изменений, происходящих в ходе психоаналитической терапии. (В «Приложении В» дается набросок интервью, который может быть использован в ходе такого исследования). В работах, опубликованных позднее, в 1930-х гг., Лассуэлл указывал на исследование, которое он провел, следуя этой схеме; графические данные были соотнесены с содержанием психиатрического интервью¹. Как он объясняет в сноске 19 в эссе «Размышления» («Afterthoughts») в 1960 г., он накопил массу таких данных, но записи были случайно уничтожены, а в последующие годы другие интересы и обязательства не позволяли ему вернуться к исследовательской попытке, рекомендованной в двух последних главах книги*.

¹ См., например: *Lasswell Harold D. Certain Prognostic Changes during Trial (Psychoanalytic) Interviews // Psychoanalytic Review. 23 (1936). P. 240–47.*

Среди других редких замечаний Лассуэлла о его карьере как исследователя личности и политики есть интервью с ним, опубликованное в октябре 1968 г. в «Psychology Today», где он ссылается на продолжающуюся деятельность в качестве не имеющего медицинского образования психоаналитика. («Я всегда анализировал одного или двух политиков на протяжении их профессиональной жизни»). См. также его интервью с политоло-

Заключительная глава «Государство как многообразие событий» содержит окончательную лассуэлловскую редакцию макро-теории, в которой формулируется эмпирическая теория и даются концептуальные пояснения, основанные на различных периодических проявлениях, касающихся соотношения индивидуального поведения и социального процесса. В виде заключения он излагает краткое резюме всей книги.

Вышесказанное предлагается как путеводитель, хотя и чересчур сконцентрированный, призванный подстегнуть читателей постичь суть теории Лассуэлла, носящей провоцирующий характер. Почему внимательное чтение этой книги и действия по ее применению важнее теперь, чем в 1930 г., сказано в последнем абзаце «Размышлений», написанных, когда уже пятнадцать лет существовала атомная эра. «По мере того, как усиливаются разногласия» между ценой «самообладания» человека и ценой его «обладания природой», само существование рода человеческого становится все более проблематичным. «Мы можем жить, убивать и умирать ... или мы можем жить и растить, и творить». Нет причины быть уверенным, что вторая альтернатива возобладает. Однако Лассуэлл своими идеями непоколебимо утверждал, что только путем глубокого социального знания, включающего в себя познание личности и политики, человечество может выжить, только так можно достичь «всемирного благосостояния человеческого достоинства».

Фред И. Гринстайн

ВВЕДЕНИЕ

Понимания политической жизни следует добиваться путем раздельного или интенсивного изучения коллективных процессов. В своей работе «Техника пропаганды в мировой войне»¹ я предпринял анализ факторов, смягчающих коллективные отношения, путем изучения символов, к которым склонны миллионы людей, не обращая внимания на порядок, в котором эти символы входят в жизнь какого-либо конкретного человека. В этом введении к «Психопатологии и политике» я также касаюсь факторов, которые влияют на коллективные отношения, но исследовательский метод принципиально иной. Речь уже не идет об изучении символов, которые воздействуют на множество людей, теперь исходным является длительное, тщательное изучение историй характерных личностей. Используются процедуры и данные психопатологии с тем, чтобы они были под рукой, поскольку являются наиболее разработанными и стимулирующими достижениями, полученными к настоящему времени для изучения личности.

Мне доставляет удовольствие еще раз чистосердечно выразить чувство благодарности моему бывшему учителю и нынешнему руководителю Чарльзу Э.Мерриаму из Чикагского университета, который еще раньше понял важность психопатологии для политической науки, и кто сумел поощрить мои «набеги» в этой области, разумеется, не считая себя обязанным подтверждать мои результаты ни в целом, ни в деталях. С его помощью удалось получить средства для определенной работы с профессором Мэйо из Гарвардского университета, чье осознание роли психопатологии для понимания социальной жизни приносит плоды в новых и важных исследованиях в специальности. Стипендия Исследовательского комитета по общественным наукам (1928–1929) позволила мне продолжить свои исследования за рубежом.

Условия сложились таким образом, что позволили мне вступать в контакты, иногда скоротечные, а иногда длительные, с

¹ *Lasswell G.D. Propaganda Technique in the World War. New York, 1927.*

людьми, которые представляли разные точки зрения в психопатологии. Многие из них благожелательно поделились со мной своими размышлениями и методами, и сейчас я благодарю за щедрость и терпение, с которыми они обращались с пытливым, но в некоторой степени неискушенным исследователем. Никто, знающий очертания границ в современной психологии, глубоко разделенные окопами и следами от снарядов соревнующихся школ, не может представить, что все люди, которых я должен называть, не расходятся во взглядах, или что они спокойно отнесутся к результатам моих исследований. Называя их имена, я надеюсь тем самым не слишком их «раскрыть».

В список тех, чью помощь я получил, следует включить следующих: д-р Уильям Хили, Judge Baker Foundation, Бостон; д-р Уильям А. Уайт, руководитель больницы Св. Елизаветы, Вашингтон, округ Колумбия; д-р Росс Чепмэн, руководитель больницы Шеппарда и Еноха Пратта, Таусон, Мэрилэнд; д-р Эл Д. Бонд, руководитель Пенсильванской государственной больницы, Филадельфия; д-р Мортимер Рейнор, руководитель Блумингдейлской больницы, Уайт Плейнс, Нью-Йорк; д-р С. Макфай Кемпбелл, руководитель Бостонской психиатрической больницы, Бостон; д-р Гарри Стэк Салливэн, ранее больница Шеппарда и Еноха Пратта; д-р Н. Д. С. Левис, больница Св. Елизаветы; д-р Сэмюэл В. Хэмилтон, Блумингдейлская больница; д-р Грегори Зилбург, Блумингдейлская больница; д-р Ф. Л. Уэллс, Бостонская психиатрическая больница; д-р Эдуард Хиршманн, Вена; д-р Пауль Федерн, Вена; д-р Альфред Адлер, Вена; д-р Вильгельм Штекель, Вена; д-р Ш. Ференци, Будапешт; д-р Теодор Рейк, Берлин; д-р Франц Александер, Берлин (в настоящее время – Чикагский университет). Мои коллеги, д-р Стюард Б. Сниффен и профессор Леонард Д. Уайт сделали в процессе редактирования рукописи ценные замечания, часть которых я принял.

Разрешение свободно цитировать свои предыдущие публикации было получено от редакторов изданий: «American Political Science Review», «American Journal of Psychiatry», «Journal of Abnormal and Social Psychology», «International Journal of Ethics», а также от издательства Чикагского университета и Чикагской Ассоциации исследования ребенка и образования родителей.

Я хотел бы выразить особую благодарность тем, кто не был назван по имени, но чье сотрудничество, заключающееся в предложении себя для продолжительного изучения, принесло максимально возможную пользу.

Следовало бы подчеркнуть, что приводившиеся в действительности случаи – только часть того материала, который я проанализировал или который был в моем распоряжении. Использовалось столько историй, сколько было необходимо для цели изложения и для создания основы теоретического материала. Предпринимались шаги по преодолению неясности, порожденной чрезмерным использованием «историй маленького Уилли», за счет сокращения их числа и продолжительности.

Первая часть книги выполнена в довольно дидактической манере, и это, без сомнения, вело к прикрытию в высшей степени неудовлетворительного характера материалов и методов современной психопатологии. Последующие главы посвящены критическому и конструктивному обсуждению этих материалов и в полной мере выявляют весьма предварительный и все же потенциально важный характер всего исследования.

Г.Д.Лассуэлл

Глава I

ИСТОРИИ ЖИЗНИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Политическая биография в качестве объекта исследования политической науки издавна призвана была заметно уменьшить то чрезмерное внимание, которое уделялось изучению институциональных «механизмов», «структур» и «систем». Правовое и традиционное положение палаты общин, палаты лордов, монарха и электората, описанное в комментариях Гнейста и Дайси, неожиданно обретает новое значение, когда рассматривается через призму работ Морли о Глэдстоуне, Стрэчи о Виктории или Ли об Эдуарде VII. Немецкая имперская система выглядит более полнокровной и не столь туманной после ознакомления с жизнью Бисмарка или Вильгельма II. Институциональное изучение конституционного развития Соединенных Штатов без исследования жизни Маршалла и Линкольна было бы лишь частью насыщенной, быющей ключом жизни. Политическая наука без биографии – это своего рода «набивка чуел».

Когда бурная общественная жизнь проявляется в прецедентах и закрепляется в принципах, возникающие в результате этого абстракции обретают странную судьбу. Они группируются и перегруппировываются до тех пор, пока возникшая в итоге мозаика не составит логическое и эстетическое целое, которое долго не имеет какого-либо прямого отношения к исходной реальности. Существует постоянная опасность утраты связи между понятиями и определенными событиями. Такие понятия, как «свобода» и «власть», после заманчивого, но непродолжительного абстрагирования нуждаются в уточнении их смыслового значения. Если концепции призваны приносить пользу и не довлеть над сознанием, условия их применения должны периодически подвергаться самому строгому исследованию.

Использование «институциональных» категорий в описании политической жизни необходимо, но использующие их авторы мало что могут сказать относительно влияния «личностей», которые изменяют ожидаемое поведение «законодателей», «исполнителей» и «судейских». Не новость, что «лидерство» – это важная переменная для предсказания хода событий, однако в научных

трудах о политике обычно почти ничего не сказано о чертах различных типов агитаторов и организаторов и ничего не говорится о практическом опыте, порождающем эти различия.

Этот недостаток присущ трудам по теории государства и по вопросам политики, написанным английскими учеными Сиджвиком и Ласки, американскими учеными, подобно Гарнеру и У.У.Уиллоуби, и европейскими авторами, такими, как Йеллинек, Шмидт, Кьелен и Келсен. Без сомнения, эти люди обладают или обладали живым восприятием политической реальности. О Сиджвике известно, что он был прекрасным знатоком, часами развлекающих едкими комментариями и рассказывая забавные анекдоты об общественных деятелях. Но такое «человеческое измерение» политики трудно обнаружить в написанных им работах. Политическая биография используется в основном для того, чтобы передать ощущение непредсказуемости в человеческих действиях и украсить послеобеденную беседу. В лучшем случае, политическая биография помогала понять факторы, которые отличают одну личность от другой. Но вовсе не секрет, что в литературной биографии или автобиографии опущено или искажено многое из личной жизни человека, в том числе множество факторов, которые современные исследователи считают важными.

Где же можно сохранить собрание историй жизни, в которых обычные условности игнорируются и которые рассматриваются специалистами в плане социологического, психологического и соматического влияния на личность? В современном обществе существуют огромные пласты такого материала, которые до настоящего времени не привлекали особого внимания ученых-обществоведов. Я имею в виду истории больных людей, и особенно тех, кто лечился в больницах и санаториях¹.

Самое богатое собрание психологических и социологических данных обнаруживается в картотеках учреждений по уходу за людьми с душевными расстройствами, хотя ценен также и материал, полученный из больниц общего профиля. История болез-

¹ См.: *Lasswell Harold D. The Study of the Ill as a Method of Research on Political Personalities // American Political Science Review. November. 1929.*

ни пациента из хорошей психиатрической больницы – документ, в котором изложено немало. Это отчет о физическом состоянии пациента, который составляется во время стандартного обследования при его поступлении в учреждение. Отчет может быть дополнен расшифровками стенограммы предыдущих и последующих исследований. Здесь можно также найти оценки, полученные пациентом в тестах по изучению его общего интеллектуального уровня и особых способностей. Далее, это отчет по материалам предварительного интервью и диагноз психиатра. Сюда добавляется сводка заседаний медперсонала, на которых присутствовал пациент и которые посещаются всем коллективом врачей и психиатрических социальных работников, прикрепленных к больнице. Обычный распорядок для врача и социального работника состоит в том, чтобы изложить суть заболевания, представить пациента для обследования и после того, как он будет препровожден в палату, провести общее обсуждение диагноза и лечения. Может быть организовано несколько обсуждений состояния пациента, чтобы выяснить, находится ли он в состоянии, допускающем его выписку, досрочную выписку или перевод. Во время его пребывания в учреждении медсестры, как и совершающие обходы врачи, ведут записи наблюдений за поведением пациента. Отдел социальной службы вступает в контакт с родственниками и друзьями и составляет биографию пациента. Иногда пациент сам пишет автобиографию, которая подшивается к общей записи. Переписка с людьми, которые сами проявляют интерес к лицу, находящемуся под наблюдением, позволит выявить ценные детали. Нередко среди представленных материалов есть письма, написанные пациентом до, в течение болезни и после нее, а также его публикации, рисунки, картины и скульптуры. Возможны случаи, когда карточка какого-либо пациента, который был принят в клинику, выписан или переведен, становится весьма объемной.

Благодаря более глубокому пониманию важности трактовки личности как функционального целого современные медики стремятся собрать данные о ее поведении в семье, бизнесе и в неформальных отношениях. Такие факты часто полезны врачу при постановке диагноза и для принятия решения, как работать с

пациентом. Современное признание роли фантазий в разработке индивидуальных особенностей и интересов привело к включению данных о сновидениях, дневных фантазиях, амбициях, обидах, предпочтениях человека. Нередко воспроизведенное пациентом фиксируется с его собственных слов стенографисткой, присутствующей вместе с врачами на некоторых интервью. Все эти психологические и социологические данные повышают значение записи истории для того, кто изучает ее с целью уяснения всей истории эволюции личности.

Есть истории болезни людей без умственных расстройств, по той или иной причине проходивших обследование. Во время последней войны¹ не только немецкое правительство прибегало порой к превентивным средствам предотвращения внутренних разногласий, отправляя пацифистов в психиатрические больницы. Полученные при подобных обстоятельствах записи часто касаются мужчин и женщин без патологий и служат для контроля выводов, опирающихся на изучение патологических случаев.

Довольно часто в записи больного его специфические патологические особенности изложены очень скудно. Так, один видный политический деятель, мэр большого города, который страдал алкогольным психозом и белой горячкой, был помещен в психиатрическую больницу². Он был «ненормальным» (используя ненаучный термин), лишь когда находился в состоянии острого алкогольного опьянения, и вскоре был отпущен. Но запись о нарушениях сознания (от его спутанности до бреда) свидетельствует о более глубокой мотивации его политической карьеры, чем множество страниц стандартной биографии. Галлюцинации и иллюзии, которые он испытал, не совсем типичны для его болезни. Так как он больше не мог сдерживаться, то раскрылся внутренний мир его фантазий и выявилась структура личности. Другой политик не проявлял никаких аномалий, кроме склонности к коллекционированию каблучков от женских туфель, которые он считал сексуально стимулирующими. Он пришел к врачу-психологу, желая освободиться от своего

¹ Речь идет о Первой мировой войне. – *Прим. пер.*

² «Психоз» – это более серьезное душевное расстройство по сравнению с «неврозом».

фетишистского извращения, и по ходу лечения удалось подготовить документ, который помог выявить происхождение определенных политических интересов. С точки зрения политолога, наиболее ценные фрагменты его истории были весьма далеки от четко очерченных патологических признаков.

Ценность некоторых записей возрастает, поскольку кроме патологических проявлений у пациента, они содержат много информации, которая добровольно дается человеком, когда он опять приходит в себя. При некоторых формах умственных расстройств проявляются периодические чередования состояния отклонений и нормы, и во время «прояснения» пациент вполне способен дать автобиографические данные. Часто «ремиссии» в состоянии человека длятся в течение нескольких лет, хотя порой они могут быть кратковременными. Другая форма психической болезни характеризуется тем, что проблемы больного вращаются вокруг одной системы идей, и если она не затронута интервьюером, то позволяет обращаться с больным как с нормальным человеком. Из вышесказанного очевидно, что, вопреки распространенному мнению, истории, которые можно найти в учреждениях по уходу за больными, ни в коем случае не ограничиваются описанием лишь патологических субъектов или только патологических аспектов личности.

Некоторые истории жизни, которые собраны в этой монографии, взяты из психиатрических больниц. Другие получены за пределами психиатрических заведений от добровольцев, не имевших никакой серьезной психической патологии. Это сделано с целью осознания того, что наши знания о человеческой природе в политике пополнятся, если «нормальных» людей изучать столь же тщательно, как это нередко делается по отношению к ненормальным.

Таким образом, книга охватывает «больных» и «здоровых» людей. По сути дела, материал напечатан впервые. Нет никаких ретроспективных интерпретаций исторических персонажей. Основная связующая идея исследования заключается в том, что оно посвящено интересным с политической точки зрения людям, которые при жизни изучались специалистами, находившимися с ними в тесном контакте.

Цель данной работы состоит не в том, чтобы доказать, что политические деятели «ненормальны». Наша задача – не составление каталога признаков за счет основных типов личности. Мы не заканчиваем тем, что признаем, что современный Руссо страдает паранойей; что у современного Наполеона частично атрофированы гениталии; что современные александры, цезари и блюхеры – алкоголики; что современного кальвина мучают экзема, мигрень и почечные камни; что современный бисмарк истеричен; что у современного линкольна проявляется депрессивная патология; что современный робеспьер представляет собой евнухоидный тип, или что современный марат страдает артритом, диабетом и экземой. Действительно, патологическое в специальном смысле слова вторично по сравнению с основной проблемой выявления развивающегося контура различных типов общественных характеров. «Психопатография» оправдана и полезна, однако фиксирование патологий – не наша цель¹.

Целью этой книги не является также и создание случайного собрания отдельных историй о соотношении между ранними опытами и специфическими политическими чертами и интересами. И не потому, что эта деятельность не была либеральной. Принятые нами схемы «политической мотивации» удивительным образом оказываются в стороне от многообразной реальности человеческой жизни, когда обнаруживается частная основа общественных действий. Джон Б., произвольно взятый в качестве примера, – занятой, напористый и добивающийся успеха продавец – тратит много времени и денег на заботу о слепых. Он отнимает время от своего бизнеса для работы в совете управляющих заведениями для слепых и проводит много финансовых кампаний в их интересах. Он поддержал перед законодательными комитетами, перед общественностью и на личном уровне меры, направленные на усовершенствование общественной или частной заботы об этих несчастных. Изучение ранних воспоминаний выявило, наконец, инцидент, который послужил источником особого вни-

¹ Лучшее обобщение такой литературы см. в работе: *Lange-Eichbaum Wilhelm*. Genie-Irrsinn und Ruhm. См. также работы Ирлэнда, Ломброзо, Мебиуса и Гоулда.

мания Джона Б. к слепым. Когда ему было три или четыре года, сестренка выколола глаз его любимому коту, причинив тем самым мальчику невыносимое страдание. Его забота о безопасности домашних животных стала первоначальным стимулом к работе по защите слепых, которая проявилась в зрелом возрасте. Вполне реально заполнить множество страниц отчетами о «критических опытах» такого же типа, и они гораздо важнее, чем обычно предполагается.

Если диагностические оценки и отдельные эпизоды не удовлетворяют, то что же нам нужно? Ответ может быть кратко сформулирован следующим образом: мы хотим выявить, какие связанные с развитием опыты являются важными для политических черт и интересов взрослых. Это означает, что мы хотим понять, что стоит за агитаторами, администраторами, теоретиками и другими типами, которые действуют в общественной жизни. Можно ли рассматривать развитие человеческой индивидуальности как функциональное целое и выделить поворотные пункты в развитии различных образцов политической жизни? Сможем ли мы выявить типичные субъективные истории типичных общественных характеров? Можем ли мы связать эту субъективную историю с материальными и культурными факторами, которые играли значительную роль в развитии?

Даже этот амбициозный проект не исчерпывает всю область такого исследования. Мы хотим понять, углубит ли каким-либо образом интенсивное исследование историй жизни наше понимание всего социального и политического порядка. История жизни готтентота или американца показывает конкретную действительность образов и настроений, как они шаг за шагом осваиваются теми, чья жизнь вплетается в ткань столь контрастных культур. Сведущий ученый-обществовед различает богатство образцов культуры, полное значение которых для человеческого опыта может быть раскрыто только путем сохранения субъективных историй тех, кто с ними сталкивается. В традициях одной культуры ребенка наказывают, подвергают побоям; в другой дети редко становятся объектом телесного наказания. Означает ли это, что дети в условиях первой культуры затаят жажду мести и будут приветствовать насилие в социальной жизни? В традициях одной

культуры родительский контроль над детьми от четырех до четырнадцати лет незначителен, в традициях другой строг и продолжителен. К каким различиям это приведет в изменяющемся восприятии мира последующих поколений? Те, кто находится в той же самой культуре, подвержены многим незначительным изменениям в социальной практике, и можно надеяться установить следствия этих различий для тех, кто им подвергается.

Эта книга согласуется с тенденцией, усилившейся в социальных науках. Социальные науки нацелены на интенсивное изучение понимания человеком самого себя. Это движение, которое несколько неточно названо словосочетанием «интерес к человеческой биографии», поскольку у термина «биография» множество несоответствующих литературных и исторических дополнительных оттенков значения. Собственная история человека – это не хронология всего, что он думал и делал, не импрессионистская интерпретация его опыта. История жизни – это естественная история, и как естественная история она связана с фактами, которые являются значимыми для развития. Естественная история земли – это не повторение каждого события, входящего в ряд других, а выборочная оценка основных изменений внутри ряда. Датированные события имеют значение, но не потому, что у них есть даты, а потому, что они означают фазы. Когда биография рассматривается как естественная история, цель состоит в том, чтобы выделить и отобрать важные вехи развития и идентифицировать их отличительные образцы.

Изучение историй жизни как естественных историй началось совсем недавно. Социальные науки только приступили к использованию этого подхода. Весьма примечательно, что Конт, занимаясь всю жизнь подготовкой своей великой системы, в итоге увидел, что вершина отсутствует, и вплоть до своей кончины отчаянно стремился ее создать. Планируемый им трактат должен был касаться развития и видоизменения личности («*La morale*»)¹. Этот труд никогда не был закончен. Есть что-то символичное для истории социальных наук в этой истории продолжительного изучения Контом институтов, в его запоздалом понимании возмож-

¹ «*La morale*» (франц.) – «Мораль». – *Прим. пер.*

ностей изучения личности, в его поспешном стремлении наверстать упущенное и в обрывочном характере достигнутых результатов. Социальные науки находятся в запоздало-поспешно-отрывочной фазе развития¹.

Идеи Конта не получили дальнейшего развития у французских социологов. Сравнительная морфология культуры стала всеобъемлющей, и это было связано с проявлением интереса к тому, что люди делали, и время от времени к тому, что они думали. Контом очень хорошо написаны только его ранние работы. Когда изучением умственных процессов первобытных людей стали заниматься Дюркгейм и его последователи, это «примитивное умственное развитие» было исследовано с целью раскрытия весьма абстрактных «форм» мышления, а не для выявления индивидуальной последовательности человеческого опыта в зависимости от различных социальных условий. Усилия, предпринятые для того, чтобы заполнить этот пробел, не опирались на широкий сбор эмпирических данных и не были подкреплены никаким критическим осмыслением методологии повышения их надежности. Самым многообещающим во Франции является сейчас синтетический подход к социальной психологии, который поддерживается Блонделем в Страсбурге.

В Германии ученые-обществоведы были так заняты *Streit um Marx*² и триумфом сравнительной исторической школы, что сравнительная морфология субъективных историй, если можно так выразиться, не была создана. Огромное влияние Канта в плане увеличения эпистемологических тонкостей привело к устойчивой склонности к высокой абстракции с учетом психологических феноменов. Большие успехи естественных наук казались основанными на жестком разделении и повторном разделении явлений, пока они не стали доступными для обработки и проверки. Соединение кантовской проницательности с научным атомизмом способно было породить крайности физиологической психологии и обскурантистского отвращения к подчинению свя-

¹ Этот материал прекрасно изложен де Гранже в его работе по методологии Конта: *Analysis 1, Methods in Social Science: A Case Book*.

² *Streit um Marx* (нем.) – спор о Марксе. – *Прим. пер.*

щенной таинственности личности из-за грубого пренебрежения точным исследованием. Как ни странно, современная эра изучения личности возникла как протест против доминирования лабораторных исследований и означала капитуляцию перед духом научной прямолинейности. Людей нужно было сравнивать и классифицировать. Инициатором выступил Дильтей, историк философии; но ни он, ни те, кто следовал за ним, не собрали и не опубликовали подлинных данных о личном субъективном опыте. Преувеличенное внимание группе в социологии лишь частично компенсировалось Зиммелем в теоретическом толковании индивидуальности, но, к сожалению, в его работе отсутствовал синтез категории и факта. Полевые этнологи пренебрегали сбором автобиографических данных, и только тонкая интуиция Веркандта обеспечила использование фрагментов для сравнения внутренней жизни первобытного и современного человека; эта задача была выполнена им гораздо тоньше, чем французскими учеными. После проведения социально-психологического анализа Лазарус и Стендаль подготовили обширные собрания фольклорных материалов, однако задача включения фольклора и народных обычаев в историю развития типичных представителей осталась невыполненной.

Великим новатором в сфере исследования субъективного был Фрейд. Его книга о сновидениях – одна из самых уникальных автобиографий в истории, его публикации задают тон для всех, кто хотел записать подлинные излияния необузданного человеческого ума. Наконец-то появился психолог, описавший все, на что способен человеческий разум, и посмотрел на это критически, стремясь выявить законы психической жизни. Он прорвался через непроходимые дебри условностей и подверг массив непонятных данных научному анализу. Он выдвинул теории, которые предполагалось проверять данными, и разработал специальную процедуру для их получения.

Научная работа с анонимными документами, историями личной жизни как источником для изучения культуры – отличительная особенность Уильяма Томаса. Вместе с Флорианом Знанецки он предпринял и довел до конца замечательное исследование «Польский крестьянин в Европе и Америке». Один том был

посвящен длинной автобиографии, в которую входили личные факты из жизни польского иммигранта в Соединенных Штатах. Работа Томаса оставила заметный след в американской социологии благодаря факультету Чикагского университета. Франц Боаз, глава американских этнологов, был крайне заинтересован в рассказах простых людей о себе, он собрал множество подобных документов и настаивал на их сборе. Пол Радин издал в 1916 г. историю жизни главы Виннебаго. Важность «собственной истории мальчика» была сразу признана Уильямом Хили в его изучении преступников, и оно было развернуто во всех направлениях.

Таким образом, подчеркивая значение изучения конкретного индивидуального опыта для политической науки, мы отражаем направленность интереса, который уже прочно утвердился в социальной науке. Наши поиски полных человеческих историй привели к использованию относительно нового источника материала – клинических записей историй болезней. Это позволило применить психопатологические методы при исследовании здоровых добровольцев в целях контроля над выводами, сделанными из установленных случаев. Это привело к детальному изучению методики глубинного интервью как метода изучения личности (особенно психоанализа) и к формулированию усовершенствованных методов исследования. Это привело к становлению функциональной теории государства, которая берет начало непосредственно из интенсивного исследования реальных историй жизни, и к осмыслению того, что могут означать политические формы, когда они рассматриваются через призму личного опыта.

Эти исследования предположительно не завершены. Документы страдают различными дефектами, которые были подробно оговорены в соответствующем месте. Число доступных документов ограничено. Осторожность потребовала бы отсрочить публикацию даже этих материалов. Но определенные положительные достижения перевешивали многие возражения против публикации. Публикация такого собрания материалов послужит ознакомлению профессионалов с разного рода фактами и интерпретациями в вопросах управления, которые распространены сейчас среди специалистов важных областей знания. Такое ознакомление необходимо, прежде всего, при работе с историями людей, потому

что некоторые материалы нестандартны и неизменно вызывают у неподготовленных читателей исходные эмоциональные трудности. Но наука не может ограничиваться стандартами. Некоторые факты неприятны, и они – не темы для вежливого разговора. Однако ученые-медики, которые привыкли работать с выделениями человеческого тела для диагностирования болезни, не скованы в своей работе ограничениями тривиальности и утонченности. И если политическая наука призвана в большей степени отражать действительность и быть таковой, то нужен порядок в объективном контакте с фактом каждого вида, который, очевидно, важен для понимания человеческих черт и интересов.

Ознакомление, в таком случае, является одной из функций этого блока исследований. Другая цель состоит в том, чтобы выдвинуть на основе доступных материалов предварительные гипотезы относительно взросления личности. Простое изложение этих гипотез относительно взросления агитаторов и администраторов углубит исследование. Возможно, те, кто имеет прямой доступ к лучшим историям, будут стремиться использовать их при проверке и пересмотре изложенных здесь рабочих концепций.

Общая схема изложения начинается с глав, которые представляют собой краткий набросок психопатологической точки зрения в ее историческом контексте и дают обзор существующего критерия политических типов. Затем следует избранный материал историй жизни. В заключительных главах обсуждается связь исследований личности с общей политической теорией и подвергаются критике существующие методы изучения.

Глава II ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Одно из постоянных препятствий на пути исследования личности заключается в трудности ее описания как целого в любой отдельно взятый период развития. Испытывая мириады трудностей при выполнении этой задачи, академическая психология долго уклонялась от ее решения и концентрировала внимание на малозначительном исследовании отдельных аспектов личности. Учебники по общей психологии полны старательно составленных отчетов о том, как отдельные явления из окружения человека («стимулы») изменяют реакции различных его органов. Что в этих пособиях обычно отсутствует, так это приемлемый набор концепций для классификации явлений, которые являются объектами исследования при изучении личности. Геология как наука немыслима без применения терминов, с тем чтобы различать плато, равнины, горы и континентальные образования, даже если все они обладают общими атрибутами «предмета». Но для геолога важно, как возникают и меняются различия и несходства. Многое в академической психологии, с ее поисками точности и престижа, заканчивается изучением поставленной проблемы и заменяется небольшой областью физиологии. Поступая таким образом, теряют какие бы то ни было критерии для проверки релевантности результатов определенных исследований с целью понимания личности, поскольку никаких ее основополагающих понятий нет.

Психопатолог всегда должен оценивать личность как целое, поскольку вынужден принимать важные решения относительно ее будущего как целого. Психиатр должен постоянно решать, могут ли Джон Б. и Мэри С., если выпустить их из-под постоянного наблюдения, совершить самоубийство или убийство, или же они могут стать полноценными членами общества. Таким образом, клиницист считает необходимым выявлять признаки, обладающие высокой предсказательной ценностью относительно основных социальных установок человека.

Психопатолог получил большое преимущество при наблюдении многих наклонностей личности, которые обычно подчи-

няются другим наклонностям, когда они выходят из-под контроля и достигают размеров Гаргантюа¹. Клиническое исследование способствует четкому установлению устойчивых тенденций, которые определяют функционирование индивидуума, и привлекает внимание к их существованию и проявлению. «Нормальность» означает сложную интеграцию многих тенденций, гибкую способность переходить от одного настроения, занятия и общественной деятельности к другому, как этого требует изменяющаяся действительность. Патологический разум, если воспользоваться не совсем удачной аналогией, подобен автомобилю с рычагом управления, застопоренным в одном положении; нормальный разум обладает мобильностью. Может возникнуть сомнительное предположение, что если обойти корпус больницы, где содержатся пациенты с более серьезными расстройствами, и собрать разрозненные компоненты разума, то можно будет создать по крайней мере один сверхразум. Здесь в одном углу – меланхолик, погруженный в отчаяние; в другом – маньяк, экспансивный и восторженный; где-то еще – человек, чье самолюбие достигло космических размеров, а в дальних палатах – человек, чей поврежденный разум находится в бессрочном покое. Каждый возможный нюанс озабоченности и настроения, с которым мы обычно сталкиваемся, играя незначительную роль в здоровом целом, стремится повлиять на деспотичное господство разума. В процессе клинического исследования обращают, насколько это возможно, внимание на компоненты здорового разума. Таким образом, каждая теория патологических проявлений должна теперь расширяться или ассимилироваться во всеобъемлющей оценке человеческой психологии.

Большой клинический материал раскрывает тесные взаимосвязи между телом и душой. Пациент, страдающий навязчивыми идеями, может получить облегчение, давая выход своей истерике; признаки истерии могут проявляться, лишь давая выход симптомам навязчивой идеи. «Чистые картины» – почти чистые теории. Пациент, страдающий от определенного органического повреж-

¹ Гаргантюа – герой-великан романа французского писателя Ф.Рабле (около 1494–1533) «Гаргантюа и Пантагрюэль». – *Прим. пер.*

дения, может осложнять свои проблемы «тревогой», а «тревога» может быть одним из факторов создания картины физической болезни. Есть свидетельство, что психологические факторы имеют немаловажное значение при таких болезнях, как общая простуда, астма, катар, сенная лихорадка, заболевания щитовидной железы, заболевания желчного пузыря, язва желудка, нерегулярные менструации и импотенция.

Клиника привнесла свежую струю в современную психологию. Психопатологический подход постепенно доказал свою значимость, так как все большее число опирающихся на него концепций находит свое место в словарях по психологии и социальной науке. Сама современная психопатология – развивающееся направление, и несомненно, ее наиболее революционной фигурой является Зигмунд Фрейд.

Захватывающий и воздействующий характер работ Фрейда служит достаточным основанием для того, чтобы уделить определенное внимание краткому изложению его точки зрения и новаторскому характеру методологии. Как будет показано далее, его метод гораздо в большей степени, чем обычно, применяется в исследовании реальных политических проблем и политической деятельности.

Когда Фрейд был студентом Венского университета, использование микроскопа при изучении структуры клеток явилось подлинным триумфом. Часто выявлялась связь множества проявившихся у людей симптомов с определенными спинномозговыми повреждениями, которые обнаруживались при аутопсии. Будущее, казалось, полностью находилось в руках тех, кто использовал скальпель и линзы. Еще до окончания университета Фрейд стал лаборантом у Брюкке, выдающегося физиолога; он также работал в лаборатории Мейнарта, замечательного психиатра того времени. Первая публикация Фрейда была результатом кропотливой лабораторной работы.

Пока господствовал материализм, психологические явления были сведены до уровня тривиальных вторичных патологических феноменов. Но в это же самое время во французской психиатрии под влиянием Шарко происходило возрождение психогенетизма. Шарко достиг известности в патологической анатомии, прежде

чем обратился в зрелом возрасте к изучению психических болезней. В 1883 г. он выявил возможность вызывать симптомы истерии посредством идей (вербальные стимулы). Он снова и снова подвергал пациентов гипнозу и вызывал сокращения мышц, сверхчувствительность и пониженную чувствительность вместе с сопутствующими симптомами истерии.

Покинув лаборатории в Вене, Фрейд переехал в Париж и стал работать с Шарко в Сальпетриерской клинике, где пробыл с осени 1886 до весны 1887 г. Здесь он ознакомился с распространенными идеями, что придавало конкретное содержание понятию «бессознательное» и его динамических последствий для человеческого поведения. Пьер Жане скрупулезно собирал наблюдения, опубликовав в 1889 г. материалы в работе под названием «L'automatisme psychologique»¹. Первые главы появились в «Revue philosophique» еще 1886 г. Его работа была представлена в Сорбонне на соискание степени доктора философии. В ходе последовавших за этим споров выяснилось, что сфера данного исследования ограничивалась повторяющимися и несвязанными явлениями. Слова и движения людей, находившихся в сомнамбулическом, каталептическом и других подобных состояниях, описывались наряду с изучением постгипнотического состояния, а также состояния полного или частичного восстановления памяти. Акцент делался на «ограничении сферы сознания» и «ослаблении сознания».

В Париже Фрейд пришел к мнению, которое породило конфликт с учеными-материалистами из Вены. Гипноз сам по себе рассматривался как изобретение шарлатанов. Вагнер-Яуреги выразил доминировавшую точку зрения, когда буквально за несколько лет до этого сказал, что «проблема гипноза в том, что Вы никогда не узнаете, кто двигает ногой другого человека». Фрейда встретили ироническими усмешками, когда он объявил в Медицинском обществе Вены, что в Париже была обнаружена мужская истерия. Так как термин «истерия», напомнил ему один педант, происходит от слова «hysteron», что в переводе означает

¹ «L'automatisme psychologique» (франц.) – «Психологический автоматизм». – *Прим. пер.*

«матка», то, следовательно, она просто не может наблюдаться у мужчин. Это было отголоском тех дней, когда предполагалось, что истерию вызывает блуждающая матка, и женщин переворачивали вниз головой, чтобы матка встала на место.

В 1881 и 1882 гг. Брейер лечил девушку, страдающую от истерии, и в споре с Фрейдом его интерес к этому случаю возобновился. Брейер вспомнил, что когда он работал с пациенткой, находившейся под гипнозом, она назвала эпизод, когда этот симптом впервые проявился, связывая его с каждым проявлением возбуждения и обнаруживая при пробуждении, что симптом исчез. Брейер и Фрейд начали изучать истерию с этой точки зрения и опубликовали свои результаты. Шарко доказывал, что идеи могут вызывать истерию; Брейер обнаружил, что выявление патогенных идей могло бы помочь ее излечению.

В 1889 г. Фрейд возвратился во Францию, в этот раз в другой центр исследования гипноза, в Нанси, где Льебо и Бергейм продельвали удивительные опыты. Фрейд смог узнать здесь то, что не сразу было осознано им в полной мере.

Подопытный был подвергнут гипнозу и получил «постгипнотическую установку» – после выхода из гипнотического состояния по определенному сигналу поднять зонтик. Затем подопытный был выведен из состояния гипноза, и когда предусмотренный сигнал был дан, послушно поднял зонтик, все еще находясь в комнате. Когда спросили, почему он поднял зонтик, *он сказал, что хотел узнать, его ли это зонтик или нет*. Таким образом он рационализировал (понятие, разработанное позднее) удовлетворение от импульса, который сам вначале не распознал. Стремясь объяснить его самому себе, он просто дал правдоподобную интерпретацию собственного поведения.

Значение этой цепочки событий чрезвычайно велико. Сразу возникает животрепещущий вопрос: До какой степени мы несведущи о собственных мотивах и просто привыкли давать правдоподобные объяснения о себе и самим себе? Но произошло гораздо более важное. Если подопытного снова и снова просили вспомнить, *почему он поднял зонтик, он рано или поздно вспоминал (к своему собственному удивлению), что ему дали команду сделать это*.

Все значение этого наблюдения не было осознано Фрейдом до конца. Он по-прежнему испытывал трудности с пациентами, которых стремился подвергнуть гипнозу. Иногда они не воспринимали его установки, даже если прежде многократно их принимали, серьезно препятствуя тем самым прогрессу в поиске травматического эпизода. Он постепенно отказался от гипноза, оставляя пациента в бодрствующем и расслабленном состоянии, и просил рассказывать о каждом возникающем при исследовании случае, который связан с ранним проявлением симптома. Техника гипноза применялась вплоть до 1895 г., когда он все еще прикладывал руку ко лбу пациента, стимулируя воспоминание.

Этот метод также породил трудности, заключавшиеся в нанесении вреда пациенту. Пациент мог иногда в течение нескольких часов лежать, не произнося ни слова, будучи полностью не способен вернуться к нужному воспоминанию. Столкнувшись с этим препятствием, Фрейд сделал упор на простом приеме и с того времени постоянно его использовал. Он инструктировал пациента говорить абсолютно обо всем, что возникает у него в голове, независимо от уместности, логики или банальности сказанного.

Фрейд обнаружил, что все метания пациента могли снабдить его сведениями об основных и непризнанных побуждениях больного. Он мог определить характер забытого эпизода, в котором побуждение получило данную форму проявления. Так, пациентка могла начать с рассказа, что видела на улице рыжеволосого человека, что она всегда презирала рыжих, за исключением, конечно, своего дорогого брата. День за днем явно беспорядочные упоминания могли стать подтверждением большого интереса пациентки ко всему, что напоминает о внешности и действиях ее брата, которые все мучительно бы отвергались. Но если пациентку спросить напрямую, она бы утверждала, что ее брат был прекрасным, честным человеком, гордостью своей семьи.

Исследователь, вслушиваясь в повороты беседы и отмечая ключевые пункты, вокруг которых они, очевидно, вращались, сможет обнаружить подводный камень под спокойной поверхностью потока – в нашем случае это непризнанное бремя ненависти к брату. Шаг за шагом будут всплывать истории реальной или воображаемой детской жестокости. Затем внезапно, в потоке слез и отчаянных

жестов, могла всплыть история о давно забытом случае – проявлении со стороны брата сексуальной агрессии. Получившая всестороннюю помощь пациентка смогла быстро преодолеть свою истеричность и вернуться к активному образу жизни.

Основанная на наблюдениях теория Фрейда носила первоначально умеренный характер, в ней использовались идеи Шарко, Бергейма и Брейера. Прежде всего, теория опиралась на результаты наблюдений за пациентами, которые подвергались гипнозу, а не на новую процедуру, которая позднее стала называться психоанализом. Весомым вкладом стали публикации Фрейда по теории психоневрозов, в которых он утверждал, что можно провести различие между группой неврозов беспокойства, зависящих от душевного конфликта, и действительных неврозов, вызванных не душевным конфликтом, а мастурбацией и прерванным сношением. В первом случае психическая энергия была преобразована в физические симптомы, а во втором случае, как предполагалось, физическая энергия преобразовывалась в физические симптомы. В ранних статьях Фрейда трудно определить направление, по которому ему пришлось двигаться, когда его блестящее творческое воображение рассматривало поведение человека исходя из новых, открытых им многообещающих положений¹.

Действительны ли его теории или нет, точка зрения, к которой он пришел, настойчиво применяя свой метод, имеет большое значение. Метод, сложившийся в практике неудовлетворенного результатами врача, привел его к необходимости *систематической обработки каждого проявления индивидуального как части соответствующего ему целого*. Психотерапевтическая методика Фрейда была дополнена данными гипноза, который, казалось, показывал, что пациенты страдают от воспоминаний. Когда Фрейд отказался от гипноза и попытался вызвать воспоминания, его психотерапевтическая методика не изменилась, поскольку он все еще был в поиске исходного травматического эпизода. Когда он просил своих пациентов говорить все, что приходит им в голову, то по-прежнему охотился за отдаленными воспоминаниями

¹ То, что было сказано выше, есть в биографии Фрейда, составленной Фрицем Витталсом, и в автобиографических очерках самого Фрейда.

об исходном травматическом эпизоде. Но даже не осознавая этого, он расширил свою оригинальную психотерапевтическую методику, что имело важное значение для последующего развития. Прибегая к преувеличениям, можно было бы сказать, что мир психологического исследования неожиданно обрел новую ось.

Каков характер этой новой психометодики? Пристально наблюдая за своими пациентами не ради дословного описания того, что случилось, и рассматривая все остальное как «иррелевантное», Фрейд учился выявлять значения не ради отчетов. Каждое сновидение, каждая фраза, каждое колебание, каждый жест, каждая интонация, каждая вспышка – все стало обретать значение как возможные намеки на «травматический» эпизод. Намеки на ненавистные объекты, напоминающие о брате, отказ до поры до времени упоминать ненавистную сестру, хотя другие члены семейства были представлены в обзоре – каждое отклонение от исчерпывающего ответа тщательно исследовалось с тем, чтобы найти ключ к разгадке.

Терапевтическая методика состояла в использовании сведений, помогающих пациенту исцелиться. Проблема заключалась в том, чтобы выявить природу конфликта пациента и предложить объяснения, помогая ему тем самым осознать непризнанный импульс, который однажды уже привел его социально управляемую личность к тяжелой депрессии. Она включала объяснение симптома как компромиссного варианта идеального поведения пациента и бессознательного импульса, который хотя и не допускался в сознание больного, все же обладал достаточной силой, чтобы обеспечить частичное удовлетворение. Таким образом, симптом являлся симптомом конфликта между социально адаптированной частью личности и ее неадаптированными импульсами, и, таким образом, симптом был компромиссом между частичным удовлетворением от недозволенного и частичным наказанием со стороны сознания. Определенная форма «конфликта» зависела от травматического опыта и предыстории человека.

Гораздо важнее этих терапевтических разработок то изменение точки зрения, которое сделало их возможными. С тех пор как Фрейд стремился выявить сущее с помощью символического, он поднял игнорировавшиеся до того времени проявления чело-

веческого поведения до уровня значимых символов, дал их описание и ввел в литературу о человеческом поведении. Нельзя точнее проиллюстрировать преимущества «психометодики» для наблюдения «фактов», чем показать различие между клиническими отчетами Фрейда и Жана. Фрейд, убежденный, что неуловимая энергия организма могла выдавать себя в каждом образе и в каждом жесте, старательно записывал сновидения и дневные фантазии своих пациентов. Жане, продолжавший считать, что сновидения являются неосознанными беспорядочными явлениями, свойственными менее напряженному спящему организму, редко делал какие-либо ссылки на сновидения. Предложенное им четкое описание гримас, жестов, чувств и теорий его пациентов возвращало к сравнительно недавнему времени, когда пациент был неуправляем. Такая неудача пациента в мобилизации своих сил для спокойного приспособления к крайностям социальной действительности приписывалась затем неустойчивому биопсихическому механизму и заниженной «психологической напряженности» в силу смешения возможных причин, среди которых упоминались «исчерпывающие последствия эмоционального возбуждения». Терапия заключалась в восстановлении способности индивидуума мобилизовать и использовать свою энергию на самых высоких «уровнях» регулирования. Это должно быть достигнуто рядом средств – путем гипнотического воздействия, отдыха в обычных условиях и с помощью распространенных психотерапевтических средств.

Но Жане не испытал подлинного озарения в психологическом исследовании. По сути, ему была присуща недооценка конкретной реальности умственной жизни его пациентов. Хотя он и говорил на языке психогенетизма, в его сознании было мало дополнительных оттенков значения. Я думаю, что это было вызвано его чрезмерной верой в гипноз, хотя инструментарий гипнотизера в большинстве случаев умаляет значение конкретных представлений пациента. Теперь, когда пациент, как можно с удивлением обнаружить, обретает важный опыт, зачем излишне серьезно воспринимать напластовавшийся материал? Затем пациент может также подвергнуться прямой команде. Жане с определенной гордостью рассказывал, как были изумлены люди в его при-

емной, когда женщина, согнувшись почти вдвое, проходила в его святилище, а затем появлялась распрямившаяся и излеченная, — до тех пор, пока действовал эффект.

Концентрируя усилие на выявлении скрытого конфликта без применения гипноза, Фрейд определил новое отношение к реальной психической жизни. Его слабость как гипнотизера можно считать проявлением мудрости. Пациента в состоянии глубокого гипноза нельзя считать полноценным человеком. По команде запрещения, которая означает насилие над моральным кодом человека, подопытный пассивно выполнит команды гипнотизера. Пациент из состояния сложной, «почти нормальной» личности низводится до восковой копии человека. Не подверженный гипнозу пациент Фрейда почти полностью владеет всеми ресурсами обычного бодрствующего состояния, и с ним можно иметь дело как с человеческим существом, имеющим сложную структуру.

Самые широкие возможности для психоаналитического развития дало изучение сновидений. И здесь мы вновь имеем дело с тем, что появилось не в результате напряженного размышления над основными понятиями, а из-за потребностей клиники. Мы уже выяснили, что Фрейд на практике занял новую позицию в наблюдении, прежде чем обнаружил ее значение для теории; мы узнаем, что точно так же, как и исследование сновидений, интерес к теоретическим разработкам значил для него меньше, чем каждодневные потребности. Пациенты Фрейда непрерывно излагали ему свои сны, и он, стремясь найти ключ к тому, что за ними скрывалось, воспринимал теперь сны серьезно, обнаруживая в них много полезных указаний на неупомянутые объекты. Он мог помочь свободным фантазиям пациента, спрашивая, что возникало у него в голове по поводу любой детали сновидения; он внимательно следил за длинными цепочками внешне бессмысленных ассоциаций.

Выяснилось, что Фрейд встал перед проблемой, решая которую, блестяще разработал, реализуя заложенные в нем самом возможности, новый путь использования интеллекта. Он обучил своих пациентов методике свободной фантазии, которую они могли бы впоследствии сами использовать как добавление к логической методике, которую явно стремится культивировать об-

щество. Неожиданно выяснилось, что он разработал метод мышления, который применим далеко за пределами клиники и может стать дополнением к арсеналу разума.

Интерпретация сновидений стала мостиком, который за пределами клиники привел Фрейда к анализу общей психологии индивидуального развития. Сновидения пациентов и сновидения людей без отклонений показали такую однородность символики, что грань между «нормой» и «болезнью» казалась незначительной. Общедоступные знания уже дали ключ к пониманию сновидений как исполнения желаний, обнаружены ли они у «здоровых» или у «больных» людей, но общедоступные знания также трактовали их как воспоминания, пророчества и знамения или как беспорядки, в зависимости от преходящего временного контекста. При работе с индивидуумом у Фрейда была двойная цель. Он рассматривал индивидуума как мотивированного в данный момент импульсами, которые уклонялись от его собственного сознания. Он расценивал эти мотивации как достигшие своей настоящей формы в конкретных событиях из истории жизни человека. Природа настоящего могла быть выявлена сознанием, если можно было вспомнить ключевой эпизод. Это воспоминание может быть значительно облегчено при особом внимании к «иррациональным» или нерегулируемым аспектам текущего поведения человека. «Иррациональное» могло казаться достаточно рациональным, если бы проявлялись непризнанные мотивы, и если бы следом были выявлены как прошлые, так и теперешние намеки. Рано или поздно неосознанные мотивы раскрываются в сознании, если человек проявит внимание; но процессу нужно было оказать немалую помощь, используя отличный от логического стиль мышления.

Никто не смог более драматично и последовательно продемонстрировать ограниченность (так же, как и преимущества) логических процедур мышления, чем это сделал Фрейд. Никто не внес бóльший вклад в методiku дополнения логического мышления другими методами, чем Фрейд. Эта сторона деятельности Фрейда имеет непосредственное и постоянное отношение к политическому мышлению, как к любому другому виду мышления; и его важно рассмотреть более подробно.

Глава III

НОВЫЙ МЕТОД МЫШЛЕНИЯ¹

Согласно господствовавшей теории, люди, которые принимают важные решения в политике, должны путем дисциплинарного обучения применению логического мышления мудро использовать свой разум. Правовая подготовка должна вооружить разум для общения с миром, который подчиняет прихоть принципу. Формальное наставление в области социальных наук призвано подготовить разум к соответствующему учету социальных последствий, и каждый согласится, что это подразумевает высокий уровень самопознания с целью уменьшения роли предубеждения.

Природа логического мышления была тщательно исследована множеством компетентных авторов. Их выводы можно условно обобщить, сказав, что логика является управляемой формой мыслительной операции. Это – не нечто, отделенное от импульса, а поступательная детальная разработка и дифференцирование импульса. Происходит это путем подтверждения отправной точки, которая является фактически неопределенным указателем цели и развивается путем критической оценки материала, появляющегося в сознании в силу его соответствия предполагаемому результату. Если, желая уладить спор, судья будет последовательно ссылаться на прецеденты, он тем самым заблаговременно обрисовывает общий контур желательного завершения предпринятых им усилий. Если администратор хочет сократить жалобы на управление им почтового обслуживания, его психологический настрой будет отличаться от настроения судьи, но, подобно психологическому настрою последнего, первое действие администратора – создать образ такого состояния дел, какое он надеется получить. Он привык руководить операциями своего разума с помощью такой предварительной характеристики искомого результата. Мыслящий человек не может уделить основное внимание материалу, который указывает, как должна быть дос-

¹ Перепечатано из статьи: Self-Analysis and Judicial Thinking // International Journal of Ethics. April. 1930.

тигнута конечная цель. Он должен внимательно ждать появления чего-либо. Если человек хочет решить такой простой практический вопрос: как добраться до железнодорожной станции, а в его мозгу по-прежнему образы прошлого, обычные средства контроля должны повторять практический результат в надежде, что он сможет «держать в своей голове» такси или автобусы. Чередуясь с периодами повторения, предвкушения и истолкования, эпизоды «Нет» и «Да» доказывают существование управляемого мышления.

Неверно было бы останавливаться на этом формальном описании характеристик логического мышления. Логическое мышление – не фокус-покус, который можно применять и тут, и там. Предварительный обзор событий предполагает знакомство с видами событий, к которым он относится. Обычно это включает анализ предполагаемого будущего в свете аналогий с прошлым, который является лишь средством усовершенствования общего знакомства с помощью систематических методов проверки действительности. Общее представление о предоставлении кредитов и займов должно быть, с множеством целей, дополнено детальным исследованием количественных характеристик различных установленных порядков. Четкая связь между изменениями в тарифе переучета и ценой находящихся в обращении денег требует анализа, далеко выходящего за рамки простого ознакомления.

Не должно быть никаких иллюзий относительно того, что особенность конечной ситуации обеспечивает устойчивую основу для мышления. Мы можем предположить, как и ранее, что логическое мышление начинается с наброска плана обсуждения, а затем по ходу размышления он обрастает деталями. Но отправная точка часто зависит от множества изменений, и первоначальный набросок в большей или меньшей степени подвергается переработке. Судья, начинающий с поиска согласования с прецедентом, должен, соответственно, добиться согласованности с принципами политики. Всегда возникает и обычно проявляется множество следствий.

Все знают, что многообразие следствий выходит далеко за рамки «официальных». Искушенный и проницательный судья может обнаружить при проверке прецедентов запутанный кон-

фликт и, вместо того чтобы следовать за прецедентом, обдумать другие социальные цели. Он может тщательно исследовать значимые экономические, культурные и политические изменения в обществе, в котором действует, распознать появление нового блока приобретающих вес основных ценностей, и, облегчая их появление, уменьшить цену социального изменения. Если этот гипотетический судья полагает, что не может сознательно возвести свои частные предубеждения в закон, а если социальные ценности так перемешаны, что царит неопределенность, судье лучше посоветовать подбросить монету (в кабинете) и соответственно принять свое решение. Если сам судья расположен к любому изменению, он будет считать себя объектом исследования, чтобы определить размеры и происхождение своего предубеждения. Его логика включает, таким образом, использование исследования самого себя для выявления частных ценностей, которые играют за или против определенной точки зрения. Кроме ценностей, которые являются «общественными», существуют усложненные ценности, которые являются остатком (ресидуе) «личной» истории.

Все эти положения отмечены в бóльшей или меньшей степени в данной работе по использованию разума. Общепризнанная цель наших профессиональных школ состоит в том, чтобы усилить логическое мышление в мире, а недостаток заключается в том, что люди так или иначе продолжают мыслить очень примитивно. Несмотря на самые большие наши усилия по распространению логики, люди всегда «позволяют своим предубеждениям бежать впереди себя», даже когда есть немало хороших намерений.

Основное оправдание неудачи, которую потерпели школы, стремясь улучшить характер мышления тех, кто обладает властными позициями, – то, что человеческий ум не обеспечивает большой ясности лучей разума. Так или иначе, наше обучение не действует; но это вызвано не неточностями логики, а противодействием ей. Все это напоминает ответ христианина на колкость, что христианство потерпело неудачу. Он говорит, что нужно обвинять не христианство, а неполное следование ему. Логики считают, что отказ от плохой логики означает большее

применение логики. Если человеческий разум отказывается обучаться, то это очень плохо.

Наш тезис состоит в том, что вера в логику поколеблена. Акцентирование внимания исключительно на логике (даже там, где она искусно используется) скорее вредит, чем приспособливает разум для функционирования в качестве подходящего инструмента управления действительностью.

Предположение, что эмоциональные aberrации должны быть побеждены огромными дозами логического мышления, – ошибка. Отсутствие эффективной логики – признак болезни, которую логика не может преодолеть самостоятельно. Нас ввели в заблуждение мнением, что разум может полагаться на единственную методику действий, тогда как у этой изолированной методики есть серьезные ограничения.

Необходим совершенно иной метод мышления, чтобы успешно избавить разум от искаженных результатов невидимого принуждения. Так как в наших школах не нашлось места для поощрения этого дополнительного метода мышления, наши судьи и администраторы, а также политические деятели попадают в мир, вооруженные верой в логику и неспособные сохранить свой разум для логики. Логическое мышление является всего лишь одним из специальных методов использования разума и не может самостоятельно добиться адекватной проверки действительности, потому что не способно достичь самопознания без помощи других форм мышления.

Метод свободной фантазии предлагает немало отличий от логического мышления. Он – скорее не управляемая, чем управляемая ассоциация. С данной точки зрения, никакое усилие не исключает существование тривиального, банального, смущающего, гадкого, бессмысленного. Разум может действовать в любом направлении. Приветствуется все, что прорастает в разуме и подчиняется только усилию оставаться свободным от шаблонов логического мышления. Нет никакого специального определения цели и никакого промежуточного вмешательства в ход размышления для регистрации его уместности или неуместности по отношению к этой довольно специфической цели.

Свободную фантазию нельзя путать со свободными словесными ассоциациями, которые начинаются с простых стимулирующих слов и заканчиваются, когда несколько первых слов проникают в сознание и записаны. Свободная фантазия – не мгновенное освобождение от выборочной критики, а длительное освобождение от логических оков.

Свободная фантазия отличается от обычных грез, сновидений и видений, которые возникают во время сна или бодрствования в силу обстоятельств, на которые опираются с неопределенной, обобщенной целью дать истолкование нового, доступного для логической мысли предмета. Частые вмешательства, характерные для логических процедур, приостановлены, чтобы лучше служить конечным целям управления действительностью. Мечтательность, которая не используется для этой главной цели, не является методом использования разума.

Последний парадокс логического мышления – то, что оно самоуничтожается, когда слишком старательно совершенствуется. Оно утверждает свои собственные прерогативы, внося определенные ограничения в деятельность разума, что ведет к оскудению деятельности, которую разум призван направлять на путь созидания. Логическое мышление становится нетерпимым к непосредственному, непродуманному, первичному разнообразию проявлений разума и уничтожает, таким образом, собственный источник.

Для разума, который задействован в социальной жизни, гораздо важнее также логические процедуры, которые исключают наиболее значимые данные о самой личности. Направленное мышление, нацелено ли оно на саму личность или на какой-то объект, нетерпимо к внешне тривиальному, и эта нетерпимость к внешне тривиальному – рационально приемлемый облик, в котором воспринимается стремление избежать строгого самоисследования. Свободно фантазируя, разум предъявляет человеку неприятные факты о нем самом, которые социализированное Я стремится избежать. Поэтому свободная фантазия не изучена досконально, а постигается путем проведения опытов, обычно при длительном наблюдении.

Есть широкий спектр индивидуальных различий в исследовании методики свободной фантазии. Логический контроль нередко ослабевает так постепенно, что прогресс в течение нескольких недель ежедневного контакта с психоаналитиком почти не заметен. Конечно, логический контроль зачастую быстро ослабевает, и столь же быстро выявляется исходная озабоченность. Фрейд разработал методику и выстроил свои объекты, в значительной степени в соответствии с их грезами, но это ни в коем случае не является ее исключительным применением. Нельзя добиться цели психоаналитического интервью, пациент просто освобождается от нескольких раздражающих симптомов; эта цель состоит в том, чтобы снабдить пациента средствами управлять своим разумом, что позволит ему в дальнейшем делать это самому. Разрабатывая процедуру свободной фантазии, Фрейд добавил эффективный инструмент в арсенал тех, кто мог бы использовать свой разум с некоторой надеждой освободиться от принудительного доминирования множества остаточных воспоминаний в своих «личных» историях.

Вполне реально обучить людей с большим успехом применять метод свободной фантазии и снабдить их средством, которое они могут использовать для решения повседневных проблем в профессиональной и частной жизни¹. Примеры, которые я здесь приведу, — из фантазий судьи, полученных в ходе ряда интервью, которым судья был подвергнут в силу возникшего у него любопытства к методу, применявшемуся при лечении члена его семьи. Любые специфические намеки замаскированы.

Однажды в начале интервью судья признался, что некий поверенный раздражал его по какой-то непонятной причине. Судья остро сознавал свое предубеждение против этого человека и, пытаясь быть по отношению к нему справедливым, часто впадал в другую крайность и оказывал ему смущающее предпочтение, поддерживая его возражения. Шла постоянная борьба ради сохранения равновесия. Казалось, это указывало на заметное воздействие некоего невыявленного набора мотивов по отношению

¹ Процедура, конечно, должна проводиться соответствующим специалистом.

к данному конкретному человеку. Судья, который был уже частично подготовлен к применению метода свободной фантазии, начал говорить все, что приходило ему в голову при упоминании о поверенном, безотносительно к логике или сомнению. «Сигарный дым ... черная сигара... подлый, едкий и душный ... коридор ... зал судебных заседаний ...» и т. д. и т. д. Слово «коридор» в ходе его ассоциаций повторялось несколько раз, и интервьюер инициировал новую цепочку, используя это слово как стимул. Некоторое время спустя возникло яркое воспоминание о случае в коридоре юридической школы, где учился судья. Его приятель-студент, который обладал репутацией весьма перспективного человека, случайно просыпал сигарный пепел на пальто судьи. Судья вспомнил свой порыв злости – желание «врезать» обидчику, порыв, который он немедленно подавил, и, приняв извинение, казалось, положил инциденту конец. Ассоциации были продолжены с целью выяснить, почему блестящий конкурент настолько рассердил судью, и след привел в прошлое к некоторым инцидентам и мечтаниям из ранней юности, но этот материал здесь к делу не относится. Соединение враждебности по отношению к его бывшему противнику с поверенным возникло из-за одной привычки поверенного, которая вызвала воспоминание о том, как студент стряхнул пепел с кончика своей сигары. Когда эта связь была установлена, вынужденная враждебность судьи и реакция сверхкомпенсации по отношению к поверенному исчезли.

Можно почти наугад взять из записей другую иллюстративную деталь. В одном случае судья начал перечислять три основных варианта, которые есть у него для решения отложенного случая. Он вспомнил два из них, но колебался несколько секунд, прежде чем третий вариант пришел ему на память. Это напомнило, что он часто случайно отмечал, что эта третья возможность, казалось, ускользала от него, хотя, размышляя, он чувствовал, что она требует такого же внимания, как две другие. Он начал произвольно расслабляться и говорить все, что пришло ему в голову, и произнес длинную вереницу принятых фраз из области законодательства и политики, вроде «свобода соглашений», «жизнь, свобода и стремление к счастью», «свобода слова и собраний». Он тут же отметил, что возникла картина одной из его

старых классных комнат в юридической школе. Он чувствовал, что кто-то должен был поговорить с ним, и сопротивлялся искушению оглянуться. Затем он вспомнил множество случаев, в которых главным действующим лицом был один из его профессоров права. Считалось, что этот преподаватель обладает отточенным умом и язвительным языком; и судья, хотя он всегда хотел произвести на преподавателя большое впечатление, особенно в этом, однако, не преуспел. У профессора была привычка прибегать к самому ироническому тону, когда он говорил об «этой свободе соглашений». Теперь случилось так, что поверенный, приводя перед судом доводы в пользу альтернативы № 3, с пылом произносил слово «свобода». Это вызвало в памяти судьи иронический тон старого профессора, что, в свою очередь, напомнило о довольно неприятных для него неудачных попытках произвести впечатление на профессора. Теперь судья проявлял тенденцию подавлять все, связанное с эпизодом, включая и аргументы поверенного.

Мир вокруг нас гораздо богаче в значениях, чем мы осознаем. Эти значения непрерывно пронизывают очевидные для нас критерии суждений и с неизбежностью искажают мыслительную деятельность, значение которой для объективности представления о действительности очевидно. Благих намерений для того, чтобы расширить пределы собственных возможностей, недостаточно. Необходим специальный метод для выявления скрытых значений, действие которых ведет к ограничению и искажению процессов логического мышления. На практике каждый может овладеть методом свободной фантазии с такой безжалостной откровенностью, что соответствующий материал очень быстро окажется в центре внимания, которое мы называем «недремлющее сознание».

Можно заполнить множество томов примерами существующих до сих пор скрытых значений, которые были обнаружены мужчинами и женщинами, обученными методу свободной фантазии. Они часто могли осознать, как и почему их эмоции вызывали благосклонное или неблагосклонное отношение к лицам их собственного или противоположного пола, которые проявляли определенные особенности, и смогли понять, почему стремились

выбирать определенных секретарей, поддерживать определенных протеже и находиться под впечатлением определенных свидетелей и поверенных. Они были способны пересмотреть язык законодательства, политики и культуры и освободиться от множества найденных там логически несоответствующих частных значений.

Фрейд успешно разработал метод свободной фантазии более четверти века тому назад, но он все еще находится за рамками школ. Наши профессиональные и образовательные заведения не предпринимают никаких усилий, чтобы изменить свои методы подготовки будущих представителей власти к самопознанию. Нравоучительные замечания типа «познай самого себя» не являются адекватной заменой определенной последовательности в способах самопознания.

Мы пробовали исправлять ошибки логического обучения скорее гомеопатическими дозами проповедей, чем обучением дополнительным методам использования разума. Разум – пригодный для анализа действительности инструмент, когда заострены оба лезвия – логика и свободная фантазия. До тех пор пока это фундаментальное утверждение не будет воспринято адекватно, профессиональная подготовка наших судей, администраторов и теоретиков будет продолжать подпитывать самообман, а не самоанализ.

Глава IV

КРИТЕРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТИПОВ

Метод свободной фантазии в исследовании разума может очень широко применяться для решения жизненных проблем. В частности, мы заинтересованы в изучении результатов его использования с целью исследования естественной истории взросления и изменений личности. В обществе можно найти любой тип политических деятелей, и наша особая задача состоит в том, чтобы связать набор этих взрослых ролей с определенным значимым опытом в индивидуальном развитии. Однако прежде мы должны исследовать природу критериев, которые в настоящее время используются в идентификации различных политических типов.

В распространенном языке каждого штата и района немало названий для различных видов политического поведения и типов политиков. Изучение политических различий можно весьма успешно начать с анализа общепринятого словаря. Некоторые популярные образы порождены деятельностью должностных лиц. На протяжении последних столетий во всех странах Западной Европы появился полицейский, и историю распространенного представления о его роли можно бы описать такими словами, как «бобби», «коп» и «шупо». Каковы бы ни были различия в одежде, манерах, социальном положении и проявлении человечности, как предполагается, между понятиями «служащий», «Beamter»¹ и «fonctionnaire»², в обобщенном стереотипе есть черты сходства. Немалую долю человеческого опыта можно было бы озаглавить словом «Бюрократ», в котором был бы выражен косвенный намек на распространенное мнение о неизбежном зле. «Законодатель» идентифицируется с помощью всех детальных различий между «конгрессменом», «членом парламента» и «депутатом рейхстага».

В общепринятом языке немало выражений, которые составляют официальный список действующих в политической драме

¹ «Beamter» (нем.) – чиновник. – *Прим. пер.*

² «Fonctionnaire» (франц.) – служащий. – *Прим. пер.*

лиц, заполняющих общественную сцену фигурами, свойства которых, по существу, не соответствуют их ведомству. Например, есть люди идеи – это «анархист», «социалист», «либерал», «коммунист», «консерватор». Есть люди идей и действия – «реформатор», «революционер», «мученик». Надо написать историю американской, британской, французской, немецкой, средневековой, греко-римской и вообще любой цивилизации, чтобы выявить, как носители публичной власти воспринимаются различными группами в рамках культуры и вне ее.

Это изобилие типов на общественном небосклоне политики дополняется типами, которые были выделены серьезными учеными-культурологами, стремившимися разобраться в прошлой жизни. Среди описанных историками политических типов сразу приходят на память «просвещенный самодержец» восемнадцатого столетия, «демагог» афинской демократии, «князь» итальянского Возрождения и «деспот» восточных империй. Мастерское описание эволюции общественного должностного лица, которым Макс Вебер¹ обогатил социальную науку, надеюсь, является предвестником множества глубоких исследований. Характерные черты и способности политических лидеров были наиболее систематически разработаны Аристотелем, Макиавелли, Робертом Михельсом, Кристенсеном и Чарльзом Э. Мерриамом².

Эти типологии, как популярные, так и научные, обладают некоторыми общими чертами. Их можно практически свести к одному и тому же. Когда В.Б. Монро описывал «реформатора», он расширил распространенный образ, сформировавшийся в американском сознании на определенном этапе американского политического развития³. Практически каждая научная концепция – это усовершенствование и обобщение полного круговорота какого-то понятия, хотя и с частичными дополнениями.

¹ «Politik als Beruf», in *Gesammelte Schriften*.

² Я проанализировал некоторые из этих работ в статье: *Types of Political Personalities // Proceedings of the American Sociological Society*. 1927. Переиздано в: *Personality and the Group* / Ed. by Burgess.

³ *Personality and Politics*.

Научные и популярные типологии могут включать те же самые типы явления, что и их исходные точки. Реальность предполагаемого политического убеждения привела к появлению понятия «либерал», но оно очень отличается от весьма смутных черт распространенного образа и от окончательно разработанных Руджеро¹ характерных черт. Средства, используемые в политических целях, дадут названия «лоббист», «пропагандист» и «агитатор». Идея, что частные мотивы не сходятся с общественными, выражена в терминах «отступник», «нытик» и «тиран». Идея, что частные мотивы были основательно вплетены в общественные цели, — одно из дополнений к понятию «мученик». Факт неофициального господства отмечен термином «босс». Слово «бюрократ» подразумевает, что учреждение формирует человека и стремится привлечь тех, кто особенно отличается подобными качествами. Западноевропейское представление о судьбе почти всегда предполагает функционера, который обладает определенными рычагами и действует в соответствии с процедурой. Скучность представлений о «фанатичном агитаторе» проявилась в общественном сознании намного раньше, чем Кречмер дал ему свое научное благословение².

И популярные, и научные концепции колеблются от частного к общему. Британский «электоральный агент» тесно связан с современной, специфической социальной обстановкой. Понятие «лидер» устойчиво является основным для описания социальной роли у самых разных народов в совершенно разные исторические периоды.

Популярные и научные концепции объединяет то, что в них могут содержаться эволюционные, а не просто описательные значения. Представление о тощем и желчном агитаторе — это не статичное, не связанное описание случайного расположения черт, а гипотеза, согласно которой активно действуют физические раздражения, способствуя выбору таких форм деятельности, которые обеспечивают человеку довольно свободный выход его враждебности.

¹ The History of European Liberalism.

² Physique and Character. Chap. XIII.

И популярные, и научные типы могут рассматриваться как объекты изучения с целью выявления факторов их формирования. Популярное представление о «реформаторе» является в Америке своего рода фотографическим изображением реально существовавших людей, которые фигурировали как общественные защитники ограничительных законов. Можно изучить процесс, в ходе которого возник стереотип худосочного брюзги-холостяка, и понять, почему он сохранился. В любом государстве есть своя галерея политических образов, и нужно переписать политическую историю, чтобы объяснить уникальные и типичные качества этих воспринимаемых обществом ролей. Стюарт А. Райс разработал методику для идентификации современных стереотипов подобного плана¹. Райс брал фотографии сенатора, большевика и бутлегера и, вычеркнув имена, просил, чтобы различные группы тестируемых людей дали наиболее подходящее название каждому изображению. Исследуя ошибочные идентификации, удалось обнаружить мысленный образ, ассоциирующийся в обществе с классовым именем.

Важным вкладом в социальную науку было бы детализированное исследование факторов, вызывающих подъем и упадок тех политических типологий, которые всерьез рассматривались учеными. Преувеличенное изображение всемогущего лидера, выведенное Карлейлем, было, без сомнения, как-то связано с его сексуальным бессилием и компенсаторной идеализацией потенции; но популярность, которой пользовалось это преувеличение среди определенных классов английского общества, вызвана разрушением старых экономических институтов и ростом угрозы со стороны коллективистских идеологий. Новый бизнесмен-предприниматель чувствовал пьянящее тщеславие человека, который сам себя сделал, а приходящие в упадок землевладельцы ощущали потребность в личных протестах против эры городов и машин.

Предположим, мы более подробно исследуем интеллектуальную структуру научных политических типов. Это требует особого внимания к двум используемым терминам – «политиче-

¹ Quantitative Methods in Politics. Chap. V.

ский» и «типы». Сейчас в социальной науке используются два определения «политическое». Я буду говорить о них как об «институциональном» и «функциональном» методах определения. Внутри любого сообщества есть множество образцов деятельности, форма и объем которых могут быть объектами изучения. Это производство и распределение материальных товаров и услуг; основные формы, с помощью которых они осуществляются, можно назвать экономическими институтами сообщества. Здесь урегулирование споров, а также защита и расширение интересов, которые считаются коллективными; это – политические или правительственные институты сообщества. Таким же образом могут быть выявлены религиозные, благотворительные и множество других институтов.

Эти институционально определяемые категории теряют ясность и всесторонность. Некоторые социальные процессы происходят в рамках каждого институционального процесса. Так, урегулирование споров, как мы знаем, – важная характеристика правления; но нет, и никогда не было, да и не может быть по природе вещей, монополии правительства, когда оно определяется как институциональное разделение общественного труда. Ни один институт никогда полностью не монополизировал функцию, которую именно он в наибольшей мере осуществляет. Но это не обязательно приводит к путанице. Когда урегулирование споров – отличительная функция одной группы в обществе, и нет никакой другой, которая в такой же степени участвует в выполнении той же функции, нет никакого сомнения в решении назвать первую группу «правлящие», а образцы, в соответствии с которыми они избраны и работают, – «политические или правительственные» институты сообщества. Если имеется конкурирующий регулятор отличий, различие ни в коем случае не явно, например, когда «церковь», «бизнес» и «государство» являются конкурентами. Возможно, правители могут быть идентифицированы путем выявления тех, кто применяет принуждение при защите или расширении деятельности сообщества, хотя этот критерий для дифференциации может время от времени не работать. Но в целом эти сомнения несущественны. Обычно можно найти разделение труда и набор мнений, которые можно назвать «управление

государством». Незначительные примеры привлекают внимание к упоминавшемуся факту, что никакой «институциональный» процесс не монополизировал полностью функцию, которую именно он по преимуществу осуществляет. Поэтому желательно описывать общественные процессы с помощью двух блоков условий, один из которых относится к «институтам», а другой – к «функциям», существующим в различных институциональных рамках. Большая часть общественно-научной литературы изобилует терминологическими каламбурами относительно «надлежащих» слов, использующихся в этом институциональном или функциональном смысле, часто без оценки подлинной природы рассматриваемого вопроса. Конечно, здесь самое важное – понять суть различия, а не договариваться о словах, используемых для его описания.

Из сказанного становится ясно, что такой термин, как «политическое», может рассматриваться в определенном контексте в «институциональном» или «функциональном» значении. В таком случае, что и является наиболее важным следствием, любой вклад в понимание «институционального» процесса – это вклад в понимание более широкого «функционального» процесса и наоборот. В этом заключается единство социальных наук. Очевидное отсутствие единства является результатом различий в отправной точке отдельных исследований. Одно из них начинается с ряда явлений, которые выбраны из произвольного институционального процесса, а другое – с ряда явлений, взятых из нескольких институциональных процессов согласно некоторой функциональной концепции.

Это соединение цели и несогласованности отправной точки отчетливо проявляется в научном изучении человеческого поведения. Институционально подкованный специалист по исследованию определенной фазы политического процесса, которого попросили классифицировать типы политического поведения, вырабатывает свои категории на основе институциональных процессов, которые он знает лучше всего. Можно было бы, если это стоит усилий, покончить с пересмотром предлагавшихся время от времени типологий для обсуждения специалистами в сфере исполнительных органов, по проблемам государственной службы,

судебной администрации, законодательству, политическим партиям, пропаганде и подпольным организациям, по вопросам политической революции, национализму, империализму, межгосударственным методам урегулирования отношений (война, дипломатия, совещание, судебное решение, посредничество, арбитраж) и по всем остальным разделам политической науки.

На первый взгляд, функциональный метод определения политических типов, казалось бы, ведет даже к большему числу категорий, чем институциональный метод. С функциональной точки зрения, политика обнаруживается всюду, где, используя более старую терминологию, есть столкновение разных «воль». Это подразумевает, что явно политические проявления в обществе не сводятся к правительственным должностным лицам и партиям, но относятся и к банковским домам, производственным предприятиям, службе доставки, церковным организациям, братским ассоциациям и профессиональным обществам. Возможно, наиболее агрессивные, ищущие власти личности в современном обществе находят себя в бизнесе и остаются незадействованными в законодательных органах, в судах, на государственной службе и дипломатической работе. Если это так, то исследующий политические личности найдет наиболее интересные объекты изучения в «Д.П.Морган и Компания», в Сталелитейной корпорации Соединенных Штатов и среди деятелей церкви, представителей системы образования или в медицине.

Из сказанного следует, что изучение политиков, взятых из отдельного институционального процесса, вносит вклад в общее исследование политиков в каждом институциональном процессе, и что сознательная абстракция категорий, пока они носят всесторонний характер, открывает более широкий диапазон для точного сравнения. Это может привести к действительному упрощению некоторых фундаментальных концепций. Конечно, институциональные процессы отличаются по объему, который они придают определенным человеческим побуждениям. Сегодня церковь обладает меньшими возможностями использования физического насилия, чем в шестнадцатом столетии, и гораздо меньшими возможностями по сравнению с полицией, частным детективным агентством или политической бандой.

Преимущества всеобъемлемости и возможного упрощения были принесены в жертву политическими мыслителями различных школ, поскольку они воспринимали свою задачу слишком узко. Они медлили с изучением проявлений человеческой природы в политике, так как испытывали сектантскую гордость за юридические и философские различия; или же они проверяли свои теории по собственным меркам и погрязли в формализме. Теория, которая плодотворно взаимодействует с философией, правоведением и технологией, разработана все еще очень плохо. Формальные социологические системы были побеждены «предпосылками», но отвергали гипотезы. (Пример – использование понятия «солидарность» в современной юридической теории). Сегодня задача – осуществление реалистического анализа политического по отношению к социальному процессу, и это зависит от создания абстрактных концепций и проведения эмпирического исследования. Это – то самое ускользающее соединение теории и практики, которое Грэхэм Уоллас хотел осуществить в Англии, и вдохновителем применения которого в Соединенных Штатах был Чарльз Мерриам. Отсутствие такого соединения привело Кэтлина к предложению заменить то, что я бы назвал «функциональным», на «институциональное» определение области политической науки¹. Это с неизбежностью подразумевает новое отношение к возможностям использования оригинальных предложений, которые можно найти в социологической методологии, новый интерес к различным путям грядущих событий, новую склонность к параллелям с институциональными явлениями.

Всевозможные неясности могут быть ликвидированы, если мы распространим свои термины с узкоинституционального уровня на широкофункциональный. Такие термины, как «государственный деятель» и «деспот», были отчеканены из металла политического опыта в сообществах, где основным путем к власти лежал через участие в управлении. Верно, что в Афинах трудно было установить очень четкую связь между управленческими и другими формами деятельности сообщества ввиду тесного переплетения всех институциональных процессов. Тем не менее, та-

¹ The Science and Method of Politics.

кие термины, как «государственный деятель» и «деспот», применялись по отношению к формам политической деятельности в узком институциональном смысле, и таково их значение и по сей день.

Но это дополнительное значение требует обобщения и пересмотра. Дорога к власти в нашей цивилизации ни в коем случае не является исключительно правительственным шоссе, поскольку технические средства разделили власть и создали индустриальный феодализм. Руководители крупных корпораций вынуждены принимать решения, которые являются гораздо более важными для повседневного благосостояния человечества, чем большинство решений правительств. Так как правительство в значительной степени – посредник корпораций, то оно едва ли является хозяином в собственном доме.

Понятие государственного деятеля долго означало, что лобой, кто осуществляет общественную власть вне правительства, преследует исключительно свою частную выгоду. Соответствует ли это действительности и в наши дни? Разве нет такого явления, как «институционализация бизнеса», которая возникает, когда определенное предприятие планирует действовать неопределенно долго и вынуждено определять свои интересы на длительные периоды времени? Один из основных элементов в этих расчетах – необходимость предосторожностей, чтобы в целом не потерять покровительство со стороны сообщества. В этом суть политического способа мышления, который приравнивает политику конгломератов частной власти к политике государства, управляемого государственными деятелями. Самое время, таким образом, отделить понятие государственной деятельности от ее исторической ассоциации с единственным институтом.

Некоторые из многих значений использования понятия «политик» можно ликвидировать, проведя четкое различие между понятиями «бизнесмен» и «политик». Бизнесмена можно определить как человека, который преследует частную выгоду, невзирая на концепции публичного права. Политический деятель, в избранном здесь «лучшем» смысле этого слова, использует убеждение исходя из своей концепции публичного права. Политик стремится к подлинной интеграции интересов сообщества; биз-

несмен удовлетворен компромиссом конкурирующих частных интересов. Важность для политической теории различия между интеграцией и компромиссом совершенно верно была подчеркнута Мэри П.Фоллет¹. Интеграция интересов – решение конфликта таким способом, что никакая «партия» не распознает, сколько в результате выиграно и сколько потеряно. Это означает реинтерпретацию ситуации в смысле неуместности воспроизведения старой линии сражения и прежнего определения интереса. Это иллюстрируется примером, когда проблема оплаты труда ликвидируется решением попробовать разделить выгоду от экономии в производстве, которая может быть осуществлена через новые кооперативные способы. Сущность различия между интеграцией и компромиссом – та же, что и между синтезом и торговлей. Политик всюду ищет выгоду, а бизнесмен торгуется за особые выгоды. Мы не должны здесь решать, действительно ли, как говорил Адам Смит, невидимая рука создает социальный синтез из общей погони за частной прибылью. Существует противоречие между сознательными целями заинтересованных личностей. Следует заметить, что политики не ограничены правительством, а бизнесмены – частными предприятиями. «Босс» – один из типов делового человека в правительстве; руководитель большого частного предприятия может быть политическим деятелем в используемом здесь смысле².

Обрисовав необходимое различие между институциональным и функциональным значением «политического», мы можем обсудить понятие «тип». «Тип» – это отношение, и можно классифицировать типы согласно выбранным отношениям. Политические типы могут быть выдвинуты на тройной основе: путем

¹ The New State.

² Не представляется целесообразным отслеживать далее эти различия. Я бы предпочел различать государственного деятеля и политика, рассматривая последнего как функцию демократически организованного общества, и как того, кто ограничен в стремлении распространять свои представления о публичном праве. Государственный деятель может использовать силу и не обязательно является функцией демократически организованного общества.

определения единичных отношений, взаимодействий и эволюционных отношений.

Что подразумевается под выбором единичного отношения, можно проиллюстрировать с помощью понятия *Machtmensch*¹, разработанного Эдвардом Шпрангером в его «*Lebensformen*»². Шпрангер, выдающийся психолог – преподаватель Берлинского университета, разработал на оригинальной основе морфологию личности. Дильтей, следует напомнить, возвестил в своем знаменитом обращении к Берлинской Академии наук о новой эре типологических исследований³. Дильтей отобрал формы выдающейся культурной деятельности и установил характерные черты плеяды. Путем абстрагирования достижений из многих конкретных областей он дал в итоге свое описание чувственного, героического и созерцательного типов. Наиболее выдающиеся политические фигуры, конечно, попадают во вторую категорию. Подход Шпрангера имеет много общего с подходом Дильтея. Он основывается на гипотезе, что все возможные ценностные установки разделяются всеми людьми. Исследуя человеческую культуру, Шпрангер приходит к выводу, что шесть отличительных культурных областей дают шесть ценностных установок человека. Так, культурная деятельность, имеющая дело с созданием богатства, связана с экономической ценностью. Наука – с теоретическим, искусство – с эстетическим, религия – с религиозным, государство – со стремлением к власти и общество – с тенденцией любви. Шпрангер продолжает выводить атрибуты каждой личности, у которой стремление к одной ценности преобладает, и устанавливает значение доминирования этой тенденции для каждой области деятельности. Так, политический человек – это тот, для кого главная ценность – стремление к власти. Сущность власти рассматривается как обладание способностью и обычно как воля навязывать другим собственные ценности в качестве постоянных

¹ *Machtmensch* (нем.) – человек, обладающий властью. – Прим. пер.

² «*Lebensformen*» (нем.) – «Формы жизни». – Прим. пер.

³ Его точка зрения лучше всего изложена в: *Die Typen der Weltanschauung // Weltanschauung-Philosophie und Religion in Darstellungen* / Ed. by M. Frischeisen-Kohler.

или временных мотивов. Политический человек в науке стремится заменить риторику правдой и использовать идеи как силу (в понимании Фулье). В экономике политический человек стремится достичь своих целей с помощью дипломатии и переговоров, запугивания или насилия или же другими политическими средствами. В искусстве политический мотив ведет к усилиям воздействовать с помощью яркой декоративной демонстрации. В общественной жизни политический мотив, с его настойчивой жадной самовозвеличивания, должен обычно маскироваться под защиту интересов коллектива. Бог политического человека в религии – бог могущества, который требует служения себе могущественных людей.

В разработке своего представления о *homo politicus* Шпрангер полностью осознает, что его «чистый» тип встречается редко. Отчетливое, откровенное возвеличивание самого себя редко допускается в обществе, поэтому «самая большая власть проявляет себя как власть коллективная», и человек, который лелеет власть, должен достичь некоторой степени социализации, или он окажется вне закона. Не будучи, в принципе, человеком, горячо любящим окружающих, он должен держать презрение при себе или симулировать теплые чувства групповой лояльности. Действительно, самообман является, возможно, правилом, поэтому политическая личность с большим артистическим даром обладает богатым воображением, которое драматизирует всю историю ее жизни и подчиняет действительность честолюбивым планам. Мне кажется, что Шпрангер недостаточно подчеркивает этот аспект политического человека, эту большую способность обманщика разыгрывать себя и других.

Суть обобщения Шпрангером политического человека схематично выражена в терминах «желание-метод-успех». Политический человек жаждет управлять мотивами других; его методы могут варьировать от применения насилия до лести; его успех в обеспечении одобрения в каком-либо сообществе должен быть очевиден. Таковы основные отношения, которые являются необходимыми для определения типа.

Конечно, к этой формулировке надо сделать ряд необходимых замечаний. Иногда человек, одержимый жадной власти, не

способен потакать этой страсти и утолить ее, поскольку его физические и социальные данные могут быть слишком скудными. Как нам следует оценивать результаты? *Wer regiert denn?*¹ Власть над другими частично осуществляется каждым живым существом; но в любой иерархии обладающих властью кто-то находится в самом низу, если использовать существующие социальные критерии. Прикованный к постели, жалующийся на аварию человек может оказаться никому не нужен и быть лишь предметом заботы какой-то медсестры. Принимая распространенные в обществе ценности, такой человек был бы в самом низу пирамиды. И тем не менее, как часто настаивал Альфред Адлер, подчеркивая тем самым свою позицию, истеричный больной может использовать свои симптомы, чтобы добиться от непосредственного окружения большого подчинения себе, и, возможно, это все, что его заботит. А часть тех, кто отдается видимой борьбе за социальное влияние, может оставить должность, отравляя своей желчью стрелы, нацеленные против погони за внешней pompой, и сохранить свою репутацию и известность, воплощая результаты в блестящей риторике.

Человек, управляющий своей деревней, может острее осознавать, что он не управляет графством; а когда он управляет графством – что он не управляет провинцией; и так далее вверх по лестнице. На его принадлежность к власти могут полагаться окружающие люди, в то время как его собственная душа может сильнее страдать в оковах рабства. Так, Шпрангер прав, считая, что когда кто-то успешно проникает в психологию стремления к власти, становится понятным, что тот, чья природа связана с погоней за властными полномочиями, наиболее остро осознает ограничения своей свободы и, следовательно, не страдает так остро от чего-либо другого в жизни больше, чем от собственного подчинения. Осознав это, стоики давно оспаривали положение, что сущность свободы – самодостаточность, при которой не предъявляются никакие требования к другим. Господство включает зависимость, взаимную связь, которая была исчерпывающе описана

¹ *Wer regiert denn?* (нем.) – Кто же управляет? – *Прим. пер.*

Зиммелем¹. Но есть люди, которые соединяют легкий успех с безразличием. Они, без сомнений, рекрутируются из числа тех, кто обладает впечатляющей врожденной властью по отношению к некоторым группам, они обладают *харизмой*, описанной Максом Вебером².

Учитывая эти замечания, можно повторить суть размышлений Шпрангера. *Homo politicus* характеризуется следующей связью между желанием, методом и успехом: желание – контроль за мотивами других людей; методы варьируют от насилия до лести; а успех заключается в обеспечении признания сообщества.

Тонкие комментарии Шпрангера при разработке этой простой базовой концепции являются наиболее ценными в литературе об обществе. Начиная со смелых упрощений, он успешно создает картины, которые придают больше значения деталям политической жизни во всех институциональных процессах культуры. Конечно, в литературе по политической науке много типов, описанных так же, как Шпрангер описал политического человека. Михельс и Мерриам перечислили качества, которые обнаружили в политических лидерах как классе. Конвэй предложил для обсуждения свою известную трихотомию: подчиняющие толпу, упорядочивающие толпу и представители толпы. Часто обсуждалась возможность определения типов в соответствии с реакционной, консервативной, либеральной или радикальной природой доминирующих мнений³.

Схема, которая будет использоваться в характеризующих случай материалах, подчеркивает способность политических личностей играть роли, которые носят либо специализированный, либо комбинированный характер. Гоббс был теоретиком и агитирующим памфлетистом; его едва ли можно представить агити-

¹ Soziologie. Chap. III.

² Grundriss der Sozialökonomik. III, 1.

³ См.: Michels R. Political Parties; Merriam C.E. American Party System, and Introduction to H.F.Gosnell's «Boss Platt and His New York Machine»; Conway M. Instincts of the Herd in Peace and War; Lowell A.L. Public Opinion in War and Peace; Rohmer. Die Vier Parteien; Christensen A. Politics and Crowd Morality; Munro W.B. Personality in Politics.

рующим оратором и организатором, подобно Гаррисону. Агитатор «чистого типа» представлен ветхозаветными пророками. Боден внес значительный вклад в политическую теорию и ревностно выполнял обязанности удачливого администратора. Масарик достиг вершин в философии, социологии, истории культуры, в агитации и организации. Велико число тех, кто проявлял превосходные организационные способности, но был лишен теоретических интересов или агитационных способностей. Некоторые политические террористы и тираны наслаждались, используя насилие как *ding an sich*¹. Центральное звено в решении вопроса, куда поместить политическую фигуру, заключается в том, чтобы выявить форму деятельности, которая для нее наиболее характерна, и изменить классификацию в соответствии с успехом в объединении этой роли с другими. Маркс хотел повлиять на человечество; и он жаждал обладать способностями Лассалья, который мог взойти на трибуну и овладеть бурными эмоциями толпы. Более того, Маркс жаждал откровенного восхищения творениями его ума. Он годами трудился в уединении и бедности, стремясь сделать неопровержимыми свои утверждения. Ему важнее было добиться теоретической законченности, чем изменить манеру социального общения. Лассаль был синтетическим лидером, который мог добиться внимания аудитории, организовывать действия по всей Германии, писать превосходные книги и занять свое место во многих сферах жизни. Маркс был ученым, вынужденным требовать, насколько возможно, подчинения утверждениям его разума.

Табл. I показывает различие между специализированными и комбинированными типами.

Можно выявить другие комбинации. Добавление четвертого столбца для тех, кто обращается к насилию, расширяет возможности схемы. Большинство теоретиков было в некоторой степени и агитаторами, и зачастую – дело вкуса, где следует сделать акцент – на той или иной особенности их деятельности. Характерно, что теоретики стремились взывать к чувствам своих современников через памфлеты или направляли свои умозрительные

¹ *Ding an sich* (нем.) – вещь в себе. – Прим. пер.

интересы на непосредственные цели. Гоббс и Руссо не обладали красноречием и организаторским даром, но их работы не были предназначены для того, чтобы стать топливом для горящего вокруг них огня. Такие люди, как Том Пэйн, способны в пылу дебатов на ходу давать блестящие политические формулировки.

ТАБЛИЦА I
Политические роли

<i>Специализированные типы:</i>	администратор	агитатор	теоретик
Гувер.....	*	
Ветхозаветные пророки....		*
Маркс.....			*
 <i>Комбинированные типы:</i>			
Кобден.....	*	*	
Боден.....	*	*
Ленин.....	*	*	*

До сих пор мы обсуждали типы, которые различаются согласно некоторому важному соотношению нескольких переменных. Характерный метод разработки такого типа состоит в необходимости представить множество ситуаций, в которых можно обнаружить этот тип и описать возникающую в результате картину. Это означает детальную разработку предварительного наброска на основе богатого опыта общественной жизни. Благодаря этим наглядным методам можно заменить более формальную процедуру. Избрав основное исходное отношение, можно выявить, ссылаясь на специфические примеры, относительную частоту, с которой другие черты связаны с основными. Отправная точка, конечно же, может быть или институциональной, или функциональной, можно исследовать тех, кто является «судьями», «законодателями» и «боссами» или же «государственными деятелями», «мировыми посредниками» и «администраторами». У нас уже была возможность подчеркнуть, что институциональные и функциональные определения в точности не совпадают, хотя они – действенная отправная точка для исследования.

Результат выделенной формальной процедуры должен определить «взаимосвязанные» (корреляционные) типы. Для иллюстрации возможностей можно использовать современную монографию Фрица Гиза¹. В ней дана статистическая обработка данных, доступных из немецкого издания «Who's Who» за 1914 г. После того как Гиз исключил тех, кто был включен туда только в силу их наследственного положения, осталось более десяти тысяч имен. Затем он выделил тридцать три различных вида деятельности, которые были сгруппированы по пяти основным категориям – искусство, социальные науки, естественные науки, технология и общественная жизнь. Он также разделил изучаемых на тех, кто был включен в издание в силу присущей им высокой квалификации, но, в сущности, проявил стандартные профессиональные достижения; на тех, кто обогатил сферы своей деятельности некоторым творческим вкладом, и тех, чьи творческие возможности не были ограничены только их профессиональной деятельностью. Три типа включали квалифицированных специалистов, создателей и людей, отличающихся свободой творчества. Так как человек не ограничивается одной сферой деятельности, была создана следующая схема взаимосвязей, чтобы показать отношения между человеком и формой его деятельности: (а) источник дохода (человек рассматривает определенную сферу занятий как дающую «хлеб с маслом»); (б) сфера последующей деятельности (человек оставляет одну сферу ради другой); (в) одновременная деятельность в двух сферах; (г) творческая деятельность. Отношение человека к сфере деятельности может раскрыть расщепление его индивидуальности или компенсаторную функцию. Когда политик осознанно решает, стремясь дать своему мозгу возможность отдохнуть от чрезмерной озабоченности политикой, играть в гольф или коллекционировать картины, он реализует в этой избранной сфере компенсаторную ценность. Когда он обнаруживает, что должен пытаться жить двойной жизнью, занимаясь научным исследованием и политической пропагандой, то в его личности проявляются основные и контрастные тенденции (расщепле-

¹ Die öffentliche Persönlichkeit. Beihefte zur Zeitschrift für angewandte Psychologie. Vol. XLIV.

ние). Иногда связь между сферами деятельности, в которых действует один и тот же человек, фактически та же, когда политический деятель становится писателем, описывающим политическую историю того времени. Иногда взаимоотношение представляет собой функциональную связь, в которой, как предполагается, действуют те же самые биопсихические склонности. Так, бизнес и политика тесно связаны, скульптура и политика – нет.

Детальный анализ Гиза показал, что вовлеченным в политику людям присущи наиболее разнородные аффилиации и прошлое. Он поднял вопрос, правильно ли размышлять об отличительной функциональной способности, которая характеризовала бы находящихся на политических постах людей. По сравнению с представителями искусства, а особенно архитектуры и инженерного дела, гетерогенность политиков весьма очевидна. Действительно, многообразие связей политически активных людей с другими областями деятельности предполагает, что политическая жизнь зависит от очень широкого спектра способностей человеческой натуры, таких, например, как склонность к преподаванию, историческому повествованию и журналистике. Однако есть одно важное исключение, которое четко обнаруживается в схемах. Это группа политиков, выросших в стесненных жизненных обстоятельствах и полностью посвятивших себя организационной деятельности и агитации. Они резко отличаются от тех, для кого политическая жизнь была спортом, хобби или почетной должностью. Для группы организаторов и агитаторов мы можем постулировать определенного рода функциональное различие.

Результаты показывают, что институциональный подход к проблеме может привести к изоляции одной группы, которая, весьма вероятно, близка к функциональной группе в других институциональных областях деятельности. Некоторые представители групп агитаторов и организаторов еще не проявились в политике во время проведения переписи 1914 г., а часть была настолько поглощена частными делами, что никогда не совершала формального перехода к политике в институциональном смысле.

Другой вывод, который делается по тому же самому вопросу – это открытие Гиза, состоящее в том, что у тех, кто проявлял себя как свободная творческая личность в политике, было намного больше

общего с теми, кто был свободной творческой личностью в других областях, чем с теми, кто просто был занят в своих областях. Метод классификации Гизом свободной творческой группы слишком неоднозначен, чтобы оправдать кого-либо, признавая его вывод о более чем наводящей на размышление ценности, но, возможно, он изолировал функционально гомогенную группу, которая выходит за рамки всех институциональных линий.

Некоторые исследования политических личностей настолько усовершенствовали использование количественного метода, что позволили заменить шкалы для ранжированных последовательностей по различным пунктам. Использовались разного рода тесты на реакцию в надежде обнаружить постоянные различия между теми, кто играет различные политические роли. Генри Т. Мур предпринял попытку определить, существует ли предрасположенность темперамента к консерватизму или радикализму. Он определил радикализм как «точку зрения, приветствующую широкие изменения социальных институтов, особенно изменения по направлениям, противостоящим классовому интересу», и классифицировал мнения исследователей относительно выявленной степени радикализма или консерватизма. Затем он применил к ученым ряд тестов на реакцию и пришел к следующему выводу:

«Наша уверенность, насколько далеко она простирается, исходит из некоторой врожденной основы отличий. Эта основа заключается, видимо, не в уровне общего интеллекта или эмоциональной стабильности, не в каком-то общем превосходстве или недостатке способности к обучению или вниманию, а в таких специфических факторах, как более высокая скорость реакции, легкость преодоления привычек, готовность делать поспешные суждения и независимость от влияния большинства. Последнее из этих отличий – одно из наиболее очевидных... Если один человек по природе более склонен к быстрому действию и гибкости, а другой – к последовательности в выполнении функций, едва ли можно ожидать, что управление гиперкинетиков флегматиками и для флегматиков не вызовет периоды стресса и напряжения»¹.

¹ Innate Factors in Radicalism and Conservatism // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1925–26. Vol. XX. P. 234–46.

Флойд Элпорт разделил студентов на типичных и нетипичных членов сообщества, выявляя, принимают ли они позиции большинства или меньшинства по различным политическим вопросам. Затем он применил к студентам комплекс тестов и обнаружил, что определенные черты нетипичных членов (независимо от того, были ли их взгляды «радикальными» или «консервативными»), как оказалось, были гомогенными. Следовательно, встречаются не только «экстремисты», но и те, кто поддерживал и позиции меньшинства по гипотетическому массиву распределения мнений¹.

У.Г.Коули при поддержке Ч.Э.Мерриама и Л.Л.Терстоуна предпринял попытку сравнить лидеров в избранных ситуациях. Он использовал двадцать восемь тестов для изучения таких черт, как агрессивность, самоуверенность, интеллект, эмоциональная стабильность и быстрота реакции. Пока его тесты разграничивались в рамках одной группы между лидерами и последователями, он констатирует, что они не выявили различий между лидерами как классом и последователями как группой. Так, он считал доказанным, что лидерство – не универсальная черта определенных людей, и критиковал попытки перечислить «черты лидерства»². Применение методики общего тестирования продолжается³.

Гилберт Дж.Рич, изучая определенный набор физиологических и биохимических переменных у лидеров и последователей, выявил новое поле исследования. Он измерял концентрацию ио-

¹ Элпорт действительно использовал метод, определяющий порядок выражений, управляющих мнением, который он оправданно трактовал как разметку определяющих позиций вдоль основной линии. Терстоун значительно усовершенствовал метод измерения мнений. См.: Thurstone and Chave, *The Measurement of Attitude*. Chicago, 1929. См. оригинальную работу Элпорта (в соавторстве с Д.А.Хартманом): *Measurement and Motivation of Atypical Opinion in a Certain Group* // *American Political Science Review*. 1925. XIX. P. 735–60.

² *Three Distinctions in the Study of Leaders* // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. July-September. 1928. Vol. XXIII.

³ Имеются в виду Кейт Сворд и другие члены Исследовательского совета по общественным наукам. Ниже я рассматриваю проблему развития тестирования.

нов водорода, слюны, кислотность мочи, уровень щелочи в крови и выделение креатина в моче. У наименее возбудимых испытуемых была наиболее кислотная слюна и моча. Полученный результат открыт для критики, и, бесспорно, он не столь совершенен по сравнению с примененными биохимическими методами¹.

Рассмотренные выше типы не только дают емкий образ взрослого человека. Они знаменуют переход от перечисления временных характеристик к набору черт непосредственной картины, которые показывают, как данный тип стал таким, каков он есть. Таким образом, они являются чем-то бóльшим, чем корреляционные типы; они приблизились к развивающимся типам. Когда Гиз выявил группу политических личностей простого происхождения с присущей им настойчивой организационной и агитационной деятельностью, он постулировал общую динамику развития, гомогенную функциональную диспозицию по отношению к данному виду явлений. Мур стремился выявить формирующее влияние реактивных свойств темперамента, и другие исследователи также старались установить эволюционные факторы в формировании комплекса черт и интересов взрослого человека.

Почти каждый базовый и связанный с ним тип имеет эволюционное значение. У терминов, которые используются для характеристики мотивов, есть динамические, генетические и созидательные признаки значения, которые явно присутствуют, хотя обрисованы могут быть весьма смутно. Когда Михельс говорит, что «Катоновская сила осуждения»² является признаком политического лидера, подразумевается, что если кто-то изучает юность, детство и даже младенчество человека, то эта доминирующая характеристика будет заметна. Конечно, сам Михельс не разрабатывает эти значения; сомнительно, что он пытался найти ранние

¹ A Biochemical Approach to the Study of Personality // Journal of Abnormal and Social Psychology. July-September. 1928. Vol. XXIII.

² Очевидно, имеется в виду Катон Марк Порций (234–149 гг. до н.э.), римский писатель и государственный деятель. Он был непримиримым врагом Карфагена и каждую свою речь в Сенате заканчивал словами: «И все же, я полагаю, Карфаген должен быть разрушен» («Ceterum censeo Carthaginem esse delendam»). – *Прим. пер.*

аналоги черты, названной им «Катоновская сила осуждения» применительно к взрослому человеку. Но динамический полутон термина может привести исследователей-эмпириков к тщательному изучению поведения детей с новой точки зрения. Многие из терминов, которые используются для описания взрослых черт, вне всяких сомнений, не предсказуемы по отношению к менее дифференцированным чертам младенчества, детства и юности. Но взросление вполне сформированных эволюционирующих типов требует отбора и усовершенствования терминов, пока они не станут адекватно описывать последовательность роста. Развивающиеся типы опишут набор результирующих, взрослых реакций и соединят их с теми значимыми событиями в предшествующей жизни человека, которые заставляют его избрать такой способ общения с действительностью. Развивающиеся типы включают в себя не только субъективные оценки истории личности, но и охватят объективные факторы, которые, взаимодействуя, породили описанные образцы.

Понятие развивающегося типа можно проиллюстрировать путем исследования места, которое предназначено политическому человеку в основных современных характерологических системах. Ганс Апфельбах использовал пять измерений для описания характеров. Каждый из них описан в диапазоне между двумя полярными противоположностями, а шестая пара полярных противоположностей включена в систему. Схема представлена в табл. II.

Это дает формальный ряд, состоящий из шестидесяти четырех типов формирования характеров, без учета едва уловимых вариаций. Первая комбинация, которую выделяет Апфельбах, обозначается символами ABCDEF. Это ярко выраженный мужской, садистский, сверхэмоциональный, нравственный и прямой характер человека с острым умом. Среди мужчин это тип организаторов, политиков, великих проповедников, генералов, диктаторов и им подобных. Среди женщин это тип организатора в самом прямом смысле, особенно тип политически или патриотически настроенной энтузиастки, подобно Жанне д'Арк. Можно видеть, что термины «мужской» и «женский» не используются в исключаящем друг друга смысле. Продолжая традицию Вейнингера и

Флисса, эти термины используют для обозначения черт, которые могут присутствовать в различных пропорциях в той же самой личности¹.

ТАБЛИЦА II

Измерение	Противоположности	
Пол	мужской	A
	женский	a
Психомобильность	психосадистский	B
	психомазохистский	b
Эмоциональность	гиперэмоциональный	C
	гипоэмоциональный	c
Нравственность	нравственный	D
	безнравственный	d
Интеллектуальность (специализированная)	превосходящий	E
	подчиненный	e
Дополнительные элементы	альтруистический	F
	эгоистический	f

Политический человек появляется в системе Юнга на различных пересечениях в его основной схеме. Существенное разделение в классификации Юнга – между теми, чья психическая энергия (либидо) направлена вовне (экстраверсия), и теми, чье либидо обращено вовнутрь (интроверсия). Первые вступают в полнокровные эмоциональные отношения с окружающим миром, вторые главным образом сосредоточены на осмыслении своего

¹ *Apfelbach Hans*. Der Aufbau des Charakters. Сравни: *Weininger Otto*. Geschlecht und Charakter; *Fliess W.* Ablauf des Lebens.

личного опыта. В дополнение к этим основополагающим динамическим связям Юнг проводит частную классификацию наших основных психологических функций: мышление, ощущение, восприятие, интуиция. Эти функции сознательно или бессознательно могут противодействовать друг другу. Таким образом, когда в сознании преобладает мышление, ощущение подавляется, и наоборот. Интуиция понимается как вид инстинктивного постижения, как функция, непосредственно зависящая от бессознательного. В зависимости от доминирования одной или другой из этих базовых функций, Юнг создает четыре специальных типа экстраверсии и интроверсии.

Определенные значимые политические типы принадлежат, по Юнгу, к категории мыслителей-экстравертов. Эти личности стремятся привести всю свою жизнедеятельность в соответствие с интеллектуальными выводами, которые в последней инстанции всегда направляются объективными данными, будут ли это объективные факты или общезначимые идеи. С помощью его формулы измеряется добро и зло: все, что ей противоречит, неправильно, и правильно все, что ей соответствует; все, что по отношению к ней нейтрально, случайно. Подобно тому как человек экстравертного типа мышления подчиняется собственной формуле, он пытается подчинить ей, как проявлению универсального вдохновения, всех остальных. Его моральный кодекс не допускает исключений, и он готов все свернуть, чтобы соответствовать схеме. «Кто-то действительно может» или «кто-то должен» — эти девизы широко представлены в его программе. Если формула достаточно широкая, отмечает Юнг, то мыслитель-экстраверт может выступать как реформатор, критик общественных заблуждений и пропагандист. Но чем жестче его формула, тем вероятнее он превратится в ворчуна, хитрого демагога и считающего себя праведным критика.

Многие политики подходят под общее описание, данное Юнгом экстравертно-интуитивному типу. Интуитивный тип не привлекают общепринятые ценности; он стремится скорее к возможному, чем к действительному. Он с легкостью схватывает новые объекты и способы ведения дел с тем, чтобы хладнокровно отказаться от них, как только их применение становится очевидным. Непреодолимый магнетизм восходящего солнца зажигает

его воображение и руководит его деятельностью. Для восходящего и заходящего солнца нет никакого энтузиазма, никакой особой враждебности, только безразличие. Здесь же снисходительный покровитель, который чувствует ростки будущего и устремляется от одного проекта к другому, устав от рутины и деталей, когда проекты приняты и выполнены¹.

Типологии Апфельбаха и Юнга основаны на небольшом числе реактивных механизмов, которые, как предполагается, в различной степени влияют на взросление личности. Эти «механистические» типы могут содержать немало полезных указаний, но методологическая проблема по изоляции этих гипотетических механизмов не решена. «Устойчивая» реакция во взрослом возрасте может быть далеко не устойчивой, когда рассматривается в последовательные периоды взросления. Эти «механистические» типы, видимо, содействуют созданию бесконечных классификаций за счет детального изучения историй жизни. По причинам, которые уже были сформулированы, истории субъектов имеют огромную ценность для социальной науки; и необходимо порицать любой чрезмерный интерес к «механизму», который уменьшает значимость обработки индивидуальных записей. Юнг и Апфельбах очень мало говорят о важных этапах развития человека и не уделяют внимания карьере как единому целому, тогда как она состоит из последовательных фаз.

Прежде чем очертить нашу эволюционную концепцию *homo politicus*, вернемся к работе Фрейда, поскольку его метод дал возможность приблизиться к субъективной последовательности и использовать классификационные термины по отношению к последовательным фазам в системе влечений развивающейся личности.

¹ Jung C.G. Psychological Types. Chap. X.

Глава V ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Следует помнить, что поиски Фрейдом признаков травматической ситуации привели его к открытию одновременного функционирования всевозможных бессознательных мотиваций как больных, так и здоровых людей. Поиски вели дальше. Фрейд был вынужден завершить схематическую картину типичного генетического развития личности. Эта карта стала результатом сравнительного изучения весьма тщательно проанализированных случаев и опиралась на эмпирические наблюдения. Фрейд всегда придерживался своих данных; и независимо от того, как далеко его заводило воображение, реальный клинический опыт был стартовой и посадочной площадкой полета его мысли.

Энергия развитой личности может рассматриваться как распространяющаяся в трех направлениях: в положительном выражении социализированных импульсов, в антисоциализированных импульсах и в поддержке сопротивления антисоциализированным импульсам. Первоначальные формы выражения энергии, которые доступны младенцу, во многих случаях не совместимы с запросами человеческого общения. Младенец должен отказаться от многих примитивных форм вознаграждения, если хочет, чтобы его любили, и избегать дискомфорта и боли. Он должен развиваться как личность, которая соответствует требованиям общества. Взрослое окружение методом кнута и пряника принуждает его подчиняться командам ради его собственных прав. Сознание – это результат интроекции окружения, и оно накладывает ограничения на антиобщественные импульсы. Пока младенец и ребенок растет, он избегает конфликтов с окружением, переноса очаг конфликта внутрь себя, и внутренне выполняет роль няни, матери и отца. Он учится управлять своими выделениями и пресекать собственные разрушительные порывы. Он достигает пика индивидуальности путем социализации своих основных импульсов.

Но это воплощение в личности требований общественного порядка не проходит гладко и не упраздняет простые психологические структуры, которые развивались и, очевидно, отвергались с каждым шагом на пути взросления. Большая часть энергии

личности тратится на блокирование проникновения в сознание и открытое выражение нерегулируемых импульсов. Внимательное исследование в течение суток индивидуального поведения прекрасно выявляет размах, с которым личность контролируется весьма простыми психологическими структурами. Минуты усталости, депривации, безответственной мечтательности – все выдает присутствие тенденций, которые не вписываются в мир взрослых.

Фрейд начал создавать свою концепцию развития личности путем постепенной универсализации явлений, с которыми столкнулся в реальной клинической работе и впервые описал в относительно умеренных и ограниченных терминах. Оригинальность его психологического вклада изначально состояла в подчеркивании роли сексуальности в этиологии определенных неврозов. Он обнаружил, что все виды патологических условий и отклонений в развитии были, очевидно, вызваны некоторой трудностью в сексуальной интеграции. Это акцентирование внимания на роли сексуального регулирования как необходимой предпосылки здоровой взрослой жизни столкнулось с такой большой оппозицией, что Фрейд предпринял усилия по защите и укреплению своей позиции. Теперь сексуальная функция рассматривалась, по существу, как особая функция, подчеркивающая биологическое единобразие человека за счет индивидуальности. Такая тема, как «развитие личности», требует всесторонней теории личности, но она не разрабатывалась Фрейдом до его разрыва с Адлером, который настаивал на роли стремления к индивидуализации и отрицал, что в значительной степени забытых Фрейдом «инстинктов эго» достаточно, чтобы поддержать всеобъемлющую теорию.

История созданных Фрейдом теорий сексуальных неврозов личности начинается с его ранних, независимых психологических исследований. Многие клиницисты до Фрейда были крайне удивлены частотой, с которой сексуальные проблемы, видимо, вызывали «нервные» болезни. В своей работе по изучению гипноза Фрейд был особенно поражен тем, как часто в патогенных ситуациях встречались специфически сексуальные случаи. Теперь Фрейд продолжал делать обобщения относительно роли

сексуального элемента в неврозе и заявил, что невроз является функцией отклонений в сексуальной жизни.

Для защиты своих выводов Фрейд вооружился двумя новыми средствами. Первое из них – это его опыт разрешать пациентам выговориться и рассматривать большую часть сказанного ими как символизирующее еще что-то. Он обрел способность интерпретировать то, что другие люди воспринимали буквально как замаскированное представление о чем-то ином. И когда Фрейд сталкивался со случаями, которые не были откровенно сексуальными, он считал возможным рассматривать несексуальные элементы как символические образы сексуальности и укреплялся во мнении, что более интенсивные исследовательские процедуры обеспечили его подтверждающими фактами. Само собой разумеется, что тех, кто не осознал изменения точки зрения Фрейда, отпугнула мнимая произвольность его исследования.

Второе средство Фрейда заключалось в опоре на всеохватывающую теорию сексуальности. Не смущаясь от насмешек, которыми осыпали его сексуальную теорию невроза, он перенес войну на вражескую территорию, распространив всю концепцию сексуальности на прошлое, начиная с периода половой зрелости и вглубь, через жизнь взрослеющего ребенка, к его младенчеству.

На первый взгляд, это могло бы показаться дешевым диалектическим приемом с целью запутать критиков, сказав им, что «секс» означает все явления, которые они называли другими именами. Работа Фрейда «Три вклада в сексуальную теорию» избежала участи стать риторической игрой слов в силу виртуозности его воображения и очевидной определенности связей, которые он проследил между различными чертами детского развития и образцами здоровой и извращенной взрослой сексуальности. Тщательный анализ биологически действенного полового общения показывает, что оно является сложным комплексом многих действий. В нем участвует партнер противоположного пола. Существенная особенность полового общения – возрастание напряженности до достижения взрывного освобождения, сопровождаемого полной релаксацией. Мужчина должен обладать достаточными садистскими наклонностями, чтобы идти на риск причинить вред женщине, вводя пенис в вагину. Участники должны

жаждать испробовать все виды предварительной игры ради усиления степени напряженности, используя язык, губы, соски и все остальные эрогенные зоны тела.

Сравнивая детали этой полной картины откровенно сексуального акта с более ранними действиями младенца и ребенка, Фрейд обрисовал совокупность аналогий. Дети, развлекаясь в игре, принимают сексуальные позы, соприкасаются гениталиями и получают удовольствие в сексуальном подглядывании; но Фрейд в своем анализе сексуальности детей пошел намного дальше. Детские специалисты часто отмечали, что у грудного ребенка мужского пола нередко проявляется феномен эрегированного пениса и желание сосать грудь в течение некоторого времени уже после утоления голода. Общий вид последовательности релаксации типа «голод-кормление-умиротворение» повторяет картину полового акта. Фрейд предположил, что изучение образца кормления показывает, что удовольствие, полученное ребенком, выходит далеко за пределы непосредственных биологических потребностей. Этот избыток удовольствия Фрейд рассматривает как примитивное проявление сексуального инстинкта, который следует рассматривать не как появляющийся внезапно с созреванием аппарата желез, а как развивающийся, подобно обычному биологическому процессу, путем интегрирования частичных компонентов в единое целое.

Сексуальная дифференциация проявляется постепенно, поэтому вначале половые различия ребенком не осознаются. Как биологическое существо человек бисексуален – эту концепцию Фрейд позаимствовал с некоторыми сокращениями у Вильгельма Флисса. Различия достигаются в процессе семейного опыта. Ребенка сексуально влечет к родителю противоположного пола, однако недостаточно сильно, чтобы состязаться за объект любви. Так, отец, слишком могущественный, чтобы его убить и освободить себе тем самым дорогу, копируется сыном, который пытается впитать в себя его силу. Репрессия враждебности к отцу, чувство любви к матери создает Эдипов комплекс. Ребенок социализируется, играя роль отца по отношению к собственным импульсам. «Латентный период» проявляется, согласно Фрейду, в возрасте от четырех до шести лет, когда ранняя сексуальная

борьба с отцом прекращается. Боязнь отца («кастрационный комплекс») ведет к усилению Эдиповой фазы взросления.

Затем Фрейд выявил ряд трудностей, которые возникают всякий раз при неудаче в достижении успешной интеграции частичных компонентов сексуального инстинкта. Он связал гомосексуализм, психологическую фригидность и импотенцию, эксгибиционизм, садизм, мазохизм, вуайеризм и ряд других отклонений с определенными неудачами в интеграции. Порой человек становится зависимым от идей, которые имеют скрытое сексуальное значение, а иногда он потворствует физическим симптомам, которые обладают подобным бессознательным значением. Первое – навязчивый невроз, а второе – истерия.

Особое значение, которое Фрейд придавал сексуальности ребенка и социализации путем устрашения, внесло революционные изменения в культуру, которая кутала своих младенцев в пеленки сентиментальности. Ребенок в поэзии изображался так:

Не холодом под блеклою луной
Нас мир встречает, нет, не мглой; –
В лучах любви, спеленатый добром
Ребенок с Богом входит в отчий дом.
Ведь детства невозвратный край
И есть наш безграничный рай.

Уильям Вордсворт

(Перевод с англ. Анатолия Антонова)

Фрейдистами ребенок рассматривался следующим образом:

«В тот или иной период своей жизни ребенок проявляет, до известной степени, внутреннее половое влечение, нарциссизм, эксгибиционизм, склонность играть в «Джека Подглядделкина», он склонен к инцесту, убийству отца или матери, проявляет гомосексуальность, фетишизм, мазохизм и садизм» (*G.V.Hamilton, An Introduction to Objective Psychology*, p. 301).

Еще в 1898 г. Фрейд начал разрабатывать идею, что сексуальность возникает с рождения. Но уже в 1900 г., когда появилась работа «Толкование сновидений», он писал в сноске, что «детство еще не знает сексуального желания». Разработав свою теорию сексуальности, Фрейд стал уделять меньше внимания защите

против коллег-психиатров по сравнению с совершенствованием защиты от нападок своих друзей. Фрейд приступил к созданию своего кружка в 1903 г. Из первоначального состава группы двоим – Альфреду Адлеру и Вильгельму Штекелю – было предназначено добиться впоследствии наибольшего внимания. К 1906 г. Ференци из Будапешта и цюрихский контингент – знаменитый Блейлер и его помощники – проявляли доброжелательность и заинтересованность. В 1908 г. состоялась конференция в Зальцбурге, а в 1909 г. Г. Стэнли Холл пригласил Фрейда прочитать курс лекций в Кларкском университете. В 1910 г. в Нюрнберге было организовано международное общество, и становлению психоаналитического направления было положено хорошее начало.

Первый раскол произошел, когда Фрейд и Адлер окончательно разошлись в 1911 г. Адлер по поводу и без повода подчеркивал роль «мужского протеста» – стремление человека быть хозяином в любой ситуации, в которую он попадает. Человек индивидуализируется, преодолевая свой маленький рост, энурез, некрасивую внешность и другие дефекты; его основное стремление заключается скорее в отделении себя от других, чем в выполнении родовой функции.

Адлер выделил еще несколько пунктов несогласия с Фрейдом. Фрейд вынужден был подчеркивать антиобщественные побуждения человеческой природы, а Адлер в меньшей степени поддерживал гоббсовские представления. Компонент «социального чувства» в человеческой природе занимал свое место в системе Адлера; и когда «социально полезные» нормы регулирования поведения индивидуума нарушались им, проявлялись «чувства подчиненного положения». Терапия заключалась в том, чтобы заставить неприспособленного человека осознать это объяснение, приводя его к отказу от социально бесполезных средств господства и позволяя его «социальным чувствам» проявляться более свободно. Терапия Адлера показала, что он предложил педагогико–этическое противодействие, направленное против отрицания Фрейдом обучающей функции научного аналитика. Фрейд неоднократно говорил, что задача аналитика – расположить пациента к себе и позволить ему выработать определенные средства адаптации к реальности. Адлер хотел дать па-

циенту общую схему образа мышления и позволить ему попрактиковаться в применении «социальных чувств» своей натуры.

Адлер выразил также протест против сложности мышления Фрейда. Отличие можно выявить четче, отметив, что Фрейд шел от симптомов к оценкам, от оценок к другим оценкам и от них к условиям. Анализ заключался в выявлении пожизненных последовательностей значения, связанного с определенными объектами. Жане так никогда и не осуществил этот процесс, а Адлер ему воспрепятствовал. Адлер начинает с симптомов и напрямую движется, насколько это возможно, к условиям. Его книги изобилуют краткими описаниями случаев, и «символический» материал в них минимален. Используя свой ориентирующий принцип, он уделяет внимание благожелательному восстановлению социальных отношений пациента и выбирает такие проблемы, с которыми человек старается справиться с помощью антисоциальных или калечащих личность средств. Простота сделанных с позиции «здорового смысла» наблюдений Адлера привлекает его учение в кругах, членов которых оттолкнула чуждая терминология и сложная интерпретация Фрейда.

Испытывая постоянные нападки Адлера, Фрейд приступил к расширению своей краткой теории эго. Вначале Фрейд был склонен утверждать, что Адлеру нечего добавить, потому что он сам уже высказался об инстинктах эго, так же, как и о сексуальных инстинктах. Подобное решение вряд ли было удовлетворительным, и Я не находило подходящего места в теоретической системе Фрейда до тех пор, пока не была рассмотрена и подробно изложена роль нарциссизма (любовь к себе). Это «спасло» сексуальную теорию и сделало анализ процессов эго предметом основного интереса в психоанализе. Особое значение придавалось тому факту, что когда либидо индивидуума нацелено на объекты и когда на это видимое достижение накладываются препятствия или ограничения, либидо возвращается к самому индивидууму. Эта выраженная либидоизация личности весьма затрудняет ее последующий контакт с реальностью, и в таком эволюционном искривлении прослеживается множество деформаций и структур личности.

Разрыв между Фрейдом и Юнгом в 1913 г. не имел такого непосредственного значения для теории личности по сравнению с предыдущим расколом. Подобно Адлеру, Юнг стремился снизить роль сексуальности, но он достиг своей цели не столько за счет постулирования сопутствующих эго-инстинктов, сколько путем привлечения концепции внутренней энергии, которая включала бы сексуальность, эго-стимулы и многие другие сопутствующие проявления. Юнг, опять параллельно с Адлером, пришел к идее раскрепощения человеческой природы, формулируя нравственную тенденцию в бессознательном. Подобно Адлеру, Юнг откровенно давал советы и учил своих пациентов. Два отличительных направления инновации Юнга были связаны с толкованием сновидений и этнологическими применениями. Юнг расширил толкование сновидений для обнаружения «расового бессознательного». Используя материалы сказаний и сновидений, Юнг пытался опровергнуть требования сексуальности и продемонстрировать ограниченность применения Эдипова комплекса.

Фрейд подвергся нападкам по важнейшему пункту и решил защитить себя в работе «Тотем и Табу». Он получил преимущество перед Юнгом, который опирался на материалы сказаний, с трудом выуживая из книги Фрезера «Золотая ветвь» этнологические сведения для подтверждения универсальности Эдипова комплекса. Это был первый вклад Фрейда в систематическую социальную теорию, и в этой связи он подойдет для рассмотрения. С точки зрения теории личности, возможно, наиболее ценны места, описывающие детскую завышенную оценку мышления — «всемогущество мысли», как это было сказано одним пациентом.

Несколькими годами позже Юнг, теперь уже самостоятельно, создал свою классификацию типов личностей, значительно усилив общественный и научный интерес к теме. Это, в свою очередь, стимулировало разработку группой единомышленников Фрейда формальной психоаналитической характерологии. В решении этой задачи им помогли некоторые прежние контакты с Фрейдом, относящиеся к его заметкам о некоторых характерных типах, встречавшихся ему на практике. Эта литература может быть соотнесена с историями больных, которые следует немедленно обсудить.

Другие разрывы между Фрейдом и его учениками (включая Штекеля и Ранка) были до сих пор не столь важны для теории личности, хотя социологические интересы Ранка, когда он освободился от непосредственного влияния учителя, могли теперь выкристаллизоваться.

Фрейд, который упрямо держался за фразеологию секса, отрицая любое предложение о создании системы основных категорий, в которых было бы меньше ограниченных коннотаций, совершил в 1926 г. блестящий маневр и предложил рассматривать человеческую деятельность как выражение двух принципов – инстинктов жизни и смерти. Жизнь заключается в накоплении и освобождении от напряжения¹; и, обобщая это явление, мы получаем энергию жизни и смерти.

Допустим, мы отложим в сторону будущее толкование аналитических теорий личности и в свете этих концепций определим общую формулу, описывающую историю развития политического человека. В самом общем виде формула включает три понятия. Первый компонент – *p* – означает частные мотивы человека, в том виде, как они воспитаны и организованы по отношению к семье и на раннем этапе развития личности. У нас будет возможность увидеть, что первичные психологические структуры продолжают функционировать в структуре личности еще долго после того, как хронологически пройдены периоды младенчества и детства. Значимость ненависти в политике предполагает возможность обнаружить, что наиболее важный частный мотив – это подавленная и глубокая ненависть к власти, ненависть, которая находит частичное выражение и подавление по отношению к отцу, по крайней мере, в ведущемся по отцовской линии обществе, где мужчина является отцом не только по крови, но и отцом-воспитателем.

Второе понятие – *d*, с помощью которого формула описывает смещение частных мотивов от семейных объектов на общественные. Подавленная ненависть к отцу может быть направлена на королей или капиталистов, которые являются социальными объектами, играющими роль перед обществом и в его рамках. Гар-

¹ Beyond the Pleasure Principle.

моничные отношения с отцом семьи могут существенно зависеть от успешного преломления ненависти от частных объектов к общественным.

Третий символ – r – обозначает рационализацию переноса в терминах общественных интересов. Нещадная эксплуатация капиталистами не имеющего средств производства пролетариата может стать рациональным оправданием отношения человека к капитализму.

Самая общая формула, выражающая факты развития полноценно развитой политической личности, может выглядеть так:

$$p \} d \} r = P,$$

где p означает частные мотивы, d – смещение на общественный объект, r обозначает рационализацию в терминах общественного интереса, P – политический человек, и $\}$ обозначает преобразование.

Компонент p разделяется политическим человеком со всяким другим человеком. Расхождение впервые проявляется в переносе аффектов на общественные объекты и в таком построении жизни, чтобы дать возможность выхода этим аффектам. Неполитический человек может ощущать себя пострадавшим от брата, коллеги и всякого, с кем он общается. Его сознание может быть охвачено личными фантазиями о любви или ненависти к конкретным людям, и его идеологический мир (взгляды на государство, церковь, предназначение человека) может находиться в зачаточном состоянии. Он – муха в сетях своего непосредственного окружения, и его борьбу можно охарактеризовать в терминах непосредственного столкновения с реальностью. Когда подобный человек направляет свои аффекты на лицо, которое является общественным деятелем, это не делает его политическим человеком. Импульсивно убивая короля, оскорбившего его сестру, цареубийца не становится политиком; должна быть вторичная разработка переноса в терминах общего интереса. Это рационализация, которая, в конечном итоге, преобразует действие из сферы частных в сферу общественных действий. В самом деле, частные мотивы могут полностью выпасть из сознания политического человека, и он может с успехом добиться высокого уровня объективного утверждения своей точки зрения. В «идеальном» случае

это может зайти столь далеко, что частные мотивы, ведущие к первоначальному обязательству, имеют в данное время совсем небольшое значение.

От чего зависят смещение и рационализация? Без сомнений, общий ответ заключается в том, что выбор конкретных общественных целей зависит от «исторических» случайных образцов, предлагаемых личности окружением в критические моменты взросления. Легко предсказать, что большинство политиков происходит, скорее, из семей с политическими традициями. Но это весьма широкое заключение не требует для своего подтверждения методики интенсивного изучения конкретных примеров. Если психопатологический подход к человеку стоит свеч, он должен раскрыть множество относительно новых обстоятельств, которые склоняют людей принять, отвергнуть или изменить образцы действия и выражения, предлагаемые их окружением. Предварительно мы можем допустить, что пубертатная фаза биологического роста, которая совпадает с увеличением общественных требований, может оказаться периодом, когда отношение к невидимому окружению формируется особенно быстро.

Детали могут дать больше, если исследуются какие-то однородные группы политиков с целью выяснения важных различий в историях их развития. Агитаторы — первые, кому мы уделили особое внимание.

Глава VI ПОЛИТИЧЕСКИЕ АГИТАТОРЫ

Неотъемлемая черта агитатора – стремление добиться эмоционального отклика публики, что представляет для него высшую ценность. При этом неважно, нападает он на социальные институты или защищает их. Агитатор обретает свое имя честно, поскольку в достаточной степени нацелен на общественную политику для того, чтобы передавать свое воодушевление ближайшему окружению. Он преувеличивает значение желаемых социальных перемен, которые возможны в результате осуществления социальных действий определенной направленности. С административной точки зрения можно сказать, что агитатор – это тот, кто преувеличивает разницу между одной явно предпочтительной социальной политикой и другой, подобно тому, как любовник у Шоу – это тот, кто чрезмерно преувеличивает разницу между двумя женщинами. Ведут ли агитаторы себя подобно целителям и хирургам, как предположил бы Манро, их объединяет ожидание положительных результатов отдельных инновационных действий. Агитатор легко приходит к выводу, что тот, кто с ним не согласен, находится в союзе с дьяволом, и что его оппоненты демонстрируют вероломство или робость. Агитаторы в известной степени вздорны и недисциплинированы; множество команд реформаторов укомплектовано мятежниками. Агитатор стремится подчинить личные соображения высшим требованиям принципа. Дети могут страдать, пока отец и мать сражаются за «дело». Но истинно праведные не останутся со своими семьями, когда поле готово для жатвы. Даже находясь на страже против губительного вторжения частного интереса в общественные дела, агитатор усматривает «недостойные» мотивы там, где другие видят лишь призывы к дружбе. Уверовав в непосредственный эмоциональный отклик со стороны общественности, агитатор верит в призывы масс и общие принципы. Множество подобных ему живет для того, чтобы поднимать шум и писать. Совесть мучает их до тех пор, пока они не испытают очередной всплеск морального воодушевления. Уверовав в магию риторики, они ликвидируют помехи путем ритуального повторения принципов. Они рас-

страиваются и приходят в замешательство от беспорядочной массы технических деталей, от которых зависит удачливый администратор. Агитаторы «чистого» типа, получив ответственные посты, далеки от того, чтобы отказаться от должности официального шарнира ради подвижной свободы платформы и пресса. Они восхваляют людей, обладающих изрядным рвением, людей, которые воюют с драконами и возбуждают общественное сознание призывами, повторами и руганью.

Первая приводимая здесь история жизни рассказывает о мистере А. Это не «институциональный» случай. Мистер А. не страдает душевными отклонениями и никогда не обращался к невропатологу, психиатру или «специалисту по нервным заболеваниям». Он – один из тех, кто сначала неохотно соглашается, затем всецело отдает себя для изучения с такой же скрупулезностью, интимностью и беспристрастностью, с какими обследовался бы явно неуравновешенный человек. Мистер А. сразу же увидел пользу для прогресса науки от сбора историй жизни людей, считающих себя совершенно нормальными, так как большая часть наших материалов связана с больными.

Право А. на место среди агитаторов не вызывает сомнений. Когда Соединенные Штаты вступили в мировую войну, он был вынужден уйти со своей должности из-за твердости, с которой отстаивал пацифистские взгляды. Ранее он баллотировался в Конгресс по социалистическому мандату. Подозреваемый во время обучения в теологической школе в неортодоксальных взглядах, он неуклонно становился все более радикальным в своих взглядах и был исключен. Ранее он был секретарем и ответственным представителем гражданской реформаторской организации, которая активно боролась с коррупцией в муниципальных структурах. Он постепенно убеждался в том, что «беловоротничковые реформы» будут безрезультатными до тех пор, пока в этой стране господствует капиталистическая система, и через некоторое время направил свою энергию на пропаганду рабочей организации и социализма.

Как моралист, социалист и пацифист он отличался, прежде всего, проявляемой в интересах избранного курса резкостью на публике. Мистер А. говорит быстро, с большим энтузиазмом и

искренностью, и его рассуждения насыщены оскорбительными эпитетами, саркастическими замечаниями и острыми инсинуациями. Он признает, что получает явное удовольствие «гладить против шерсти». Он ничем так не наслаждался, как, получив приглашения на лекции по социальным и экономическим проблемам перед консервативной публикой, шокировать ее, заявляя, что «организованный бизнес и организованная преступность мало чем отличаются друг от друга», «коррупция и капитализм едины и неразделимы», «капитализм зависит от рынка, рынки, в конечном счете, зависят от силы, а сила означает войну». Так, война, по его убеждению, была логическим результатом капиталистической системы.

Мистер А. гордится своей способностью пробивать бреши в логических построениях известных людей. Он вовлекал в переписку выдающихся евангелических проповедников, доказывая, что некоторые места в их сочинениях логически ведут к заключению, что любая война, не исключая последнюю, есть зло, и что им следует признать это открыто, заявив о своем сожалении, что они охвачены антихристианской военной истерией.

Он верит, что истинный разум – надежда человечества, и превозносит науку. Он был рад положить свою историю жизни на алтарь науки и ради нее выносить тяготы восстановленных в памяти частных фактов, которые большинство из нас старается забыть.

Более поздние убеждения мистера А. были связаны с его довольно интенсивным переосмыслением своих ранних взглядов. Так, пацифизм привел его к глубокой оппозиции правительству, возмущенному его пониманием правды. Мистер А. всей душой защищает человека от официального вмешательства в вопросах наклонностей и совести и смягчает свой прежний настрой на запреты.

Будучи строгим, обличительным, нравоучительным и дерзким в общественных вопросах, в личном общении он сердечен и обаятелен, если не чувствует враждебности. Его глаза излучают благорасположение, он мягок, отзывчив и заботится о производимом им впечатлении. Речь и жесты быстры, манеры живые и нередко свидетельствуют о напряжении.

Телосложение **А.** относится, скорее, к астеническому типу по гипотетической пикническо-астенической шкале, подобной той, которую Вертхаймер и Хескет создали на основе наблюдений Кречмера о физических типах¹. Он заметно худ, но внимательному наблюдателю не покажется по этой шкале ни слишком низким, ни очень высоким. Его ноги несколько длиннее, чем в пропорциональном теле, и очертания плеч, бедер, колен и лодыжек рельефны. Тонкое лицо имеет довольно изысканную форму, к этому добавим приобретенное им чувство собственного достоинства, а также отличительную особенность – изящную вандейковскую бородку. Грудная клетка нерельефная, верхние ребра направлены внутрь. Его прямая осанка выглядит компенсацией за свойственную ученым склонность к сутулости. В среднем возрасте и несколько позднее он страдал желудочно-кишечными расстройствами.

Будучи вторым сыном бедного деревенского священника, он рос в стесненных обстоятельствах вместе с братом, который был немного старше. Мать **А.** умерла, производя на свет его младшую сестру, и о детях заботились отец и череда пожилых домовладельцев, оставивших о себе весьма расплывчатые воспоминания. **А.** и его брат учились в придерживающейся старого уклада начальной сельской школе, поступив туда, несмотря на разницу в возрасте, одновременно, с тем, чтобы младший брат не оставался дома один.

С раннего возраста **А.** испытывал по отношению к брату некоторую враждебность, а также чувство превосходства над ним. По неясной причине дети в школе обзывали брата пасторским сынком, но его оставили в покое. **А.** был проворнее брата, карабкался по деревьям и с легкостью пробирался в труднодоступные места. Он гордился тем, что может делать то, что брат даже и не пытался делать, и, кажется, испытывал перед ним страх, потому что однажды он услышал, как брат говорил другому школьнику, что надо оставить **А.** в покое, «потому что когда он выходит из себя, то может поколотить меня».

¹ The Significance of Physical Constitution in Mental Disease // Medicine. 1926. V. P. 375–451.

Старший мальчик отвечал перед отцом за проказы, которые в действительности были совместными деяниями обоих братьев. Весьма показателен один случай, когда отец ушел по вызову, велел мальчикам оставаться дома. Они решили выйти из дома, и отец, обнаружив на снегу следы, задал старшему сыну изрядную порку, оставив А. безнаказанным. Младший сын, бесспорно, был любимчиком, и отец часто бранил старшего сына, обзывая его тупицей, и с гордостью указывал на легкость, с которой А. усваивал уроки.

В самом деле, А. заметно преуспевал в школе. Один из учителей, которому привелось работать в колледже, говорил его отцу, что А. подает блестящие надежды. А. также помнит бурю восторга, когда родственник написал, что нужно получить разрешение на его обучение в колледже, ибо он доказал, что может быть достойным преемником своего дяди. Этот дядя был знаменитым профессором, автором известных философских трудов и подлинным героем в глазах семьи.

Отец спал с двумя сыновьями в одной кровати до тех пор, пока они не стали юношами. Поэтому, сколько А. помнил себя, он находил прикосновения своего отца очень приятными, хотя прикосновения брата были противны. Сильная неприязнь А. к брату, развившаяся из их соперничества за расположение отца, получила конкретное подтверждение в критическом эпизоде, который произошел, когда его рано созревший старший брат достиг половой зрелости, и у него начались поллюции. Священник был шокирован, поскольку считал это признаком мастурбации, а мастурбация греховна и опасна¹. Думая, что А. крепко спит, он про-

¹ Известное суеверие относительно опасности мастурбации, видимо, широко распространилось в Западной Европе в XVIII в. Хэйвлок Эллис датирует его появлением сенсационной книги анонимного английского врача, которая называлась «Онания, или ужасный грех самоосквернения, и все его страшные последствия для обоих полов: обоснование, духовные и физические советы и т. д.» Считается, что книга переиздавалась восемьдесят раз и была переведена на немецкий язык. Тиссо, терапевт из Лозанны, написал в 1760 г. на ту же тему свой труд «Трактат» на латинском языке. Четыре года спустя труд появился на французском, а чуть позднее – почти на всех европейских языках. Тиссо утверждал, что мастурбация – это престу-

чел старшему сыну лекцию о пагубных последствиях саморазвращения. Временами сын будет просыпаться и обнаруживать, что ночью у него произошла поллюция. Тихо, с раскаянием он должен будет говорить отцу: «Я снова сделал *это!*», на что родитель воскликнет укоризненно «О!». Затем юношу показали врачу, который, казалось, умирил тревогу отца и в некоторой мере убедил сына, что его мужественность не была безвозвратно утеряна. Темные слухи о развращении время от времени ходили по деревне. Полагали, что деревенский дурачок саморазвращением довел себя до идиотизма, и сошедший с ума деревенский холостяк так же считался пострадавшим от этого порока.

А. прислушивался к слухам и ночным диалогам отца и брата и сделал вывод, что с прикосновением к собственному телу связано что-то опасное. Он чувствовал стыд за брата, который принес столько страданий отцу и про себя решил никогда его не разочаровывать. Мораль библейского сюжета о родителе, доведенном от стыда до седины и смерти, проникла в его сознание, и он решил никогда не повторять слабости брата.

В это время старший брат А. удивил всех внезапным превращением из флегматичного юноши в пылкого религиозного активиста. Он стал изменяться под влиянием драматических обстоятельств и примкнул к церкви, умиrotворяя таким образом таинственные силы, которые могут сурово покарать его за личные пороки. В этом он действовал сообразно юношескому возрасту. Юность хорошо известна как время, когда искушения «плоти» усиливаются, и множество молодых людей, угнетенных своими «животными» порывами, ищет способ избавиться от тяжести вины путем принятия официальных образцов в соответствии с религиозными ритуалами общества. Юности свойственны высокие идеалы, которые являются типичной реакцией на появ-

ление, «акт самоубийства». Вольтер высказал свое мнение в общедоступной форме в «Философском словаре», и тем самым сформировалась традиция. См.: *Havelock Ellis. Studies in the Psychology of Sex. I. P. 248–49.* Культурная условность такого отношения к мастурбации просматривается в этнологических отчетах.

ление «низких желаний», так что это удачное время для охоты за новообращенными любого рода.

Когда у самого А. начались поллюции, он был очень обеспокоен и занимался самобичеванием. Ему было примерно пятнадцать лет, когда у него случилась поллюция после того, как мальчик поиграл его гениталиями, думая, что тот спит. Он испытал греховное удовольствие, хотя был совращен, что усилило в нем чувство вины. Это было время, когда он проявлял также горячий интерес к церкви. Он быстро «преодолеl» желание заниматься мастурбацией, но в последующем постоянно испытывал «борьбу» по преодолению «неправильных» импульсов и эротических представлений. В своих сновидениях он часто видел петухов и кур во время их сношений на скотном дворе его старого дома, и повторение старых сцен – свидетельство раннего сексуального любопытства А. Большинство его сновидений присущ общий сексуальный язык. Временами он совершал прогулки в долину змей или обнаженный шел к какой-то цели, которую не мог четко представить. Голая женская фигура обычно подавлялась, хотя иногда и появлялась.

С фермы, на которой отец получал некоторый дополнительный доход к своему скудному жалованию, А. забрала тетя, которая утверждала, что мальчику нужно улучшить условия для учебы. Эта тетя всегда проявляла большой интерес к своему не знавшему материнской ласки многообещающему племяннику и старалась наполнить его жизнь любовью, которой он лишился после смерти матери. Маленьким мальчиком он часто приходил к своей тете на некоторое время. Он спал с ней в одной кровати, и его живое любопытство к женской фигуре было частично удовлетворено мимолетными взглядами на тетю во время ее утреннего туалета. У тети была семья, с членами которой он был в хороших отношениях, и он был очень счастлив жить с ними в городе. На ферме он недоедал, а здесь поправлялся и быстро рос. Он принимал активное участие в делах церкви и в общественных делах округа.

Многообещающее умственное развитие, проявленное А. в детстве, дало результат. Он был одним из наиболее преуспевающих учащихся в средней школе и настолько успешно сдал всту-

пительные экзамены в колледж, что был принят с ореолом юного дарования. Он решил добиться успехов в учебе, что и сделал, закончив четырехлетний цикл обучения первым учеником.

По прошествии времени он начал проявлять несогласие с догмами своего непосредственного социального окружения. Во время учебы в средней школе ему было поручено выступить защитником проигрышного дела и защищать контрабандистов при обсуждении тарифов. Чем больше он читал и думал об этом, тем больше убеждался, что позиция контрабандистов логична. Все его родственники, без исключений, были убежденными республиканцами, и его аргументы противоречили, скорее, сентиментальным, нежели рациональным призывам. Превращение в сторонника беспощадной торговли привело А. к дебюту в качестве кандидата в президенты от демократов. Он вспоминает, что когда в первый раз объявил эту ересь, одна из его теток резко отодвинула свой стул от стола, воскликнув раздраженным, скептическим и укоризненным тоном: «Подумать только, сын моей сестры может говорить подобные вещи!». Курс биологии в колледже заставил его поверить в эволюцию, и он долго спорил по этому поводу с одним из своих дядей, который был узколобым, традиционно мыслящим священником. А. начал развивать в себе чувство, что интеллектуальный блеск приводит к разногласиям с убеждениями людей среднего класса, наподобие его родственников.

До сих пор его непокорность строго ограничивалась несколькими теориями. В колледже он был членом молитвенного собрания, и его братство состояло в основном из будущих докторов теологии, которые добросовестно поддерживали суровый кодекс личного воздержания от алкоголя, табака, неприличных выражений и женщин. Одного молодого человека, опрометчиво вошедшего в помещение с зажженной сигаретой, вежливо, но твердо попросили выбросить ее. Случилось так, что в колледже А. принял участие в своей первой правоохранительной кампании. Государственный сухой закон соблюдался плохо, и А. хорошо это знал по веской причине, так как у него был перечень маршрутов, которые вели в «аптекарские магазины» и прочие сомнительные заведения в разных местах города. «Чай» открыто заказывали в баре и тут же распивали. А. задумал оставлять в подоб-

ных местах объявления, извещающие о правоохранительных собраниях, создавая таким образом своего рода панику.

Незадолго до окончания колледжа у А. состоялся разговор с любимым профессором. Профессор спросил, что он намеревается делать и весьма заинтересовался, когда А. признался, что хочет стать министром. Профессор сказал, что в ходе своей активной проповеднической деятельности, прежде чем он начал преподавать, он усвоил, по крайней мере, одно. Каждый интеллектуально честный и независимый человек рано или поздно обнаружит, что подвергает сомнению собственные догмы, и за этим последует период горького разочарования. Если человек действительно честный, он никогда не отступится от истины, даже ради жены и семьи. Но когда наступит период сомнений, он советовал А. не покидать поспешно свою работу. Сам он пережил шесть месяцев мучений, когда был на грани того, чтобы бросить все и заняться бизнесом. Но, в конце концов, он пришел к вере, которой мог придерживаться и которую мог защищать. «Лучше пусть меня мучают и четвертуют, чем я стану проповедовать то, во что не верю», – заявил он многозначительно. Эта беседа произвела глубокое впечатление на А., приведя его к предвосхищению сомнений как признака интеллектуальной проницательности и порядочности.

Так, в дальнейшей своей жизни он никогда не подвергал сомнению догматы ограниченной и простой теологии своего непосредственного окружения. В самом деле, он никогда не встречал никого, кто сомневался бы в них. Один-единственный эпизод поколебал его благодушие и оставил после себя небольшой след. Одно время его учителем в воскресной школе был молодой профессор богословия, имевший более либеральные взгляды, чем его современники. В классе мальчик рискнул спросить о трактовке власти в Библии, и учитель без малейшего замешательства ответил, что власть основывается не на слепой вере, а на ясном рассудке. «Если Библия предлагает тебе убить своего отца и свою мать, ты не должен этого делать. Ты не обязан делать это. Оправдание Библией таково, что ее поучения должны пройти проверку на опыте всех разумных людей».

В богословской школе первый курс, который посещал А., был посвящен трактовке власти по Библии. Этот курс читал чопорный, дородный человек, обладавший некоторой известностью. А. привык выделяться смелыми высказываниями и решил возразить по поводу некоторых утверждений, которые, как подразумевалось, надо принять и запомнить без возражений. Его основная мысль заключалась в том, что власть основывается на рассудке, а не на вере. К своему огорчению, он получил репутацию продувного и недисциплинированного выскочки сомнительной ортодоксальности. Его прежний учитель из воскресной школы был сотрудником факультета, и А. написал сочинение о библейской трактовке власти, в котором разрабатывал линию аргументации, которая так его впечатлила. Только постоянное заступничество этого профессора в разное время спасало А. от наказания или даже от исключения.

Молодой человек не был склонен слишком серьезно принимать жесткую теологию в силу все возрастающего пренебрежения к своему отцу. А. и его брат – оба чувствовали себя обязанными возвращаться домой каждое лето и помогать в работе на ферме. Их отец был счастлив, когда сыновья присоединялись к нему, но дела никогда не шли гладко. Отец был скор на проявление отцовской власти и неодобрения. Больше неприятностей, как всегда, доставалось старшему сыну, но кое-что выпадало и на долю А. Оба сына, к сожалению, видели неотесанность своего отца по сравнению с городскими священниками. Он слишком громко смеялся над собственными затасканными остротами. Его неизменное чувство самоуверенности выглядело несколько нелепо, когда он надевал шерстяное альпаковое пальто, направляясь в поле в жаркий день в самый разгар лета.

Общественная жизнь в богословской школе была вполне удовлетворительной. Учащихся тепло принимали девушки из местных церквей, и некоторые обручились. А. во время своего обучения в школе делал предложение двум девушкам, но оба раза был отвергнут. Он быстро, проведя одну или две ночи в меланхолии, приходил в хорошее расположение духа. Первая девушка была его родственницей, с которой он был знаком много лет, а вторая – близким другом семьи. Двойная неудача стала своего

рода ударом по его чувству собственного достоинства и подкрепляла его решимость повлиять на мир.

Первый приход А. находился в беднейших кварталах маленького городка. У А. не было сомнений в своем неоспоримом интеллектуальном превосходстве над прихожанами, и он раздражался, когда необразованная домохозяйка осмеливалась высказывать сомнение в ортодоксальности его верований. По истечении трех лет он ушел в отставку, испытывая негодование из-за острой критики, которой подверглись его идеи. Вспоминая этот случай, он чувствовал, что был слишком опрометчив.

Именно в этом первом своем приходе А. начал писать хорошие материалы для прессы и приобрел репутацию мастера сенсаций. Он организовал Лигу законности и порядка для борьбы с преступностью и полицией. Его проповеди были исполнены жгучих филиппик против преступников и малодушных чиновников. Все это порождало острое чувство, что он вызвал переполох в мире реальных дел, и в результате он отказался от предложенного места на факультете престижного университета, где теперь работал его бывший учитель воскресной школы.

Новый пасторат А. находился в рабочем районе большого города. Он сразу начал преследовать чиновников за неисполнение ими законов. Он проводил налеты на крупнейшие игорные дома и сдавал их полиции с целью закрытия. В его рассуждениях возродилась критика, и церковное начальство предложило ему либо отказаться от нее, либо уйти. Он не захотел подчиниться и вскоре был уволен. Он был тут же приглашен читать лекции перед духовным обществом, где его комментарии по текущим религиозным и социальным проблемам вызвали большой резонанс. Несмотря на то что он привлек много внимания, общество было чрезвычайно бедно, и А. истратил небольшое наследство, которое получил перед этим, не заботясь о собственном будущем.

В ходе этих революционных действий он стал социалистом и вступил в социалистическую партию. Он сочувствовал тяжелой доле бедняков и отдал свой голос на выборах за Брайана как символ протеста против равнодушия привилегированных классов ко всем правам, кроме их собственных. Его любимый профессор из колледжа потерял работу во время анархистской истерии, когда вы-

ступил против «законного убийства» подозреваемых с Хеймаркет¹. А. был глубоко тронут созерцанием человека, стремящегося поддерживать свои представления о независимости вплоть до принесения жертвы ради их сохранения. Аргумент, который, в конечном итоге, привлек его на сторону социализма, заключался в том, что политическая демократия невозможна до тех пор, пока не будет осуществлена экономическая демократия, и что социализм – это просто демократия в промышленности. Принципы демократического братства, однажды использованные на деле в мире труда, могут скоро управлять всеми общественными отношениями.

Новые убеждения открыли для А. и новое поле для агитации и гласности. Игнорируя или преодолевая холодный прием со стороны некоторых людей «с мозолистыми руками», он влился в маленький отряд социалистов и вскоре стал кандидатом в Конгресс. Он провел в районе тур этой кампании подобно урагану и был чрезвычайно доволен собою.

В конце концов А. женился на талантливой, сердечной школьной учительнице, с которой был знаком уже несколько лет, но откладывал женитьбу до смерти ее родителей, которые весьма неодобрительно относились к нему. В то время, когда он был холостяком и работал священником, он понял, что многие женщины совсем не против были бы стать женой или любовницей священника. Одна замужняя женщина стала основным работником в церкви и горячо уверяла его: «Я в вашем распоряжении днем и ночью». Другая женщина, с которой он едва был знаком, пришла на занятия пасторов, заявив, что они немедленно должны пожениться и «покончить с этой ужасной мукой для них обоих». Он был совсем не уверен, что имели место какие-либо муки, и не хотел их испытывать. Он понял, что жена может стать защитой, но

¹ Речь идет о событиях 4 мая 1886 г., когда во время митинга рабочих, выступавших под лозунгом борьбы за 8-часовой рабочий день, была совершена антирабочая провокация: бомбой, брошенной в отряд полицейских, было убито несколько полицейских и рабочих. Это событие послужило поводом для ареста рабочих лидеров, четверо из которых по приговору суда были казнены 11 ноября 1887 г. – *Прим. пер.*

большинство встречавшихся в его жизни женщин были настолько невзрачны, что воздержание стало как принципом, так и желанием.

В результате в течение многих лет он скрывал в своей душе страх, что может оказаться импотентом, и был весьма унижен, обнаружив, что оказался вначале не способен совершить половой акт. Так как он впервые вступил в сексуальные отношения, когда ему было около пятидесяти, и он практически никогда не мастурбировал, его проблемы были нетипичными и, к счастью, оказались преодолимыми. Он сожалел, что ему не удалось проконсультироваться с врачом перед свадьбой, и не успокаивался вплоть до рождения первого ребенка.

Вскоре после женитьбы у А. закончились финансы, и он считал необходимым отказаться от чтения лекций ради другой работы, пока в подходящем приходе не потребуются его услуги. Когда, наконец, пришел вызов, в Европе разразилась война, и А. проклял ее с присущим ему пылом. Он прочел книгу, в которой в доступной форме излагались идеи князя Кропоткина о том, что взаимопомощь и непротравление являются ключом к пониманию процесса эволюции. Война иррациональна, так как противоречит принципу взаимопомощи и является антихристианской, потому что направляет руки человека против его собрата. По мере приближения вступления Америки в войну А. увидел, что его открытая позиция может навлечь неприятности. Но в силу свойственной ему радикальной позиции и стремления настаивать на ней, идея поставить под угрозу свою независимость во имя семейного долга была ему невыносима. Присущий ему оптимизм также ввел его в заблуждение о степени пацифизма, с которой могла бы смириться его паства, и вскоре его заставили уйти в отставку.

А. оказался в тяжелом финансовом положении и отчасти надеялся, что жена будет готова, если нужно, умереть от голода рядом с ним, являя собой островок здравомыслия в обезумевшем от войны мире. Он попал в финансовую зависимость от своей семьи и от поддержки, идущей от состоятельных, радикально настроенных и сочувствующих ему людей. Так как его собственные профессиональные возможности были ограничены, и он никогда не

занимался иными видами работы, то попал в зависимость от других людей. Он был несколько смущен подобным положением вещей, но никак не угнетен, как и не страдал от общественного ostracism, который навлек на себя своей непопулярной позицией. Свою позицию он выразил однажды словами: «Меланхолия чужда бойцовской натуре».

Возвращаясь к карьере А., можно отметить определенные частные мотивы, которые возникли в ранний период его жизни в семье и продолжали оказывать ощутимое влияние в зрелые годы.

А. сильно угнетала ненависть к брату. Он осознавал свою холодность по отношению к брату, но успешно вытеснял из сознания любое напоминание об эмоциональном напряжении по этому поводу. Старший брат был его конкурентом в борьбе за любовь отца, и А. развивал свою быстроту и смелость в попытке превзойти своего брата. Он демонстрировал множество черт очень активного ребенка, как их часто описывал Адлер. А. скорее стыдился своего брата, который прошел обучение в школе и колледже без особых отличий, чья последующая скромная карьера была прозаично респектабельной. А. старался держать при себе враждебные мысли о брате и искал возможности не обращать на него внимания, навещая брата или переписываясь с ним крайне редко.

Несмотря на то что А. никогда откровенно не проявлял своей враждебности к брату, он мучился чувством вины за свое небратское отношение. Этот конфликт был частично разрешен с помощью реагирующей структуры и смещения. Реагирующая структура означала отказ от небратских побуждений, но это было возможно только при смещении его эмоций на далекие социальные объекты. Он распространил свой запрет на ненависть к брату на все общество и, по большому счету, идентифицировал себя с рабочими и человечеством в целом, находясь на службе в бедствующих приходах, тратя свои собственные деньги на работу в церкви, принимая социалистическую мечту о государстве всеобщего братства и требуя прекращения братоубийственной войны.

Его любовь к угнетенным и к человечеству (это реагирующее смещением его враждебности к брату) подкреплялась обычной рационализацией. Он поддерживал демократический идеал в

политике, идеал действительного равенства в осуществлении политической власти, он принимал социализм, который представлялся ему в виде индустриальной демократии (братство), обязательно предшествующей истинной политической демократии (братство). Его ранние запретные побуждения были выражены в виде призыва к братским чувствам. Он доказывал, что каждый человек должен заботиться о ближнем и, следовательно, обязан воздерживаться от примера, который привел бы к тому, что его более слабый брат мог бы расшибить ногу о камень. Война означала разрушение взаимной (братской) помощи среди тех, кто является братьями во Христе. Ненависть А. к брату, столь явная в дни его молодости и способная вызвать чувство вины, порождала эту предрасположенность к выбору обобщенного суррогата братской любви и к разработке в защиту своей позиции идеологии братства. Затем, держась в стороне от реального брата, он мог поддерживать удобное оправдание.

Другой значительный частный мотив, формирование которого восходит к раннему периоду жизни в семье, значимый и в зрелом возрасте, — это подавление А. своих сексуальных желаний. Он возвел свои личные, тщательно продуманные запреты на уровень общих запретов для всего общества, и точно так же, как он установил закон против ненависти к брату, он осудил отклонения от жесткого пуританского кодекса, по которому жил сам. Индивидуумы, обладающие столь негибкими структурами супер-эго, часто стараются защитить себя от напряжения сексуальных переживаний, держась подальше от «соблазнов» или удаляя «соблазны» из своего окружения. Так, мистер А. уклонялся от «непристойных разговоров» и «безнравственных предложений». Осознанная часть подобной строгости часто может быть выявлена в глубоко проанализированных случаях особенно сильных репрессий в то время, когда подавлялась активная детская мастурбация. Часто случается, что устрашением служит не только мужской, но и женский образ. Это отчетливо проявилось в другой высоконравственной личности, которая была подвергнута тщательному психоанализу. Так, несколько дней субъект видел себя во сне стоящим перед магазином мясника, куда его послала мать, и где он увидел своего отца, точившего длинные ножи. Или он

видел свою мать в образе Брунгильды¹ с мечом, в то время как он сжимался от страха, стоя на мраморной лестнице. После множества сновидений подобного рода изначальные ситуации получили, наконец, выражение в словах. Суть заключалась в том, что они были истолкованы как прямые угрозы отрезать руку, если ребенок не прекратит трогать себя руками.

То, что А. никогда не был способен преодолеть свою сексуальность, видно из его сновидений и грез наяву. Несмотря на его попытки «бороться» с этими проявлениями своих «антисоциальных импульсов», они продолжали появляться. Среди прямых и важных последствий, которые они повлекли за собой, было чувство греховности, и не только чувство сексуального греха, но и растущее осуждение себя за лицемерие. Его «борьба» против импульсов «зла» была успешной лишь отчасти, что порождало глубокое чувство незащищенности.

Это напряжение от самонаказания, как он обнаружил, может быть смягчено с помощью публичного подтверждения убежденности в усмирении плоти и переключения внимания на другие темы. Стремительные движения А., догматические убеждения и разнообразная деятельность были средствами спасения от грызущего его чувства неспособности справиться с собственными желаниями и быть хозяином самому себе. Не будучи глубоко уверенным в способности контролировать себя, он был очень занят управлением другими людьми и с этой целью заседал на бесконечных сессиях комитетов, участвовал в конференциях и общественных собраниях. Он всегда старался погрузиться в непрерывную бурную деятельность; никогда не оставался в уединении и одиночестве, так как это вызывало в нем ощущение бессмысленности; он также не мог заниматься продолжительными и трудоемкими исследованиями, потому что чувство незащищенности требовало ежедневного подтверждения его полезности миру.

Сексуальные желания А. проявлялись и бросали вызов его сопротивлению. Он постоянно испытывал скрытые страхи оказаться импотентом. Хотя он и предлагал выйти за него замуж

¹ Брунгильда – одна из главных героинь древнегерманского героического эпоса. – *Прим. пер.*

двум девушкам, когда был студентом теологического колледжа, очевидно, что он выбирал девушек из своего непосредственного окружения и почти сразу преодолевал свои разочарования. Это подтверждало предположение, что он в значительной мере успокоился, откладывая проверку своей потенции, и такое предположение подкреплялось в течение долгих лет, когда он легко соглашался с отсрочкой женитьбы на женщине, которая в конце концов стала его женой. Он жил среди людей, которые оценивали сексуальную потенцию исключительно в ее общепринятом и биологическом проявлении в супружестве и детях, и его положение неженатого человека было предметом добродушных замечаний. Его пасторские обязанности требовали общения с монахинями, и, несмотря на то, что он был способен приободрить тяжелобольного, у него всегда было некоторое сомнение в том, что это действительно мужская работа. И хотя деятельность священника считалась весьма уважаемым занятием, явно было что-то нелепое в том, что некто, имеющий очень скудный жизненный опыт, будет обладать правом считаться блюстителем нравов всего человечества.

Он хорошо овладел искусством мошенничества. Из опыта своего старшего брата **А.** понял, что потеряет любовь отца, если откроется, что он получает удовольствие в таких действиях, как мастурбация. Он решил никогда не делать ничего того, что могло заставить отца лишиться его своей любви, и когда он не в полной мере соответствовал этому идеалу, то претендовал на добродетели, которыми не обладал. Он ни разу не был разоблачен и прожил жизнь «примерного» мальчика и мужчины. Этой репутацией он обязан частично своему воздержанию, но в большей мере своей маскировке. Он научился поддерживать личину высокой нравственности и был последователен, играя эту роль так успешно, что никогда не был разоблачен ни в юности, ни в зрелом возрасте.

Полностью и безоговорочно отказываясь из-за своих страхов перед импотенцией от любви к другим людям, **А.** все больше любил себя. Ему была присуща беспредельная вера в силу собственного ума, и эта интеллектуальная самонадеянность подпитывалась той легкостью, с которой он обретал власть над малообразованными людьми, с которыми работал. Он был осторожен с ок-

ружающими в тех вопросах, где его ум был бы не в состоянии пройти проверку серьезного соревнования. А. не состязался со священником, занимавшим самые высокие должности в его категории, он исключил для себя участие в рискованном бизнесе и профессиональном предпринимательстве, не начинал и не доводил до конца никакие исследования, вместо этого он стал большим авторитетом для рабочих, среди которых был самым образованным и наиболее известным лидером. Его шансы быть избранным в Конгресс, когда он выставлял свою кандидатуру, никогда не были высокими; проводя кампанию, он получал все, и ему нечего было терять. Ощувив свое превосходство во время учебы в средней школе и в колледже, А. не добился первенства в академических занятиях.

Он ценил свою способность пользоваться словами. Ференци отмечал в разговоре со мной, что революционным агитаторам, попавшим в поле его зрения, явно не хватало силы эмоциональной преданности целям. Они были абсолютно безразличны к накоплению богатства и не страдали в сексуальной жизни от ревности собственника. Эта нехватка сердечности в эмоциональном опыте ощущалась самими революционерами, которые чувствовали, что в определенной степени отличаются от других. Их безудержное удовольствие от произносимых слов следует интерпретировать как попытку усилить эмоциональное напряжение своей жизни. Или потому, что эмоциональная жизнь физиологически ущербна, или их либидо носит чрезмерно нарциссический характер, это общее описание содержит истину о некоторых страдающих навязчивыми идеями людях и психотиках. Без сомнения, этот фактор имел место и в истории А.

Прежде чем полностью понять эту борьбу А. по подавлению своей сексуальности, обсудим другую, имеющую важное и близкое значение, тему. Я связываю амбивалентность натуры А. с его отцом. А. не в полной мере осознавал свою ненависть и любовь к отцу, но его личная история – полное подтверждение формирующего влияния этих биполярных отношений. В ходе своего соревнования со старшим братом А. воспринял воздержание от генитальных удовольствий как цену за сохранение родительского расположения. В настоящее время психоаналитические открытия однозначно свиде-

тельствуют, что от генитальных удовольствий не отказываются без продолжительной борьбы, и повторяющиеся волны сексуальности разбиваются о барьер принятого запрета и реанимируют враждебные импульсы против санкционированной власти. Это имело такое большое значение для развития А., что он старался преградить доступ в сознание любых враждебных импульсов, направленных против отца, и успешно достиг цели, глубоко подавляя ненависть к нему. Он был способен идентифицировать себя с отцом и повторять множество родительских стандартов и характерных черт. Сила такой идентификации проявляется в упорстве, с которым А. придерживался некоторых родительских образцов. Хотя его многократно восхваляемый дядя был знаменитым писателем и профессором, А. оставался священником, даже когда его соблазняли лестными предложениями оставить первый скромный приход ради факультета в большом университете. Он лелеял родительское предубеждение против стяжательства и стяжателей. Его отроческий дом находился там, где некоторые богатые люди проводили свой летний отдых, и отец А., бывало, презрительно говорил о «светских людях», которые явно без дела слонялись мимо их дома. Это было дополнительным фактором, определяющим последующее внимание А. к благополучию бедных, которое выражалось в финансовых пожертвованиях и социалистической агитации. А. был очень внимателен к старым людям и идеализировал не только своих первых учителей, но и уважаемых пацифистов, одобрявших его действия во время войны.

Негативная сторона отношения А. к власти исходила от выбора абстрактных (далеких) объектов, на которые он выплескивал свою ненависть. Враждебность, которая отрицалась сознательным признанием и явной снисходительностью к реальному отцу, была перемещена на суррогатные символы, такие, как догма, требующая принять на веру Писание, капиталистическая система или поджигатели войны.

Когда А. представляли незнакомому человеку, он бывал радушен, словоохотлив и озабочен производимым им впечатлением. Когда он узнавал об оппозиции в своем окружении, то немедленно реагировал, обрушивая на обидчика вал насмешек. Это дает ключ к важному элементу в структуре его личности, который отчетливо проявится в последующих случаях, а именно, сильная

латентная гомосексуальная тенденция. Когда человек не способен достичь полного гетеросексуального регулирования, сексуальное либидо стремится выразить себя более примитивным путем, и одна из фаз эмоционального развития – это гомосексуальный период. Прежде, однако, чем юношеский гомосексуальный период станет фазой, связанной с подавлением присущих ему чувственных действий, ребенок обычно использует свой связанный с кормлением объект (кормилица-мать) ради стимулирования настолько, насколько это возможно, своих эrogenных зон. Эти «инцестуозные» порывы сдерживаются, и ребенок отказывается от удовольствия беспорядочного ощупывания других людей и от стимулирования руками собственных гениталий. Хотя кормилица или мать, которые являются центром желаний ребенка, так же налагают запреты, явно скрывающаяся на заднем плане санкция – это сила отца. Сведенная к своему окончательному выражению, эта санкция – угроза лишения ребенка его наиболее ценных органов до тех пор, пока он соблюдает запрет «руки прочь». «Нормальное» развитие включает уменьшение враждебного протеста против властного вмешательства, а также копирование ребенком идеализированного отца. Подавление враждебности и идентификация с отцом не происходят немедленно. Идентификация не достигается без фазы, во время которой ребенок играет по-женски пассивную роль по отношению к отцу, и это – пассивная гомосексуальная реакция, которая по той или иной причине может оказаться необычно сильной. Воспоминания А. о приятной коже отца являются общим прикрытием фантазий относительно более примитивных импульсов.

Присущая А. тенденция остро реагировать на незнакомца, который лишь проявил обычную вежливость, и истолковывать интерес незнакомца как «личный», типична для тех, кому отчасти важна эта пассивная «привлекательная» роль. Он старается создать безличные отношения в таких не совсем формальных ситуациях, когда требовалось проявление особой любезности.

Чрезмерная враждебность к тем, кто просто отличается от него, частично мотивируется желанием наказать тех, кто отказался от любви, которую он готов немедленно подарить всем желающим. Этот удар по его нарциссизму требует нанести раны

обидчикам. В целом теперь видно, что подавленные импульсы направлены, видимо, на сохранение частичного удовольствия в самой деятельности, которая отчасти является защитой от них. Сначала насмешки будут казаться освобождением от тех, кто раздражает и отвергает его, но в этом не весь результат. А. переходит границы общепринятого и становится опрометчиво дерзким. Его необузданные вызовы и нападки провоцировали социальное окружение на ответные атаки, и таким образом удовлетворяли два мощных бессознательных импульса. Он хотел быть в пассивной, женской, страдальческой роли и навлечь на себя наказание, которое заслужил своей чрезмерной ненавистью к другим. Так, А. чувствовал себя почти счастливым, избегая состояния депрессии настолько долго, насколько ему удавалось удовлетворять свою враждебность по отношению к значимой традиционной власти общества, и столько, сколько он страдал от ответных карательных мер. Его романтическая идея — умереть от голода в знак своего здравомыслия в обезумевшем от войны мире — показатель его удовольствия от «роли мученика».

Он не мог смириться с «негармоничными» людьми и создал вокруг себя «мягкую» и весьма терпимую группу. У него была небольшая группа поклонников, которые обращались к нему за советом и смотрели на него снизу вверх, признавая его превосходящую мудрость и силу духа. Ничто не ранило его сильнее, чем малейшая дисгармония в личных отношениях. Это несоответствие между требованиями теплоты в первичной группе и его склонностью вызывать беспокойства во вторичной группе предполагает напряжение, возникающее в результате внутренней борьбы с присущим ему женским элементом. Он был осторожен, воздерживаясь при совместной работе от подчинения властной личности. Он оставался в среде, где его авторитет не подвергался сомнению. В церкви он был одновременно финансовой опорой и проповедником, а среди социалистов был окружен ореолом нравственного и культурного престижа.

Заслуживает внимание то, что хотя А. ожесточался, встречая открытое противостояние, он был способен добиваться своего, оказывая убедительное воздействие, которое мог эффективно использовать в своей прозелитской деятельности. Его юмор был из

разряда ложной скромности и снижал моральное глубокомыслие его рассуждений. А. демонстрировал большое упорство и мастерство, следуя за людьми, которых он когда-то полюбил и уважал, а также стремление сделать их союзниками. Он проявлял большое желание вступать и поддерживать личные контакты через переписку.

То, что А. считал задачу самоутверждения довольно трудной, подтверждается его желанием быть зависимым от женщин. У него была целая серия дружеских «платонических» отношений («платонических» в общепринятом, но не дословном смысле слова) с женщинами, и он принимал в течение нескольких лет материальную поддержку от своей жены. Он был чрезвычайно «чувствителен» и требовал дома большого внимания в обхождении со своей персоной.

Все это – показатели того пути, на ранней стадии которого формировался его характер. Ребенок получает удовольствие от деятельности, сосредоточенной вокруг его рта, вначале это удовольствие от сосания и позднее, когда у него прорезаются зубы, от кусания. В нашей культуре это ведет к отлучению от груди, ускоряя один из основных кризисов взросления. Отлучение от груди – это первая существенная потеря, которая наносится человеку после рождения, и то, как реагирует на это ребенок, устанавливает образец реакций, который может служить важным прототипом его последующего поведения. Примерно в то же время, когда ребенка отлучают от груди, он подвергается другому набору условий, которые требуют жертвы. От него требуется контролировать процесс дефекации, т. е. отдавая часть своего тела через регулярные интервалы времени. Растущий ребенок обязан также жертвовать другим источником безответственного удовольствия, останавливая свои импульсы трогать собственные гениталии. Когда табу на прикосновение к половым органам с эротическими целями устанавливается особенно строгими методами, принятыми для сдерживания ранней мастурбации, часть энергии личности возвращается на восстановление своих прежних чувственных склонностей. Это влечет за собой усиление анальных и оральных компонентов личности.

На основе орального и анального происхождения различных черт Карл Абрахам разработал психоаналитическую теорию формирования характера¹. Материалы, касающиеся А., слишком скудны для того, чтобы раскрыть психологические механизмы его младенчества и раннего детства. Если пересечение более поздних черт его характера условно интерпретировать в свете схемы Абрахама, можно говорить о доминировании черт оральной фазы развития. Заметная характерная черта А. – его вечный оптимизм. Он никогда не чувствовал себя подавленным и не испытывал «приступов уныния», терял ли работу, кончались ли у него деньги, отказывала ли ему невеста или он страдал от общественного остракизма, ощущая поддержку лишь узкого круга доброжелателей. Разочарования и болезненность не приносили ему особого беспокойства. Абрахам прослеживает эти черты, начиная с самого раннего этапа формирования характера, отмечая, что это указывает на ребенка, который, благодаря достаточной заботе со стороны няни, привык считать мир быстро и щедро откликающимся на его требования. А. всегда чувствовал внутреннюю уверенность, что о нем позаботятся, и что все будет до конца поддерживаться наилучшим образом для «тех, кто служит Богу и призван согласно его цели». Он спокойно воспринял экономически зависимое положение от своей жены и от благотворительности радикально настроенных дам. Кормилица все еще была рядом, чтобы поддержать его. А. никогда не проявлял интереса к накоплению денег и щедро делился всем, что имел. Полученное им небольшое наследство было «съедено» обществом, которым он руководил, и он всегда жил на грани бедности.

Он был щедр не только в денежных вопросах, но и когда делился своими идеями. Непреднамеренно он начинал задавать тон в беседе, изливая потоки идей. Жестокость, проявлявшаяся в его

¹ «Psychoanalytische Studien zur Charakterbildung» (International Psychoanalytische Bibliothek, 1925), Nr. XVI. Первая работа Фрейда по этой теме была опубликована в 1908 г. Его краткая статья «Character and Analerotic» была перепечатана в пятом томе «Gesammelte Schriften». В этой же области работали также Сэджер, Ференци, Джонс и Гловер.

атаках на тех, кто с ним не соглашался, – хотя отчасти и оральная черта, которая возникает, согласно Абрахаму, не в стадии сосания на этапе раннего развития, а в следующей, т. е. орально-садистской стадии.

Те люди, у которых были трудности восприятия своей гетеросексуальности, лишены нормальной сексуальной жизни и стремятся придать особое значение подготовительным, а не завершающим действиям полового акта. Интерес к сексуальному подглядыванию в некоторой степени удовлетворялся опытом А. в выслушивании трудностей приходивших к нему за советом людей. Большое значение, которое он придавал своим выступлениям перед публикой, что можно адекватно объяснить его идентификацией с отцом, возможно, дополнительно способствовало удовлетворению его эксгибиционистских наклонностей. Так как алкоголь как на словах, так и на деле часто предшествует половому акту, реформатор преувеличивает его значение и старается от него отказаться. Алкоголь рано начал ассоциироваться в сознании А. с сексуальными излишествами, и его неприятие алкоголя является чем-то большим, чем простым отражением окружающей его обстановки¹.

Энергичность манер А. изменила степень невротического конфликта в структуре его личности. Эта энергичность – не единственное проявление незащищенности, вызванной неспособностью уничтожить ни его осознанную осведомленность о половой жизни, ни чувство греха за эротические импульсы, ни страхи перед импотенцией, ни реакцию, появляющуюся, когда он соперничал со своим братом за внимание отца. Подавление своей сексуальности лишало его одного из наиболее надежных средств

¹ Джозель Ринальдо пересказывает Фрейда в своей работе «*Psychoanalysis of the "Reformer"*» и без подтверждающих фактов доказывает, что реформатор – всегда во все вмешивающийся истерик. Это нельзя считать доказанным, так как он зачастую может оказаться навязчивым типом, когда проявляет умственные отклонения. Чтобы получить наиболее полную картину двух клинических типов, см.: Janet, *Les nevroses*.

снятия напряженности, вызванной фрустрацией, возникающей в силу различных причин в повседневной жизни¹.

Мы проследили потребность А. в широком эмоциональном отклике на трудности его индивидуального приспособления, особенно в сфере его раннего сексуального развития. Мы проследили смещение его импульсов, которые изначально были сформированы под влиянием семейного окружения, на далекие социальные цели, приведшие в результате к поддержке идеалов социальных перемен. Мы видели, что определенной методикой А. по побуждению эмоционального отклика стало обвинительное красноречие, и что подобная методика выражала важные, лежащие в основе его личности, импульсы. Так как А. был социалистом, поэтому естественно будет сравнить его с социалистическими мыслителями, изученными Вернером Зомбартом в работе «Пролетарский социализм». Без сомнений, А. числится скорее среди «искусственных», чем «обычных» людей, так как его отношение к действительности в меньшей степени непосредственно, чем у людей «обычного» типа. Но нельзя сказать, что социальный критицизм был так же глубоко мотивирован в его жизни, как у людей, упомянутых Зомбартом. Он выражал себя не только в радикальной, но и в консервативной, морализаторской агитации. Его карьера не потерпела крах в какой-то определенный период жизни, и у него не было мании разрушения, несмотря на проявляемое сильное чувство обиды на свою семью и на то, что он всячески предавался фантазиям. Он был, прежде всего, агитатором и уже потом социал-радикалом.

¹ См.: *Ferenczi S. Versuch einer Genitaltheorie* (International Psychoanalytische Bibliothek, 1924), Band XV, esp. Sec. V. См. также: *Reich Wilhelm. Die Funktion des Orgasmus*.

Глава VII ПОЛИТИЧЕСКИЕ АГИТАТОРЫ (Продолжение)

В. – агитатор, который использует не речь, а текст. Он достиг признания на журналистском поприще, начав с редактора новостей и автора передовиц. В двадцать лет, получив свою первую работу в газете, **В.** вел в городе борьбу против квартала публичных домов, описывая в сенсационном духе сводников, сутенеров и проституток. Он всегда быстро отзывался на призывы проигравшей стороны и разоблачал несправедливость везде, где только ее обнаруживал, завоевав огромную популярность среди национальных меньшинств, чьи требования он защищал перед американской общественностью. Заслуживает внимание то, что **В.** никогда не обращался к различным «измам» и не отвечал на оскорбления. Никто из тех, кто знал **В.**, никогда не сомневался в его искренности, хотя ценность новостей, полученных в результате осуществленных им кампаний, зачастую явно не стоила того риска, которому он себя подвергал.

В. приобрел высокую репутацию благодаря своей большой правдивости и достоверности, он часто сомневался там, где его коллеги-газетчики не испытывали ни малейших колебаний. Однажды он отказался по этическим соображениям от прекрасной работы в широко известной газете. Газета разгласила источник информации, которую он конфиденциально получил и передал издателю. Позднее он стал редактором одной влиятельной газеты. Он весьма успешно проработал там пять месяцев, когда возникло недоразумение с владельцем газеты по другому этическому вопросу. В подавленном состоянии он уволился, однако владелец отказался его отпустить, предложив значительное повышение в должности. Он позволил уговорить себя вернуться, но отказался принять повышение. Но вскоре возникли новые проблемы, затрагивавшие профессиональную честь, и он навсегда ушел из газеты. Страсть к справедливости сделала его любимцем в коллективе; его спокойное любезное обращение и трудолюбие создали ему имя среди старшего поколения и интеллектуалов.

Некоторые его преобразовательные кампании были очень плохо замаскированным смещением его частных мотивов. В воз-

расте четырнадцати лет он был совращен цветной женщиной, и этот опыт породил в нем страх и отвращение. Он покинул школу, в которой учился, после серии мальчишеских выходок, последняя из которых была связана с кражей в прачечной. Прачкой работал негр. Именно на своей первой журналистской работе он вел борьбу по очищению квартала публичных домов, вскрыв сенсационный факт, что белые и цветные проститутки одинаково доступны.

В. происходил из большой семьи ветерана-конфедерата Гражданской войны. Его отец вел себя как солдат и ожидал от своих детей, что они будут действовать так же в любых обстоятельствах. Он был художав и тонок в кости, деятелен и не отличался большим терпением. Он был главным в доме, с большим удовольствием помыкая женой и требуя от детей безоговорочно подчинения.

Мать **В.** была на одиннадцать лет моложе мужа. Она родила, одного за другим, десять детей, баловала их и была ими любима. Надрываясь в тяжелом домашнем труде, она сама готовила, стирала и гладила, чтобы дать детям возможность получить образование. Все, кроме мужа, считали, что она слишком много работает. Ей легко давалась учеба, однако после свадьбы у нее не было возможности продолжить образование. Бедная, но гордая, она никогда не просила сочувствия и помощи. Хотя и «упрямая как мул», в быту она была застенчива и стеснительна. Ее повседневная жизнь нарушалась только редкими головными болями.

Отец был очень подозрительным человеком, и именно **В.** испытал на себе эту подозрительность. **В.** был шестым ребенком в семье и с раннего возраста терпел неприятности от следующего за ним по возрасту брата, который был тремя годами старше. Запомнился случай, когда старший брат напал на него с ножом. **В.** смог, не поранившись, отнять у него нож. О случившемся сообщила отцу жившая с ними в доме тетка, которая всегда принимала сторону старшего брата. Она заявила, что нападавшим был **В.**, и, несмотря на его возмущенные уверения в невинности, его сильно выпороли. Данный эпизод вызвал в нем глубокий протест против несправедливости и глубокую враждебность по отношению к отцу. Позднее правда выяснилась, и отец извинился, но

обида разрослась уже до таких размеров, что ее невозможно было заглушить официальным извинением. **В.** хранил в памяти длинный список обид против отца. Однажды отец попросил его напечатать несколько писем; он тут же решил, что это делается с целью сравнения их с надписями на стенах туалета.

Половая активность, как обычно, несла печать греховности. Его отец в своей притворной стыдливости зашел столь далеко, что **В.**, которого однажды застали обнаженным, когда он неторопливо одевался в своей комнате, получил строгое внушение. Вскоре после того как его соблазнила негритянка, чувство вины, соединенное с постоянным чувством обиды на отцовское несправедливое отношение, толкнуло его на побег из дома. Проведя вне дома и зарабатывая себе на жизнь в школе в течение полутора лет, он вернулся домой и пошел работать по соседству, в основном привлеченный перспективой быть рядом с матерью.

Примечательно, что на протяжении своей карьеры **В.** постоянно находил предлоги избегать ситуаций, в которых он мог бы добиться известности и успеха. На него «сваливались» повышение жалования, продвижение на службе и общественное признание, однако он умудрялся выходить каждый раз из такой ситуации, часто по «вопросам чести». Блестящий журналист, он всегда находил, куда пойти работать. Таким образом он переходил от одного редакторского стола к другому и даже поработал в частном информационном агентстве, которое неплохо существовало, несмотря на большие трудности, неизбежные при подобном роде занятий.

Каким образом можно объяснить подобное поведение? Предположим, что дружеское обращение некоторых старших вело к активизации сильной гомосексуальной наклонности, которая подавлялась, но продолжала искать пути выражения. Эти бессознательные порывы побуждали его к близости с людьми из своего окружения, после чего сознание, слепо реагируя на недозволенный импульс, провоцировало его на столкновения с окружающими, уводя таким образом от волнующих объектов желания. Выход заключался в компромиссе, когда недозволенные надежды, подвергаясь нападкам и запрету со стороны окружения, удовлетворяются фантазиями, что окружение скомпрометировало его

«честь». Сознание удовлетворяется уходом от напряженности. Но стоило только **В.** оказаться в новом окружении, как напряжение начинало накапливаться снова. С энтузиазмом окунаясь в новую и незнакомую обстановку с беспристрастным окружением, **В.** добивался успеха, а с успехом и привыканием к окружающим людям приходили близость и дружба. Это приводит к знакомому напряжению путем реактивации бессознательной гомосексуальности, и защищающееся сознание находит очередной приказ к отступлению.

Какое подходящее объяснение можно дать изложенной здесь гипотезе? **В.** в конечном итоге попадал в ситуации, из которых с трудом мог выбраться с помощью обычной тактики. Он считал одним из самых больших успехов в своей карьере приглашение для сопровождения правительственной комиссии, которая расследовала обстановку за границей, и в блестящем стиле изложил материалы командировки. Он следовал всем правилам вежливости. Работая под постоянным давлением, он получал очередное задание, и вновь мир журналистики был у его ног. Но напряжение от успеха было слишком велико. На этот раз он пытался освободиться от напряжения не путем перехода на новую работу, а созданием системы иллюзий. Короче говоря, **В.** вступил в психотическую фазу и заменил реальный мир на мир фантазий столь пагубных размеров, что у него было основание для стремления избежать его. Неспособный сконцентрироваться на работе, он постоянно переезжал из одного города в другой и кидался в длительные автомобильные путешествия вместе со своей женой.

Действительное содержание иллюзорных творений дает ключ к пониманию его душевного конфликта. Ему казалось, что люди на улицах странно смотрят на него. Он утверждал, что был участником скандала Teapot Dome¹ и что в доме был установлен диктофон. В санатории, в ходе обследования, он заявил, что его преследовали полицейские. Находясь под наблюдением, он утверждал, что санитары были полицейскими, его пытали электро-

¹ Имеется в виду незаконная передача в период правления американского президента У.Гардинга (1921–1923) ценных государственных нефтяных месторождений в частные руки. – *Прим. пер.*

шоком, к кровати были присоединены провода, чтобы фиксировать все его движения, и ему пели развратные песенки (с гомосексуальным содержанием). После выписки из лечебницы он был взят под семейную опеку. Он требовал, чтобы к нему относились как к негру и отказывался есть вместе с семьей и спать в доме. **В.** утверждал, что устроил лесной пожар, и книги в библиотеке были переписаны в его интересах. Во время автомобильного путешествия он заявлял, что на каждой заправочной ему делали оскорбительные замечания. Он восстановил против себя свою жену (в браке он был сексуально неактивен), и в итоге обозвал ее змеей, которую следует убить, что и попытался сделать.

В ходе лечения психоза выяснилось, что он помнит о сексуальных домогательствах со стороны старшего брата, и это видение терзало его всю жизнь. Был и материал, свидетельствовавший о том, что отец также присутствовал в его гомосексуальных фантазиях, и он придавал «эротический» смысл проявлениям всякого рода несправедливости со стороны своего отца и физическим нападкам брата¹.

История **В.** относится к пограничной группе, находящейся между агитаторами и администраторами. Его администраторские способности проявляются в руководстве редакторской работой, которой он занимался, и в специальной службе, которую он организовал и некоторое время руководил. Он начал выступать в роли агитатора (в журналистике), когда ему было двадцать лет, и продолжал заниматься этим на протяжении многих лет. Когда эта запись анализируется в сопоставлении с историей **А.**, становится ясно, как различия в смещении влияют на развитие личности. **В.** никогда не был способен сместить свою ненависть и симпатии на далекие, обезличенные объекты с таким же успехом, как это делал **А.** Кампании **В.** против несправедливости были более конкретными, более ограниченными, более личными, чем агитация **А.** Стоит вспомнить, что первый крестовый поход **В.** был направлен против публичных домов с «черными и желтыми женщинами», и это было

¹ См. обсуждение Фрейдом паранойи в работе «*Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia*», *Gesammelte Schriften*, Band VIII.

своего рода мстью и возмездием за его ранний сексуальный опыт с цветной женщиной. **В.** вырос в относительно молчаливом окружении. Его отец не появлялся на публике, ни один член семьи не получил образования выше начального и не имел возможности вступать в контакты за пределами своего непосредственного окружения. С того времени как **В.** пошел в шестнадцать лет работать, он воспринимал мир реально, тогда как **А.** смотрел на него через призму теории, полученной в школе. Его история свидетельствует о затянувшейся озабоченности собственными обидами, направленными против исходных объектов – отца, брата, тетки. Это фактор, который предопределил его повышенную, по сравнению со случаем **А.**, чувствительность к людям из непосредственного окружения, несмотря на предрасположенность к тому, чтобы стать стремящимся к уединению ребенком, который чаще читает книги, чем играет, никто не проявлял особого интереса к его интеллектуальным возможностям. Считалось, что его дедушка с материнской стороны был прекрасным учителем, но ничего в этом направлении сделано не было, пока **В.** был ребенком¹.

В отличие от **А.**, **В.** не испытывал потребности разыгрывать трагедию своей жизни перед толпой. Исследование раннего периода его жизни в семье показывает, что он не занимался обманом, который мог быть предпосылкой этой способности. **В.** никогда не был способен встать в позу для того, чтобы своей добродетелью и обещаниями произвести впечатление на семью. В самом деле, он довольно рано получил подтверждение своих недостатков, и отец не только обвинял его в грехах, которые он совершил, но и добавил немало такого, о чем он не помышлял. **В.** никогда, по большому счету, не способен был улизнуть.

¹ Этот дедушка покончил жизнь самоубийством в невыясненном возрасте, и его младший сын считался «очень нервным». У старшей сестры **В.** было нервное расстройство во время учебы в средней школе. Третья сестра была «невротиком». **В.** описывался как хилый младенец и застенчивый ребенок. Он продолжал до двенадцати или четырнадцати лет мочиться по ночам в постели, и время от времени у него были приступы нарушения пищеварения. Физическое обследование не смогло выявить какую-либо серьезную физическую причину его проблем.

Упомянутые выше фрагменты истории **В.** иллюстрируют, как тесно поведение страдающего от функционального расстройства может быть связано с фундаментальными побуждениями личности. Функциональные душевные расстройства являются несбывшимися попытками оправдания, и задействованные материалы таковы, что становятся доступными личности на основе истории ее развития.

В только что обсужденном параноидальном случае «грандиозность» – мания величия – не была так заметна, как это часто бывает. Мания величия кажется связанной с очень сильной боязнью импотенции. Эта связь может быть показана в виде большой клинической карикатуры в случае с **С.** Этот человек принадлежал к хорошо известной группе болтливых чудаков, которые зачастую окружают себя восхищенными последователями и никому не наносят вреда. **С.** зашел так далеко, что выставлял свою кандидатуру на пост президента США как кандидат от третьей партии.

С. попал в руки врачей случайно. Он принадлежит к очень распространенному типу, когда человек остается, по сути, не тронут разрушением и может сойти за здорового, хотя и эксцентричного, человека. **С.** вступил в спор с темнокожим агентом транспортной конторы по поводу цены за перевозку своих вещей в новую квартиру, и агент вызвал полицейских, которые, недолго думая, отправили **С.** в больницу. **С.** вообразил, что негр организовал заговор с целью погубить его путем похищения наиболее ценных его книг и рукописей. Он объявил, что собирается стать следующим президентом Соединенных Штатов Америки, так как правление нынешнего обладателя этого поста будет коротким и обречено быть таким. На следующий после инаугурации день он возьмет на себя руководство с помощью божественной силы, и после этого его рыжая жена получит абсолютную власть. Он сказал, что во время последней президентской кампании у него была беседа с губернатором штата Нью-Йорк относительно лидерства в американских партиях. Тогда губернатор сказал ему, что он прекрасный человек и логичный партийный лидер. Он объявил, что хотя, как правило, не верит предсказателям, один абсолютно надежный предсказатель утверждал, что он будет президентом. У

этого человека было видение, в котором нечто клинообразное было прочерчено между демократической и республиканской партиями, и что появился неизвестный, который призван править миром. Имя этого человека будет состоять из шести букв. Он – «Шесть и Шесть», что точно соответствует С. Настоящее имя С. – «Арабула, Божественный Посланец». Используя это имя, он написал блестящий, по его мнению, трактат по проблемам политики и миролюбия объемом в девять тысяч слов.

Он был уверен, что попал в лечебницу в результате гнусных козней врагов. «Мне предсказано стать следующим президентом. Чтобы не дать этому случиться, они запрятали меня сюда. Я – просто мученик, но в конце концов взойду на вершину». Он станет президентом во исполнение предсказания.

С. явно намекал на научные секреты своей команды. Он недавно консультировал д-ра А. из правительства относительно производства алмазов. Единственное, что требовалось, – это больше давления. Он объявил, что является выдающимся химиком-любителем и обладает секретом производства угля, которому конфиденциально обучился у сапожника.

Будучи молодым человеком, он был принят на должность клерка в одном из правительственных департаментов и оказался без работы, когда в конце восьмидесятых победили демократы. Затем он стал тем, кого называл покровителем изобретений и изобретателей.

Ключ к истокам иллюзорной конструкции можно найти в истории его сексуальной жизни и в фантазиях. В возрасте пятидесяти девяти лет он женился на вдове с двумя детьми. Он описывает свою жену как ослепительную красавицу, что же касается его самого, он заявил, что у него три яичка, и он – совершенный образчик мужской красоты, настоящий Аполлон с головы до ног, которому предлагали позировать в качестве модели. Однако он отказался фотографироваться или сообщить что-нибудь еще о своей сексуальной жизни.

Боязнь импотенции, как корень пышного древа мании величия, временами напрямую проявляется в очевидном характере изобретений, которыми увлечен человек. Мистический вечный

двигатель может быть представлен как грубая версия половых органов¹.

Вскоре после того как С. выписался из лечебницы, он занялся агитацией, выступая перед широкой аудиторией как кандидат в президенты от находящихся в оппозиции.

С. не воспринимался всерьез большинством людей, обладающих достаточным уровнем культуры и проницательностью, но есть такие параноидальные типы, которые умеют выглядеть убедительными со своими обвинениями, завоевывая поддержку людей. Большинство из них являются «сутяжническими параноиками», и как подразумевается под этим термином, им свойственно использование законных и агитационных средств для искоренения несправедливости. Они столь умело преуспевают в рационализации своих мотивов, что становятся очень опасными нарушителями порядка. Даже когда психиатры ставят им диагноз психотических личностей, они способны вести себя настолько хорошо, что часто освобождаются из заключения судьей или присяжными. Если бы имелись доступные данные, было бы интересно подсчитать, во что обходятся эти деятельные и совсем не выдающиеся члены общества, учитывая стоимость судебных процессов и испорченной репутации.

Один из самых спокойных клиентов, подпадающих под такое описание, – это Д. Вскоре после окончания средней школы, стремясь заработать деньги, он стал коммивояжером электрической компании. Он добился успеха и быстро накопил достаточно средств, чтобы начать свое дело, получив еще и материальную поддержку со стороны женщины, на которой женился. С самого начала он был вовлечен в бесчисленное множество судебных тяжб с большими корпорациями. В итоге его отправили в тюрьму за присвоение названия уже существующей компании. Поскольку и адрес новой корпорации и ее название были столь схожи с реквизитами старой компании, то он получал почту и чеки, предназначенные этой корпорации. Сам он рассказывал, что его преследовала некая крупная корпорация, которая последовательно

¹ Примеры даются в работе Кемпфа «Psychopathology», а также в других работах на эту тему.

стремилась разрушить его бизнес, даже настроила против него жену, которая вскоре развелась с **Д.** Всякий раз, когда против него затевали процесс, он требовал, чтобы в городе нашли представителя крупной корпорации. Эта мания преследования распространялась на судебное разбирательство, которое, как он утверждал, велось несправедливо, и на тюрьму, где он заявлял, что чиновники находятся в союзе с корпорацией, удерживая его под арестом. Он вел себя так, что в итоге был переведен из тюрьмы в психиатрическую лечебницу, где придерживался позиции высокомерного превосходства. Он собирал улики против персонала больницы, прислушиваясь ко всем, кто жаловался на грубое обращение и некомпетентность, и постоянно придумывал способы освобождения пленников и разоблачения своих преследователей.

Д. обладал неторопливыми, выразительными манерами. У него не было признаков манияльности, чтобы подтвердить распространное представление о «ненормальном человеке». В разговоре с посторонними он излагал собственную историю и истории других людей с кажущейся сдержанностью, выделяя очевидные трудности на пути сбора убедительных улик и демонстрируя щепетильность относительно письменных показаний и других документальных материалов. Он последовательно устанавливал связи с известными людьми из многих общественных кругов, посвящая себя делам пострадавших сторон и уделяя особое внимание тем несчастным, которых бросили в психиатрическую лечебницу, где их удерживали враги вместе с врачами и полицией.

Он ассоциируется с группами людей, которые объединяются в маленькие агитационные организации с такими примечательными названиями, как «Поборники Конституции», «Фонд в защиту законных человеческих прав», «Американская ассоциация справедливости». Их обвинения в адрес современной юриспруденции можно, по существу, выразить лозунгом «Один закон – для богатых, другой закон – для бедных». Цель одной из подобных ассоциаций такова:

«Гарантировать всем людям права, привилегии и неприкосновенность, которые принадлежат им согласно Конституции и законам Соединенных Штатов и которые справедливо распространяются на них как на членов человеческого братства. В такой помощи нуждаются: соответст-

вующие случаи невозможности пригласить легального адвоката; жертвы коррумпированной деятельности; одинокие и неудачники, подвергнутые заключению в заведениях; те, кому требуется поддержка; отставные служащие и военные, которые не способны обосновать свои законные требования и т. д. и т. п.»

Один случай, на который часто ссылаются в материалах, опубликованных этой группой, относится к Уильяму Дж. О'Брайену. Заголовок одной из статей звучит так: «Бедный одинокий У. Дж. О'Брайен, здравомыслящий ветеран Апатчской индейской кампании, препровожден в сумасшедший дом... Не получивший справедливости ... Отвергающий свой день в суде ... Отсутствие судебного разбирательства ... Нет безумию судопроизводства ... Беззаконно удерживаемый 34 года ...». В тексте статьи встречается такое утверждение: «М-р О'Брайен был уличен в мелком хулиганстве в Военном департаменте. Он был немедленно арестован, обвинен в нападении, которого он не совершал, и отправлен в Верховный суд». Я изучил запись случая О'Брайена и выяснил, что «мелкое хулиганство» заключалось во вторжении в здание Военного департамента, в стрельбе в двух клерков и еще в попытке выстрела, пока его оружие не заклинило.

Вмешательство, конечно, вовсе не предполагает, что все заявления, сделанные агитаторами, даже психически ненормальными людьми, — это чистая выдумка. Это можно пояснить на конкретных примерах. Так, лозунг «Один закон — для богатых, другой закон — для бедных» явно подтверждается данными, подобными полученным инспекцией криминального правосудия, как это было в Кливленде, где заметную роль играл декан Паунд из Гарварда. Но в случае сутяжничавших параноиков лежащие в основе частные мотивации столь сильны, что неизбежно серьезное искажение истины. Временами необдуманные иски дают ужасающие результаты, как в случае, когда другой психически ненормальный Е. утверждал, что некий капитан К. был убит в спину, когда он кружил над взлетной полосой. Эта фальсификация дошла до семьи военнослужащего, которой сообщили, что капитан погиб при катастрофе самолета, причинив тем самым много ненужных страданий.

История **Ф.** несколько отличается от того, о чем говорилось прежде. **Ф.** занялся в среднем возрасте агитацией. Следует напомнить, что **А.** направлял свое усердие агитатора против культурных объектов, которые были одобрены его семьей и «влиятельными» членами общества. **Ф.** был противоположностью нонконформисту. Он был не пацифистом, а солдатом-патриотом. Враги его страны были его врагами, и он совершенно открыто обвинял их. Авторитет признанной религии был вопросом, не подлежащим обсуждению, враги христианства были его врагами, и он поставил себе целью разоблачать их.

Некоторые его лекции на патриотические и религиозные темы приобрели известность в небольших общинах страны. Он рассказывал историю изменника, который представлялся Христом с целью сбора денежных средств для организации мятежа против американского правительства в одной из зависимых стран. Он сделал захватывающий отчет о том, как разыскивал и арестовывал этого монстра. Деятель Христианского союза молодежи в рекомендательном письме заявлял: «Каждый присутствующий человек испытывал шок по мере того, как оратор раскрывал факты самого кошунственного деяния последнего времени – нарушения планов Американского правительства».

Ф. был вдохновителем в оппозиции статье Версальского договора об учреждении Лиги Наций, на том основании, что там не упоминалось имя Господа. Говорилось, что его аргументы на этот счет произвели впечатление на президента Гардинга. Одно из публичных выступлений **Ф.** на эту тему звучит так:

«Не может быть никаких прегрешений в «Ассоциации наций во имя согласия» для идущих вместе, даже если они ничего, кроме совещаний, делать не будут или вообще не будут действовать и не издадут никаких законов, если они заблаговременно и с общего согласия перед лицом всего мира сделают следующее:

Первое – признание перед миром Всемогущего Господа, с клятвой служить Ему!

Второе – признание преданности Божественному плану миролюбия – Царству князя мира сего – ради всеобщего мира, который предсказывает Библия!

Третье – отказ от всех придуманных людьми планов миротворчества, таких, как Всемирные Федерации, Гаагские суды, Мировые лиги, Мировые суды и прочие формы всемирных правительств человечества, которые не предусмотрены Библией!

Четвертое – категорический отказ от всего, что имеет малейший намек на мировой союз, мировой контроль или влияние мирового господства или мирового согласия гражданских действий, человеческих подсобных средств, которые строго запрещает Священное Писание.

Пятое – специально для Соединенных Штатов. Категорически отказаться от всего, что противоречит Конституции США и Декларации независимости! (И каждому государству следует подобным образом защищать свою конституцию!).

Когда через века тяжелых испытаний мир не сумел соблюсти Завет, написанный на Синае рукою самого Всмогущего Господа, и Он пообещал, что Он даст миру «Новый Завет» для миролюбия, который Он и создал, как может тогда мир принимать что бы то ни было из «Устава Лиги Наций», написанного в Париже руками таких смертных людей, как Вильсон, Ллойд Джордж, Клемансо & Ко.?)»

Отслужив в молодости в армии, **Ф.** поступил в службу разведки и провел несколько лет, преследуя врагов закона и порядка. Его характеристика была безупречна, и когда разразилась мировая война, он был переведен в распоряжение секретной военной полиции. Он проявлял излишнее рвение в исполнении своих обязанностей, расходуя почти все свое время на расследование дела двух министров-меннонитов, которым приписывалось авторство писем, адресованных в Германию, в которых критиковался Свободный Заем. Он утверждал, что обнаружил измельченное стекло в хлебе, который подавали людям в лагере. Когда лаборатория не подтвердила его находку, он сказал, что смешал измельченное стекло с мукой и представил образец на рассмотрение в лабораторию, которая доложила об отсутствии толченого стекла, подтвердив тем самым его подозрения в том, что штат лаборатории был составлен из чужаков – немца, австрийца и турка. Он начал выступать с прямыми обвинениями в том, что некоторые из офицеров в лагере сотрудничают с врагом. Одного из них он обвинил

в том, что тот использовал в своей канцелярии в качестве переводчика рядового солдата-немца и доверил ему ключ от железного сейфа, где хранились секретные американские коды. Вскоре **Ф.** был отправлен на обследование к психиатру, которому он жаловался, что стал жертвой преследования небольшой группы офицеров. Он сумел опубликовать интервью в прессе, утверждая, что измельченное стекло в пище стало причиной недомогания пятидесяти человек в конкретном тренировочном лагере, и это привело к ненужным серьезным волнениям среди гражданских лиц.

Беспокойство **Ф.** по поводу «исполнения своего долга» в насыщенной подозрениями атмосфере периода вступления Америки в войну побудило его подозрительную натуру к чрезмерным усилиям. Когда некоторые попытки были пресечены офицерами-сослуживцами, у него началась мания преследования. Но вскоре он смог обходиться без таких идей, усиливая свою идентификацию с интересами государства и Бога, сместив свои подозрения на более обобщенный образ врага. Когда его деятельность в разведывательных органах была пресечена, он смог перейти к агитации, компенсируя утраченное удовлетворение от столь любимой им секретной информации удовольствием от демонстрации ее на публике. В записях не хватает материалов о его раннем детстве, чтобы выбрать определяющий фактор его склонности к такому виду приспособления. История его болезни служит поразительным примером того, как уход в агитацию помогает личности испытывать некоторое удовлетворение от соприкосновения с реальностью, когда она сталкивается с серьезной регрессией. Это служит еще одним примером для суммирования случаев, демонстрирующих те трудности, которые могут вызывать в обществе личности, подверженные влиянию сильных параноидальных стремлений.

Рассматривавшиеся здесь до сих пор истории связаны с агитаторами мужского пола различных видов. Мисс **Г.**, тридцать пять лет от роду, пришла к врачу, жалуясь на постоянную застенчивость, боязнь публичных выступлений, неуверенность, приступы сердцебиения и рыданий. Она была известна как сильная, честолюбивая, агрессивная особа. О ее сварливости ходила дурная слава. Она была активна, поддерживая различные мероприятия, в

частности, освобождение женщин из-под гнета мужчин. Она достигла нынешнего уровня известности, поднявшись с очень низкого положения работницы ручного труда, отстаивая радикальный путь.

Во время сеанса психоанализа были восстановлены глубоко запятанные ранние воспоминания. Воспитательница приказала девочке, когда той было три-пять лет, потрогать ее половые органы, угрожая страшными карами, если девочка кому-нибудь расскажет об этом. Когда она оказалась в кровати своей матери, ей пришлось бороться с сильнейшим желанием потрогать половые органы матери. Это раннее принятие на себя мужской роли было усилено ее идентификацией себя с отцом. В ходе аналитического сеанса она рассказала, что у нее было немало общих с отцом черт, например, упрямство. Как иногда случается с детьми, имеющими черты противоположного пола, их братья или сестры обнаруживали смешанные черты полов. Так, ее младший брат стряпал и шил. Отец принимал ее сторону во время семейных ссор с матерью (отец был художником). Мать была набожна, и после ее смерти пациентка в течение шести месяцев испытывала религиозное чувство своей вины в том, что она, возможно, ускорила смерть матери. Все говорили, что ей следовало родиться мальчиком, так как она проявляла большую физическую энергию и храбрость. В возрасте шести-десяти лет она часто таскала деньги у родителей и была поймана за чтением чужих писем.

Ребенком она сильно страдала от смутных тревог. В возрасте семнадцати лет не могла прочитать собственное сочинение перед классом. Находясь в компании и общаясь с незнакомцами, она довольно плохо говорила, но в беседах один на один производила хорошее впечатление. На людях она говорила хорошо, если занимала наступательную позицию. Она испытывала постоянный страх оказаться в подчинении мужчины и беспокоилась о собственном самоутверждении. Она испытывала отвращение к замужеству, которое представляла как грубое подчинение грязным физическим домогательствам мужчин. Одна многообещающая любовная интрига закончилась, ибо мужчина сошел с ума и умер.

Долгое время она страстно желала иметь ребенка, но только одного. Она хотела, чтобы были иные возможности зачатия, без участия мужчины, но в итоге покорилась неизбежному. За несколько лет до проведенных сеансов психоанализа она находилась в поиске мужчины, подходящего на роль отца ее ребенка. Через год после знакомства с женщиной она смогла заставить себя совершить половой акт и ощутила себя запачканной. После рождения ребенка она совершенно утратила к мужчине интерес и прекратила их отношения. Разумеется, она была фригидна.

Каково значение этого желания иметь ребенка, и только одного? По существу, это было бессознательное желание обрести пенис для того, чтобы завершить свое отождествление с мужской ролью. В психоаналитическом исследовании развития личности женщины делается акцент на важности этого мотива¹. Грегори Зилбург проанализировал с этой точки зрения психозы, проявляющиеся у женщин после беременности, проводя тем самым тщательные изыскания в теоретической области².

Кастрационные фантазии проявляются в облике забытых оплошностей и разгадок. Гомосексуальные фантазии обычно принимают форму голый гомосексуальной фигуры. Шокированная фантазиями о сексуальных сношениях со своим отцом, Г. решила пройти курс психоанализа. Ее нарциссизм выражался в простой и одновременно скрытой форме. Она мечтала стать мэром и унижать мужчин всеми возможными способами. Она мечтала о власти над всем миром (телепатические мечтания). Между прочим, она приписывает своим сновидениям пророческое значение. Однажды ей приснилось, что она идет через глинистое поле, и оно превратилось в распаханную землю, что символизировало труд, и, действительно, на следующий день она нашла работу. В другой раз она переходила ручей и увидела в стремнине уродливое тело, и на следующий день она заболела ларингитом.

Заметно проявляется нарциссический элемент. Она ощущала всеобъемлющую власть аналитической ситуации, когда требова-

¹ См.: *Deutch Helene*. Psychoanalyse der weiblichen Sexualfunction.

² См.: *The Dynamics of Schizophrenic Reactions Related to Pregnancy and Childbirth* // *American Journal of Psychiatry*. 1929. VIII. P. 733–66.

лось, непосредственно получив команду от врача, говорить все, что приходило в голову. Ее сильно возмущало это подчинение мужчине, и, в конце концов, она внезапно прекратила сеансы психоанализа. Она продемонстрировала данные, свидетельствующие о неповиновении всем, кто обладал над ней властью – управляющему магазином и партийным лидерам.

У мисс **G.** ярко проявлялся комплекс маскулинности. Она выбирала мужские цели и исключала, насколько могла, женскую роль. Благодаря нарциссизму она достигла заметного положения, хотя и ценой некоторых невротических расстройств, в искаженном виде отразивших ее подавленные наклонности. Она колебалась между тщеславием и чувством приниженности. Она краснела, когда ее хвалили, смущалась на людях из-за зависимости своего пола от мужчин, была застенчива в присутствии образованных людей. Она всегда плохо себя чувствовала, общаясь с незнакомцами, и жила в изоляции от общества.

В теории и на практике мисс **G.** была сторонницей свободной любви и полного равенства полов. Она стремилась к политике как к карьере и к средству выражения мужской роли господства; это побуждение, которое было устойчиво сформировано в ее раннем детском опыте¹.

Все сказанное об агитаторах можно предварительно резюмировать. В нашей общей теории политического человека выделены три термина: частные мотивы, их смещение на общественные цели и рационализация в терминах общественных интересов. Агитатор дорожит откликом масс. В целом требуется расширение теории, чтобы разделить самих политиков в соответствии со средствами, которые они ценят, выражая побуждения своей личности. А что можно сказать об истории развития агитатора, которая предрасполагает его переносить свои эмоции на общественные цели с тем, чтобы непосредственно возбудить публику? Почему, иначе говоря, он в широком смысле – раб своих чувств к обществу? Почему он не может спокойно работать, не реагируя

¹ Врач, занимавшийся этим случаем, отмечает, что это могла быть гомосексуальная предрасположенность на физическом уровне, что отнюдь не бесспорно.

на изменения настроений, характеризующих неустойчивые массы? Почему он не способен поддерживать интерес к работе с объективными материалами, к достижению эстетических образцов или к техническому развитию абстракций? Почему его в основном не волнуют эмоциональные отклики одного или нескольких человек из тесного круга? Почему он не хочет ждать запоздалого признания себя большинством или наиболее компетентным меньшинством?

Агитаторы как класс принадлежат к явно нарциссическому типу. Нарциссизм поощряется препятствиями в ранних любовных отношениях или чрезмерной снисходительностью и восхищением в семейном кругу. Либидо, заблокированное в проявлении на внешние объекты, вновь возвращается к личности. Предпочитаются подобные себе сексуальные объекты, и, таким образом, характерным становится сильный гомосексуальный компонент. У агитаторов это сильное желание эмоционального отклика гомосексуального рода смещено на обобщенные объекты, и большое значение придается эмоциональным откликам со стороны сообщества в целом. Мощнейшим толчком для выражения в устном или письменном виде является обходной метод удовлетворения этих лежащих в основе эмоциональных побуждений. Агитаторы демонстрируют множество черт, характерных для примитивного нарциссизма, преувеличивая ценность, положенную ими в основу эффективности словесных оборотов и жестов, вызывая тем самым последствия в мире объективной реальности. История семьи хорошо показывает подавление прямых выражений ненависти. Часто это рассказ о «примерном мальчике» или о робком и чувствительном ребенке, который молча проглатывает свои обиды. Подавленный садизм частично изливается на объекты, далекие от его непосредственного окружения, и предполагает поддержку общих социальных интересов. Подросток обычно учится подчинять все эмоции с помощью наказаний и путем подавления, и в этом обман дисциплины. Нарциссические реакции не дают развивающейся личности вступить в период полового созревания в полноценные и теплые отношения, и сексуальные установки показывают различные степени фригидности или импотенции и других форм неспособности адаптироваться к

окружающей обстановке¹. Выражаясь в терминах фазы раннего развития, у представителей группы агитаторов заметно преобладают оральные черты.

Различия внутри самого класса агитаторов можно провести по нескольким направлениям. Агитатор ораторского типа, в отличие от публициста, демонстрирует длительную историю обмана в общении с окружающими людьми. Напомним, что мистер А. способен был сойти за примерного человека и приобрел изрядное мастерство в искусстве построения добродетельного фасада. Агитаторы, по существу, различаются в общем и особенностях по тем социальным объектам, на которые они успешно переносят свои эмоции. Те, кто был сознательно привязан к родителям и кто успешно их обманывал, предрасположены выбрать далекие и обобщенные цели. Те, кто сознательно подавлял серьезные обиды против своих близких и кто не был способен выносить роль обманщика, склонны искать более непосредственные и личные замены. В первом случае рациональная структура приближается к теоретической полноте. Перемещение альтернатив зависит от моделей, доступных в момент принятия ранних идентификаций. Когда особенно важна гомосексуальная установка, вероятно, проявляется агрессивное, провоцирующее отношение к окружающим; а в случае боязни импотенции более рельефно проявляются образцы претенциозности.

¹ Гарри Стэк Салливэн отмечал решающее значение взросления человека в подростковой фазе, когда он вынужден вступать в близкие эмоциональные отношения с одним или двумя своими сверстниками. Те, кто отчасти не способен к этому, проявляют различные отклонения в своем последующем развитии.

Глава VIII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АДМИНИСТРАТОРЫ

Некоторые администраторы поглощены своими идеями, другие же редко прельщаются новизной. Одни проявляют максимум энергии под руководством довольно снисходительного начальника; другие же не могут сконцентрироваться, пока на них не надавят сверху. Существуют администраторы, оказывающие влияние на подчиненных скорее в силу присущих их положению властных полномочий, чем за счет авторитета своей личности. А есть и такие, которые могут зависеть от добросовестного исполнения подробно разработанных заданий, тогда как другие пренебрегают деталями и мыслят в духе общей политики.

Если рассматривать это в развитии, то видно, что одна группа администраторов поразительно похожа на агитаторов, отличаясь от них только тем, что они более тесно связаны с определенными людьми и, таким образом, смещают свои аффекты на менее обобщенные цели. Это придает администратору некоторую свободу от необходимости «подняться» над большей частью населения. Однако это крепче связывает его с членами собственного окружения, чьи отношения он стремится скоординировать. Администратор – это координатор усилий текущей деятельности.

Близкая к агитаторам группа включает тех, кто демонстрирует воображение и побуждающее действие. История **Н.** относится к этому типу и представляет дополнительный интерес для демонстрации того, как **Н.** вел себя во время войны.

Хотя правильным будет сказать, что **Н.** дипломатичен и кажется открытым и искренним в работе со своими начальниками, следует добавить, что в ситуациях, затрагивающих судьбу его планов, он весьма откровенен и, похоже, оценивает себя гораздо выше других. Его тон становится слегка обвинительным, когда его требования отвергаются. Старшие сотрудники, с которыми **Н.** проявлял максимум энергии в работе, иногда жаловались, что совещание с **Н.** утомляло так же, как целый рабочий день. Пожилой сотрудник полагал, что **Н.** мог быть полностью уничтожен, если бы его предложения были грубо отвергнуты, и он также верил, что молодой человек был слишком ценен, чтобы его унижать. **Н.**

признается, что часто обнаруживал себя отлынивающим от дел, когда оставался без начальства, и удивлялся, почему им овладело такое отношение, противоречащее его собственным интересам. **Н.** проявляет склонность к надменному поведению по отношению к подчиненным, и во время его пребывания в армии стало очевидно, что он может поддерживать дисциплину только с помощью данной ему формальной власти.

Н. – единственный ребенок в семье. Его отец был крупным, подавляющим мужчиной, придерживавшимся строгой дисциплины. Его родители были чрезмерно щепетильны в вопросах секса, и одно из смущающих воспоминаний связано с замешательством и недовольством матери, когда он спросил ее о появлении детей. Предоставленный собственной изобретательности и подстегиваемый различными случаями к изучению по собственной инициативе сексуальных вопросов, мальчик оказался замешанным в серию эпизодов и мечтаний, которые он стремился держать втайне от семьи, и поэтому встречал каждую семейную ситуацию с некоторым беспокойством, ожидая, что его проступки выплывут наружу. **Н.** вырос очень активным и на вид беззаботным юношей, который безоговорочно слушался своих родителей и встречал незнакомцев дежурным объяснением. **Н.** был постоянно озадачен усвоением такого стиля поведения по отношению к власти, который скрывал бы его тайную озабоченность.

В возрасте примерно четырех лет **Н.** застал своих родителей в сексуальных объятиях, и это живо породило в нем смешанное чувство смущения и жгучего любопытства. Некоторые фрагменты его детских мечтаний показывают, что он подавлял сильную враждебность по отношению к отцу, который, как он думал, причинял боль матери, и подобным же образом **Н.** подавлял ненависть к матери, которая, как он чувствовал, вела себя по отношению к нему предательски.

Свои познания он приобретал благодаря целому ряду событий. К их числу относилось взаимное обнажение **Н.** и его товарищем по детским играм, таким же по возрасту, своих половых органов. Глубоко подавленный эпизод являлся обольщением, в котором **Н.** принадлежала главная роль. Между тем он успешно играл роль образцового мальчика.

Однако когда **Н.** было десять лет, всплыл случай, который заклеил его среди соседей как скверного маленького негодника и имел множество вытекающих последствий. Он потрогал обнаженные половые органы соседской девочки, которая была немного младше его по возрасту. Сестра и брат девочки были заинтересованными зрителями. Дети сообщили об этом кухарке, и новость, наконец, дошла до матери девочки. Она восприняла ее достаточно спокойно, но сочла нужным сообщить о случившемся матери мальчика. Мать **Н.** пересказала историю отцу, что было худшим, что только, с точки зрения **Н.**, могло случиться. Отец задал сыну изрядную головоломку и запретил ему в течение двух недель играть за пределами двора. Отец очень разозлился и все это время каждый вечер читал нотации **Н.** о его грехах. Через некоторое время отец пошел навестить соседей, и, похоже, стал утверждать, что девочка была так же виновата, если не больше, как и его сын. Такое бестактное поведение окончательно отвратило от них соседей.

Случилось так, что этот сосед издавал серьезную газету, и даже долгое время спустя эта газета не упускала возможности резко покритиковать дееспособность подразделения городского правления, возглавляемого отцом **Н.** Эти нападки продолжались в течение многих лет, и отец от случая к случаю упрекал **Н.** в том, что он является причиной этой вражды.

Вышло так, что соседи подвергали мальчика остракизму в течение года или несколько дольше и не приглашали его на вечеринки, несмотря на то, что он общался с детьми. Но **Н.** был очень застенчив и искал друзей подальше. Брат девочки решил, что он обязан отомстить **Н.**, и в итоге между ними произошло несколько драк.

В возрасте четырнадцати лет **Н.** поступил в среднюю школу. Год или два он не ходил в открытый плавательный бассейн, потому что очень смущался из-за отсутствия волос вокруг половых органов. Это означало задержку в развитии и причиняло ему изрядное беспокойство, однако, не слишком долго, поскольку появились новые поводы для волнения. Теперь ему казалось, что его половой орган слишком велик и, таким образом, его яички слишком оттянуты вниз и потому деформированы. В колледже за

склонность к различным проделкам ему дали прозвище «Петушок», но он втайне подозревал, что это намек на его половой член.

Приятель научил его мастурбировать, и он продолжал заниматься этим около шести месяцев, пока поллюции не стали столь частыми, что мать сказала об этом отцу. На этот раз отец **Н.** воспринял ситуацию здраво и в доброжелательной беседе объяснил, что это не лучшая идея – чрезмерно потворствовать себе подобным образом, и затем оставил **Н.** в покое. Но даже этот случай не был последним, поскольку остались беспокойные переживания по поводу того, что, возможно, чрезмерная мастурбация постоянно уменьшает его мужественность.

Н. испытывал живейшее любопытство к телу матери и очень стыдился этого. Он вспоминает, как слонялся по комнате матери, когда она собиралась переодеваться, в надежде, что она забудет выставить его вон. Он обнаружил, что размышляет о форме ее тела, и несколько раз ловил себя на том, что готов подглядывать в замочную скважину. Однако эти порывы сдерживались, когда он вспоминал историю, рассказанную отцом, в которой с огромным презрением говорилось о «Подгляделкине». **Н.** в некоторых случаях мечтал о половых сношениях со своей матерью, почти всегда во время периодов особого напряжения. Эти мечты были глубоко похоронены, и извлечь их на поверхность можно было с большим трудом.

Его сексуальное любопытство распространялось на животных, и он возбуждал половые органы своей собаки. В дальнейшем это привело к тому, что секс ассоциировался у него с чем-то грязным и скотским, убеждая **Н.** в собственной вине за любопытство в этом вопросе.

Первый сексуальный опыт **Н.** стоил ему немало беспокойства. Это случилось на втором году обучения в последней ступени средней школы. Его отправили на семейном автомобиле отвезти домой гостя, и он заметил девушку, примерно свою ровесницу, веселую и кокетливую. По пути домой он подобрал девушку с двумя юношами, с которыми был немного знаком. Все они имели с этой девушкой сексуальные контакты. **Н.** очень беспокоился, что может опоздать домой. Его строгий отец установил

правило, что если **Н.** приходит домой ночью, то должен разбудить родителей и отчитаться, где был. В спешке он не стал внимательно осматривать салон автомобиля, и отец обнаружил несколько шпилек для волос. **Н.** отрицал, что имеет к этому какое-либо отношение. Инцидент, однако, не был исчерпан. Он увидел статью в газете о нескольких мужчинах, арестованных за изнасилование, и размышлял над тем, не совершил ли он страшное преступление вместе со своими товарищами. Вскоре девушка забеременела и предстала перед судом для несовершеннолетних. Она назвала другую компанию молодых людей, а те обвинили в преступлении **Н.** и двух его товарищей. Он был шокирован перспективой явки в суд, навлекая тем самым позор на свою семью. **Н.** боялся, что его товарищи по преступлению сознаются, но сам перед отцом все отрицал, и политическое влияние отца спасло его от вызова в суд. Однако по крайней мере в течение года угроза возможного разоблачения маячила на краю его сознания.

На протяжении всего периода обучения в средней школе он вступал в случайные половые контакты, но каждый эпизод бывал испорчен неприятностями. Одновременно с такими отношениями с девушками низкого социального положения он дружил и со многими девушками из хороших семей, которых идеализировал и не воспринимал как сексуальные объекты. Он посещал частную школу, в которой постоянными учениками были почти исключительно дети из очень богатых семей, и **Н.**, красивый, хорошо одетый, сообразительный и милый, нашел себе среди них друзей. Он часто бывал у них в гостях и восхищался их богатством и культурой. Он начал остро ощущать культурную ограниченность своих родителей и боялся приглашать школьных друзей к себе домой, но, к счастью, отец охотно давал ему достаточно денег, чтобы он мог демонстрировать свое социальное благополучие в первоклассных клубах и ресторанах.

В колледже **Н.** продолжал проводить четкую линию между теми девушками, которых можно было бы любить, но которые были слишком богаты и изысканны, чтобы им можно было предложить половые сношения, и теми, которых можно любить и которые достаточно бедны, чтобы им можно было предложить такое. Он продолжал общаться с богатыми и красивыми девушками

и, в конце концов, сосредоточил свое внимание на дочери богатого бизнесмена, на которой хотел бы жениться. Время от времени он занимался сомнительными делишками и, совершая их, был полон раскаяния.

Уже достаточно было сказано, чтобы составить впечатление о внутреннем состоянии **Н.** Его неудовлетворенное сексуальное любопытство было раззадорено ханжеством родителей. Его отец защищал свое положение в семье, в большой степени помыкая мальчиком, и **Н.** реагировал на такую власть системой реакций, которые стали его неотъемлемыми чертами. Он был тактичным, почтительным и уступчивым, ограничивающим свои внутренние обиды и редкие проявления неповиновения. Отец был ему не другом, а преградой, которую нужно обойти, и отцовская гегемония была подкреплена чувством виноватой неполноценности, которую отец воспитал в сыне. В семейных разногласиях, возникших тогда, когда отец возражал в обыденных мелочах, или тогда, когда юноша хотел получить больше свободы в пользовании автомобилем, всегда проявлялся один и тот же расклад сил – мать и сын против отца. Мать не защищалась в серьезных столкновениях, а лишь жаловалась. Было только два случая, когда юноша распалился в достаточной мере, чтобы открыто сопротивляться отцу.

Если бы **Н.** добился больших успехов, завоевывая одобрение вне семьи, вполне возможно, что его положение в семье так же бы улучшилось. Коммуникабельность и обаяние дали ему возможность войти в наиболее влиятельные круги, и это радовало его родителей, однако отец был человеком действия, который считал, что пока у его сына в приятелях богатые друзья, он обязан добиться больших успехов. Хотя он никогда не придирался к **Н.**, отцовская строгость, подозрительность и скупость на похвалу сильно действовали на юношу и породили в нем чувство неполноценности и незащищенности. Несмотря на то что **Н.** не добился больших успехов, он без всяких провалов прошел обучение до колледжа. Он был исключен в конце первого года за плохую учебу, однако вернулся через шесть месяцев, в течение которых притворялся перед отцом, что по-прежнему учится. Временное исключение частично было связано с советом, который дали декану

его сокурсники, считавшие, что **Н.** не управляем, и хотели «привести его в чувство». На первых порах, с того момента как **Н.** оказался вне дома, вдали от грозного отца, он весело проводил время. Впоследствии он в достаточной мере остепенился, чтобы справиться с делом.

Непрерывно всплывали, мешая его успехам, воспоминания о непозволительных сексуальных опытах, неразрывно связанные с ощущением вины. Однажды ему было поручено в школе участвовать на занятиях в общественной дискуссии. Его оппонентом оказался брат той девушки, с которой был связан случившийся несколько лет назад пресловутый эпизод. Брат был явным школьным лидером, который, без сомнений, забыл о случае, но это воспоминание продолжало давить на **Н.** Он всегда чувствовал себя неловко в присутствии другого юноши, и поскольку **Н.** был плохо подготовлен, то совершенно не мог вынести ситуацию и упал в обморок.

Он начал изучать в колледже сельское хозяйство, но вскоре обнаружил, что совершил ошибку. Его семья владела ранчо, на которое он часто ездил во время каникул и получал там большое удовольствие. Фермерство было основным занятием его отца, и **Н.** считал, что труд на ранчо – благородное занятие, не требующее больших усилий и предполагающее командование окружающими людьми. Он смутно представлял себя сельским джентльменом, наслаждающимся праздным времяпровождением. Война спасла **Н.** от занятий сельским хозяйством. Он пошел служить в авиацию без потери «кредитов», отчасти потому, что страдающая снобизмом мать его любимой девушки была приведена в смущение его военной формой, и отчасти потому, что, по его мнению, лучше, если необходимо, участвовать в войне в качестве офицера, чем быть рядовым. Влияние отца обеспечило ему отсрочку в призыве, и **Н.**, хотя и чувствовал себя слишком ничтожным, сказал самому себе, что для человека лучше умереть, чем не иметь собственных достижений.

Его карьера офицера в лагере выявила те черты, о которых упоминалось ранее. Почтительное отношение к начальству вызывало симпатию к нему, однако у него были трудности в общении с рядовым составом. Собственная неуверенность привела к тому,

что он занял высокомерную позу по отношению к своему подразделению, что вызвало раздражение у всех без исключения. Он также обнаружил, что когда дисциплина ослабляется, он начинал весьма неаккуратно исполнять свои обязанности.

Такой же набор черт проявился вновь в его административной карьере, изменилось лишь то, что он научился занимать не столь вызывающую позицию по отношению к своим подчиненным. Он сделал очень хороший отчет и предложил множество изменений, которые были приняты для усовершенствования процесса работы.

При изучении истории **Н.** бросается в глаза его постоянное беспокойство о приспособлении к определенным людям. **Н.** никогда не был способен превратить препятствие в отвлеченный интерес. Даже его административные идеи были тесно связаны с непосредственным содержанием его службы. Жизнь **Н.** прошла под знаком отношений с определенными людьми, и это означало постоянное смещение на них его ранних установок. В отличие от **В.**, который тонко чувствовал по отношению к себе несправедливость отца, брата и тетки, **Н.** был также абсолютно убежден, что «заслуживает» большего по сравнению с полученным. В нескольких ранних эпизодах его мошеннические уловки были резко пресечены.

Другая «маргинальная» история показывает, что случается с некоторыми людьми, имеющими агитаторские наклонности, которые не способны распознать свое место в организации и полностью отдаться агитационной работе. Мистер **I.** – это тип, который изредка встречается в административном штате и представляет серьезную проблему для себя и для окружающих. Он непрерывно предлагает планы, которые сам же отказывается выполнять, он высокомерен и дерзок с начальством. Однако он испытывает недостаток побуждений, чтобы полностью перейти на агитационную работу из-за того, что это связано для него с весьма драматическим случаем. Временами это обусловлено, как в случае с **I.**, с сильной ранней идентификацией с определенными планами и административной работой как таковой. Когда подобный человек может дать выход некоторым из этих ранних установок, он часто

оказывается способен соответствовать тем ожиданиям, которые на него возлагаются.

Отец **И.** был человеком, чьи поразительные способности делали его весьма заметной фигурой, кто, в действительности, никогда не был таким выдающимся, как можно было ожидать от столь богато одаренного человека. Отец **И.** мог говорить на пяти или шести языках и читал на нескольких других. Он учился в Англии, Франции и Италии, проработал в качестве профессора современных языков, и интересы в области преподавания привели к тому, что он возглавил известную подготовительную, а позднее и общеобразовательную школу. Большую часть своего времени он отдавал чтению, а в последний период жизни злоупотреблял алкоголем, что, однако, не отражалось на качестве его работы. Те, кто его знал, называли этого человека «эгоистичным интеллектуалом, который умер, не имея друзей». Мать **И.** была приемной дочерью британских аристократов и выросла в выдающихся общественных и интеллектуальных кругах. Мать была исключительно активна во всех видах общественной деятельности, однако расточала много времени и любви сыну, который был «ужасно избалован», и разделяла общее мнение, что он подающий надежды гений.

Как и ожидалось, мальчик преодолел период школьного обучения как метеор, став первым учеником по всем предметам, и с легкостью получил все возможные знаки отличия. В колледже он активно включился в общественно-политическую жизнь, вступил почти в двадцать организаций, умудрившись стать членом всех важных комитетов.

Как и отец, сын выбрал работу в государственной школе. Заинтересовавшись психологией, он провел исследование и быстро опубликовал книгу, получившую очень благоприятный отклик среди лучших специалистов в этой области. Он загорелся идеей реформы образования и повсюду проповедовал, призывая в своей агитации поддержать законопроект, который предусматривал создание ряда экспериментальных школ.

Часть его истории, которая особенно интересна изучающим администрацию, такова: он постоянно не сходил ни с начальством, ни с коллегами. Его первая учительская работа началась с

ссоры и продолжалась очень недолго. Ему предложили освободить следующую должность. Затем его попросили оставить следующий пост. Далее ему еще раз предложили уйти с работы. Эти замечания постоянно повторялись на протяжении всей записи истории его жизни.

Все признавали остроту и глубину его ума и отдавали должное оригинальности его планов. Он начинал работу, однако оказывался не способен ее продолжать, видимо, думая, что запланированная работа равноценна выполненной. Его методы всегда были агрессивны. Захваченный административной идеей, он шел к своему начальству. Когда оно критиковало его план или отвергало его предложения, он закусывал удила и старался сделать все по-своему.

В его работе неоднократно обнаруживались денежные неувязки. Он выписывал необеспеченные средствами чеки и производил непозволительно дорогие расчеты. Всякий раз, когда у него случались денежные затруднения, он обычно обращался за помощью к другим людям, давая им почувствовать, что он имеет право требовать поддержки у всего мира.

Он был всегда по-детски зависим от похвал своей жены. Он негодовал по поводу ее материнских чувств, но чрезмерно потакал двум своим детям, которые, как говорила жена, его совсем не уважали. Ему нравилось быть в центре внимания, он – талантливый артист и в немалой степени притворщик. Он обычно был не слишком сдержан, но внимателен. Он был склонен осуждать свою жену – «мегеру», однако жена была, видимо, увлекающейся личностью, находившейся под довольно глубоким впечатлением от его ранних блистательных способностей, чтобы выйти за него замуж и избаловать его, но позднее она делала критические замечания о его характере.

По-видимому, он прошел через несколько чередующихся периодов радости и уныния. Радостное настроение возникало, когда он получал место, и жизнь становилась не столь унылой и противной. По крайней мере, один из этих перепадов был в достаточной мере выражен, чтобы повлечь за собой период лечения в больнице. В это время его спросили, какой тип работы для него

наиболее предпочтителен, он ответил: «Реформировать мир – мой первый выбор, второй – его использовать».

Сила его нарциссизма самоочевидна, и велико число женских черт в его характере. Он ожидал как должного, что весь мир обязан его кормить и поддерживать. Он требовал постоянной «материнской ласки» от своей жены и баловал детей. Его ненависть к отцу, которую он тщательно подавлял в семье, проявлялась в сложных отношениях с заместителями отцовской власти и в его решимости изменить систему образования в вопросах, которые его отец воспринимал как данность или открыто защищал. Выбор педагогического поприща сам по себе весьма показателен в смысле силы его самоидентификации с отцом. То, что, кажется, имело место в процессе его развития, является фиксацией интересов в относительно узкой сфере, в которой эмоции столь сильны и в то же время так противоречивы, что трудности обеспечены. Он считал невозможным в достаточной мере избавиться от своих администраторских устремлений, чтобы посвятить все свое время распространению идей. Хотя его эмоции были устремлены на абстрактные проблемы, они не были направлены на цели, в достаточной степени удаленные от его отца, и смещение не обеспечило ему успех в достижении безличного отношения к начальству и коллегам в администрации учебных заведений. Чрезмерные восхваления вскружили мальчику голову и спровоцировали нарциссизм. Его неспособность следовать указаниям, без сомнений, связана с конфликтом в связи с его ранней половой активностью. Основной пункт заметного отличия от **А.** заключается в том, что нарциссическая составляющая противоречила развитию **Н.**, так как привела его к упорному стремлению работать в управленческой сфере. Окружение **А.** подавляло его в меньшей степени, и он мог уклоняться от высокомерных административных обязательств, когда был стеснен и находился в подчинении.

История **Ж.**, которая была изложена Александером¹, показывает, что скрывается за сильной жадой ответственности адми-

¹ Der neurotische Charakter // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1928. XIV. P. 26–44.

нистратора, а также раскрывает, как изменения в рабочих отношениях внутри организации могут дезорганизовать человека.

Ж. был ведущим администратором, начальники считались с его мнением и принимали его предложения. Неуемная энергия находила выход в принятии им на себя все большей и большей ответственности в организации. В конце концов главный администратор поставил **Ж.** под непосредственный контроль человека, который относился к нему с холодной уверенностью, мягко, но твердо удерживая его в официальной сфере деятельности. Впервые в жизни столкнувшись с более властным человеком, умевшим им управлять, **Ж.** взял в любовницы жену другого человека, и, несмотря на увещевания своих знакомых, упорно содержал обеих – и любовницу, и жену.

Исследование показало, что у **Ж.** с раннего детства явно проявлялся раскол личности. Наряду с его агрессивными, маскулинными импульсами существовала глубоко подавляемая, хотя и сильная, женская тенденция. Его личность можно понять только как некое компромиссное состояние между этими двумя несовместимыми мотивами. Подавление пассивного компонента давало регрессивную фиксацию на жене, которая была вынуждена играть ярко выраженную материнскую роль и с юмором относиться к каждой его причуде. Он негодовал, если каждое его желание не угадывалось и не выполнялось прежде, чем ему приходилось обременить себя выражением своего желания в словах. **Ж.** обладает изысканным чувством прекрасного и является утонченным непрофессионалом в мире искусства.

В самом остром, какое только можно себе представить, противоречии с его поведением дома была его ненасытная жажда власти и ответственности в профессиональной жизни. Одна из фантазий четко изображала его как гигантский, невероятно мощный автомобиль в виде легкого французского экипажа в стиле рококо.

Согласно комментариям Александера, жизненной проблемой **Ж.** было удовлетворение своих пассивных требований без нанесения вреда маскулинным идеалам. Но это не было достигнуто без напряжения. У него случались периоды эстетического удовлетворения за счет повышенной агрессивности на работе, однако

по мере утолнения феминных стремлений его идеал маскулинности подвергался опасности, и он опять погружался в интенсивную управленческую работу. Психологическая значимость его работы получила символическое выражение в следующей фантазии: он пронзал толстый кусок картона иглой и постоянно просил новые куски, чтобы их проткнуть. Он успешно преодолевал несколько слоев. Картон символизировал его профессиональные проблемы, а игла – его пенис. Его профессиональная деятельность в широком смысле являлась сублимацией его агрессивной, активной сексуальности.

Равновесие между его агрессивностью на работе и пассивностью в супружеской жизни было нарушено новым главным администратором, который мастерски ограничил его активность. Александр отмечает, что для человека, который всю жизнь боролся со своей бессознательной гомосексуальностью, невыносимо оказаться под началом сильного мужчины. Доминирующая личность выводит наружу скрытые установки, и подчиненный должен прибегать к специальным средствам удержания своей репрессии. В случае **В.**, который мы рассматривали выше, средством поддержания некоторого рода равновесия было бегство (путем освобождения), но когда становилось очень трудно, он спасался в мире фантазий (психоз). **Л.** встречал кризис, пробиваясь через сублимацию гетеросексуальности и заводя любовницу, давая выход своим разрушительным устремлениям. Более того, он доказывал свою мужественность очень драматическим способом. Он не только завел любовницу, но он взял в этом качестве жену другого человека.

С этих пор он стал зависим от обеих женщин, сохраняя равновесие своей личности. Ранее сохранялось равновесие между женой и работой; теперь оно зависело от жены, любовницы и работы, для агрессивной, мужской составляющей требовалась любовница, чтобы компенсировать ограничения, наложенные его рабочей сферой.

Александр пишет, что в ходе длительного анализа это поразительное раздвоение личности прослеживалось вплоть до раннего детства. «В возрасте четырех лет он был уже точно такой же личностью». В возрасте четырех лет он продолжал пить молоко

из бутылочки, упрямо сопротивляясь любой попытке отучить его от этого. Но – и это было настойчивое «но», которое **Ж.** воспроизвел в воспоминании, – в то же время мальчик был подчеркнуто предприимчив и независим, самостоятельно выпутываясь из всяческих затруднительных положений в жизни. Здесь проявлялось то же самое противоречие, которое позже выразилось в его своеобразном отношении к жене и работе. Ребенок завоевал себе право удовлетворять свои инфантильные, оральные желания в конкретном случае с помощью преувеличенной храбрости в других отношениях. Такое решение было прототипом его последующей жизни.

Роль бутылочки позднее приняла на себя его жена, с которой он часто обходился как с неодушевленным предметом, чья единственная функция заключалась в удовлетворении его потребностей, тогда как его работа, и затем его любовница были заменителями велосипеда, посредством которых он мог доказать свою независимость и мужественность самому себе и всему миру.

Страх кастрации, который был вызван общепринятыми средствами, призванными прекратить его детскую мастурбацию, благоприятствовал оральным пристрастиям и вступил в конфликт с его сильными мужскими генитальными побуждениями, став основой этого заметного раскола характера.

В обсуждавшихся ранее отчетах приходилось иметь дело с изобретательными или деятельными администраторами. Довольно часто встречающийся в общественных службах тип – это добросовестный, чересчур щепетильный чиновник, чья раздражительность, склонность к деталям, удовольствие в рутине и страсть к точности быстро обеспечивают целостность службы и охлаждают чувства любого, кому приходится иметь дело с правительством. **К.** был как раз таким человеком. В течение нескольких лет он работал в службе лесного хозяйства, где одной из его обязанностей была пометка деревьев, которые могли срубить частные лесорубы. Лесорубы, как и следовало ожидать, утверждали, что рубить следует прямые крепкие деревья, а подпорченные оставлять на семена. **К.** руководствовался множеством других факторов и проводил целые дни, измеряя и оценивая скорость роста и площадь затененности, изводя лесорубов своим бесконечным и

часто излишним педантизмом. Он остро чувствовал свою ответственность как служитель общества и испытывал неприязнь к самим проявлениям уступок давлению со стороны частных лиц. Однажды **К.** ушел в отставку из-за отвращения к «нецивилизованному» отношению начальства, но «обидчивость» коренилась гораздо глубже в его сущности, чем он мог себе это представить.

История **К.** – это рассказ не только о педантичном чиновнике, но и о пылком патриоте. Одна из высших форм патриотизма предполагает добровольное пребывание во время войны на особо опасных постах. **К.** потянул за все доступные ему ниточки, чтобы попасть на линию фронта, и только категорический отказ начальников разрешить ему растрачивать свое профессиональное мастерство не дал возможности достичь желаемого. С помощью пристального изучения истории его личной жизни мы узнаем, как формируется один из видов ура-патриотов.

К. был младшим из четырех детей. Самый младший из его братьев был старше его на восемь лет, его сестра была старше этого брата на пять лет, а разница в возрасте между **К.** и самым старшим братом составляла восемнадцать лет.

Он никогда не помнил о том времени, когда его мать и отец, которые развелись, когда ему было восемь лет, были бы в хороших отношениях друг с другом. Они разговаривали редко, только ругались. Эта подоплека семейной жизни отражалась в душевной жизни подрастающего ребенка. **К.** явно был нервным и застенчивым. С самого раннего детства он был озабочен мыслями, почему отличается от всех в этом мире. Чувство изолированности и странность заставили его поверить, что, возможно, он – единственный настоящий человек на земле, а остальные – всего лишь иллюзия. Временами он подходил к матери и с интересом дотрагивался до нее, а затем до себя, чтобы убедиться, что она действительно существует. Он размышлял о том, как можно избавиться от окружающих его теней людей, и убедил себя, что может летать. Несколько раз он с трудом вскарабкивался на сиденье кухонного стула, раскидывал руки как птица и прыгал. Каждый раз он с грохотом падал на пол, и испуганная мать кидалась ему на помощь, однако он всегда испытывал удивление и сильное огорчение от того, что упал, и втайне верил, что все равно может ле-

тать. Этот тип реакции характерен для ситуации, когда эмоциональные конфликты в доме создают для ребенка острую проблему эмоциональной ориентации.

Когда он был еще совсем маленьким, мать посылала его следить за отцом, когда тот уходил из дома, и рассказывать, куда он ходил. У **К.** развилось из-за этого сильное чувство вины, и после развода он боялся, что отец вернется и отомстит ему каким-то неизвестным и страшным образом. От случая к случаю его отец, действительно, возвращался и однажды пригласил мальчика переночевать у него, но **К.** был слишком испуган, чтобы согласиться.

Семейство часто проживало в деревне, и застенчивость **К.** в присутствии незнакомцев усиливалась из-за частых переездов в новые и зачастую уединенные места. Один из городов, возле которого он жил в возрасте девяти лет, находился рядом с границей. Довольно часто происходили перестрелки, и **К.** вспоминает увиденные им трупы людей, застреленных в уличных потасовках. Немало выглядевших зловеще крутых парней шаталось вокруг города, и мальчик не отказывал им в приюте.

Смерть матери, когда ему было двенадцать лет, лишила его главной эмоциональной опоры во враждебном мире. Она умерла после двух лет страданий от инфекции конечности. Бывало также, что она плевала на кусочки бумаги и сжигала их в печи. **К.** удивлялся, почему она делает это, и позднее у него развилась фантазия, важность которой проявится позже.

Старшие члены семьи остались с **К.** на руках, и они решили сплотиться и выкинуть из головы все мысли об устройстве собственной личной жизни до тех пор, пока **К.** не станет самостоятельным. Мальчик не осознавал жертву, которую они принесли ради него, но позже обнаружил, что его старший брат все откладывал свадьбу со своей любимой девушкой, пока та не разорвала помолвку и не вышла замуж за другого. Только когда **К.** закончил среднюю школу, и семейство распалось, он осознал, чем ему обязан, и с тех пор он был обеспокоен мыслью о своей никчемности и неспособности отплатить своим братьям и сестре за их заботу. Вплоть до этого времени он не испытывал какого-либо особого чувства благодарности, и несмотря на то, что старший брат один или два раза указывал ему на его зависимое положение, его

личные чувства выражались в основном в негодовании против наложенных на него ограничений.

И это были довольно серьезные ограничения. Семья держала теплицу, что постоянно требовало неизбежной при таком занятии тяжелой грязной работы. Там были черенки для пересадки, грядки, нуждающиеся в прополке, и тяжести для перетаскивания и на вынос. Тянулись долгие часы скучной нудной работы. Предполагалось, что **К.** примчится домой из школы, как только сможет, и примется помогать, выполняя большой объем работы по содержанию теплицы.

Порой ему удавалось уклониться от своих обязанностей. Он останавливался поиграть по пути домой после доставки овощей, оставался под тем или иным предлогом в школе, чтобы присоединиться к спортивной команде. Однако его всегда преследовали страх и чувство вины. Его старший брат был сторонником строгой дисциплины и несколько раз порол его. Сестра иногда давала ему деньги на карманные расходы, но, как правило, он был весьма ограничен в средствах. Когда его компания организовала спортивную команду и выбрала себе форму, он был совершенно уничтожен, не получив из дома необходимые деньги.

К. был обеспокоен тем, что проявилось как недостаток физической выносливости и стойкости. Эта идея, которая, впрочем, не имела никаких реальных оснований, отчасти связана с его усилиями делать то, что и его братья. Иногда они прыгали в длину и поднимали тяжести, и, конечно, **К.** не мог сравниться с ними по результатам. Однако в отношении бессознательной враждебности против них подобные неравные результаты не вызывали у него беспокойство. Болезненное беспокойство о своей физической силе толкнуло его к самоутверждению в многочисленных уличных драках с городскими хулиганами.

Юношеские годы были подпорчены его постоянными беспокойствами о своей социальной адекватности. Он стал жертвой взрыва, который оставил на лице пороховые ожоги, и эти отвратительные отметки, которые постепенно исчезли, годами мучили его.

Старшие братья и сестра **К.** иногда брали его с собой на вечеринки, потому что его не с кем было оставить, и удручающее чувство, что он кому-то мешает, усугубляло его чувство социаль-

ной неустроенности. Во время обучения в средней школе он влюбился в дочь наиболее влиятельного человека в округе, но по мере того как ее социальные стандарты повышались, он не мог соответствовать ее требованиям из-за отсутствия денег, свободного времени и престижа. Одним из наиболее унижительных эпизодов в его жизни был разрыв их отношений. **К.** договорился встретиться с ней в танцевальном классе. Другая девушка позволила узнать, не возьмет ли он ее с собой, но он ответил, что никуда не пойдет. Его старший брат подслушал телефонный разговор и был удивлен, увидев **К.** на выходе полностью одетым. Он разразился горячей тирадой, объявив, что **К.** шляется неизвестно где, транжирит деньги и уваливает от работы, хотя полностью зависит от других, получая свой хлеб насущный. **К.** был уязвлен до глубины души и вернулся к себе в комнату, охваченный такой бурей эмоций, что не смог позвонить и объясниться с девушкой.

К. с раннего детства считал само собой разумеющимся, что обязан поступить в колледж. Он проанализировал свое решение, дойдя до случая, когда однажды ехал через долину прекрасной звездной ночью. Он сидел в задней части экипажа, поглощенный созерцанием переливающегося неба, в то время как его мать беседовала с соседкой. Вдруг он спросил, как можно узнать о звездах, и она ответила, что люди могут все узнать о них в колледже. Тогда он и решил поступить в колледж, и никогда ни на мгновение не сомневался в этом, несмотря на то, что все члены его непосредственного окружения не продвинулись дальше общеобразовательной школы.

Вопреки своим униженным чувствам, **К.** не был лишен некоторой доли признания в средней школе. Надежность и расположенность в общении по отношению к тем, кто тесно общался с ним каждый день, сделали его членом правления в классе средней школы. Он уважительно относился к учителям и был прилежен в учебе.

В колледже было совершенно другое дело. Его личные беспокойства за переходный период усилились. Испытывая недостаток средств, он пытался получить стипендию. Единственный доступный в его округе государственный университет занимался керамической техникой, и посмотрев в словаре,

что такое «керамика», он обратился туда и был отобран для поступления. Выяснилось, что эта работа не представляет для него никакого особого интереса, а общественная жизнь его совсем не удовлетворяла. Он был встречен в студенческом городке членами церковной общины, которые жили вместе в общежитии (один друг написал им), и хотя он никогда не был набожен, остановился с ними на время первого семестра. Это охарактеризовало его как не вошедшего в студенческое сообщество. Он прислуживал за столом в студенческом общежитии, и как назло, бывший учитель написал ему весьма хвалебную рекомендацию для этой студенческой организации. Когда комитет сообщил ему новости, он крайне смутился и произвел такое жалкое впечатление, что совершенно невозможно было расширить на него заявку. Одной из его случайных работ стало выбивание ковров в женском клубе колледжа, и вышло так, что этот клуб поручился за девушку, которую он любил и все еще продолжал любить.

Отдыхать **К.** был вынужден в помещениях кухонной прислуги. Одна служанка завела с ним дружбу, и он вступил с ней в сексуальные отношения. Однажды, еще учась в средней школе, он попытался совершить половой акт, но у него произошла преждевременная поллюция, что позднее сильно мучило его, являясь постоянным источником унижения.

Переведясь в другой колледж, он начал работу в лесничестве, интерес к которой появился у него во время прогулок с дружески расположенным учителем средней школы. Жизнь **К.**, осложненная нехваткой денег и растревоженная растущим чувством социальной неустроенности, не улучшилась. Во время учебы в средней школе он завидовал словоохотливому парню, развлекавшему компанию анекдотами о Наполеоне. Один из его родственников, которого он знал мальчиком, являлся для него идеалом общественного признания, который был для него недостижим.

Внутренние сомнения **К.** в конце концов достигли той точки, которая привела к решению, что он обязан раз и навсегда выяснить, предложит ли лесничество ему подходящую должность. Он оставил колледж и поступил на правительственную службу. Это должно было стать большой проверкой его способности быть хозяином самому себе.

Он был так сильно озабочен умением владеть собой, что раздражался от любой попытки воздействовать на него и проявлял ненужную строгость с частными лесорубами. Работая в поле, он был так часто лишен нормальных человеческих отношений, что постепенно его разум все более и более запутывался в болезненных размышлениях о самом себе. Разум просто отказывался сосредотачиваться на технической документации, которую он захватил с собой, чтобы скрасить одиночество. Начали активно прорастать фантазии, которые существовали в зачаточном состоянии на периферии его сознания. **К.** всегда интересовало, почему его мать сжигала эти маленькие кусочки бумаги. Однажды его озарило, что в действительности она умерла от туберкулеза, и это значит, что он также предрасположен к этой болезни. В начальный период учебы в средней школе он начал делать упражнения на глубокое дыхание, хотя никогда добровольно не признавался самому себе или кому-нибудь еще, что за этим стоит. Он всегда излагал страховым инспекторам обычную версию смерти своей матери, подавляя собственные сомнения в этом утверждении.

Таково было состояние его души, когда Америка вступила в войну. Он нашел себя с того момента, как признал, что поскольку в любом случае умрет от отвратительной болезни, то может с таким же успехом умереть немедленно и разделаться с этим. Завербовавшись без отлагательства в армию, он сделал все, чтобы быстро, насколько это было возможно, добраться до опасных позиций. Однако у руководства были относительно него другие идеи; он был назначен в служебное подразделение, где его профессиональное мастерство принесло бы наибольшую пользу. К его разочарованию, вернулись все старые чувства несостоятельности. Расспрашиваемый офицером, он путался в словах и запинаясь, не сообщая важные факты о своем умении и опыте. Случайное вмешательство знакомого исправило положение дел и подтвердило его право на руководство, обусловленное его данными. Вначале он бывал очень смущен в компании дровосеков, однако никогда не проявлял это в своем поведении. Его текущая характеристика обычно была блестящей, и добросовестная деятельность обеспечивала ему поддержку всех, кто его знал.

К. женился на довольно властной школьной учительнице, с которой был некоторое время знаком. Когда дела шли плохо, как это обычно и случалось, он порой был импотентом, а также проявлял то, что называют «воскресным неврозом». Каждый воскресный полдень, если он был дома, то испытывал глубокую депрессию и тихо оплакивал себя¹. Несмотря на все невротические проблемы, **К.** оказался способен, вернувшись из армии, занять важное место в бюрократической системе.

С одной стороны, можно подвести итог анализа характера **К.**, сказав, что сверхдобросовестное исполнение им обязанностей было улучшенной попыткой демонстрации своей потенции, и страстное стремление к опасности возникло в то время, когда он хотел отказаться от борьбы. Болезненное расположение духа и настойчивое чувство несостоятельности – это наложенные им на себя наказания за собственную враждебность к окружающим. Он был охвачен очень мощными агрессивными побуждениями, которые частично выражались в выборе им идеала, гораздо более амбициозного, чем тот, что мог считаться осуществимым в его семье. Его нарциссизм состоял в том, что он не допускал мысли о себе как об объекте, не менял своих требований получить признание мира и добиться результатов до тех пор, пока эти требования не были бы более тесно связаны с профессиональными навыками и возможностями. Основа его навязчивой добросовестности была заложена в раннем детстве, когда он разрывался между преданностью отцу и матери и проигрывал в себе столкновения, которые происходили между ними. Его устойчивая самоидентификация с матерью видна в уверенности в том, что он болен той же болезнью и умрет, как и она, от туберкулеза. Он предпочел смерть, стараясь уменьшить требования к себе и к миру. Подобная реакция содержит в себе примитивное требование ребенка рассматривать мир как поддающийся контролю по желанию всемогущей фантазии. Его трудности в половой жизни свидетельствуют о силе кастрационного конфликта и демонстрируют пассивно-оральную регрессию. **К.** глубоко возмущало то, что ему вообще приходится адаптироваться к миру. Его способность на-

¹ Абрахам и Ференци сообщали о подобных случаях.

пряженно трудиться была достигнута через сильное сопротивление и отчасти была покаянием. И когда наступали дни безделья, он всегда бывал не в себе и временами испытывал приступы оплакивания себя по воскресеньям. Работа была для него доказательством его потенции и означала обретение привычной замены для защиты от собственных антиобщественных порывов. Он не был способен в достаточной мере освободиться от реакций на людей из своего непосредственного окружения.

Администраторы как класс отличаются от агитаторов смещением своих аффектов на менее удаленные и абстрактные цели. В случае одной значительной группы эта неспособность достигать абстрактные цели обусловлена непомерной озабоченностью конкретными членами семейного круга и соотносительными трудностями в определении собственной роли. Поставив агитатора **А.** на один конец шкалы, мы можем поместить администратора **К.** или **Н.** на другой. Агитатор **В.** был в меньшей степени способен к смещению, чем **А.**, как видно из более личного характера реформ, интересовавших его. **К.** или **Н.** так беспокоились об определенных людях и своих собственных неудачах по отношению ко многим из них, что освобождение было невозможно.

В качестве гипотетической конструкции для этих «маргинальных» случаев мы можем предположить, что другая группа администраторов рекрутируется из тех, кто беспрепятственно прошел кризис развития. Они не задавлены мощными враждебными чувствами, а сублимировали эти побуждения или откровенно дали им выход в кругу близких людей. Они проявляют беспристрастный интерес к организационным задачам как таковым и явно самоутверждаются, хотя и без чрезмерного выпячивания, в профессиональной и интимной жизни. Недостаток их интереса к абстракциям обусловлен тем фактом, что они никогда не нуждались в них как в средстве, необходимом для решения своих эмоциональных проблем. Они могут принимать общие идеи или отказываться от них, не используя их для возбуждения широкого эмоционального отклика со стороны общественности. Не связанные ни абстрактными идеями, ни конкретными людьми, они способны иметь дело и с теми, и с другими в контексте человеческих отношений, воспринимая их безличностно. Их эмоции

протекают свободно; они не бесчувственны, но способны управлять эмоциями. Очень самобытные и энергичные администраторы, видимо, представляют собой фундаментальный образец, который соответствует подобному образцу у агитаторов; различия в особом пути развития существенно обусловлены культурными образцами, доступными для идентификации в переломных фазах взросления.

Глава IX ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ

Политические предрассудки, предпочтения и убеждения часто формулируются в строго рациональном виде, однако вырастают они крайне иррациональными путями. Рассматриваемые на фоне истории развития личности, они приобретают значения, явно отличающиеся от слов, в которых они выражаются.

Начнем почти наугад с истории Л. Он верит, что Соединенным Штатам следует вступить в Лигу Наций и нашему правительству надо привести мир к примирению и спокойствию. По своим партийным предпочтениям он республиканец и весьма рационально рассуждает по широкому кругу общественных вопросов. Но совсем не по этим причинам его история представляет особую ценность для политического исследователя. Что раскрывает его личная история, так это полный параллелизм между его политическими воззрениями и воззрениями отца и матери, и кроме того, его осознанную тревогу за соответствие родительским образцам убеждений и позиции. У него было странное предчувствие, что если он пойдет своим путем, то случится что-нибудь страшное. Таким образом, Л. – не простой конформист, а вынужденный.

Он был самым младшим из четырех детей. Следующим за ним по старшинству был брат, убитый в семнадцатилетнем возрасте, когда Л. было восемь лет. Так как Л. – намного моложе остальных детей, вначале его очень любили и баловали. Он спал в окружении всех членов семьи, но чаще всего с матерью. Кузен, его ровесник, к которому он ходил в гости, стал непосредственным источником его чрезмерной сексуальной фантазии. Когда Л. было семь лет, кузен повлек его в различные сексуальные действия. Он очень рано начал мастурбировать, и эта привычка сохранилась до тех пор, пока он не поступил в колледж. Некоторые мазохистские наклонности проявились у него в раннем возрасте во время эрекции, наступившей, когда его отлупила подружка по играм. Он сексуально возбуждался, наблюдая удовлетворение естественных потребностей маленьких детей.

Л. предавался нечистым фантазиям о своих греховных побуждениях до тех пор, пока не начал бояться, что тяжелая кара настигнет его или семью за эти тайные проступки. Именно в это время его брат – самый любимый, после матери, член семьи, был убит во время мальчишеской выходки. Л. был глубоко потрясен этим. Его предчувствие беды, казалось, получило прямое подтверждение, и он вскоре разработал целый набор обязательных ритуалов.

Когда Л. шел в ванную, он чувствовал, что может случиться нечто ужасное с его семьей, в особенности с его матерью, если он не окунет голову в воду и не продержится, пока не кончится дыхание. Он стал бояться мыться из-за своего постоянного побуждения окунуть голову в воду. Часто в ванной его охватывало такое же чувство, что несчастье может быть предотвращено, если только он выпьет всю воду, льющуюся из крана. Ночью им могло овладеть внезапное убеждение, что он должен уткнуться лицом в подушку и находиться в таком положении, пока не начнет задыхаться. Однажды он проглотил булавку после долгой внутренней борьбы по поводу эффективности данной меры. Временами он залезал и висел на коньке крыши дома, пока едва хватало сил перебраться на безопасный навес над крыльцом. Он чувствовал, что не может никому позволить подойти к нему на улице. Позднее он придумал, что должен пристально оглядывать людей, и считал, что если он продержится до тех пор, пока семь или десять человек не опустят глаза, то все будет в порядке.

Мать Л. была основным объектом его беспокойства. Он совершенно самостоятельно развил теорию, которая использовалась много веков назад некоторыми примитивными народами, а также философами. Он верил, что у его матери есть дух, который покидает ее тело всякий раз, когда ее покидает кто-либо из членов семьи, и что этот дух вынужден проходить всевозможные испытания. Дух должен всегда возвращаться в тело матери, прежде чем кто-либо из членов семьи заговорит с ней. Некоторым магическим образом его собственные действия уменьшали тяжесть, которая лежала на духе матери. Даже будучи взрослым человеком, он подвергался случайным фантазиям, которые напоминали о том, чем он занимался в детстве. Какое-то время спустя,

находясь в плавательном бассейне, он обнаруживал, что думает о том, что его мать никогда не могла удержать свою голову под водой так же долго, как он мог держать под водой свою ногу.

Незнакомая обстановка была серьезным испытанием его застенчивости. Как раз перед его поступлением в среднюю школу семья переехала на новое место, и он так и не преодолел полностью своего чувства чужеродности. Он всегда был трусоват и избегал физических столкновений. Одно из его первых воспоминаний: он сидит на завалинке со старшим братом, который неожиданно предлагает Л. наподдать маленькому брату другого парня. Л. начал драку, однако его обуял страх, и он удрал. Позднее он стал заводилой в маленькой группе детей в своем квартале, и все они были младше его. Кто-то из этой компании похвастался перед вожаком другой группы физическими доблестями Л., но когда тот получил вызов, то спасовал. Он был обеспокоен своей собственной застенчивостью, но, видимо, был не способен ее преодолеть.

Он завел в новом окружении несколько друзей, но не был ни с кем из них в близких отношениях. С одним мальчиком он до некоторой степени мог быть откровенным, говоря о своих сексуальных фантазиях, и однажды Л. предложил сексуальные отношения девушке-соседке. Когда его отвергли, чувство вины заметно усилилось.

Примерно в это время Л. начал серьезно подумывать стать священником, чтобы всегда иметь «чистые помыслы» и совершать «чистые дела». Поступив в колледж, он сначала поселился вместе с ребятами из своей средней школы, но они так откровенно обсуждали секс, что он находил такую обстановку прискорбной и деморализующей. Еще до того как истек первый месяц пребывания там, он нашел другую комнату и поселился уединенно. Во время первого года своей учебы в колледже он был очень религиозен и регулярно посещал церковные службы. Он искал в проповедях ответы на свои личные и политические вопросы.

Доказав себе, что он обязан любой ценой жить согласно родительским идеалам, Л. почувствовал, что не должен никогда отступать от мнений и традиций родителей. В политике он был твердым республиканцем, а позднее в религиозном рвении вос-

принял идеи своего духовника о поддержке Лиги Наций. Он ощущал потребность поддерживать Лигу Наций, однако оказался втянутым в серьезный конфликт, поскольку думал, что его родители против этого. К своему великому облегчению, он обнаружил, что отец и мать под воздействием священника тоже стали приверженцами Лиги Наций, и его прегрешение против истинного республиканизма не стало бесчестьем для семьи.

Его исполненные ненависти к отцу фантазии были очень угнетающими. Они приняли форму веры в то, что если бы его отец умер, то у его матери была бы более легкая жизнь. Отец **L.** страдал от неуклонно прогрессирующего паралича. В девять лет ему приснился отец в ванной, и вокруг него были толстые красные змеи, готовые сожрать его. **L.**, который во сне был безучастным наблюдателем, проснулся в ужасе. Ему часто снилось, что отец исчез, и мать счастлива с ним.

L. по-прежнему демонстрирует в своих ритуальных действиях, а также робкой неуверенностью характера множество признаков раннего невроза. Личная значимость его политических убеждений довольно ясна, поскольку они являются налагаемыми им на себя обязательствами для снятия бремени вины за кровожадные и кровосмесительные фантазии, которые он долго старался подавить. Взгляды семьи на жизнь превратились в своего рода религию. Интересно проследить, как вначале он выдумывал множество ритуальных действий для замены собственных недозволенных импульсов и позднее освобождался от чувства своей вины с помощью религиозных образцов, предлагаемых обществом, которые вновь утверждались на основе его личных представлений. Принятие политических убеждений своей семьи находилось на одном уровне с восприятием религиозной догмы.

Среди отрицающих семейную норму можно выбрать **M.**, история которого позаимствована у Штекеля. **M.** был известным социалистом, который агитировал за экономическое равенство людей, и наиболее важным личным мотивом была его особенно ожесточенная ненависть к брату. Его ненависть в значительной степени сместилась с брата на власть капитала, которой был противопоставлен социальный идеал братского равенства. Ненависть к брату не была полностью снята этим смещением, и ему необхо-

димо было держаться подальше от брата и от множества присущих ему черт. Так, **М.** презирал музыку, потому что она нравилась его брату, старался в стиле одежды быть полной ему противоположностью, и чуть не отказался от врача, когда обнаружил, что этот врач лечил также и брата.

М. потратил годы на агитацию дома и за рубежом, проведя полтора года в тюрьме. Так, он добился удовлетворения своих мазохистских желаний быть наказанным за свою ненависть, провоцируя общество отомстить ему. Мотивация этой личности весьма похожа на ту, что была более подробно описана в истории **А.**

Другой нонконформист предстает перед нами в истории об анархисте, который однажды был пациентом Штекеля. **Н.** вынес свою социальную доктрину за рамки простого раздела собственности, утверждая, что жены тоже должны быть общими. Он проявил инициативу, побуждая свою жену сожительствовать с мужчинами из его анархистской общины, в то время как сам требовал доступности жен других членов общины. Его жена в итоге влюбилась в другого человека и попросила у **Н.** развод. Но прежде чем этот вопрос мог быть урегулирован, она забеременела от своего нового партнера, который был беден, и попросила **Н.** признать ребенка, так как ребенок унаследовал бы деньги, которые должны были достаться от деда, отца **Н.** Он согласился с этим, как согласился и на развод, однако его самолюбие было уязвлено предательством жены. Он всегда чувствовал прилив радости, когда его жена возвращалась после своих любовных походов, а теперь он был уничтожен. Штекель полагает, что поддержка **Н.** принципов обобществления в теории и на практике была сильно мотивирована иррациональным желанием унизить своего отца, когда он разыгрывал щедрость перед своим сексуальным партнером и заменял отцовскую собственническую монополию на мать моралью великодушия. Когда жена-мать покинула его, блистательная карьера **Н.** рухнула, он стал искать утешение в опиуме и в итоге взял реванш у своего отца, перечеркнув его надежды на преуспевающего сына.

Сильная ненависть к отцу, обусловленная безответной любовью, лежала в основе другой карьеры, которую изучал Штекель. **О.** был молодым лидером анархической группировки, чей

анархизм перешел допустимые пределы и обернулся трагедией. Из-за компаньонов **О.** произошло несколько задержек в получении денег для организации анархистской газеты. **О.** был внебрачным ребенком, которого вырастила и избаловала слишком снисходительная мать. Когда он понял, что у него есть отец, который еще жив, но личность которого никогда не будет установлена, его злорада выплеснулась на мать, на чью любовь отныне он не мог единолично претендовать, и на неизвестного ему отца, который отказал ему в своей любви и признании. Поэтому у **О.** не было сомнений, что его отец – важный и богатый человек. **О.** сместил свою злость на далекие абстрактные символы власти, вроде королей и капиталистов, и посвятил свою жизнь тому, чтобы низвергнуть их. Значительная часть его эмоций подобным же образом была смещена на абстрактные идеи о лишенном отца братском мире, живущем без насилия. Его садистские наклонности ни в коей мере не были полностью сублимированы на далекие цели и гармонические средства, и по этой причине он толкнул своих сотоварищей на совместные грабежи. **О.** накиннул плотный покров рационализации на свои кровавожадные побуждения и преступные действия, стремясь оправдать насилие во имя отрицающего насилия идеала, который может быть осуществлен в мире лишь с трудом.

Это история о таких случаях, когда эмоции особенно сильны, что позволяет сделать вывод: политические террористы глубоко ненавидели своих отцов. Е. Дж. Кемпф, сделав обзор исторических данных в случаях Гито – убийцы президента Гарфилда, и Бута – убийцы президента Линкольна, отмечает в своей психопатологии следующее:

«Писатель не может понять, что каждый случай жесткой эмоциональной подавленности в юности, обусловленный ненавистью к отцу или к равнозначным отцу заменителям, в конце концов приведет к отцеубийству или предательскому применению силы. Утверждается лишь, что подобная эмоциональная подавленность в результате создает революционный тип характера, который, если в зрелом возрасте есть подходящее репрессивное окружение, обернется тогда отцеубийственным актом. В отсутствии довольно специфического типа эмоциональной подавленности в юности, он

впоследствии станет скорее не восприимчив к отцеубийственным предложениям»¹.

Внебрачные дети, особенно если личность их отца неизвестна, мучаются постоянным сомнением – «Кто мой отец?» В самом деле, фантазия о том, что они – дети других родителей, а не тех, кто является их семьей, довольно широко распространена как скрытая враждебная фантазия против настоящих родителей и дает возможность до некоторой степени понять душевное состояние незаконнорожденного ребенка. «Мой отец, может быть, богат и могуществен». «Мой отец, возможно, аристократ знатного происхождения, и он отказывает мне во всех моих привилегиях». Подобные фантазии поселяются и надолго остаются в сознании жертвы. Гипотеза заключается в том, что страдающих от подобного рода более низкого социального положения особенно много среди тех, кто, как полагал Ломброзо, совершает акты политического насилия.

Р. признавал насилие, но другого вида. **Р.** – патриот, который доказал свой патриотизм, поступив добровольцем на военную службу в ходе последней войны, и был отмечен за храбрость. Его самое большое желание заключалось в том, чтобы опять началась война. Он был сторонником агрессивной внешней политики, поскольку тогда вероятность войны возрастает, и он, как и раньше, приветствовал ее.

У **Р.** были младший брат и старшая сестра. Его мать умерла, когда ему было шесть лет, у него были натянутые отношения с мачехой, которая вскоре пришла в семью. Его отец преуспевал в своей профессиональной деятельности.

Р. начал отставать в учебе, когда ему было около семи лет. Это создало нелестное мнение о нем дома, потому что его предыдущие обещания заставили всех ожидать большего, и эта перемена, казалось, подтвердила, что он «лентяй». В семье к нему стали постоянно придирались, надеясь заставить заниматься усердней. Именно поэтому он обманул ожидания, по-прежнему не справляясь со школьными требованиями, что стало совершенно ясно, когда были воспроизведены его воспоминания о том периоде. Он

¹ Op. cit. P. 448.

любил свою учительницу, которая вела занятия во втором классе, и был ее особенным любимцем, получая высокие оценки и проявляя большое старание. В третьем классе учительница создала у него о себе впечатление как суровая и бессердечная, и он вскоре начал презирать ее мнение. Работа мальчика резко ухудшилась, так как его ум был занят враждебными фантазиями о новой учительнице и острой тоской об учительнице, которую он только что потерял.

Примерно в это же время его эмоции были взбудоражены из-за потери няни. Мачеха **Р.** уволила ее, как только вошла в семью. Теперь няня была центральным объектом любви мальчика, так как его мать перед смертью болела в течение нескольких лет. Присутствие няни давало ребенку постоянное утешение, которое так необходимо, если надо уберечь детское сознание от болезненных страхов. В случае **Р.** были веские причины, в силу которых это утешение было необходимо. Через улицу жил сумасшедший, который пугал прохожих дикими воплями. Вскоре после смерти матери **Р.** сделали наркоз для проведения незначительной операции, и он испугался, что может умереть. Страх задохнуться повторялся в его снах и ночных кошмарах, и он испытывал робость, обучаясь плаванию.

Мачеха была раздражающим фактором, как непонятная и чуждая сила в его окружении, и соперницей в борьбе за любовь отца. Когда она уволила няню, он думал о ней как об оказывающей зловерное влияние. Его трудности в школе усиливались из-за перемен дома, и его сознание было постоянно обременено фантазиями, направленными против мачехи или какого-то заместителя.

Отец **Р.** всегда казался мальчику амбициозным. **Р.** помнит его как скорого на выговор и скупого на похвалу. **Р.** мечтал о смерти отца и хотел, чтобы с ним произошел несчастный случай. Однако внешне он демонстрировал отцу свою любовь и уважение. Что бы ни случалось дома, он оправдывал отца, считая виновной мачеху. Однако на более глубоком уровне это проявилось в том, что он считал отца ответственным за смерть матери и уход няни.

В школе **Р.** был популярен из-за своих физических данных и покладистого характера. Однако учился он с трудом. Провалив-

ишась на вступительных экзаменах в колледж, он сбежал из дома и пошел в армию. Война началась как раз вовремя, чтобы дать ему достойное убежище от неразрешимой личной проблемы. Он надеялся, что отец будет думать о нем с гордостью. Он испытывал мучительное чувство самообличения из-за своей неудачи «жить правильно» и ощущал сильную подсознательную потребность в наказании. При таких обстоятельствах он с энтузиазмом включился в армейскую жизнь и получил высокую оценку своего личного мужества.

Стоило войне закончиться, как у него опять начались трудности. Он успешно поступил в колледж, однако ощущал себя там как в детском саду. Он чувствовал, что армейский опыт требует от него скептического отношения к занятиям и болтовне студентов. Вернулись все его старые беспокойства, дополненные страстным желанием новой войны. У него были длительные периоды неудач в профессиональной жизни.

Его милитаристские взгляды, рассмотренные на фоне биографических данных, становятся вполне понятными. Война дала ему шанс разрушать, действуя буйно и неконтролируемо, а также возможность освободиться от своего чувства вины, постоянно подвергаясь риску быть убитым. Его подавленная ненависть частично была обращена к самому себе. Интересная особенность его мировоззрения заключалась в том, что стремление к личному участию в войне сочеталось у него с негодованием против эксплуатации отсталых народов империалистами. Он идентифицирует себя с «пострадавшей стороной».

Q., в противоположность **P.**, был пацифистом и социалистом. Его личная история показывает сравнительно простой комплекс идей, от которых это зависит. С раннего детства **Q.** проявлял нездоровую боязнь крови. Позднее, когда он услышал, что западный капитализм означает войну и кровопролитие, он испытывал глубокое эмоциональное отвращение к «капитализму», «империализму» и ко всем связанным с ними понятиям и называл себя «социалистом», «пацифистом» и «интернационалистом».

Боязнь крови сама по себе была мощным фактором в развитии его характера. Постепенно он смог восстановить запертые в глубины памяти воспоминания, пока не всплыл простой случай,

который был сильно обременен аффектом, воспоминание о котором избавило его от боязни крови, хотя это и не было полностью проанализировано. Отец **Q.** обычно брился на кухне в полдень по субботам, и **Q.**, будучи маленьким ребенком, проявлял большой интерес к этому действию. Иногда его отец сбривал прыщики на лице своей большой бритвой, которой обычно пользовался, и вздрагивал, когда появлялась кровь. Он немедленно вытирал порез и, по-видимому, забывал о нем. Но **Q.** не забывал об этом так быстро. Он обнаружил, что часто размышляет над этим, приходя к выводу, что все красноватые выступы на теле наполнены кровью, что тело в действительности является хранилищем крови, и есть опасность проколоть все красноватые образования, и тогда кровь может начать бить струей и полностью вытечь.

Q. раньше видел обнаженным своего отца в ванной и считал, что отец намыливал соски ладонями, но никак не пальцами, которыми, как полагал **Q.**, можно в особенности повредить соски, и всякий раз **Q.**, когда мылся, старательно избегал касаться своих сосков и массировал их ладонями как можно осторожнее.

Его брат имел привычку до крови грызть ногти на руках, и в семье его ругали за это, предупреждая, что под ними могут оказаться всевозможные микробы. **Q.** стал ждать беды и совсем не был против того, чтобы это случилось, потому что завидовал брату. Но когда это свершилось, и его брат, действительно, подхватил инфекцию, то это вызвало потрясение, подтвердив, таким образом, подозрения **Q.** о необходимости остановить кровотечение.

Примерно в это же время **Q.** играл со своей старшей сестрой, и по ходу потасовки он рукой скользнул по телу сестры и коснулся ее груди. **Q.** на мгновение отчетливо ощутил сосок под своими пальцами и тотчас же испугался до смерти, что его сестра истечет кровью. Он думал, что груди должны быть отчасти резервуарами крови, так как они мягкие и упругие.

Ему было четыре года, когда умерла бабушка, и его ужасали мысли о том, что может случиться с кем-нибудь, кого он любил. Он видел фотографию полулежащей обнаженной фигуры с прекрасной улыбкой и надписью «Смерть» под ней. Исходя из этого, он предположил, что люди умирают раздетыми и их опускают в могилу обнаженными. Но он видел червей в земле, черви могли

наброситься на тело. Так как соски – самая выступающая, и, следовательно, легкодоступная часть тела, они будут съедены в первую очередь. Он содрогался при мысли, что червяки прогрызли соски бабушки, и временами просыпался в страхе от приснившегося – будто бы червяки кусают соски его груди.

Однажды **Q.** вбежал в дом своей тети и обнаружил, что она кормит крошку-кузена грудью. Его тетя торопливо оправила свое платье. По причине той бережности, с которой его мать, сестра и тетя берегли свою грудь от посторонних глаз, он ухватился за мысль, что это имеет нечто общее с тайными отношениями между мужчинами и женщинами.

Он прошел через все возможные трудности в своих попытках разгадать, как складываются эти отношения, и когда ему было около восьми, он создал теорию, которая временно разрешила эту проблему. **Q.** представил себе, что мужчина и женщина должны лечь в постель, тесно прижавшись лицом к лицу. Мужчина будет сжимать груди, попеременно то сдавливая, то отпуская их, как будто они воздушные шарики. Затем они должны развернуться и потереться попами. Вскоре после этого он дополнил свою теорию производства потомства представлением о том, что дети должны рождаться через отверстие в желудке, из которого обильно льется кровь. Вырезание должно быть очень болезненным и кровавым.

Преследуемый пугающей перспективой мира, который может в любой момент проткнуть дыру в его теле и лишит его крови, **Q.** превратился в комок страхов. Он боялся кота своей бабушки, он бежал к матери, стоило только ему увидеть собаку, и боялся, что лошадь откусит ему руку, если он попытается покормить ее. Он не мог смотреть на игру в мяч, боясь, что случайное грязное прикосновение может поранить его, он также бежал как от чумы от насекомых, червяков и ящериц. **Q.** никогда не устраивал драк вне дома и плакал, когда соседские мальчишки пытались задирать его. Иногда его обзывали евреем, но он никогда, к величайшему неудовольствию отца, не давал отпора. Его плохие предчувствия распространялись на гром, молнию, огонь, покраснение и множество видов пищи.

Его пугливая манера поведения на людях заметно отличалась от его отношения с братом, который был десятью годами старше. Время от времени **Q.** мог искать ссоры и дрался со старшим юношей, пока тому это не надоедало, и он как следует не напоедал младшему брату. После этого тот шел к кому-нибудь поплакаться. Отец **Q.** чувствовал, что старший сын мог быть грубоват, однако и младший брат пришел к нему неспроста. Мать всегда его утешала, хотя и ругала обоих сыновей за то, что они ведут себя не так, как положено вести себя братьям.

Мальчики глубоко неприязненно относились друг к другу, хотя обычно были терпимы. Во время серьезной болезни **Q.** старший брат проявил явную заботу, старательно выполняя поручения, и постоянно дежурил около кровати. Но когда стало ясно, что **Q.** выживет, рвение старшего мальчика быстро исчезло, показывая подсознательную основу такой преувеличенной реакции. Он остро реагировал на пожелание смерти своему брату как самозванцу, вставшему между ним и матерью.

Q. завидовал успехам своего старшего брата и часто не в свою пользу сравнивал себя с ним. Брат не только был первым учеником в своем классе, но и зарабатывал себе на жизнь игрой на скрипке. Хотя **Q.** тоже был среди лучших учеников в своем классе, он отнюдь не был столь самостоятельным, как его брат. Ненависть к брату проявлялась в таких сновидениях:

«Сновидение 1. Мой брат женится. Он одет в парадный костюм. Длинная вереница молодых людей в праздничных костюмах подходит поздравить его. Едва первый из них протягивает руку, он падает назад, и за ним все остальные падают друг на друга как кегли.

Сновидение 2. Мы с братом идем по улице около дома. Я слышу крик. Итальянец преследует женщину с младенцем, которая пытается укрыться в магазине. Итальянец сбивает ее с ног. Затем мой брат входит в лавку и пытается разобраться с итальянцем, однако падает. Я захожу и сбиваю итальянца с ног».

Зависть к брату имеет в истории **Q.** второстепенное значение. Суть боязни крови заключается в критическом опыте, травмирующий эффект которого обусловлен силой аффектов, которые были задействованы и подавлены. **Q.** спал вместе с отцом, и кровопускательный случай разбудил в нем дремлющее желание

смерти отца и его большой страх пострадать от увечья (кастрации). Кровь приобретала значение, так как вела к восстановлению наиболее острой фазы конфликта. Чтобы избежать этого, **Q.** падал в обморок, если не мог уйти, едва заметив кровь. Заслуживает внимания то, что **Q.** не падал в обморок тотчас же, как лезвие срезало прыщик; этого не происходило до тех пор, пока продолжалось создание фантазии, и эмоции концентрировались в гораздо большей степени, чем кровь сигнализировала о немедленной и неизбежной катастрофе, от которой спасением будет лишь одна из форм суицида (обморок).

Следующее краткое сновидение дает некоторое представление о лежащей в основе ситуации:

«Сновидение 3. Я смотрю на городскую улицу, покрытую снегом и освещенную уличными фонарями. Президент Соединенных Штатов Америки идет вдоль по улице и вдруг поскальзывается и падает. Мое внимание между тем привлечено к месту чуть дальше, где два акробата прыгают через веревку, натянутую поперек улицы. Они прыгают вперед-назад, совершая странные механические движения».

Равномерное подпрыгивание является наглядным символом для пульсации полового возбуждения. Президент – заместитель власти отца. Когда отец находится где-то в стороне, половая активность становится безопасной. Так как отец предписывает половое воздержание (отказ от прикосновений к половым органам), это выражается в стремлении дать больше свободы подавленным импульсам человеческой натуры. Подавленная позитивная идентификация с братом проявляется в противопоставлении двух акробатов вместо одного для отца.

«Сновидение 4. Две собаки гоняют взад-вперед по дороге существо, похожее на гуся или утку. У существа красные голова и клюв, голубое оперение на спинке и крыльях и белая грудка. Белые мохнатые собаки гоняют птицу туда и обратно, но никак не поймают ее из-за своей суматохи. Пробежав два раза туда и обратно, существо, двигавшееся путем странных механических движений, кинулось к человеку, который подошел к двери, и прошмыгнуло у него между ногами. Человек средних лет с белыми волосами. Он одет в белую пижаму. Он говорит: «Моя нога – это нога слабости, мое здоровье – это ад ...». Я в зимнем пальто стою около дома подружки моей сестры, к которой, как я помню, у меня был некоторый инте-

рес, но который ни к чему не привел, потому что она была старше меня и не очень привлекательна. Я только что принес открытку-«валентинку». Панорама освещается уличным светом, и особенно ярко, потому что на земле лежит снег. Описанный человек неизвестен».

Странное существо с красным клювом и головой символизирует пенис. Две собаки (братья) стараются схватить его, но отец его защищает. Тем не менее надежда достичь мужественности полностью не исчезла, потому что старый человек становится слабее.

В течение некоторого времени данные **Q.** показали, что сексуальность была неразрывно связана со смертью, и это была скорее его собственная смерть, чем смерть отца или одновременная смерть обоих. С увеличением страха кастрации уменьшалась боязнь крови, и сновидения, словесные ассоциации, позы и другие значимые реакции вели к большему покою и уверенности в себе.

Мы видели, что хорошо рационализированные теории и предпочтения – не инородные наросты на теле личности, а важное выражение присущих ей основных тенденций. Так, теории показательны, по крайней мере, для людей, которые придерживаются их как очевидных предметов размышлений. Пессимизм, например, весьма типичен для пожилого возраста, когда снижается половая энергия, и человек проецирует на мир греховность, которую испытывает за желание доставить себе удовольствие за пределами возможного, игнорируя свою несостоятельность. Механизмы вещей подобного рода проявляются наиболее четко в крайних случаях, подобно случаю **R.** Он был уверен, что с каждым днем мир катится к худшему, и что войны и слухи о войне изнуряют землю. Он уделял так много времени плану, как навечно сохранить мир на земле, что это вызвало у него смятенное душевное состояние. Бывало, он выходил в парк, находил укромный уголок и оплакивал все беды мира, как Иисус оплакивал Иерусалим. Однажды, проходя по рынку, он увидел цыплят в садке, которым не налили воды. Жестокость этого была превыше того, что он мог вынести, и он пошел домой и лег в постель. Ему представилось, что он избран разработать план спасения мира, наделен необычным, действительно сверхъестественным пониманием человеческих побуждений и особой властью исцелять безумие.

Р. разработал собственную религию. Он говорил, что поклонялся солнцу как божеству, как символу Христа и правды (на самом деле – мужским половым способностям). Когда у **Р.** была необходимость пообщаться с его духом, он обычно поворачивался лицом к солнцу и повторял молитву собственного сочинения, которая гласила:

«Солнцу, сердцу мира! Оно согревает мир своим очарованием. Слава Всевышнему! Восходя на востоке, оно освещает темные закоулки невежества и злобы. Слава Всевышнему! Оно разгоняет тьму, как разогнало войско Сирии перед детьми Израиля. Слава Всевышнему! и т. д. и т. п.»

Он начинал воспевать, а затем принимал экзальтированную, героическую позу, откинув назад голову и руки. Тогда он чувствовал, что грядет большая буря, которая может разрушить мир. Мир подобен огромной змее, спящей змее.

История **Р.** недостаточно детализирована, чтобы показать развитие этих образцов реакций, которые предрасположили его таким образом встретить свою старость. Он был единственным ребенком в бедной семье, играл сам с собою и был вполне счастлив со своими книгами. Некоторые местные адвокаты приняли участие в его судьбе и помогли закончить школу. Он изучал право и получил место в адвокатуре. Беспорядочно проведя несколько лет, он избирался в различные местные учреждения, а затем и в Конгресс. Он имел репутацию неисправимого мечтателя и наслаждался, делая довольно фантастические заявления. Его карьера законодателя, как отмечено в «Отчете Конгресса», была ничем не примечательной, включавшей в себя обычную долю пенсионных законопроектов и «внесения поправок» во время обсуждения тарифов. Он был против аннексии Филиппин и ненавидел империализм; в этом он расходился во мнениях со своей партией и, более того, позволял себе иметь собственную точку зрения. Он нерегулярно занимался юридической практикой, и после того как был выведен из легислатуры, посвятил себя исследованиям и творчеству. Его единственная опубликованная работа является туманным изысканием истории человечества, которая четко отражает неопределенный, риторический и нацеленный на совершенствование мира склад его мышления. Будучи молодым чело-

веком, он женился на женщине своего возраста. Детей у них не было.

Когда скорее параноидальное, чем маниакально-депрессивное напряжение пронизывает личность, смутный и всеобъемлющий пессимизм относительно судьбы всего мира доходит до особых обвинений. Любой выделяющийся в общественной жизни человек является потенциальным объектом для подобных атак. Кто-то может осмелиться сделать предположение, что популярность человека в общественном мнении может быть измерена числом написанных ему или о нем «странных» писем. Один такой человек с причудами – S. – написал «вагон и маленькую тележку» писем, обвиняющих общественных деятелей во взяточничестве и в том, что они погрязли в Большом Бизнесе, а также содержащих указания правительственным чиновникам. Он жаловался на то, что введен в заблуждение и подвергается преследованиям со стороны видных людей, в особенности со стороны Гарри Ф. Синклера, нефтяного магната. Это связывалось им с тем фактом, что он написал письмо Главе Верховного Суда, обращая внимание Его Чести к скандалу Teapot Dome, который обсуждался в прессе, и называя мистера Синклера ответственным лицом. Мистер Синклер помешал ему получить работу и заплатил его сестре, чтобы та вышвырнула его на улипу. Во время своего бракоразводного процесса он отправил письмо в Американскую ассоциацию адвокатов с протестом против «стряпчих по темным делам», которые представляли интересы его жены, и требовал, чтобы мистер Тафт и мистер Рут немедленно ответили ему в письменной форме. Когда мистер Джон У. Дэвис был кандидатом в президенты, он отправил ему письмо, описывая всевозможные нападки, которым он, S., подвергался. Мистер Дэвис проигнорировал письмо и ничего не сделал по этому поводу, и S. не допустил его избрание и чувствовал, что мистер Кулидж чем-то ему обязан за то, что избрали его. «Я написал Хирсту и уверен, что помешал трюку». В этом письме он предавал гласности тот факт, что мистер Дэвис был связан с Уолл-Стрит, и этого намека было достаточно, чтобы заинтересовать мистера Хирста. Отвечая на стандартный вопрос «Что происходит в мире?», он говорил: «Зла больше, чем когда бы то ни было».

К сожалению, в истории болезни слишком мало фактов, чтобы объяснить развитие S., за исключением проведения аналогий с теми, кто демонстрировал такое же поведение. Несомненно, его история жизни, если окажется доступной, поможет раскрыть влияние дезорганизирующего семейного окружения. Мы, действительно, знаем, что его отец почти все время пил, и у его детей была несчастливая судьба. В возрасте пяти лет S. переехал жить к своим бабушке и дедушке, пожелавшим забрать его от отца-алкоголика. Когда ему было пятнадцать, он на некоторое время вернулся. Чуть позже он спас от смерти свою сестру, которую чуть не задушил их отец, который во вспышке пьяной ярости прижал ее шею к стене. S. стал хорошим слесарем, однако его дальнейшая жизнь не сложилась.

Другой «чудак» изобрел оригинальную теорию для объяснения поведения президента Вильсона. Т. говорит, что он обнаружил, что мистер Вильсон не был гражданином Соединенных Штатов. Он впервые изложил свое откровение в анкете призванного, и когда это стало общеизвестным, мистер Вильсон уехал во Францию для того, чтобы избежать гнева взбешенных граждан Соединенных Штатов; позднее мистер Вильсон заболел от угрызений совести из-за сделанных ему новых откровений. Мистер Вильсон был частью масонского заговора, который был задуман против него, когда он был еще ребенком. Отчим Т., который был кладбищенским сторожем, вероятно, предоставил материал для этого заблуждения. Что касается самого Т., то он верил, что напрямую ведет свое происхождение от Марии, шотландской королевы, и что ему было видение о приближающемся конце света. У достойных золотого века есть «истинная вера, а не просто название», и только двадцать миллионов спасутся, и ими будет править Т.

Из рассмотренных выше фрагментов становится ясно, что значение политических мнений невозможно понять, не учитывая частные мотивы, которые они символизируют. Одно дело – степень проникновения вглубь реальных отношений; другое – степень сращивания «частных смыслов» с «общественными» и «заявляемыми». Когда мы наблюдаем частное значение общественных действий, проблема объяснения всего значения политическо-

го поведения давит на наше восприятие. Есть ли здесь какие-то точки соприкосновения с общей теорией политического процесса, которая следует из глубокого изучения индивидуальных субъективных (или объективных) историй? Это вопрос, который мы рассматриваем следующим.

Глава X

ПРЕВЕНТИВНАЯ ПОЛИТИКА

Политические движения обретают свою жизнеспособность путем смещения частных эмоций на общественные цели. Глубокое изучение индивидуума с помощью психопатологического метода раскрывает первостепенную важность игнорировавшихся до настоящего времени мотивов при определении его политических черт и убеждений. Взрослый человек, изучающийся на любом взятом срезе его жизненного пути, является продуктом длительного и постепенного развития, в ходе которого многие его мотивации оказываются неспособны к изменению в соответствии с требованиями раскрывающегося мира. Взрослый человек обладает жизненным побуждением, которое в зрелости сохраняется лишь частично. Простые психологические структуры продолжают в более или менее скрытой форме контролировать его мысли и усилия.

Государство – это символ власти, и в этом качестве оно ведет к развитию взглядов, которые сформированы человеком в ходе его жизни в рамках узкого межличностного круга общения с членами семьи и друзьями. В одной из фаз детского развития мудрость и сила физического символа власти, обычно отца, чрезвычайно преувеличивается ребенком. Эдер следующим образом характеризует значение этого явления для государства:

«Что происходит при более тесном соприкосновении с внешним миром, когда изменяется принцип самой реальности, так это находка суррогата такого идеального отца. Мы обнаруживаем, что родитель не всеведущ, не всемогущ и не является воплощением всех добродетелей, но все же мы нуждаемся в поиске людей или абстракций, на которые можем распространить эти и подобные качества. Путем разделения эти чувства перемещаются и могут быть распределены между рядом заменителей. Заменителями могут быть люди, животные, вещи или абстрактные идеи; начальник, собака, кролик, империя, арийская раса или любой другой "изм"».

Он комментирует, что через этот присущий личности идеал формируется возможность лидерства, лидеров и ведущего лидера, который только и способен делать все, что, как считал когда-то ребенок, по плечу его физическому отцу. Бессознательная мо-

тивация отражена в разумной формуле Блэкстоуна – «Король не только не может неправильно поступать, но и даже неправильно думать: он никогда не может совершить неверный поступок, в нем нет ни глупости, ни слабости»¹.

Есть очень глубокий смысл в словах Пали, что «семья содержит в себе зачатки империи». Семейный опыт дает очень сильные стимулы для последующих уровней интеграции, и эти примитивные отношения приводятся в действие как незамеченные участники рациональных реакций. Возьмем другую цитату из Эдера:

«Поведение избранных или представительных политиков выдает множество характеристик, идущих от семьи. Например, когда я занимал политическую должность в Палестине, то заметил в себе (и в своих коллегах) удовлетворение, получаемое от обладания секретной информацией, знанием, которое не предназначалось для других. Конечно, всегда можно найти веские причины: люди неправильно используют информацию, или она будет их чрезмерно угнетать и так далее – почти родительское отношение к предназначенной детям информации, особенно сексуального характера...

За фасадом секретной дипломатии и, в действительности, во всех отношениях официального лица с неофициальным кроется это эмоциональное переживание типа «родитель-ребенок». Это служит также объяснением чувства, возникшего в прежние дни в ожидании расширения права голоса».

В сфере политических догм бессознательные конфликты играют ту роль, которую обсуждал Теодор Рейк, проведя параллель между религиозными догмами и навязчивыми идеями². Догма является защитной реакцией против сомнений в сознании теоретика, сомнений, о которых он не подозревает. Бессознательная ненависть находящегося у власти самораскрывается в бесконечной способности теоретика придумывать новые причины для неверия и способности трудиться над банальностями и сводить всю свою цельную интеллектуальную систему к логическому абсур-

¹ См.: Psycho-Analysis in Relation to Politics // Social Aspects of Psycho-Analysis. London, 1924.

² Dogma und Zwangsidee // Imago. 1927. XIII. P. 247–382.

ду. Временами это проявляется в загадочной формуле, ей приписывается некая мистическая сила, которая, однако, настолько противоречива, что далека от какого-либо здравого смысла. Знаменитая доктрина триединства – пример кульминации подобной ерунды. Слова теряют свой рациональный ориентир и наполняются бессознательным символизмом противоречивого разнообразия. Описание верховной власти у Блэкстоуна не основано на чем-то очевидном, и функции в основном подобны магическим заклинаниям. Так и заканчивается напыщенное юридическое размышление, поскольку оно в значительной степени разработано маниакальными мыслителями. Глубокие сомнения в самом себе переходят в размышления о внешнем мире, и эти сомнения ослабляются с помощью показной озабоченности истиной.

Неповиновение власти есть неповиновение самосознания и включает меру самонаказания. Мы видели, что сильная потребность в наказании себя – это материал, из которого состоят мученики и блестящие неудачники, но особенно велика роль чувства вины в поддержании *status quo*. Отклонение от общепринятых образцов становится равноценным греху, сознание несет дискомфорт тем, кто смеет вводить новшества. Радикальные идеи становятся в примитивном сознании «кошунственными» и «изменническими», поскольку они стремятся представить нечто большее, чем некоторое неповиновение власти. Они вносят напряжение в целостную структуру личности. Детское сознание легко запугать требованием соблюдения порядка с помощью легкого подстрекательства; оно мало знает о возможностях постепенной реконструкции ценностей. «Радикализм» воспринимается скорее как вызов всей системе барьеров, которые сковывают противозаконные импульсы личности, чем как возможность обособленного обсуждения личностью своего отношения к окружающей реальности. Политическим размышлениям, которые не сопровождаются некоторой долей протеста, не хватает смелости, поскольку даже те, кто преуспел, преодолевая страхи своего сознания, часто могут в некоторой степени поддаться и «платить дань». Борьба, бесстрашный *Sturm und Drung*¹ эмансипированно-

¹ *Sturm und Drung* (нем.) – штурм и натиск. – Прим. пер.

го мыслителя в значительной степени является его бессознательной данью домогательствам трибунала, который он созидает в себе в раннем возрасте и который продолжает рассматривать новшества как *ipso facto*¹ опасности. Не страдающий навязчивыми идеями мыслитель – это тот, кто может вдумчиво провести ревизию отношений человека к реальности, не затронутой его оставшим сознанием. Часто предполагаемые перемены человеческого бытия приводят к абсурду, потому что оригинальный разум вынужден заменить простой отказ от традиционного на отказ от традиционализма. Когда кто-то воспринимает действия этого властного, наказывающего его импульса и свои производные попытки освободиться от чувства вины из-за неповиновения установленному властью порядку, появляется возможность оставаться осмысленно терпимым к странностям творческого разума. Выражаясь более точно, можно с уверенностью сказать, что разум взрослого человека – зрелый лишь отчасти, его сознание может быть сознанием четырехлетнего. Сознание, внедренное воспитательницей, беспорядочно реагирует на изменения и рассматривает это как мятеж.

Структура мотивов, сложившихся в юности, имеет непосредственное значение для интерпретации политических интересов.

Физическая и душевная буря периода половой зрелости и юности часто достигает высшей степени в смещении чувства любви на все человечество или на избранную его часть и в проявлениях привязанности к целому. Именно в этом фундаментальные процессы лояльности наиболее очевидны в их отношениях к общественной жизни. С.Бернфельд широко описал психологию германского молодежного движения. Он рассматривает самые разные периоды взросления и проводит различия между физическими и психологическими процессами. Когда психологические процессы длятся дольше физических, появляются определенные типы характерных реакций. Д-р Бернфельд считает, что противоречивый тип преимущественно доминирует в молодежном движении, и перечисляет его характеристики. Интересы этой

¹ *Ipso facto* (лат.) – реальное проявление. – Прим. пер.

группы направлены на такие «идеальные» объекты, как политика, человечество и искусство. Отношение к этим объектам плодотворно, так как молодежь стремится создать новые формы политики или искусства. Здесь всегда присутствует некоторая доля самоуверенности или множество признаков преодоленной подавленности. Это выражается в высоком самомнении и низком мнении о своих товарищах. Выдающийся человек, друг или хозяин, любим и уважаем. Часто эта любовь к другу распространяется на всю группу. Сексуальные составляющие личности концентрируются не на найденных объектах, а на создании новой нарциссической ситуации. Бернфельд выделяет этот вторичный нарциссизм из детского нарциссизма на основе того, что он сопровождается глубоко депрессивной склонностью к меланхолии. Причина лежит в формировании собственного идеала личности, который привлекает значительную часть либидо и вступает в противоречие с реальным эго, – процесс, особенно характерный для сложного или противоречивого типа, найденного им в молодежном движении¹.

Похоже, политическая жизнь сублимирует множество гомосексуальных стремлений. Политики обычно работают совместно в маленьких группах и клубах, и многие из них испытывают явные трудности, стремясь к достижению стабильного гетеросексуального поведения. В мире военных, когда мужчины оказываются в условиях непосредственного общения, сублимация зачастую разрушается, и гомосексуальные стимулы находят прямое выражение. Немецкий генерал зашел столь далеко, что объявил, что единственная причина, по которой Германия проиграла войну, кроется в том, что командование было пронизано ревностью, выросшей из гомосексуального соперничества. Д-р К.Г.Хаймсот подготовил работу, где описал роль гомосексуализма в добровольческих силах, которые продолжали действовать после войны против поляков и коммунистов. По крайней мере, в случае опре-

¹ Это кратко описано в: Über eine typische Form der männlichen pubertät // Imago. 1923. IX P. 169 ff. О гомоэротических элементах см.: *Blüher Hans*. Die deutsche Wandervogelbewegung als erotisches Phänomen и его более развернутую работу, отмеченную в Библиографии.

деленных лидеров их репутация явных гомосексуалистов не была в действительности помехой, верным кажется противоположное. Франц Александер предположил, что одна из причин, почему гомосексуальность презируется в современной жизни – это смутное чувство, что сложное культурное достижение зависит от подавленной сексуальности, и прямое удовольствие ведет к разложению общества на удовлетворенные пары и группы. Наблюдения Хаймсота посеяли некоторые сомнения в здравом смысле этого «смутного чувства»¹. В подобных сексуальных группах часто наблюдались алкоголизм и неразборчивость, и оба эти потворства желаниям тесно связаны с гомосексуальными импульсами².

Политические кризисы дополняются сопутствующей реактивацией особых примитивных импульсов. Война – классическая ситуация, в которой элементарные психологические структуры больше не находятся в подчинении сложных реакций. Акты жестокости и насилия, неразрывно связанные с войной, становятся очевидны всем, кто желает увидеть тонкую грань, разделяющую социальную и асоциальную природу человека. Избыток героизма и его отсутствие одинаково примитивны в своих проявлениях и показывают, что все примитивные психологические структуры являются не антисоциальными, а социальными, и часто могут действовать в интересах человеческой солидарности³.

Почему общество деморализуется в процессе революции? Почему изменение в политических процедурах сообщества дает простор подобным эксцессам в поведении? Размышления могут привести к предположению, что поскольку важные решения находятся в процессе осуществления, обществу будет присуще спокойное обдумывание. Очевидно, здесь в действии реактивиро-

¹ Мне было любезно позволено ознакомиться с этой рукописью, которая еще не опубликована.

² См.: *Rado Sandor*. Die psychischen Wirkungen der Rauschgifte // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse, 1926. XII. P. 540–56; *Keilholz A.* Analyseversuch bei Delirium Tremens // Ibid. P. 478–92, а также работы Штекеля.

³ Для представления о бессознательных процессах, происходящих во время войны, см.: *Freud S.* Zeitgemässes über Krieg und Tod // *Imago*. IV 1915–16. P. 1–21; *Jones Ernest*. Essays in Psycho-Analysis; *White William A.* Thought of a Psychiatrist on the War and After.

ванный процесс; имеет место регрессивная тенденция к пробуждению примитивного садизма и насилия. Заметная диспропорция между проблемой и поведением требует объяснения в соответствующих терминах. Федерн опубликовал в 1919 г. очерк по психологии революции в своем памфлете «Die vaterlose Gesellschaft»¹. Когда правители свержаются, бессознательное с восторгом воспринимает это как освобождение от всех оков, и члены сообщества, обладающие наименее жесткими личностными структурами, принудительно нацеливаются на акты грабежа и насилия. В наиболее доступной форме концепция Федерна излагается в интервью, которое он дал в 1927 г. Эдгару Анселю Моруру по случаю венских волнений.

«ВЕНА, АВСТРИЯ, 20 июля. «Недоверие к отцу было главной причиной венского мятежа», – сказал Пауль Федерн, нынешний президент Психоаналитического Общества. С точки зрения психоанализа, вся власть олицетворяет отца, и для Австрии это, прежде всего, было связано с внушающей доверие фигурой императора Франца-Иосифа. Но во время войны отец обманывал и дурно обращался со своими детьми, и только материальная озабоченность жизнью и экстатические вспышки, когда в конце войны старая власть разбилась на осколки, спасли Австрию от революции.

Государство снова воссоздало правящую касту и надеялось на возрождение, и поэтому разверзлась пропасть между Веной, которая под социалистическим руководством старается заменить традиционный отцовский принцип на новое братство, и австрийским федеративным государством, вернувшимся к модифицированной идее отца. Доверие к отцу – глубочайший детский инстинкт. Вена первой поддержала Австрийскую республику, но постепенно эта вера была подорвана продолжающимися страданиями, проповедующими фанатизм газетами и законодательными решениями, которые фактически разрушили веру людей в справедливость нового отца.

Таким образом, произошла стихийная манифестация, которая бессознательно вела лишившихся иллюзий и одержимых яростью детей к разрушению именно тех творений, на которые, видимо, опирается патерналистская власть, а именно, – протоколы и законодательные документы.

¹ «Die vaterlose Gesellschaft» (нем.) – «Общество без главы». – *Прим. пер.*

Психоаналитикам также понятно, почему миролюбивые венцы смогли вдруг превратиться в сумасшедших зверей. Если бы полиция не оказала сопротивления, толпа бы вскоре рассеялась и не причинила вреда. Но стоило полиции пролить кровь, толпа начала неистовствовать, отвечая на первобытный страх кастрации со стороны отца, который бессознательно присутствует в нас в лице карающей власти. Следовательно, страх вырос вместе с насилием, каждое его усиление ведет к новому насилию и большему страху, подобно тому, как умиротворение может последовать только за полным взрывом, и как только обыватели были разогнаны по домам, прошло три дня, прежде чем исчезли остатки ненависти.

Следующий пункт можно объяснить только с помощью психоанализа. Социал-демократические лидеры – по сути своей революционеры, но они не хотят это демонстрировать. Они осознали, что революция в маленькой Австрии была бы самоубийством и поэтому призывали в данный момент республиканскую гвардию вмешаться на основе законов и предотвратить насилие. Гвардия прибыла слишком поздно.

Почему руководители не прислали гвардию в шесть утра, когда, как было известно, начнется демонстрация? Они говорят, что «забыли». Это вопиющий пример бессознательной забывчивости. Социалисты забыли сделать всего один шаг, который мог предотвратить нечто, что они сознательно отвергали, но бессознательно желали.

Венские волнения были в полном смысле семейным скандалом»¹.

Эдер размышляет о бессознательных факторах в хорошо известной тенденции определенных политических альтернатив, сменяющих друг друга на манер жесткого маятника.

«Я думаю, что это мистер Зангвиль однажды сказал, что принципом Британской конституции является то, что Король не может совершить ошибку, а его министры сделать что-либо правильно. Эта изначально применяемая к отцу амбивалентность ныне разбита, чувство предательства и т. д. переносится на королевских министров, или на некоторых из них, или на оппозицию... Современное общество открыло избирательный принцип, и голосование дает выход враждебным чувствам к правителям. Психоаналитически выборы могут расцениваться как сублимация царевубийства (первичное отцеубийство) с целью посадить кого-либо на трон, голосование подобно повторяющейся десятичной дроби, отца убивают, но он никогда не умирает.

¹ Chicago Daily News. 1927. July 20.

Министры – наша замена самих себя. Отсюда политический принцип раскачивания маятника».

Александр и Стауб предприняли попытку объяснить бессознательную основу кризиса, который происходит в сообществе, когда преступникам позволяют уйти безнаказанными или отделаться легким наказанием. Изучение генезиса личности показывает, что сублимация примитивных импульсов возможна на основе разновидности примитивного «социального контакта». Человек воздерживается от прямых потаканий, ведущих к вовлечению его в конфликт с властями, и использует вместо этого более сложные образцы поведения, подразумевающие, что таким образом гарантированы любовь и безопасность. Когда другой человек разрушает и непосредственно удовлетворяет свои недозволенные импульсы на примитивном уровне, равновесие любого человека подвергается опасности. Сознательная часть понимает, что можно «выйти сухим из воды», и это угрожает всей структуре сублимации. Супер-эго старается поддержать порядок с помощью направления энергии против эго, может быть, подчиняя его «угрызениям совести», вплоть до сохранения возможности недозволенного удовлетворения, и ищет способ направить эго на деятельность, ограничивающую соблазн. Это может включать изменение окружения путем устранения в нем «неидеальных» элементов; примером могут служить панические требования уничтожения преступника-аутсайдера для сохранения оков у члена общества, который является преступником. Любой преступник является угрозой для общественного порядка, так как вызывает в большей или меньшей степени острый конфликт в жизни всех членов общества. Успех супер-эго зависит от навязывания себе определенных путей понимания реальности. Когда реальность категорически отказывается подчиняться «идеалу», энергия Я разделяется, и наступает острый кризис. Супер-эго стремится навязать свою сторону тенденциям противоположного эго путем наказания эго и переноса проекции этой ситуации на внешний мир. Определенные аспекты внешнего мира становятся «плохими», потому что они связаны в частном опыте с угрызениями совести, навязанными внутренним надзирателем – сознанием. Сильное сознание может навязать личности это «искаже-

ние» реальности до такой степени, что **Я** действует на основе совершенно фантастических представлений о реальности. Они наиболее четко выражаются в таких явлениях, как смятенное состояние, галлюцинации и иллюзии, все они – формы искажения реальности. Когда реальность становится «угрожающей», отчаянные попытки измениться могут оказаться бесполезными, и безопасность будет найдена в физическом полете или в психической пассивности и в поглощенности собой. Так как наши представления о реальности основываются на небольшом опыте об окружающем мире из «первых рук», у супер-эго обычно достаточно для этого времени.

Политические движения черпают свою жизнеспособность за счет смещения частных аффектов на общественные цели, и политические кризисы сопровождаются сопутствующей реактивацией специфических исходных мотивов. Как же частные и исходные стимулы находят дорогу к политическим символам? Каковы обстоятельства, способствующие выбору политических целей смещения?

Политическая жизнь тесно взаимосвязана с символами целого. Политика должна иметь дело с коллективными процессами и общественными актами, и эти процессы так запутаны, что и с лучшими намерениями чрезвычайно трудно установить четкие отношения между символами целого и процессами, которые предполагается обозначать. Для общего движения человечества ориентиры политических символов далеки от повседневного опыта, хотя они и становятся привычными из-за постоянного повторения. Эту двусмысленность обращения, совмещенную с универсальностью использования, придают слова, обозначающие партии, классы, нации, институты, политику и формы политического участия, доступные для перемещения частных аффектов. Очевидные, рациональные различия в мнениях осложняются игрой частных мотивов до тех пор, пока символ не станет всего лишь фокусом накопления несоответствующего. Так как диалектика политики осуществляется в условиях целого, частные мотивы без труда рационализируются в рамках коллективной выгоды.

Более того, политика является конфликтной сферой и показывает всю тщетность и злобу, нарциссизм и агрессивность со-

перничающих партий. Становится широко распространенным мнение, что политика является ареной иррационального. Но более тщательное описание покажет, что политика – это процесс, с помощью которого выявляется иррациональная основа общества. Пока с самопроизвольной плавностью действует нравственный порядок, не возникает вопрос об оправдании доминирующих ценностей. Но когда нравственный порядок обесценивается и вызывает вопрос, нужны искренние и общие усилия, чтобы найти интеллектуально оправданное решение возникающего конфликта. Политика кажется иррациональной, так как она – лишь этап коллективной жизни, когда общество стремится быть рациональным. Само ее существование показывает, что нравственный порядок со всеми своими рациональными и нерациональными утверждениями не воспринимается более без вызова. Политическое различие – это результат нравственного кризиса, и он завершается в новом нравственном согласии. Политика – это переход от одного не вызывающего возражений согласия к другому. Он начинается с конфликта и завершается решением. Но это решение является не «рационально лучшим», а эмоционально удовлетворительным решением. Рациональный и диалектический этапы политики являются второстепенными по отношению к процессу переоценки эмоционального согласия.

Хотя динамику политики надо искать на уровне напряженных отношений между людьми в обществе, следует считать доказанным, что вся индивидуальная напряженность не снимается с помощью политической символизации и стараний. Когда У. наносит удар в челюсть начальнику, который, как ему представляется, оскорбил его, У. снижает тем самым свою напряженность. Но если это действие рассматривается им как личные счеты с начальником, этот акт не является политическим. Политические акты – это совместные акты, они зависят от эмоциональных связей.

Действующие сейчас совместно люди эмоционально связаны. Этот процесс эмоциональной связи не зависит от сознательного процесса. Фрейд говорил, что хорошо изучил эмоциональный фактор в человеческих отношениях путем наблюдения за теми, кто, работая вместе, расширял свои контакты во время совместных обедов и отдыха. Те, с кем мы работаем, наделяются

широким спектром значений на основе накопленного нами опыта существования. Так как все наши мотивы имеют значение внутри личности, наше либидо в большей или меньшей степени концентрируется на тех, с кем мы имеем дело. Это усиливает восприятие подобий и поддерживает динамику для идентификации процесса. Даже негативная идентификация вносит вклад в те пределы, в которых мобилизуются в человеческих контактах аффективные источники личности.

Эмоционально связанные между собой люди еще не вовлечены в политический процесс. Политика начинается тогда, когда они достигают символического определения самих себя в отношении требований к миру. Дополитическая фаза рабочего движения, как описано у Нексо в его работе «Пелл-завоеватель», может служить характеристикой возможных фактов. У рабочих было множество поводов для недовольства своими нанимателями, но люди выражали их в виде спорадических актов насилия и постоянного пьянства. И только когда возник новый «образ» мыслей, вместе с появлением социалистических символов и с их восприятием, напряжение получило выход в политической форме. Когда **Ж.** наносит начальнику удар в челюсть, потому что тот его отругал, **Ж.** действует не ради трудящихся, но когда **Ж.** станет социалистом, его действия будут символически важными для развития его новой личности. Действия перестают быть просто частными действиями, они связаны с отдаленными социальными целями. Представление о самом себе обретает новые точки отношений и взаимоотношений, которые связаны с соответствующими отношениями других людей.

Для политической науки крайне важно изучить в деталях не только факторы, способствующие подъему и падению уровня напряженности, но и процессы символизации. По первому аспекту проблемы данные можно получить у специалистов различного рода, но что касается другой проблемы, ученый может обратиться непосредственно к необработанному материалу. Главное в деле реалистичной политики – это анализ истории «групп давления», простирающихся от таких объединений, как Фабианское общество, политические партии и конспиративные организации. Каковы условия, в которых возникает идея как таковая, каковы

условия ее пропаганды? Другими словами, каковы законы символизации в политической деятельности?

Я хочу привлечь внимание к некоторым возможностям. Можно найти несколько общественных движений, которые представляют желание узкого круга увековечить свои отношения целой всего общества. Стоит вспомнить, что Лойола и другие молодые люди, основавшие орден иезуитов, долгое время были в дружеских отношениях, прежде чем осуществили свой знаменитый проект. И не только: они хотели сохранить определенные личные отношения на всю жизнь и изобрели множество приемов, прежде чем пришли к окончательному варианту. То, что мы здесь имеем, – это группа друзей, желавших сохранить свои личные взаимоотношения до того, как они узнали, как это можно осуществить. Не совсем точно можно сказать, что институты являются скорее продолжением тени великого человека, чем последствием дружбы нескольких людей.

Можно обнаружить, что другие общественные движения переняли свои планы у одинокого мыслителя, с которым не было непосредственного контакта. Здесь процесс заключается в том, что один член группы, с которым идентифицируют себя остальные, находится под впечатлением схемы, толкует и защищает ее перед другими. Этого человека слушают по причине его эмоционального воздействия на других, и он может построить сомневающих и колеблющихся «в струнку» путем лести или угрозы или отвернуться от них.

Формирование пульсирующего центра для развития идеи особенно свойственно молодежи и тем, кто лучше действует в однополых группах. Трашер описал банды, что и составило задачу его книги «Банда», да и в литературе по изучению молодежи немало примеров пар, троек и четверок, которые поклялись в вечной верности друг другу и программе социальной реформы. Если идея реализуется потом в жизни, то это нередко случается с теми, кто демонстрировал определенную ясность в эмоциональном приспособлении к окружающей обстановке. Общественная и политическая жизнь является в значительной степени признаком запоздалой юности ее участников, что, естественно, не требует критики ее сути.

Только еще предстоит создать психологию личностного, ораторского убеждения и воздействия с помощью печатных средств, посредством которых осуществляется поддержка определенных символов. Уильям И. Томас довольно давно прокомментировал квазисексуальный призыв возрожденцев к публике. Одни ораторы относятся к людям сердечного, сочувствующего и просительного склада и воспроизводят попытки некоторых мужчин победить женскую застенчивость. Другим присущи боязнь и почитание отца, часть дурачится, находя удовольствие в обнарождении значительных запрещенных материалов, есть и такие, кто обращается к социально управляемой и дисциплинированной части личности. Так, отношения между оратором и слушателями имеют свои мощные эмоциональные черты, которые пока должным образом не исследованы. Есть люди, которые особенно сильны при общении лицом к лицу, но на трибуне производят слабое впечатление.

Процессы символизации можно сравнительно легко изучать, когда в жизни многих членов общества происходят глубокие, тревожные изменения. Голод, эпидемии, безработица, высокий прожиточный минимум и другие напасти могут одновременно создать для многих людей проблему их решения. Одно из первых следствий – освобождение аффектов от своих предыдущих объектов и создание условий для восприимчивости к новым предложениям. Существуют или легко возникнут все виды символов для новой фиксации изменчивых эмоций. Возможны любые альтернативные варианты: «Помяни это в молитве Богу», «Право голоса социалистам», «Долой евреев», «Взбодри дух пепсином», «Испытай свое счастье на кону». Рецепты зависят от диагноза, а диагноз, в свою очередь, требует предписаний. «Мир греха», «Уолл-стрит», «крах иностранного рынка» – распространены все виды диагноза, постоянно оценивая и переоценивая ситуацию для находящихся под ее влиянием людей. Политические символы должны бороться с символами любой сферы жизни, и следовало бы провести интересное исследование относительной поляризации политической власти и других форм социального символизма. Конечно, в современном мире скорее выстрелят в уполномо-

ченного по вопросам здоровья, чем сожгут ведьму, когда разразится чума.

Соревнование между символами, в ходе которого концентрируются возбужденные эмоции сообщества, ведет к выживанию небольшого числа основных символов. Мобилизация сообщества на действия требует экономии в терминах, в которых обозначены цели. Агитация за контроль над продажей спиртных напитков прошла в Америке через множество этапов, пока, в конце концов, официальный запрет стал главной разделяющей линией. Запрещать или не запрещать – это переросло в непреодолимую дихотомию общественного мышления.

Таким образом, символизации необходима дихотомия. Программа социального действия должна быть выражена в форме «да» и «нет», если решение возможно. Для того, кто будет управлять силой эмоций вокруг определенного символа, проблема заключается в увеличении его соревновательной силы путем введения в общество, по возможности, наибольшего числа элементов с целью прочтения их частных значений. Такое усиление и оказание помощи символу включает использование для пропаганды авторитетных людей, расширение поддержки со стороны специальных экономических и других групп и разработку призывов к бессознательным стимулам. Пропаганда в интересах символа может стать мощным фактором социального развития в силу гибкости смещения эмоций с одного набора символов на другой. Это всегда важный источник беспокойства и недовольства в обществе, и нет ничего абсолютно неизменного и предопределенного относительно определенного символа, который будет обладать привлекательной силой.

Анализ мотивов, которые не осознаются большинством людей, хотя и широко распространены, дает пропагандисту ключ к определенным, почти универсальным формам обращения. Кинофильмы, созданные коммунистическим правительством России, часто являются замечательными примерами использования символов, которые имеют не только сознательное эмоциональное измерение, но и мобилизуют глубинные подсознательные импульсы. Например, в одном фильме мать, страдающая под гнетом царизма, раздувает пламя восстания. Анализ раскрыл общее,

предположительно универсальное значение привязанности к земле. Детские устремления мальчика к единению с матерью ради получения всеобъемлющей заботы и защиты отчасти переносят сублимацию на общественную жизнь. Эдер отмечает, что это находит выражение в преданности своей земле, родной стране, дому. *Heimweh*¹ у швейцарцев, благочестивое желание евреев быть похороненными в Палестине и масса подобных проявлений – это примеры эмоциональной связи, значимость которой для государства велика.

На первый взгляд, может показаться сомнительным, что политическая наука может даже извлечь выгоду от раскрытия мотивов, которые, предположительно, управляют бессознательным любого человеческого существа. Если эти мотивы в равной степени действенны, как они могут пролить какой-либо свет на различия в политическом поведении? И не можем ли мы определить условия более специфической и определенной сущности, которая надлежащим образом объяснит, почему Республиканская партия проигрывает, когда фермер теряет свой урожай? Или почему революция произошла в 1918 г., а не в 1925?

Сам факт, что мотивы в большей или меньшей степени универсальны, не означает, что они всегда действуют одинаково интенсивно. Они могут блокировать друг друга, пока некоторые волнующие события не нарушат равновесие и не задействуют источники энергии. В самом деле, исследование бессознательной мотивации легло в основу понимания известной диспропорции между откликом и прямым стимулом, диспропорции, ставшей предметом запутанных и сатирических комментариев. Фермеры голосуют против республиканцев, когда урожай погиб из-за погодных условий, хотя размышления в малой степени позволяют предположить, что победившая партия будет обладать достаточной властью, чтобы управлять погодой. Оплошности в межличностных отношениях, кажущиеся весьма незначительными, на самом деле ведут к серьезным эмоциональным реакциям. Ключ к значению этой пресловутой диспропорции найден в глубинных (ранних) психических структурах личности. Путем интенсивного

¹ *Heimweh* (нем.) – тоска по родине. – *Прим. пер.*

анализа типичных представителей можно получить ключ к пониманию природы этих «невидимых сил» и продумать пути и средства работы с ними для выполнения социальных задач.

Современному демократическому обществу присуще урегулирование разногласий путем дискуссий и выборов. Это особая форма политики, поскольку разногласия могут также регулироваться с помощью минимума обсуждений и максимального применения насилия. В ее современном выражении демократия и представительное правление приводят к власти «правление путем обсуждения», что означает «правление на основе общественного мнения». Не так давно ректор Лоуэлл¹ отметил, что общественное мнение могло бы существовать только там, где есть договоренность по конституционным принципам. Различия должны рассматриваться как существующие в рамках согласия. Демократические и представительные институты предполагают существование общечеловеческой, которая включает всех тех, кто придерживается состояния дел и стремится определять политику путем обсуждения и ограниченного применения насилия. У общечеловеческой есть общий фокус внимания, согласие по конституционным принципам и зона терпимости к конфликтным требованиям относительно общественной политики.

Когда допустим спор, некоторые правовые нормы молчаливо рассматриваются как неопределенные. Арена споров не определена и не постоянна, а гибка и изменчива. Возникают вопросы, идет спор, и вскоре конечное решение больше не является предметом обсуждения. Оно освящается всеми чувствами, служащими опорой нравственного порядка, и на любой вызов отвечают единогласным стихийным порывом защищающего решение сообщества. В случае вызова общественность может раствориться в толпе, ею можно считать группу, члены которой эмоционально возбуждены и нетерпимы к разногласиям.

Какой свет проливает изучение генезиса личности на факторы, определяющие, какие символы являются спорными? Каков механизм процесса, в ходе которого нравственные нормы разру-

¹ Эббот Лоренс Лоуэлл (1856–1943) – известный американский политолог, в 1909–1923 гг. – ректор Гарвардского университета. – *Прим. пер.*

шены, обсуждены и вновь стали частью нравственного согласия сообщества в более или менее измененном виде?

Рост эмоциональных связей между людьми с различными культурными и индивидуальными особенностями является наиболее сильным растворителем нравственного порядка. Ценный научный труд мог быть написан на тему «Дружба против Нравственности». Хорошо известно, что правительства испытывают постоянные затруднения в беспристрастном применении власти из-за действия индивидуальной преданности. Роберт Э.Парк отмечал важность любопытства в сфере межрасовых отношений. В немалой степени это весьма примитивное любопытство, касающееся полового строения и поведения странно выглядящих народов. Когда формируются личные связи, исключения делаются в пользу друзей. Какая, в самом деле, конституция между друзьями?

Понятен механизм, с помощью которого однажды установленные результаты не подвергаются в настоящее время сомнению. Формирующиеся индивидуумы через процесс идентификации и интроекции включают в себя конечный результат. Раз это часть супер-эго растущего поколения, моральное согласие достигнуто. Там, где нет согласия и диалектика невозможна, мы имеем дело с явлением супер-эго. Определенные символы священны, и их поношение идет от настроения толпы, а не сообщества¹.

¹ Различие между толпой и общественностью лучше всего освещено в трудах Роберта Э.Парка. Фрейд пытался объяснить толпу с помощью теории, заключающейся в том, что эмоциональная связь была выдвинута на первый план путем идентификации человека с лидером и с помощью процесса частичной идентификации через восприятие подобного отношения с лидером. Он исходил из наблюдения: когда люди взаимодействуют друг с другом, они ведут себя по-другому, нежели когда находятся в одиночестве. Потеря индивидуальности выражает ослабление нарциссического удовольствия, которое может наступить только тогда, когда либидо направлено вовне на объекты. Теория Фрейда ограниченно применима только в случае изучения поведения толпы. Состояние толпы может также возникнуть, когда имеют место взаимосвязанные неполные идентификации при восприятии общей угрозы. Поведение толпы часто возникает прежде, чем кто-нибудь примет на себя «ведущую» роль, и конкурирующие лидеры «выбираются» толпой.

Даже этот краткий очерк политической символизации дал достаточно оснований для вывода, что политические требования, вероятно, имеют незначительное отношение к социальным потребностям. Политический символ оказывается обременен остатками последовательных позитивных и негативных идентификаций, а также эмоциональным грузом смещенных частных мотивов. Это накопление несоответствий обычно означает, что напряжение присуще жизни многих людей и может иметь диагностическую ценность для объективного исследователя. Человек, тяжело переживающий свой внутренний разлад, может искать умиротворения, ополчаясь против внешнего врага. Это хорошо известное «миролюбие на войне». Но постоянное смещение напряженности личности может зависеть от преобразования точки зрения личности на мир, а не от агрессивных порывов изменить его.

Демократическое государство зависит от методов обсуждения с целью ослабления напряженности и приспособления к изменяющемуся миру. Если анализ индивидуума покажет возможное несоответствие между тем, что он требует, и тем, что ему необходимо (то есть тем, что даст постоянное освобождение от напряженности), возникает серьезное сомнение относительно эффективности обсуждения как средства решения социальных проблем.

Предпосылка демократии заключается в том, что каждый человек является лучшим судьей своих собственных интересов, и должны быть учтены все, чьи интересы затрагиваются при определении политики. Так, способ существования демократического общества заключается в выяснении пути выдвижения различных требований заинтересованными партиями, оставляя свободную дорогу для сделок и компромиссов или для творческих изобретений и интеграции.

Открытия, сделанные в исследованиях личности, показали, что человек – очень плохой судья своих собственных интересов. Человек, избравший политическую линию как символ своих желаний, обычно старается облегчить свои неудачи не совсем уместными полумерами. Исследование общего состояния человека нередко может показать, что его теория собственных интересов

весьма далека от хода дел, которые обеспечат счастливую и спокойную жизнь. Поведение человека относительно далеких социальных целей, знакомство с которыми вне его личного опыта невелико, вероятно, особенно симптоматично по сравнению с физической и рефлексивной приспособленностью.

В известном смысле политика осуществляется созданием вымышленных ценностей. Человек, которого просят сказать о его собственных интересах, озадачивается поставленной перед ним проблемой, как довериться самому себе. Термины, в которых он формулирует собственный интерес, изменяются в зависимости от множества факторов, но каким бы ни было влияние условий, конечная теория его интереса будет облечена в его собственный нарциссизм. Политический символ является, вероятно, временным инструментальным средством достижения других ценностей личности, но очень быстро перестает быть инструментальной, а становится конечной ценностью, больше уже не слуга, а ровня или на самом деле хозяин. Таким образом, человек отличается от животного своей неограниченной способностью делать цель из своих средств.

Не стоит опрометчиво предполагать, что поскольку определенный ряд дебатов исчезает из общественной памяти, то это означает, что некоторые проблемы в каком-то фундаментальном смысле разрешены. Довольно часто решение становится волшебным решением, никак не меняющим условия воздействия на уровень напряженности в сообществе, решение, которое просто позволяет сообществу переключить свое внимание на другой блок столь же irrelevantных символов. Количество законодательных актов, проходящих через легислатуру, или количество приказов, официально спускаемых исполнительными органами и ничего не изменяющих в постоянной деятельности общества, является грубым показателем роли магического в политике.

Конечно, недовольство в некоторой степени снижается в самом процессе агитации, обсуждения и законотворчества по поводу социальных изменений, которые, в итоге, не испытывают существенного воздействия. Политическая символизация обладает функцией катарсиса и поглощает энергию, высвобождающуюся при невозможности адаптации людей друг к другу.

Однако обсуждение часто приводит к изменениям в общественной практике, которые осложняют социальные проблемы. Все, что можно сказать о различных карательных мерах, к которым прибегает сообщество, – это то, что они сейчас разрушаются и перестают причинять вред обществу.

Широко обобщая, политические методы включают в себя манипуляцию символами, благами и насилием путем пропаганды, взяточничества и убийства. Принято действовать на основе предположения, что они могут применяться в урегулировании конфликтных требований и не применимы в устранении конфликта. Насколько они основываются на философии, они идентифицируют политическую проблему с проблемой повторения с различиями, которые отчетливо видны.

Идентификация политического поля с полем битвы, будет ли театр фронтиром или форумом, создала злополучное предубеждение в умах тех, кто управляет делами или просто думает об этом. Вклад политики рассматривался в плане разработки ею методов решения конфликтов. Это привело к значительному переключению энергии на изучение профессиональной этики правления. Каким-то странным образом задача политики заключается в достижении хорошей жизни, но это одновременно предполагает зависимость от изменений методов правления. Теоретики демократии, в частности, опрометчиво предположили, что социальная гармония зависит от обсуждения, а обсуждение – от формального консультирования со всеми, на кого воздействует социальная политика.

Пришло время отказаться от предположения, что проблема политики – проблема организации дискуссии между всеми, чьи интересы затронуты в данной проблеме. Дискуссия часто осложняется социальными трудностями, поскольку обсуждение далеко идущих интересов создает психологию конфликтов, которая порождает мешающие, надуманные и относительные ценности. Задача политики в меньшей степени заключается в разрешении конфликтов, чем в их предотвращении; она в меньшей степени служит спасительным клапаном для социального протеста, чем использует общественную энергию с целью ликвидации постоянных источников напряжения в обществе.

Эта переоценка задачи политики может быть названа идеей превентивной политики. Политика предотвращения привлекает внимание непосредственно к центральной проблеме снижения уровня напряженности и улучшения адаптации в обществе. В некоторой степени это можно сделать путем содействия обсуждению среди всех тех, на кого воздействует социальная политика, но это не железное правило. В некоторой степени этому будет способствовать усовершенствование организации диспутов, подчиненное обширной программе и не рассматриваемое далее как наиболее желаемый способ управления ситуацией.

Понимание того, что люди – неважные судьи своим собственным интересам, предполагает вывод, что диктатор необходим. Но ни один ученый, занимающийся индивидуальной психологией, не может не согласиться с убеждением Кемпфа, что «общество небезопасно ... когда оно вынуждено подчиняться приказам одного человека, одного автономного органа власти, независимо от того, насколько хорошо и альтруистично это может быть определено». Наше мышление слишком долго вводилось в заблуждение избитой терминологией демократии против диктатуры или демократии против аристократии. Наша проблема состоит в том, чтобы руководствоваться знанием об условиях гармоничных человеческих отношений и добиваться истины как цели специализированных исследований; это не является монополией народа как народа или правителя как правителя. Когда наши методы четкого уяснения будут разработаны и распространены, они будут разъясняться и применяться многими людьми в рамках общественного порядка. Накопление такого рода знания идет медленно и требует усилий.

Превентивная политика не зависит от серии изменений в организации управления. Она зависит от переориентации в сознании тех, кто размышляет об основных проблемах общества. Каковы принципиальные факторы, которые изменяют уровень напряженности в обществе? Что из себя представляет особая релевантность предложенной линии действий по отношению к временным и постоянным изменениям в уровне напряженности?

Превентивная политика будет настаивать на тщательной проверке человеческих последствий преобладающей политиче-

ской практики. Как политика воздействует на политиков? Один из путей исследования человеческой ценности общественного действия заключается в анализе того, какая его форма действует на участников. Когда судья занимает свое место более тридцати лет, человеком какого типа он становится? Когда агитатор агитирует на протяжении тридцати лет, что с ним происходит? Как сравнивать различные типы политических администраторов с врачами, музыкантами и учеными? Подобный блок вопросов означал бы, что мы способны установить черты, обладая которыми, разные люди начинают исполнять свои роли в обществе. Будь мы способны показать, какие определенные направления человеческих усилий относятся к тому же самому реактивному типу, мы сможем создать основу для глубокого изменения в почитании обществом различных занятий.

Любая проверка значимости политики окажет воздействие далеко за пределами узкого круга профессиональных политиков. Такие кризисы, как войны, революции и выборы, выводят жизни людей на далеко ведущие пути. Воздействие кризисов на психические реакции является важной и неисследованной областью. Так, известно, что во время восстания в Шотландии в 1745–1746 гг. был случай малой истерии (в методологическом патологическом смысле). То же самое характерно для Французской революции и Ирландского бунта. Раш пишет в своей книге «О влиянии Американской революции на человечество», что ко множеству истерических женщин «вернулось прекрасное здоровье под влиянием событий того времени». Хэйвлок Эллис, приведший эти примеры, отмечал, что «в подобных случаях появляется возможность взрыва эмоционального напряжения по новым и неличностным каналам, и тем самым разрушается цепь болезненных эмоций»¹.

Физические последствия политической символики могут стать темой исследования со следующей точки зрения:

«Когда эмоции не могут достичь желаемого, ощущается неприятная напряженность или беспокойство (страх), и использование символа или фетиша, ослабляющее это беспокойство, обладает явной физиологической

¹ Studies in the Psychology of Sex. I. P. 231.

ценностью, заключающейся в том, что предотвращает чрезмерные компенсирующие усилия надпочечников, щитовидной железы, печени и легких»¹.

Политические программы будут постоянно нуждаться в пересмотре в свете выявленных современным исследованием факторов, которые связаны с уровнем напряженности. Франц Александер недавно привлек внимание к напряженности, возникшей в современной цивилизации из-за роста сферы намеренных действий. Он суммировал факты в процессе цивилизованного развития следующим образом: «Человеческие проявления инстинкта подчинены непрерывной тенденции рационализации, и, таким образом, все они уходят в своем развитии дальше от шуточных, плохо скоординированных, приносящих удовольствие усилий к намеренным действиям». «Дискомфорт цивилизации», о котором Фрейд писал недавно в «Unbehagen der Kultur»² является характеристикой рационализированных культур, с которыми мы знакомы. Жизнь бедна обычными чувственными удовольствиями, от которых крестьянин, находящийся в непосредственном соприкосновении с обыденными вещами, может получать удовольствие³. Современная жизнь обеспечивает иррациональные выходы путем создания кинофильмов и сенсационных криминальных новостей. Но могут быть изобретены другие средства снятия напряженности в современной жизни, которые будут обладать меньшими недостатками.

Превентивная политика будет, кроме того, заниматься поиском четких оценок культурных образцов с точки зрения их значимости для человечества. Кое-что из того, что влияет на человечество, будет расценено как «патологическое», тогда как другие как «нормальные». Один усложняющий фактор заключается в том, что ценный вклад в культуру часто делается людьми, которые считаются другими ненормальными. Множество патологических личностей вынуждено смещать, с большим или меньшим

¹ Kempf E. Psychopathology. P. 704.

² «Unbehagen der Kultur» (нем.) – «Недовольство культурой». – *Прим. пер.*

³ Alexander Franz. Mental Hygiene and Criminology // First International Congress on Mental Hygiene.

успехом, собственные трудности на далекие проблемы и вносить ценный вклад в познание и социальную политику¹. Конечно, понятие «патологическое» само по себе весьма неоднозначно. Человек, подверженный эпилептическим припадкам, может в какой-то культуре считаться не полунормальным и больным, а самым нормальным. В самом деле, можно сказать, что общество зависит от определенного уровня патологии в том смысле, что оно не поощряет свободную критику общественной жизни, а устанавливает табу на рефлексивные размышления о своих допущениях. Если человек патологичен в том смысле, что не способен хладнокровно воспринимать любые факты и вырабатывать импульсы в процессе мышления, очевидно, что общество делает достаточно, чтобы способствовать этой болезни. Это ведет к явному парадоксу, что успешное общественное равновесие заключается в сокращении нынешних болезней. Если «здоровье» — просто средство статистической отчетности об «усредненном», исследование человека не имеет должного значения для изменения социальных образцов. Но если «здоровье» обозначает нечто большее, чем «усредненность», интенсивное исследование людей даст нам удобную позицию для переоценки влияния культурных образцов на человечество и для их критики².

Если превентивная политика распространится в обществе, появится необходимость в другом типе образования для тех, кто управляет государством или думает об этом. Это образование будет начинаться с утверждения, что больше времени потребуется для подготовки хорошего обществоведа, чем естественно-научного специалиста³. Социальный администратор и обществовед должен войти в прямой контакт со своими материалами в их

¹ Для оценки роли патологической личности в обществе см.: *Lange-Eichbaum Wilhelm. Genie-Irrsinn und Ruhm, Birnbaum Karl. Grundzüge der Kulturpsychopathologie.*

² Нечто подобное, несомненно, является идеей весьма туманной книги: *Burrow Trigant. The Social Basis of Consciousness.*

³ Эта точка зрения была изложена Бердслеем Румлом в его выступлении на открытии здания социальных наук в Чикагском университете. См.: *The New Social Science / Ed. by Leonard D. White. P. 99–111.*

самых разных проявлениях. Он должен общаться с богатым и бедным, с малокультурным и цивилизованным, с больным и здоровым, со старым и молодым. Его контакты должны быть непосредственными, а ни в коем случае не опосредованными. Он должен иметь возможность длительного самоизучения с помощью наиболее разработанных методов исследования личности и настойчиво добиваться возможности объективно рассматривать самого себя, а также всех других членов общества.

Этот усложненный опыт необходим, поскольку наша шкала ценностей в меньшей степени является результатом диалектического, чем какого-то другого опыта нашей жизни. Ценности изменяются в большей мере путем бессознательной переоценки значений, чем с помощью рационального анализа. Каждый контакт и каждая процедура, открывающие новые факты, оказывают влияние на форму выраженного словами опыта, который является почвой для распространения сознательных идей.

Одна из особенностей задачи, стоящей перед ученым-обществоведом, заключается в том, что он должен установить личный контакт со своими материалами для изучения. Ученый, занимающийся естественными науками и работающий в лаборатории, больше времени проводит, налаживая свое оборудование, чем делает непосредственные наблюдения, а обществовед, работающий в своей сфере деятельности, должен проводить больше времени, устанавливая контакты, чем фиксируя и докладывая о своих наблюдениях. То, что значит для естествоиспытателя инструментальная методика, то же значит и для большинства обществоведов культивирование предпочтительных для человека позиций. Это значит, что изучающий общество, так же, как управляющий социальными отношениями, должен на высоком уровне овладеть техникой социального общения, иначе он будет испытывать затруднения от серьезных препятствий, и подготовка его сознания должна быть направлена именно на это.

Опыт администратора-исследователя должен включать определенное знакомство со всеми элементами, которые имеют непосредственное отношение к свойствам и интересам человека. Это означает, что у него должны быть наиболее подходящие привлекавшие его внимание материалы из области психологии, психо-

патологии, физиологии, медицины и социальной науки. Так как наши заведения в системе высшего образования в настоящее время плохо организованы, для осуществления этой программы необходима глубокая реорганизация¹.

Можно подвести краткий итог всего, что было сказано в этой главе. Политические движения определяют свою жизнеспособность путем смещения частных аффектов на общественные цели. Политические кризисы осложняются сопутствующей реактивацией специфических примитивных мотивов, которые образовались в раннем опыте рассматриваемых людей. Политические символы в особенности приспособлены служить мишенями для смещенной эмоции в силу их неоднозначного понимания с позиций личного опыта и по причине их общего круговорота. Несмотря на то что движущей силой политики является уровень напряженности людей, не всякая напряженность порождает политические действия. И даже не все эмоциональные связи ведут к политическому действию. Политические действия зависят от символизации недовольства человека в условиях более включенного Я, защищающего набор требований к социальному действию.

Политические требования обладают ограниченным соответствием тем изменениям, которые могут вызвать постоянное снижение уровня напряженности в обществе. Политические методы насилия, увещевания и обсуждения предполагают, что роль политики заключается в разрешении конфликтов по мере их возникновения. Идеал превентивной политики заключается в устранении конфликта путем определенного снижения уровня напряженности в обществе эффективными методами, одним из которых будет обсуждение. Превентивная точка зрения настаивает на постоянной проверке последствий для людей социальных действий, особенно политических. Достижение идеала превентивной политики в меньшей степени зависит от изменений в социальной

¹ Я уже предлагал включить тех, кто пишет биографии людей, в число нуждающихся в этой всесторонней подготовке. См.: *The Scientific Study of Human Biography* // *Scientific Monthly*. 1930. January.

организации, чем от совершенствования методов и подготовки социальных администраторов и ученых-обществоведов.

Превентивная политика будущего будет тесно связана с общей медициной, психоанализом, психопатологией, физиологической психологией и смежными дисциплинами. Практикующие ее специалисты постепенно завоюют в обществе уважение у запутавшихся в жизни людей, тех, кто осознает свои обязанности и ценит объективные достижения. Исчерпывающая функциональная концепция политической жизни четко определит проблемы исследования и войдет в восприимчивые умы тех, кто постоянно подвергает достигнутое сомнению.

Глава XI ГЛУБИННОЕ ИНТЕРВЬЮ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ¹

Эмпирические материалы, собранные в этой книге, появились в ходе глубинных интервью с людьми, находившимися в необычных личных условиях. Этот метод глубинного интервью сейчас имеет тридцатилетнюю историю в том виде, в котором разработан Фрейдом, однако до сих пор было очень мало попыток использовать полученные результаты. Отто Ранк написал серию работ по «обстановке интервью», являющихся до сего времени наиболее значительной попыткой дать характеристику отличительных особенностей этого метода. Но эмпирический материал, о котором говорилось до сих пор, не основывался на дословных записях имевших место событий, за исключением нескольких примеров крайне патологических случаев и сделанных совсем недавно попыток зафиксировать некоторые принципиальные физиологические изменения в организме человека.

Следует помнить о том, что Фрейд учился предсказывать будущий ход воспоминаний, наблюдая за оговорками, случайными движениями и множеством других действий, которые прежде упускались как случайные эпизоды. Он также обнаружил, что можно сократить трудоемкие усилия пациента, чтобы, предлагая различные толкования, вызвать воспоминание о травматическом (начальном) эпизоде. Именно на данном этапе предусмотрительные терапевт и психолог серьезно разошлись с психоаналитическими открытиями. Они утверждали, что пациент дает такой материал, который и нужен аналитику, и что весь процесс – это все равно что спрятать кролика в шляпу, чтобы затем с триумфом извлечь его оттуда. Они ухватились за раскол в психоаналитическом лагере и заявили, что временами вам снятся бессознательные женские образы, если вас анализируют по Юнгу, что вы переживаете родовые травмы, если вас анализируют по Ранку, и вы барахтаетесь в море анальных, оральных и мочеполовых симво-

¹ Переработано и дополнено из: The Psychoanalytic Interview as a Method of Research on Personalities // The Child's Emotions. P. 136–59.

лов, если вас анализируют по Фрейдю. Вы говорите о чувстве превосходства, работая с Адлером, и о страхе кастрации, если работаете с Фрейдом.

Можно предположить, что после тридцати лет работы должен существовать свод документов, с которым могли бы сверять мнение группы компетентных специалистов, стремящихся уладить свои разногласия и сомнения относительно того, что фактически происходит в аналитическом интервью¹. В настоящее время обстановка интервью скудно описана в замечаниях, принимаемых аналитиком по окончании каждого периода (в том случае, если и когда он их принимает). Никто не знает, какие процессы искажают отчетную деятельность различных слушателей, и никто не осознает ценность опубликованных фрагментов. Так как одна из общеизвестных целей терапевтического анализа заключается в том, чтобы поставить человека на ноги и положить конец его опоре на других или потворству симптомам, межличностные отношения по окончании интервью прекращаются. Это явно затрудняет возможность завершить последующую историю личности и привести к стабильности предполагаемых терапевтических результатов. У материалов истории болезни, доступных в хороших учреждениях, есть преимущество, ибо в них представлен обобщенный результат усилий многих людей, которые общаются с пациентом и, возможно, проверяют друг друга. Однако эти документы обычно кратки и свидетельствуют о психопатологическом уклоне ответственных за них. Эти документы также обычно неполны в описании целостной личности по причине интереса врача к более ограниченному кругу имеющихся симптомов болезни.

Когда Джон Браун рассказывает о том, что ему сказали, будто у него отвалится нос, если он не прекратит себя трогать, как можно узнать, какую значимость придать таким сомнительным воспоминаниям? Должны ли мы принимать это как историческое утверждение? Должны ли мы истолковывать это как вы-

¹ См.: *Lasswell Harold D. The Problem of Adequate Personality Records: A Proposal // American Journal of Psychiatry. 1929. May, а также: Appendix B. The Proceedings of the First Colloquium on Personality Investigation.*

мысел, который, однако, свидетельствует, что он хотел, чтобы это действительно случилось, или, возможно, могло случиться, если он не подчинится приказам? Должны ли мы понимать это как признак его страха перед интервью, выраженный на языке прошлого, в силу воспитанной в нем привычки упражняться в воображении? Должны ли мы толковать это как признак его ненависти к интервьюеру, согласно теории, по которой фантазии самонаказания являются защитой сознания против разрушительных импульсов неуправляемой части личности? Должны ли мы рассматривать это как попытку получить одобрение у интервьюера, рассказывая о такого рода вещах, которые, как он себе предполагает, тот хочет услышать, – предположение, основанное на личном изучении психоаналитической литературы? Должны ли мы воспринимать это как «первоначальную травму» и ожидать немедленного или возможного снижения невротического беспокойства, которым страдает пациент? Должны ли мы рассматривать это как скрытое напоминание о настоящем травматическом эпизоде, в котором звучала угроза не его носу, а половому органу? Или это укрытие для запрещенного желания, которое однажды уже было активизировано и воспользовалось старым эпизодом, придав ему вид угрозы?

Все это – малая часть специфических вопросов, которые могут быть поставлены в связи с поднятыми материалами, и научная задача заключается в том, чтобы привести более веские доказательства доступных теорий или более убедительные опровержения, чем те, что у нас имеются. Что из себя представляют некоторые критерии «травматического эпизода»? Если воспоминание сопровождается сильными эмоциями (возбуждением), это основание для предположения о его подлинности. А как измеряются эмоции? В настоящее время мы зависим от мнения наблюдателя об изменениях в голосе, переменах позы, о судорогах и вздрагиваниях тела. Это может усугубляться экспериментальными условиями – ведением продолжительного контроля за кровяным давлением, частотой вдохов и выдохов, кожно-гальванической реакцией и т. д. – за всем, что является каким-

либо показателем возбуждения¹. Таким образом, мы в состоянии совершенствовать свои оценки возможного значения рассказов, рассуждений и общих фантазий пациента. Но может быть и так, что нам удастся по ходу провести на физической основе различие между «подавлением» и «сдерживанием» и с помощью этого проследить через изменения ход интервью от начала до конца.

Наше суждение о «травматическом эпизоде» также находится под влиянием уверенности пациента. Если интервьюируемый говорит так, как будто он уверен в том, что вспоминает, то это повышает вероятность гипотезы. Это особенно верно, если пациент сопротивлялся идее, однако она самопроизвольно продолжает появляться и беспокоить его ассоциации. Однако косвенное чувство уверенности весьма не прочно и сохраняется до тех пор, пока существует эта уверенность. Мы знаем, что люди стараются избегать беспокоящих их ощущений, пускаясь в море объяснений, и они скорее готовы добровольно принять все виды толкований их поведения, чем продолжать терпеть беспокойства. Это лежит в основе доверчивости невротических больных и объясняет, почему все – от «гормональной неуравновешенности» до «астральных пертурбаций» – воспринимается время от времени как вполне адекватные объяснения личных проблем. Так, косвенная уверенность человека должна пройти испытание даже через унижительные намеки и углубленное самоисследование и стать свободной от эмоций, если к этому подойти слишком буквально.

Другим критерием является согласованность рассказанного эпизода с остальными фактами, имеющими отношение к делу. Должны быть некоторые неточности в рассказе К., в частности, о том, что его жестоко наказывал отец, прозвучавшем в то время, когда прошло уже несколько лет со дня смерти отца².

¹ Сейчас мы участвуем в подобного рода исследованиях, проводимых Лабораторией личности в Исследовательском центре по общественным наукам Чикагского университета. Гарри Стэк Салливэн возглавляет исследовательский проект по выявлению изменений, имеющих непосредственное отношение к психозам и представляющих огромную важность.

² Проблема надежных критериев будет рассмотрена в сообщениях по ходу экспериментов.

Нельзя свести к минимуму препятствия, лежащие на пути программы исследования, которое требует максимальной объективности записей о том, что становится известным при проведении интервью. Объем записи ежедневных часовых бесед, проводимых в течение нескольких месяцев, почти подавляет. Однако историки привыкли «перепахивать» целые библиотеки о Наполеоне и Бисмарке, и с точки зрения исчерпывающей теории развития личности одна личность почти так же хороша, как и любая другая, хотя высокая степень проработанности и выдающиеся достижения являются преимуществами.

Есть несколько соображений в пользу применения этой методики для изучения нормальных людей, по крайней мере, в том смысле, что нормальными считают себя как они сами, так их воспринимают и другие люди. Есть нечто, что может быть извлечено из ранних ошибок Фрейда, когда он приписывал решающее значение определенным детским опытам, которые позднее были признаны в исследовании слишком общими. Клиническая картина неопределима для качественного лечения, в ходе которого выявляются определенные тенденции нормы. В самом деле, «нормальность» поддается определению труднее, чем болезнь, так как, с одной точки зрения она включает сложную интеграцию множества тенденций, гибкую способность переключаться с одного настроения, занятия и открытой деятельности на другие так, как того требуют изменяющиеся потребности реальности. Норма означает сложность и интеграцию, и к ней следует подходить настолько непосредственно, насколько возможно, как и при контроле в патологическом случае.

Главное преимущество, которое нормальный человек надеется извлечь из аналитического интервью, – это суждение о его важности по сравнению с другими психологическими методами. Что касается записей интервьюируемых в том виде, в каком они существуют сейчас, то лишь тот, кто прошел через мельничные жернова, может с большей уверенностью свидетельствовать о случившемся, и если он обладает критическим складом ума, то потом не слишком в них уверен. Аналитическое интервью означает строгость в самоизучении. Человек учится использовать новые методы применения разума, старается их развить и согласо-

вать с логическими методами, к которым частично приучен в повседневной взрослой жизни. Новая методика использования разума – это метод свободных ассоциаций, главная функция которого – подготовка нового материала для логического мышления.

Интервью влечет за собою реактивацию внутренней борьбы человека с его асоциальными импульсами. Это происходит независимо от того, болен он или здоров, так как каждый человек обладает в большей или меньшей степени активными и мощными асоциальными побуждениями. Любой человек демонстрирует в остаточной форме некоторую патологию Эдиповой фазы взросления. Социально управляемая часть личности начинает битву с несублимированными побуждениями, и в этом процессе возникает значительное невротическое беспокойство. Проблема заключается в том, чтобы заставить человека честно взглянуть в лицо этим неподконтрольным остаткам, сделать их в полной мере фокусом пробуждающегося сознания и лишить заключенной в них энергии. Это происходит окольным путем восстановления начальных эпизодов, когда было придумано невротическое объяснение. Работа по воспоминанию предшествует освобождению и пониманию.

Интервью предоставляет человеку возможность дать своим личным побуждениям выход в речевой форме вместо выхода в виде действий. Кто-то учится возвращаться к переломным точкам в своей прожитой жизни, выискивая в настоящем ключи к исчерпывающему пониманию нынешней ситуации, что включает анализ воспоминаний. Воспоминание всегда соответствует настоящей ситуации и выполняет двойную роль, объясняя настоящее и рассказывая о прошлом. Навыки интервью приходят не сразу и с трудом, человек очень медленно учится работать с самим собой как с объектом в мире объектов, все больше и больше высвобождая свои суждения от искажающих воздействий первичных психологических структур.

Аналитическая ситуация подготовлена настолько, насколько она способствует процессу самоизучения. Побуждения действовать, а не думать ограничены путем снижения восприимчивости присутствующего. Человек лежит в расслабленной позе, что позволяет лучше наблюдать за оцепенением тела, за теми измене-

ниями в частоте дыхания, за колебаниями внутреннего напряжения, за теми импульсами царапнуть и шевелить пальцами, которые ускользают от обычного внимания, но показательны для значений, заложенных в данной ситуации. Чувствительное окружение остается в основном неизменным, и интервьюер превращает процесс в более рутинный. Пациент, словно захлопывая на время створки раковины, прячется от требований профессионала и обычных заданий, однако интервьюер готов защитить человека от утечки энергии в мечты, которые быстро забываются. Интервьюер – это стрекало для свободных фантазий и шпоры для критического рассмотрения материалов, полученных в результате свободно парящей фантазии. Необходимость вербализации в большей степени, чем обычно, переключает внимание на элементы фантазии, что является необходимым подготовительным этапом продолжительных логических размышлений. После того как интервьюер позволит человеку пренебречь принятым в обществе вежливым обхождением и разрешит его воображению путешествовать в поисках пристанища, возможно появление регрессивных реакций. Таким образом, от человека не требуется контролировать привычный мир взрослой реальности, ему разрешается вновь воспользоваться ранними способами общения с ней. В реальном мире взрослых сложные тенденции человека приобретают через определенные каналы традиционно приемлемые формы, и большая часть неадаптированных импульсов может проявиться в некоторых отклонениях от нормы. Когда привычная реальность больше не существует, и человеку предлагается скорее следить за своими частично сформированными откликами, чем координировать, сгущать, пренебрегать или подавлять их, эти тенденции простираются далее в разных направлениях в воображении и воспоминаниях. Когда этот процесс продвинется достаточно далеко, человек достигает высокого уровня осмысления истинного развития своих нынешних занятий и черт характера.

Так как аналитический процесс – напряженный для пациента период, можно поинтересоваться, почему он его переносит. К счастью для исследователя, есть множество преимуществ для участника, который поддерживает и укрепляет свою сознательную цель – упорно продолжать до тех пор, пока существенно не

углубится понимание. Аналитик с вежливым интересом рассматривает каждое проявление личности, не обращая внимания на то, насколько оно банально. Это подсознательно преувеличивается человеком, сильно переоценивающим личное влияние, которое оказывает на него интервьюер. Часть энергии личности всегда открыта для новой привязанности, и эта энергия концентрируется на интервьюере. Пациенту позволено обстоятельно рассказывать о самом себе, и когда интервьюер слушает внимательно и терпеливо, человек идентифицирует себя со слушателем на основе общего заинтересованного отношения к близкому сердцу объекту. Доминирующее влияние интервьюера в методологическом знании (его авторитет) имеет сходство с властью взрослых, которые когда-то, как предполагалось, обладали неограниченным знанием. Ежедневная озабоченность стремится восстановить эмоции ранних семейных ситуаций, когда ребенок мог играть под бдительным, ответственным присмотром взрослых. Человек ослабляет усилие удерживать свой разум от потока непристойных, запретных и низменных мыслей. Их правдивое выражение в обычной социальной жизни навлечет на его голову наказание или поставит на нем знак жертвы душевного расстройства. Человеку предоставляется возможность барахтаться в антиобщественных грезах и бреде, и процесс развития этих симптомов в присутствии другого человека становится смягчающей частью его ежедневного, еженедельного и ежемесячного существования. У пациента усиливается горячий эмоциональный интерес к тому, кто освобождает его от сдерживающих моральных законов общества. Это знак огромной власти аналитика, а также особого интереса аналитика к пациенту. Процедура свободных фантазий даже освобождает человека от следования общепринятым формам логики и грамматики. Он способен также испытать удовольствие, производя на кого-либо еще впечатление блеском своей речи. Время от времени новое осознание входит в старые привычки и тревоги, и вкус к интеллектуальному постижению добавляется к другим удовольствиям.

На первый взгляд, обучение или исследование интервью может показаться жертвоприношением наиболее сильному мотиву, от которого зависит процедура интервьюирования, а именно,

обеспечению облегчения от беспокоящих симптомов. Индивидуум, страдающий от грубых патологических нарушений, таких, как функциональное желудочно-кишечное расстройство, психологическая импотенция, навязчивые идеи и применение силы, приходит к интервьюеру как больной человек, ищущий помощи у более сильного. Если он будет бегать от одного терапевта к другому, встречая, возможно, насмешливые взгляды и пренебрежительные нравоучения, объективный интерес, с которым психотерапевт относится к его симптомам, даст острое сознательное и бессознательное удовлетворение. Даже симптомы болезни являются любимой частью личности, и как гадкие утята, они временами наделяются особой любовью (Ференци). Надежда излечиться от раздражающих симптомов, которая сознательно представлена во многих патологических случаях, поддерживается на бессознательном уровне старой младенческой установкой, которая предполагает, что интервьюер совершит чудо. Даже некоторые асоциальные импульсы личности могут приветствоваться в терапевтической ситуации. Самим этим асоциальным тенденциям не в полной мере потворствуют в симптомах, поэтому сущность симптома – это компромисс между этими асоциальными тенденциями и социализирующими импульсами личности. Нюнберг отмечал, что асоциальные аспекты личности могут поддерживать напрасные надежды, результатом лечения будет беспредельное и неограниченное удовлетворение их требований. Здесь также налицо принуждение сознаваться (Рейк) в асоциальных тенденциях, которые отвергаются социализированной частью личности и, таким образом, удовлетворяют бессознательную потребность в наказании.

Теперь ощущение болезненности и желание выздороветь отчасти присущи любому нормальному человеку. Никто полностью не свободен от последствий своих проблем приспособления, и никто не доволен собой в полной мере. В начале интервью этот мотив может появиться в сознании, что нет более существенного, чем безобидное убеждение, что любое усиление самопознания даст возможность любому гораздо лучше разобраться с личными проблемами по мере их возникновения.

Среди других мотивов, которые действуют в аналитической ситуации и дают возможность пациенту пройти через нее, можно назвать очень мало примитивных. В жизни множество импульсов блокируется с помощью власти, силу которой нельзя успешно преодолеть в трудную минуту. В этих условиях с некоторой надеждой на успех может проявляться только ненависть, когда она стремится преодолеть превосходящую силу, принимая на себя власть чьей-то личности путем ее копирования. Это значит, что человек стремится идентифицировать себя с тем, кто обладает превосходящими знаниями в аналитической ситуации, и становясь подобным ему, сохранить независимость, уничтожая его, таким образом, как устрашающий и препятствующий внешний объект. Это может быть желание человека овладеть орудием, посредством которого можно лишить других людей их превосходства над ним. На сознательном уровне эти мотивы частично видны в непомерном стремлении к самоконтролю и умению владеть собой. Этот захват и усмирение власти аналитика коренятся также в некоторых ранних образцах реакций, которые младенец демонстрирует по отношению к внешним объектам. Истинное удовольствие доставляют также проговаривание, выдача и утаивание информации.

Как только пациент уводит внимание от истинных симптомов и мотивов, концентрируется на игре, относящейся к прошлому, и позволяет себе запретные удовольствия, аналитическая ситуация превращается в оргию непозволительных удовольствий. Чувства высвобождаются из прежнего русла и находят новые объекты кристаллизации, особенно в личности аналитика. Интервьюер, допускающий этот «перенос», отныне вправе оказывать пациенту помощь в борьбе с глубинными антиобщественными импульсами личности. Поведение человека дало к этому времени множество ключей к пониманию истории его эмоционального взросления. Аналитик продолжает нацеливать человека на изучение его ассоциаций, на честное выражение капризных желаний, возникающих в его сознании или остающихся почти не заметными для внимания в укромных уголках. Шаг за шагом, мало-помалу восстанавливается субъективная история жизни. Говоря метафорически, вновь открываются старые раны, вспыхивают

тлеющие угли ревности и похоти и оживают забытые обиды. Воспоминания оживляют блеклую ткань минувшего и открывают для яркого света сознания паутину разума, которая служит приютом для пауков злобы и разврата. Простые значения, присущие когда-то ситуации и позднее непреднамеренно получившие воплощение в мире взрослых, вскрыты и подвергнуты критике в свете их пригодности в обществе. Регрессивные воспоминания, которые интенсивно подпитываются нарциссизмом и постоянно повторяющимся принуждением, выявлены и преодолены.

Не следует думать, что тайны разума открыты для вопросов. Метод подавления – примитивное средство, с помощью которого слабое, только что родившееся **Я** ищет защиты от импульсов, которые, если их терпеть и не допускать до бездумного насилия, могут затопить сознание (Александр). Когда **Я** становится сильным и уверенным, первичные импульсы могут получить дальнейшее развитие в сознании без непосредственной угрозы того, что они перейдут в действие путем контроля двигательного аппарата. Отныне критическое, размышляющее и принимающее решения **Я** не должно искажаться чрезмерно сильным сознанием. Структура, которая известна нам как сознание, возникает в раннем детстве и формируется путем объединения в **Я** предписаний и команд, управляемых властью. Когда **Я** слабо, как и в период становления, сознание опирается на грубые методы для защиты с трудом обретенного контроля над асоциальными побуждениями личности. Оно карает **Я** беспокойством всякий раз, когда обнаруживается терпимость к этим импульсам. Сознание долгое время спустя хранит их содержание и садистские свойства, и о невротиках обычно говорят, что они страдают от избытка сознания. Слепое отрицание присущих личности фундаментальных тенденций должно быть вытеснено, и *obiter dicta*¹ о сознании подвергаются критике более выдержанного и опытного **Я**. Препятствия этой процедуре создаются энергией личности, предназначенной для сопротивления асоциальным импульсам, которые были подавлены, отвергнуты и не получили непосредственного доступа к сознанию. Любое снижение сопротивления ведет к обострению

¹ *Obiter dicta* (лат.) – неофициальные мнения. – Прим. пер.

беспокойства индивидуума, так как возобновляется конфликт между социальными и асоциальными побуждениями. Все виды ухищрений идут в ход для того, чтобы устранить необходимость преодоления этого беспокойства и довести скрытое до сознания, где оно может утратить свое значение. Преодоление этого сопротивления новым вступлением в битву – это главный процесс глубинного анализа.

Краткое повторение побуждений, которые человек испытывает на протяжении всей своей жизни, – это процесс, который придает уникальную ценность записям психоаналитического интервью. В литературе по психоанализу множество примеров фантазий, присущих определенным ступеням в гипотетической последовательности взросления личности. Более двадцати лет назад Фрейд описал ряд предварительных замечаний о типах характеров, особо подчеркивая роль определенных экскреторных удовольствий в развитии некоторых психологических структур. Интерес младенца и маленького ребенка к сосанию, кусанию и анальным задержкам был предметом теоретических рассуждений ряда аналитиков, среди которых наиболее важен Абрахам Ференци кратко изложил всеобъемлющую теорию о возрастании интереса ребенка к гениталиям, и она была в разных направлениях разработана Райхом. Различия между мужским и женским развитием были изложены Саксом, Дойчем и Хорни.

Нет острой необходимости в рамках этой дискуссии погружаться дальше в суть гипотез, которые были предложены этими весьма разными исследователями. Мы сможем сформулировать их точнее, когда преуспеем в объективации происходящего в ходе интервью, что должно достигаться по ранее указанным направлениям. Когда-нибудь мы сумеем сформулировать более строгую гипотезу, которую можно принять и проверить неаналитическими методами. Некоторые из этих идей могут быть подтверждены или опровергнуты прямым наблюдением за детьми всех возрастных групп. Вполне возможно, как ни парадоксально это будет звучать, что лучший путь изучить некоторые фазы младенчества и детства – изучение взрослых. Есть определенная причина для уверенности в том, что превосходящая экспрессивная сила взрослых, в словах или в изображении, может в подроб-

ностях передать множество состояний, которые находятся за пределами возможностей того, кто просто наблюдает за движениями. Если мы обнаружим, что субъективное воссоздание во время анализа взрослого, сверенное с результатами, достигнутыми с помощью видоизмененных аналитических и бихевиористских процедур, применимо непосредственно к подросткам, то обретем больше доверия к материалам, цель которых – установить связь с очень ранним опытом. Мы можем также проверить по мере возможности «историчность» воспоминаний, полученных на различных стадиях анализа. Следует отметить мимоходом, что изучение детей требует серьезного пересмотра внешней стороны методики, как это было отмечено Анной Фрейд.

Я хочу остановиться на этом пункте, чтобы прокомментировать значение факта, что должно быть такое явление, как психоаналитический метод работы с генезисом личности. Как же могло случиться, что в конце девятнадцатого века в западноевропейской цивилизации появилась эта исключительно сложная процедура? Почему мы считаем стоящим затраченный на нее труд, проводя месяцы или даже годы в постоянном самоанализе?

Осмысливая все в целом, я предполагаю, что это наиболее явный признак кризиса ценностей нашей цивилизации. Имеет место попытка побудить человека к восстановлению ценностей, но не на основе навязываемых авторитетов, а через длительный процесс самоизучения личности. Процессы человеческой личности подвергаются такому же устойчивому, напряженному и детальному исследованию, которое столь успешно применялось естествоиспытателями, астрономами и микробиологами применительно к объектам физического мира. Конечным результатом длительного и успешного анализа является человек, который способен объяснить свое отношение к миру в терминах нескольких значимых символов. Эти символы обретают значение потому, что достигаются в ходе долгого обучения под суровым присмотром другого лица. Эти символы в исчерпывающем объеме определяют для человека его отношение к раскрывающейся реальности. Они придают в благоприятных случаях дополнительную мягкость приспособлению и предлагают средства уменьше-

ния несоразмерных чувств ненужности, уныния, преследования и всеведения.

Появление системы взаимосвязанных значимых символов для определения отношений человека к миру – это не что иное, как новейшее явление в истории культуры человечества. Когда-то главным был вопрос: «Что значит для меня воля Господня?». Люди верили, что это может проясниться после прочтения Священного Писания, смиренной мольбы и внезапного озарения. Наша западная цивилизация подорвала основы такого образа мышления. Мы постоянно обращаемся к изменчивому миру и задаемся вечным вопросом: «*Как он изменяется?*». Как, на самом деле, действует заведенный порядок вещей в видимой, обоняемой, осязаемой, слышимой и ощущаемой на вкус Вселенной? В каком надлежащем порядке следуют одно за другим субъективные проявления разума? В каком порядке происходят субъективные и объективные события? И не важно, сколько названо промежуточных связей и последовательностей, всегда есть новые промежуточные и всеобъемлющие критерии для идентификации и размещения в упорядоченном взаимоотношении.

Необходимо определить ценности, но не по воле другого лица, а в ходе исследовательского процесса. Мы придаем огромную значимость поиску последовательностей и открываем наши новые ценности в ходе расширения или углубления собственного понимания изменений. Если вы скажете искушенному представителю западной культуры, что Бог проявляет свою мудрость после прочтения печатного отрывка, он будет в меньшей степени впечатлен тем, о чем там рассказывалось, нежели тем, что осталось за пределами понимания. Какова взаимосвязь между тем, что читают, и тем, к чему приходят в выводах? Можете ли вы установить контролируемые повторения ради проверки предсказательной ценности этих обобщений? Имеются ли другие слова, которые могут быть прочитаны и дадут такие же результаты, когда у читателя есть кровный интерес действовать определенным путем? И так далее и далее.

Заслуживает внимания то, что символы, полученные в ходе анализа, – не «предписывающие» слова, а слова «процесса». Вам не приказывают умереть во имя родной страны; вам предлагается

взглянуть на все ценности, которые вы можете найти в этой ситуации. Это, тем не менее, не устраняет «случайный» характер действительно принимаемых решений. Решение приходит со всей силой потрясения от откровения, неизбежности и неожиданности; человек может контролировать решения только путем повторения подходящих ценностей до тех пор, пока не окажется в тисках суждений. Эта готовность принять неопределенность, изучить промежуточные условия и соответствующие ценности является результатом аналитической дисциплины.

Подобная процедура родилась в условиях цивилизации, ценности которой находились в беспорядке с тех пор, как было разрушено средневековое устройство мира. Президент Масарик, серьезный мыслитель и ученый, начал свои социологические изыскания с изучения самоубийства, которое, как он обнаружил, может быть показателем искажений ценностей в культуре. Когда устанавливаются эмоциональные связи с представителями различных жизненных типов, арена души открыта как для созидательной новизны, так и для разрушительного распада. Человек должен принять бремя выработки собственной системы ценностей, и многие терпят в этом неудачу.

Признание глубинного интервью как источника нашего надежного знания о жизни зависит от воплощения его процессов; достижения по его применению для реконструкции иерархии индивидуальных ценностей – это импрессионистский и зачастую бурный опыт¹.

¹ Природа аналитической ситуации лучше всего рассмотрена в работах Фрейда, Ранка, Ференци, Нюнберга и Александра.

Глава XII

СИСТЕМА ЛИЧНОСТИ И ЕЕ РЕАКЦИИ ЗАМЕЩЕНИЯ¹

До сих пор в этой книге человеческое поведение объяснялось в терминах различных «наклонностей», которые, как предполагается, в нем проявляются. Допустим, мы поставим под сомнение этот тип психологического объяснения. В конце концов, что такое «наклонность»? Она устанавливает взаимоотношения между событиями, одно из которых рассматривается как заключительное положение, а другие – как относительно приближенные к нему. Такие термины, как «желания», «вожделения», «инстинкты», «импульсы», «побуждения» и «мотивы», – все они используются в этом смысле.

Для удобства исследования интерпретации наклонности можно подразделить на пять основных классов в зависимости от сущности взаимоотношений, которые установлены между близким и окончательным положением. Во-первых, события в жизни личности могут быть истолкованы как приближения к цели или как их реализация (конечные пункты), которые связаны человеком между собой. Мы можем поверить человеку, который говорит нам, что спешит на поезд, когда видим его несущимся по улице по направлению к железнодорожной станции.

Во-вторых, события в жизни личности могут быть объяснены как степени приближения к последующим событиям, которые реально наблюдаются.хлопоты мистера С. о здоровье и благополучии нуждающихся в районе могут быть истолкованы в свете его последующей избирательной кампании в Конгресс.

В-третьих, события в жизни личности могут рассматриваться как уровни возвращения конечных положений уже рассматривавшегося типа. Лежание в кровати после утреннего пробуждения всякий раз, когда нужно преодолеть трудности, можно трактовать как реактивацию раннего психологического импульса лечь и закатиться.

¹ Переработано из одноименной статьи, опубликованной в: *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1930. January.

В-четвертых, события в жизни личности могут быть истолкованы как приближения к «нормальным» конечным событиям, которые присущи биологическому или культурному типу человека. Так, гетеросексуальность может быть востребована как наклонность человека, несмотря на то, что он не совершенствует гетеросексуальные свойства.

В-пятых, личные события могут интерпретироваться в терминах итоговых ситуаций, которые являются «экстремальными» для членов рода или культуры. Так, действия человека могут рассматриваться как степени приближения к убийству, суициду и инцесту.

Каждое чувство, применительно к которому использовано понятие наклонности, обладает силой, полезно для определенных целей и показательно для типичных склонностей к ошибке. Так, если мы принимаем утверждение человека, что он бежит, чтобы успеть на поезд, мы можем ошибаться; он может бежать подальше в лес, спасаясь от констебля.

Реагирующий тип утверждения является альтернативным (я бы предпочел сказать «дополнение») по отношению к обобщениям наклонности. Когда мы делаем реагирующее утверждение, то вполне определенно устанавливаем отношение между предшествующим и последующим, на которое сделана ссылка. Специфическое описание событий типа «стимул-реакция», которое вызывает подергивание колена или желание избегать желтого цвета в одежде, иллюстрирует то, что имеется здесь в виду. Конечно, стиль мышления «стимул-реакция» не является полностью исчерпывающим, и тенденциозный стиль мышления не является столь неоднозначным в конкретном применении, как это может показаться на первый взгляд. Утверждение типа «стимул-реакция» о том, как вызвать подергивание колена, которое обычно дается, может иметь прогностическую силу в восьми случаях из десяти; но есть «исключения», которые показывают, насколько широк контекст факторов, необходимых для полноты картины, чтобы сделать ее почти совершенной. И когда мышление типа «стимул-реакция» распространяется от таких относительно устойчивых и осязаемых ситуаций на те, которые включают последовательность сложных основных (субъективных) событий, этот

тип мышления становится в действительности замаскированной формой толкования наклонности.

Основная возможная ценность интерпретации наклонности заключается в установлении некоторого рода порядка в сложных феноменах. Если наблюдатель старается перечислить все телодвижения, все электронные циклы, все нюансы социального приспособления, которые можно себе представить в данном наборе личностных событий, он, похоже, начинает теряться в бесцельной классификации и доказывать не имеющее смысла, изобретая процедуры, предназначенные для подсчета определенных аспектов целого, которые могут обладать высокой прогностической ценностью. Человеческий разум способен работать с очень малым числом категорий, с помощью которых в события привносится порядок, особенно когда они по большей части все еще определяются качественно. Ясность мысли требует экономии в ориентирующих рамках мышления.

Как упрощение наклонности может привести к плодотворному исследованию ценных прогностических особенностей, видно в случае с Фрейдом по сравнению с Жане. Жане дал в высшей степени четкую классификацию психопатологических фактов, как он их видел, и несмотря на множество терминов и категорий в его работе было сравнительно мало новых процедур для видоизменения человеческих личностей. Даже поиски классификации были затруднены из-за его не подвергавшихся критике предположений. Его замечание о том, что сновидения были преходящим беспокойством, которое прослеживалось до ослабленного психологического напряжения во сне, исключило материалы о сновидениях любой значимости как данные для классификации, и он почти полностью пренебрегал ими. Фрейд, который стремился работать с отдельными явными упрощениями тенденции, ввел в круг наблюдения целые категории данных, обладавших высокой предсказательной ценностью.

Когда упрощения наклонности используются до тех пор, пока в предполагаемом эксперименте не накопится огромное число примеров, «субнаклонности» (такие, как проявления Эдипова комплекса) быстро множатся до тех пор, пока проблемы согласованного толкования одной наклонности с проявлениями

другой подводят научные рассуждения под логические шаблоны законности и догматической теологии. Если наклонности не изменяются и прибавляется длинный перечень особых наклонностей, возникают также терминологические трудности в применении громоздкого списка. Длинные перечни предполагаемых инстинктов в меньшей степени дефектны, так как они подразумевают неоправданную уверенность во внутренних склонностях человека, поскольку они слишком «многочисленны для упоминания» и привносят в изучаемую область скорее путаницу, чем ориентирующие принципы.

Несмотря на то что целью научной формулировки является предсказание одного набора отчетливых реакций по сравнению с другим, это ни коим образом не означает, в таком случае, что реактивный стиль мышления лучше всего предназначен для того, чтобы направлять внимание мыслителя на отбор наиболее плодотворных гипотез (предсказаний типа «если»). В самом деле, особенно ценные результаты в области изучения личности были получены с помощью типа мышления, который оценивает пересечение фактов как выражение небольшого количества наклонностей.

Однако реагирующий стиль мышления, который работает с малым числом упрощений, может оказаться в настоящее время полезным в изучении человеческой личности, так как и психоаналитическая, и «предметная» психология обладают избытком деталей, к которым они привычны, но страдают от определенных искаженных точек зрения, присущих их ранним установкам. Психоанализ хорошо приспособлен для использования нескольких ориентирующих понятий, но так как они выражены в форме «тенденции», явно недостает внимания к истолкованию объективных признаков точности их выражения. Рассмотренные психологии, хотя и привычны к точности, обычно не видят за деревьями леса.

Можно ли рассматривать личность как систему и размышлять о ней в рамках узкого способа выражения, который может постепенно быть воплощен и служить показателем основного многообразия человеческих проявлений? Если личность действительно является системой, то помехи, которые возникают в различные поворотные периоды, часто должны порождать заме-

шающие реакции на многие отдельные стороны личности. Личности можно сравнивать по отдельным структурам, личности можно сравнивать друг с другом, подвергая их одинаковым воздействиям и изучая возникающие последовательности замещающей реакции.

С целью подведения итогов изучения личности в любой данный период мы можем рассматривать ее как набор следующих образцов действия: объектные ориентации, регулирующее мышление, аутистические фантазии, соматические реакции.

Объектные ориентации человека можно описать с помощью различных уровней уверенности в себе, провоцирующего отношения или покорности по отношению к сексуальным и несексуальным объектам окружения. В крайних случаях человек может быть жестоким, оскорбительным, деспотичным по отношению к начальству, коллегам, клиентам и подчиненным в своей профессиональной деятельности, по отношению к своей жене и любовнице в личной жизни; он может быть запуган на работе и застенчив в половых отношениях; может демонстрировать крайние расхождения между уровнями поведения в своей профессиональной и частной жизни. Видимо, можно пролить свет на эти различающиеся реакции путем изучения системы личности в основных ее проявлениях.

Регулируемое мышление должно иметь дело с отношениями человека к реальности. Оно выражается в социально уместных действиях, которые на созидательном уровне означают вклад в науку, искусство, управление и философию. Аутистическое мышление – это крайне эгоцентрическое, но регулируемое мышление, когда оно задерживается на взаимоотношениях между личностью и ее окружением и способно рассматривать личность как объект среди объектов.

Аутистические фантазии не контролируются реальностью. Они могут быть разделены на несколько классов, среди которых более всего распространены аномально-суицидальные, пессимистические, обвинительские, обличительные фантазии, а также мания преследования. В преувеличенном виде они становятся наиболее заметной особенностью личности, и для их обозначения используются различные клинические названия. Эти распростра-

ненные и типичные темы представлены в следующих высказываниях: «Я безнадежный грешник»; «Мир катится к чертям собачьим»; «Я самый ловкий малый на земле»; «Президент – Иуда рода человеческого»; «Президент применяет ко мне смертоносное излучение». Аутистическое мышление проявляется в большей или меньшей степени в каждой личности, чья бы история ни рассматривалась в любой период времени.

Соматические реакции личности на любом взятом перекрестном сечении – это характерные мускульные движения и напряжение; реакции сердца и кровообращения, желудочно-кишечные позывы; кожные реакции; органическое сексуальное поведение, дыхательная, зрачковая и мочеполовая адаптация; внутренняя секреторная деятельность на уровне биохимического баланса крови; теплоотдача (жар и соответствующие метаболические изменения, не упомянутые ранее); электропроводность тела и иммунные реакции. В одинаковых условиях окружающей среды люди демонстрируют большое разнообразие в физическом поведении, и когда эти проявления показывают определенные заметные отклонения от нормы, хотя никаких органических повреждений не наблюдается, гипотеза состоит в том, что энергия некоторых душевных процессов преобразуется в соматическую форму. Это представление об истерии (и то, что может называться истерическими реакциями) было классически сформулировано Фрейдом. Любой тщательно исследованный человек демонстрирует время от времени стремления чрезмерно мочиться (в отсутствии адекватного физического объяснения), задерживать дефекацию или страдать от болей в спине или в горле.

Сравнения, которые могут быть проведены среди людей на основе природы замещающих реакций, обусловленных сходными условиями, можно широко проиллюстрировать примерами некоторых «экспериментов», предпринятых в обществе. Мистер А. – член городского совета в одном из наших больших городов. В двух случаях, проиграв на повторных выборах, он развил свои аутистические фантазии до такой степени, что был помещен в психиатрическую больницу под присмотр психиатра. Так, мистер А. испытал депривацию в сфере своих ориентаций на социальные объекты (политическая деятельность), развил чрезмерные аути-

стические фантазии (депрессивная озабоченность). История **А.** может быть противопоставлена истории мистера **В.** Когда мистер **В.** проиграл кампанию по своему переизбранию в легислатуру, он начал беспокоиться о своем здоровье, и хотя врачи не смогли обнаружить какой-либо физической причины для беспокойства, у него проявились различные кишечно-желудочные расстройства, которые сделали его непригодным для нормальной профессиональной жизни. Его замещающая реакция была соматической. Другой человек, мистер **С.**, потерпел поражение и посвятил большую часть своего времени работе над книгой по политической теории, которая впоследствии была хорошо принята. Его замещающая реакция проявлялась в сфере последовательного, теоретического и регулируемого мышления. Следует напомнить, что один из наших ведущих администраторов, **Д.**, при ограничении его административных обязанностей немедленно взял в любовницы жену другого человека, демонстрируя, что его объектная ориентация в деловом мире была заменой его объектной ориентации в сексуальной области.

С этой точки зрения можно изучить соответствующую функцию, которую политическая деятельность и занятия играют в интеграции личности. Для одного это – альтернатива душевному расстройству, для другого – альтернатива физическому заболеванию, а для третьего – альтернатива агрессивной сексуальности.

Теперь интересно и важно отметить, что изучение историй жизни этих людей показало, что способ их общения с миром был сформирован в раннем возрасте. Человек, у которого развились соматические симптомы, продемонстрировал физическое недомогание после того, как проиграл конкурс на председательское место в своей группе во время учебы в колледже, а также в случаях деприваций как в подростковом возрасте, так и раньше. Александер проследил основу раскола личности **Д.** вплоть до самого раннего детства.

Теперь я хочу показать, как глубинное интервью проливает немало света на развитие личности и подвергается рассмотрению с выведенной здесь точки зрения. Если аналитик «оскорблен» пациентом в ходе дневного интервью, пациент может на следующий день продемонстрировать соматические недомогания, бо-

лезненные фантазии или необычную доброту по отношению к раздражающему человеку, вспышку созидательной работоспособности. Интервьюер, взяв эти факты для сопоставления с другими, может предсказать вид замещающей реакции, которую эта личность, похоже, демонстрирует в целом спектре социальных ситуаций, и предсказать ретроспективно форму реакции, которая проявляется на разных уровнях развития. Опытный психоаналитик следит за пациентом, как ястреб, чтобы не упустить такого рода ключи к разгадке; возможность переноса его «подозрений» из области искусства в сферу заслуживающего доверия знания зависит от объективации его наблюдений и от развития специальных экспериментальных методов.

Метод, с помощью которого вносится некоторая достоверность в записи личности, заключается в проверке совпадений наблюдений, взятых через некоторое время наблюдателями, которые занимают заданные позиции в отношении испытуемого. Чрезвычайно важное применение этой процедуры было предпринято в изучении детей несколькими детскими психологами, в частности, Флоренс Гуденау и Дороти Томас. Был выработан набор категорий для описания множества действий, таких, как «улыбка», «физический контакт с другим ребенком» и «физический контакт с объектом». Определенность каждого термина была затем проверена с помощью двух независимых наблюдателей, делающих одинаковое число наблюдений через фиксированные интервалы в заданный период времени. Результаты показали, какие категории были нечеткими, а какие довольно четкими, чтобы включить их в исследование поведения. Например, было выяснено, что в поведении «с улыбкой» гораздо меньше определенности, чем в понятии «физический контакт с другим ребенком». Эта процедура позволила выявить ошибку измерительной процедуры, она строго сопоставима с процессом проверки, распространенным в науках о психике для определения относительной достоверности измерений, сделанных с помощью определенного инструментария. Ученый-обществовед вынужден полагаться на свои глаза, и проблема заключается в том, чтобы стандартизировать

это использование так, чтобы были гарантированы объективные результаты¹.

Подобные методы разработки и проверки категорий для наблюдения за поведением крайне нуждаются в том, чтобы подготовить их для исследования поведения в суде, законодательных органах, в комиссиях, на массовых митингах и в других видах поведения в ситуациях, представляющих непосредственный политический интерес. Вполне реально записать отличительные реакции участников и выделить то, что присуще роли исполняющего (председатель), и то, что является индивидуализированным фоном действия (индивидуальные жесты).

Эти объективные категории и практика записей о событиях личной жизни могут быть перенесены на изучение поведения, где бы ни обнаружилось господствующее и подчиненное поведение. Разрыв между исследованиями детей и изучением запутавшихся в политических ситуациях взрослых может быть преодолен путем поиска надежных критериев устойчивости политических реакций. Некоторые проведенные ранее исследования показывают, что типы господствующего поведения поддаются изоляции в самом раннем детстве. Шарлотта Бюхлер выявила детей, которые доминировали в силу превосходства своей активности, деспотического и «лидерского» поведения. Ее монография содержит фотографические иллюстрации того, что она подразумевает под упомянутыми терминами². С ее работой непосредственно связано исследование Марджори Уокер из Миннеаполисского Института улучшения здоровья детей (под руководством Андерсона и Гуденау). Основанное на наблюдении исследование Милдред Партен в то же время показало, что в неконтролируемой игровой деятельности некоторые дети могут четко выполнять доминирую-

¹ *Thomas Dorothy Swaine and Associates. Some New Techniques for Studying Social Behavior.*

² *Die ersten sozialen Verhaltensweisen des Kindes. Quellen und Studien zur Jugendkunde. Heft 5.*

щую или подчиняющуюся роли¹. С помощью методов, которые не столь объективны, однако лучше простого импрессионизма, выведен ряд «политических типов», наблюдаемых в более позднем развитии. Карл Райнингер тщательно фиксировал поведение школьников предпубертатного периода и вывел весьма четкое функциональное различие между «лидером» и «знатоком». Знатоком может временно верховодить в группе в процессе какой-либо деятельности, о которой он частично осведомлен, однако лидер удерживает его в границах и вновь принимает командование на себя, как только данная деятельность завершается. Райнингер сделал множество тонких наблюдений, распространяя предположения об увиденном на всю социально-психологическую теорию, и его монография является прекрасным примером того, как описательное эмпирическое исследование может иметь значение и отличаться от широкой теоретической базы². Хильдегард Хетцер наблюдал стихийное объединение детей в играх и проницательно провел различия между организаторами, знатоками и общественными лидерами³.

Еще более поздний уровень рассмотрен в исследовании Виктора Винклер-Хермэдена, посвященном психологии лидеров молодежного движения. Эти лидеры рекрутируются из молодых людей, которые ненамного старше членов своих групп по возрасту. В продуманной и глубокой главе он противопоставил «правителя», «учителя» и «сторонника»⁴.

Необходимо провести специальные исследования доминирующего и подчиненного типов в различных ситуациях с некоторой ссылкой на составленные компетентными учеными класси-

¹ Ссылка на: *Anderson John E. The Genesis of Social Reactions in the Young Child. The Unconscious: A Symposium.* Эти исследования кратко изложены в: *Thomas Dorothy S., Thomas William I. The Child in America.*

² *Über soziale Verhaltensweisen in der Vorpubertät. «Wiener Arbeiten zur pädagogischen Psychologie»* (herausgegeben von Charlotte Bühler and Victor Fadrus). Heft 2.

³ *Das volkstümliche Kinderspiel*, Heft 6, в тех же сериях, что упомянуты выше.

⁴ *Psychologie des Jugendführers. Quellen und Studien zur Jugendkunde* (herausgegeben von Dr. Charlotte Bühler).

фикации реагирующего типа для возрастных групп. Так как юность и половое созревание имеют большое значение, предлагаемые в литературе категории должны быть изучены специалистами. Г.Хоффман предлагает модифицированный список типов полового созревания, описанных Шпрангером и Кронером, в одном из разделов своей основной работы по формированию характера¹. Предположения о различных искажениях развития, скрывающихся за определенными формами доминирующего и подчиненного поведения, можно найти в лекциях Августа Айкхорна «Verwahrloste Jugend»². Это наиболее ценная книга для изучающего молодежь, которая, кроме того, была посвящена аналитическом непосредственно изучению этой проблемы. Айкхорн говорит в своей восьмой лекции о результатах, которые получил в результате наблюдения за наиболее агрессивными и неконтролируемыми мальчишками, находившимися под его присмотром (он в течение многих лет возглавлял заведение для бездомных мальчишек). Была собрана целая группа, и персонал получил инструкцию не вмешиваться, исключение делалось лишь для прекращения постоянных драк. Эти «крутые» недоросли портили мебель, мутузили друг друга и довели до белого каления нескольких сотрудников, прежде чем присмирели. После того как они поняли, что насмешки над окружающими не ведут к наказанию и их собственные подозрения об окружающих не оправдываются, они прошли через процесс перевоспитания. Поведение группы изложено в графической форме, и в тексте лекции были перечислены типичные примеры того, что происходило. Было выдвинуто несколько специальных генетических гипотез для

¹ Das Problem des Charakteraufbaus. P. 68–80. См.: *Spranger E.* Psychologie des Jugendalters, and *Croner Else.* Die Psyche der weiblichen Jugend. Schriften zur Frauebildung, Heft 6.

² Internationale Psychoanalytische Bibliothek. Band XIX. «Verwahrloste Jugend» – «Беспорядочная молодежь» (нем.). – *Прим. пер.*

объяснения определенных видов поведения некоторых мальчиков, с которыми у Айкхорна был тесный контакт¹.

Сможем ли мы прогнозировать, опираясь на объективные исследования, проведенные с мальчиками доподросткового возраста, которые верховодили в своих игровых группах, что у некоторых из них будут большие шансы доминировать в игровых и трудовых группах в юношеском возрасте? Так можем ли мы выделить достаточно устойчивые эволюционные последовательности для различных наборов характерных черт, которые представляют ценность для изучающих политику? Можем ли мы получить присущую данной культуре общую картину, изучая в течение двух лет частично совпадающие по возрасту группы? Несомненно, все очевиднее становится путь к эффективным взаимоотношениям между политической наукой и смежными дисциплинами, связанный с изучением формирующегося индивидуума.

Одна из трудностей, препятствующих успешному сотрудничеству психиатров и детских психологов, заключается в том, что политологи не вполне уяснили себе, каковы различия между взрослыми людьми, генетическую историю которых они желают понять. В чем же суть вопросов, касающихся специфики политической жизни человека, которые хотел бы включить политолог в какое-либо научное описание возможных фактов из жизни интенсивно изучаемого человека?

Следующая классификация политических позиций должна обладать скорее стимулирующей мысль ценностью, нежели формальной завершенностью. Первый раздел этой классификации посвящен политическим предпочтениям и ожиданиям, или предчувствиям, исследуемого человека. Некоторые люди лелеют братские и отчасти отеческие идеалы. Анархист, социалист и демократ говорят на языке равенства в кругу семьи или собратьев;

¹ См. особенно: Р. 278. Гарри Стэк Салливан прослеживает историю развития различных типов личности в своей книге «Personal Psychopathology».

монархисты сохраняют верность отцу¹. Ряд других идеологических различий, возможно, будет понятен с учетом используемых терминов.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

Раздел А. Политические взгляды

I. Предпочтения

Патерналистский идеал

Идеал братства

Сильная центральная власть

Слабая центральная власть

Революционный идеал

Контрреволюционный или реакционный идеал

Изменение путем катаклизма

Эволюционное изменение

Терпим к насилию, скрытности, деспотичности

Настаивает на обоснованности, открытости, щепетильности

Освободительный, оборонительный, расширительный идеал
для группы

Идеал объединения мира

II. Ожидания и предчувствия

Небольшие политические изменения могут привести к
большим результатам

¹ Пол Федерн в своем памфлете добавляет, что демократическое государство должно базироваться на демократической по характеру семейной жизни.

Небольшие политические изменения могут дать некоторые ценные результаты

Минимум ценностей может быть достигнут политическим путем

Революционные изменения неминуемы, возможны, случайны

Вполне вероятно, что в отношении политической деятельности, как отличающейся от политических взглядов, больше всего может дать интенсивное изучение человека. Я включил в «Приложение В» список вопросов, которые, как предполагается, дадут то, что непосредственно интересует в этом отношении политологов. Как действует человек в ситуации подчинения, когда он противостоит всевозможному начальству (в армии, школе, в братских организациях, в бизнесе, партийных клубах, в пропагандистских организациях, в административных структурах и т. п.)? Как человек действует в качестве начальника, когда противостоит разного рода подчиненным? Кроме того, принимая во внимание поведение человека в качестве подчиненного или начальника, мы можем узнать его позицию по отношению к людям, которые не являлись членами различных организаций, в которые он входит, но были потенциальными помощниками или препятствиями. Так, человек может обратиться к незнакомым людям за деньгами или найти способ получить тактичную поддержку против общей угрозы от другой организации. Его тактика может быть классифицирована в зависимости от используемых средств и оценки достигнутого успеха. Особое внимание таким же образом можно уделить поведению человека, но не в отношении отдельных людей, а по отношению к общественности, которая обязательно безымянна. Обобщая:

Раздел В. Политическая деятельность

I. В качестве подчиненного

Противостоит начальникам, которые

А. Сильные, деспотические

В. Властные, но довольно объективные

С. Слабые

Реакция (сознательная)

1. Не одевает маску дружелюбия (посторонний), даже если видит, что это дало бы преимущество (стремится избежать, становится упрямым, угрюмым, агрессивным, присоединяется, будучи вовлеченным коллегами, к акциям против начальства, продолжает долгое время спустя ждать реванша).

2. Не ищет и не ущемляет собственную личную выгоду по причине преданности или страха (уважение без сознательной враждебности, явно выраженная привязанность, запуганная жертва коллег, заискивающая перед начальством, сверхпризнательность).

3. Сочетает дружелюбную маску с сознательными враждебными действиями (выставляет напоказ качества, одобряемые начальником, будь то подражание начальнику или выражение наказаний со стороны начальника).

4. Иррациональные элементы приспособления минимальны.

II. В качестве начальника

Противостоит подчиненным, которые

А. Сильные, враждебно настроенные, опасные конкуренты

В. Сильные и объективные

С. Слабые

Реакция

1. Не воздерживается от принятия враждебной позиции, даже когда очевидно, что это неуместно.

2. Придерживается внешне дружественной линии поведения, в то время как преследует враждебные цели.

3. Не принимает адекватных мер для поддержания действенности или уважения (слишком снисходителен к своим подражателям или тем, кто работает неудовлетворительно).

4. Объективен (наносит нарциссическое оскорбление, когда это выгодно, убеждает, когда это полезно, развивает возможности подчиненных и разрушает, когда это опасно).

III. Работа с потенциальными помощниками или противниками, находящимися вне организации (наиболее эффективная избранная тактика и область ее применения)

Обращение к логическим стандартам

Обращение к чувствам

Ненасильственные и насильственные формы принуждения

Побуждение (материальная выгода)

IV. В работе с общественностью

Типы избранной тактики, успех

Формы выражения, мышления и интереса могут быть выделены для особого рассмотрения. То, что здесь подразумевается, вполне очевидно из заголовков:

Раздел С. Формы выражения, мышления, интереса

I. Формы выражения

(Включает все формы символизации: политические передовицы, романы, стихи, рисунки, карикатура, скульптура, игра на сцене, выступления)

Наиболее эффективный стиль

Аналитический и диалектический

Преследовательский (саркастический, обвинительный)

Увлеченный

Юмористический

Командный

Сфера применения стиля широкая или ограниченная

II. Тип мышления

Быстрый или медленный для предложения политики или тактики

Почти не изобретательный
Систематически собирает данные, необходимые для заключений
Импрессионистская импровизация
Приветствует советы и критику перед принятием решения
Нетерпим к советам и критике перед принятием решения
Озабочен оправданием решения со стороны тех, на кого оно направлено, или со стороны мира
Равнодушен к оправданию решения
Колеблется в решении
Сильно подвержен влиянию фактов и доказательств (или мало)
Сильно подвержен влиянию призывов к чувствам (или мало)
Сильно подвержен влиянию личных побуждений (или мало)
Сильно подвержен влиянию насилия (или мало) (примечательно, что влияние может быть отрицательно по направлению)
Действительное следование общим интересам, в применении благоразумия или нет
Испытывает подъем, одержав победу, или угнетен
Искренен, оказывая доверие, или не очень
Глубоко удручен поражением или удовлетворен, потерпев поражение
Заинтересован в программах и ценностях
Заинтересован в процессах и методах
Долговременные или кратковременные намерения
Цели ближайших или возможных политических акций
Настаивает на решении, которое можно проверить
Выводы или решения неопределенные
Идеал ответственного личного участия
Согласованность между мнением и практикой
Самосознание собственной методики
Подчиняется или нет семейным образцам (чрезмерно, усвоение противоположного...)

III. Политический интерес

Рано формируется и сохраняется всю жизнь

Рано формируется, находится в бездействии, вновь пробуждается

Пробуждается рано, разочарован

Пробуждается поздно

Уже излишне, видимо, комментировать то, что каждый факт определяется точкой зрения наблюдателя, и что проблема заключается в точном установлении, насколько это возможно, точки зрения в наблюдении записывающего. Перечни характерных черт бессмысленны до тех пор, пока они могут заполняться в процессе сбора фактов, который изучает всевозможные ситуации с учетом их возможной правомерности. Психопатологу совершенно ясно, что человек, который «агрессивен» на работе, может быть «застенчив» в сексуальной жизни. Зачастую все личности могут считаться «агрессивными», когда определенное число оценивающих согласилось с этим, не прекращая размышлять, есть ли у них шанс ознакомиться с поведением человека во многих ситуациях. Увеличение разного рода оценок людьми, которые находятся в невыгодном положении, чтобы судить о субъекте (даже «близкими» друзьями, которые, однако, не выступают в роли сексуальных партнеров), не добавит к имеющимся данным ничего нового, кроме поддельных особенностей. Интервьюер, выслушивающий в течение многих недель и месяцев рассказ об интимной жизни человека, находится истинно в стратегическом положении, чтобы ознакомиться с деталями индивидуальных реакций, которые не видят даже близкие. «Оценки» нужно воспринимать с особой ссылкой на историю отношений оценивающего и оцениваемого. Может случиться и так, что мы вскоре обнаружим, что оценки аналитиков, работающих с определенными типами людей, которые легко могут быть идентифицированы, несущественно отклоняются от оценок «близких» или даже случайных знакомых определенного рода. Подобное знание даст возможность продолжить исследование с более определенной скоростью до того времени, когда мы узнаем, что нужно искать и как получить то, что

мы хотим, с максимальной экономией. Специалист, который интервьюирует человека в течение часа, сможет в том, что кажется обычным общественным отношением, обнаружить опознавательные знаки, которые детальное исследование выявит как неизменные или почти неизменные, связанные с определенной системой побуждений и историей развития. Брейер хорошо выразил это словами:

«Как только наше общение с конкретным человеком определяется не общими интересами, а скорее желанием узнать о сокровенном в его жизни, мы немедленно отказываемся от формального содержания его высказываний и начинаем бессознательно искать какие-либо указания на внутреннюю жизнь человека, проявляющиеся в его речи независимо или даже несмотря на его сознательную волю»¹.

Что достигнуто, так это взаимозависимость результатов «случайного» контакта и «интенсивного» исследования, взаимозависимость, которая является общей целью движущейся в одном направлении тенденции понимания человеческой личности.

Однажды мы узнаем, как обосновать высказывание старого врача, которое помещено на титульном листе этой книги: «От него, имеющего глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, ни один смертный не может спрятать свой секрет; он, чьи губы – молчаливые болтуны, вместе с кончиками пальцев выдает себя через все свои поры».

¹ См. его блестящую методологическую главу в работе «The Psychology of Murder».

Глава XIII

ГОСУДАРСТВО КАК МНОГООБРАЗИЕ СОБЫТИЙ

Смысл всего, о чем говорилось на предшествующих страницах данной книги, – это осознание значения интенсивного изучения отдельных личностей для понимания политического процесса в целом. Так как психопатологический подход к индивидууму – наиболее отработанная, на сегодняшний день, процедура, придуманная для изучения человеческой личности, она может поднять в наиболее острой форме противоречивую проблему – отношения между исследованием личности и общества. Следовательно, мы более обоснованно уделяем особое внимание затронутой теоретической проблеме, чем могли это делать до сих пор.

Можно в самом начале утверждать, что наше мышление искажено до тех пор, пока мы не определимся с воображаемым расхождением, которое временами подразумевает раздельное изучение «человека» и «общества». Никакого расхождения нет; есть постепенный переход к ориентирам. Некоторые события происходят лишь с одним-единственным человеком и не подходят для сравнительного исследования. Некоторые явления, подобно дыханию, присущи всем людям, но не имеют особого значения для межличностных отношений. Наша отправная точка в качестве обществоведов заключается в установлении характерного события, которое широко распространено среди людей, находящихся в определенном пространственно-временном континууме.

Субъективные события занимают определенное место в потоке событий, и проблема объяснения – это проблема определения устойчивых отношений. Так как субъективные события скрыты от прямого наблюдения, а выводятся из развития событий, наблюдатель должен подразумевать существование ряда субъективных способов выражения, представив, что бы он испытал при всех подобных обстоятельствах, которые должен исследовать и сравнивать с собственным опытом. Сведенная к простейшим способам, процедура наблюдателя состоит в том, чтобы выделить субъективное событие, которое он хочет исследовать, и найти «внешние проявления», которые сделают условия его возникновения больше связанными с другими событиями. Порой эти

внешние проявления очень четкие и могут без труда быть выражены в определенной, «осязаемой» форме. Ощущение «грубости» можно упредить путем приложения определенных предметов к особым участкам кожи. Переход от грубого предмета к гладкому может также вызвать «уклонение», которое можно до некоторой степени четко описать, и сопровождает и (возможно) является причиной некоторых субъективных событий.

Когда какой-нибудь наблюдатель начинает говорить о государстве, он может выбрать специфический субъективный опыт, такой, как чувство преданности сообществу, и заявить, что все, кто обладает данным опытом (и/или некоторые другие), при определенных условиях составляют это государство. Подобные специфические условия могут включать в себя акт подтверждения верности государству, когда человека спрашивает его близкий друг, или когда он предупрежден о том, что сообществу грозит опасность. Понятие государства может быть расширено за счет поиска внешних обстоятельств, которые ускоряют появления субъективных событий, являющихся характерными признаками государственности.

Подобный метод определения государства избавляет нас от «сверхиндивидуальных» составляющих. Местоположение субъективных событий, тем не менее, индивидуально. Группа является не наиндивидуальным, а многоиндивидуальным феноменом. Пространственно-временная абстракция «группы» – это просто «реальная» или «нереальная» абстракция, как и пространственно-временная абстракция, называемая «индивидуум». Они обе одинаково реальны или нереальны, и они существуют и исчезают вместе.

Государство существует во времени. Оно находится в пространственно-временных рамках по отношению к индивидуальным событиям. Определенные люди могут умирать, но если подавляющее большинство тех, кто занимает определенную географическую территорию, продолжает испытывать субъективные события, считающиеся критическими для государства, оно выдерживает испытание временем. Государство, следовательно, не зависит от какого бы ни было отдельного человека, но оно прекращает существование, когда достаточное количество людей изменяет свое мнение или умирает без воспроизводства потомства.

Я еще не выделил определенные события, которые следует рассматривать как признаки государства. В море субъективных событий мы должны выбрать определенные типичные. Определения подобного рода могут быть разработаны в наилучшем виде, если мы воспользуемся не методом строгого исключения, а методом относительной значимости. Допустим, мы условно начнем с утверждения, что значимый опыт – это опыт сообщества, когда он выражается в использовании насилия против внешних и внутренних нарушителей общественного порядка. Представим, что наблюдатель обзревает первобытное поселение. Он видит группу молодых людей, поведение которых толкует следующим образом: они разрисованы полосами, размахивают копьями и, покинув деревню, вступают в схватку с группой молодых людей из соседней деревни. Является ли это признаком существования государства? Этих фактов недостаточно, чтобы принять решение. Более пристальное наблюдение может показать, что все эти молодые люди живут в одной части деревни, а другие молодые люди крутятся вокруг. Когда «воины» возвращаются, их приветствуют только жители одной части деревни. Те, кто здесь живет, могут оказаться членами одной семьи, молодые мужчины которой отомстили за личную обиду, к которой деревня как целое не имеет отношения. Система требований и ожиданий, которая является сущностью общественного порядка, находится вне опасности. Должен быть затронут общественный порядок, если вовлечено государство.

Роберт Х. Лоуи¹ показал, что термин «государство» может быть должным образом использован для обозначения даже самых примитивных сообществ, и общее различие между догосударственным и государственным периодом культурного различия – это искажение фактов. Известные первобытные народы – юроки на северо-западе Калифорнии, ангами в Ассаме и ифугао в северном Лузоне – все они обладают чувством принадлежности к социальному объединению, большему, чем родственная группа, и действуют в открытую, защищая этот порядок. Кража имущества у одной из родственных групп, совершенная соседом по деревне, на-

¹ The Origin of the State.

казывается обычным штрафом, но когда кража совершена мародерствующим чужаком, то карается смертью. В случае супружеской измены воюющие семьи внутри деревни просто занимаются определением размера наказания, и общепринято некоторое наказание.

Маргинальные случаи, к сожалению, вносят беспорядок в определения. Сделанное ранее утверждение, что отличительный признак государства – это практика общественного единения, когда оно проявляется в использовании насилия против внешних и внутренних нарушителей общественного порядка, слишком узкое, чтобы охватить небольшой, но чрезвычайно интересный ряд фактов. Насилие против чужаков может быть бесполезно, поэтому военная модель в сообществе может полностью отсутствовать, хотя насилие против внутренних нарушителей, угрожающих общественной системе требований и ожиданий, является универсальным.

Уже предлагавшаяся точка зрения основывается на открытом одобрении общественного «параллелизма»¹. Ханс Келсен подверг теории параллелизма психологических состояний (совместные эмоции и т. д.) острой и во многих случаях уничтожающей критике. Он говорит, что «общие эмоции, общая воля и общая идея означают ни что иное, как описание случайного стечения обстоятельств в сознании некоторого числа людей». Однако:

«если кто-то действительно хотел рассматривать государство как общество сознания, подобно этому, и как реальную действительность, такое реалистическое, эмпирическое психологическое значение зачастую приписывают тому, что называется коллективной волей или коллективным интересом государства, тогда, чтобы надлежащим образом избежать неприемлемых вымыслов, этому некто придется лишь быть в достаточной мере последовательным, рассматривая государство как состоящее только из тех, чье сознание продемонстрировало надлежащее согласие. Некто должен будет понять, что сообщество воли, чувства или мысли, как психологическое групповое проявление, крайне неустойчиво в разные времена и в разных ситуациях. В океане психических случайностей подобные сооб-

¹ Не следует путать с параллелизмом разума и тела, который не признан.

щества могут возникать как волны в море, и после краткого промежутка вновь исчезать в постоянно сменяющихся приливах и отливах»¹.

В этой глубокой диалектике Келсен был введен в заблуждение неудачной попыткой признать временное измерение событий, именуемое таким понятием, как государство. Субъективные события размещаются во времени по отношению друг к другу, когда они рассматриваются с точки зрения какого-либо наблюдателя. Понятие государства охватывает подобные события в отношении друг к другу в рамках временного периода. Понятие государства включает в себя эту идею временных рамок и может быть наилучшим образом понято как относительная система (многообразие), в которой сохраняется определенная частота субъективных событий. Так, государство не исчезает, когда некоторые люди спят или заняты повседневными делами до тех пор, пока оно определяется со ссылкой на протяженность во времени в несколько секунд, часов или дней. Однако нет никаких причин для выбора подобных краткосрочных рамок. Точно так же для измерения времени можно использовать год как минуту или десятилетие как год. Так, государство можно рассматривать в свете того, о чем Келсен говорит как об «эмпирическом психологическом» чувстве. Это долговременная эмпирическая деятельность, длящаяся столько, сколько продолжается определенная частота субъективных событий. Если Келсен соглашается, что компоненты сознания являются «эмпирическими», он обязан рассматривать их в мире продолжительности и не вправе предписывать, что государство должно ссылаться на субъективные события как на «пиковый момент».

Следовательно, государство – это пространственно-временное многообразие подобных субъективных событий. Келсен ошибочно утверждает, что принятие параллелизма психологиче-

¹ Сравните с работой: *Kelsen H. Der Soziologische und der juristische Staatsbegriff; Der Begriff des Staates und die Sozialpsychologie // Imago. 1922. VIII. P. 97–141; The Conception of the State and the Social Psychology // International Journal of Psycho-Analysis. 1924. V. P. 1–38.*

ских феноменов как фундаментального факта разрушает государство как долговременный институт.

Простой параллелизм психологических событий не дает нам государство, поэтому должен быть выбран отличительный тип субъективного события, если мы собираемся охарактеризовать государство, семью и другие социальные образования. Келсен абсолютно прав, критикуя те теории государства, которые вызывают к параллелизму, но пренебрегают точным определением индивидуального «содержания сознания», «так как не каждое и не любое групповое проявление, возникшее на основе параллелизма или психических процессов, способно основать это сообщество».

Субъективное событие, которое является единственным признаком государства, – это признание того, что человек принадлежит сообществу с системой высших требований и ожиданий. Это признание принадлежности не обязательно подразумевает согласие с таким положением вещей. Сущность государства – в таком признании, и человек может соглашаться или порицать этот факт, не уничтожая его. Человеку не нужно быть эмоционально связанным с порядком; достаточно того, что порядок принимают во внимание.

Этот уникальный опыт никогда не обнаруживается в отрыве от других субъективных событий. Признание обычно дополняется гордостью за принадлежность к государству и решимостью проводить в жизнь порядок для всех и каждого. Признание человеком порядка обычно сопровождается идеализацией личного участия в нем с помощью идеализации самого порядка и путем осуждения отклонений от него. Все это часто выражается как «чувство справедливости», которое является основой определенных теорий закона и государства.

Субъективное событие, которое характеризует государство, обычно проявляется в различных «внешних обстоятельствах». Так, насилие используется почти повсеместно. Внешние проявления могут быть расширены до включения поведения, которое может рассматриваться как замена насилию. Отношения приказа и подчинения, которые действуют при ослаблении насилия, могут продолжаться и в мирные времена. Здесь возможна явная

«обратная разработка» процессов, предшествующих насилию в зарубежных и внутренних делах, что может свести на нет надежду на использование *ultima ratio*¹. Степень использования насилия и поддержка определенной степени мобилизованности в спокойные периоды возлагается на «лидеров», которые могут осуществлять контроль над инициативами, распределением благ и общим распорядком. Процесс, с помощью которого избираются «начальники», может включать в себя выборные коллегии, выборы и агитацию.

Заслуживает внимания то, что в описании политических процессов используются термины, которые часто не несут в себе никакой «субъективной» коннотации. Но на деле каждый термин неизбежно несет субъективный подтекст, и если его игнорировать, есть опасность, что социальная теория будет выстраивать «нормы» или «традиции» как весьма субъективные сущности, наделенные особыми силами и повинующиеся особым законам.

Зачастую субъективный «ореол» на образце настолько тусклый, что субъективная потребность с трудом различима. Можно сделать множество обобщений без учета субъективного элемента и концентрации внимания на трансформациях, через которые проходят взаимодействующие образцы. Лингвистика достигла с помощью этого метода заметных успехов. Фонетические образования являются объектами исследования, и выяснилось, что те звуки, которые издаются при определенных отношениях, вскоре в обычных ситуациях изменяются.

Теоретически можно создать приблизительную шкалу описательных понятий относительной полноты или тонкости субъективного элемента в образце. Выражаясь символически, сложность от С до В (от субъективного до внешнего) варьирует между 100 и почти 0. Современное понимание того, что в наше время известно как «социальная психология», подразумевает попытку привлечь внимание к рассмотрению образцов, в которых велик фактор С.

Неспособность подчеркнуть субъективные измерения событий, упоминаемых как «процессы», «образцы» или «традиции»,

¹ *Ultima ratio* (лат.) – последний аргумент. – Прим. пер.

связана не только с тем обстоятельством, что С зачастую не принимается в расчет с тем, что объективный элемент может часто появляться вместе с другими субъективными элементами. Джон В. может подняться, когда исполняется национальный гимн, однако может делать это лишь «автоматически», когда его сознание озадачено в основном болячкой на пятке. Определенное С, которое подразумевается, когда обсуждается полный образец патриотического церемониала, может, например, быть вытеснено другим С с тем же В. Так, действие становится совершенно иным явлением и может быть ошибочно классифицировано как в полном смысле патриотический церемониал.

Этот пункт имеет для политической науки далеко идущие последствия. Тщательное сравнение образцов поведения зависит от сравнения целостного образца. Это не должно автоматически означать, что С существует там, где обнаруживается В. Сущность субъективного фактора может быть выведена путем расширения наблюдения в нескольких направлениях. Оно может быть продлено (Джон В. может пожаловаться после гимна на стертую ногу). Оно может быть интенсивно углублено в рамках того же периода (можно видеть, как Джон В. переминается с ноги на ногу и морщится, когда одна стопа касается пола).

Описательные политические понятия подвергаются новому определению в жизни общества, и пока изучающий политические процессы готов проверять свои описательные понятия в свете меняющейся действительности, он будет иметь дело с фальсификациями, а не с упрощениями. Например, «голосование» – это весьма сложное понятие. Оно заключается не только в опускании бюллетеней в урны, ящики или шляпы или в нажатии кнопок машины. Эти внешние элементы, относящиеся к В, в понятии голосования не составляют суть дела. Каково особое место субъективных условий в наборе, в котором эти внешние проявления – всего лишь часть, и в данном случае крайне изменчивая? Насколько серьезно подходят люди к сбору информации о личностях и проблемах, которым они противостоят и о которых судят в свете представлений об общественных интересах? Голосование – это совершенно другое явление, когда люди принуждены бросать бюллетень определенным образом, когда они свободны, нетороп-

ливы и заинтересованы. Призыв бросать бюллетени при всех этих обстоятельствах для «голосования» означает лишение этого термина большей части его значения.

Весьма вероятно, что явление, которое неопределенно называется сегодня в Чикаго голосованием, изрядно отличается от того, что это означало пятьдесят лет назад; совершенно верно, что явление, называемое голосованием в Лондоне, несколько отличается от голосования в Cook County¹. Как решить, какое значение придать определенным аспектам политического процесса, наблюдая их в разное время и в разных местах? Океан субъективных событий, которые относятся к внешним движениям часто связанного с политикой типа, всегда изменчив и не может быть описан методом перечисления. Необходимо не перечисление, а отбор образцов, если термину приписывается эмпирическая определенность.

В самом широком смысле, возможны два типа процедур. Первый предполагает начать с внешних проявлений, они являются более устойчивыми особенностями образца социального поведения, с которым исследователь хорошо знаком, и продолжать выяснять, как изменяются субъективные особенности данного образца. Можно с этой точки зрения изучать «голосование» или «типы наказания» и тому подобное. Во всей западноевропейской культуре преобладает такая относительная однородность образцов, поэтому исследование может продолжаться непосредственно с этой отправной точки.

Полевой этнолог, который имеет дело с культурами совершенно разных типов, часто должен использовать другой подход. Набор внешних движений типа «голосование» не может быть в достаточной степени расширен, чтобы позволить провести сравнение. Этнолог вынужден продолжать, поставив перед собой субъективный факт, наличие которого хотел бы определить (на-

¹ Cook County — графство в штате Иллинойс, в которое входит г. Чикаго. — *Прим. пер.* Возможно, что наиболее важной частью исследования «Неголосование», проведенного Мерриамом и Гознеллом, является сборник высказываний, который показывает, что на самом деле значит голосование для различных классов и слоев современного сообщества.

пример, настойчивое желание участвовать в решении общих проблем), и участвовать настолько полно, насколько это возможно, в повседневной жизни людей, в надежде, что вскоре он интуитивно поймет такую субъективную точку зрения и характерные формы ее выражения. Верно, что имеются некоторые движения людей, значимость которых практически универсальна, но их слишком мало, чтобы совершенно чужой человек мог обойтись без длительного участия в повседневной жизни людей. Происходит так, что наблюдатель вскоре начинает постигать субъективные факты, находящиеся за движениями тела, но это его упрощенное суждение весьма расплывчато, основано на массе едва уловимых тонкостей, которое он долго не сможет отделить в своих мыслях и обратить внимание на другие; в самом деле, этот процесс никогда не заканчивается, иначе у нас было бы полное понимание человеческой жизни.

Очевидно, что обе отправные точки исследования имеют свои преимущества. У американского ученого, изучающего социальные образцы в Западной Европе, есть тысячи едва уловимых значений, касающихся в целом французов, немцев или англичан. Это огромный, сберегающий время капитал. Если кто-нибудь предпримет попытку использовать этнологический подход к знакомой культуре, результаты, вероятно, поразят представителя этой культуры как совершенно очевидные и едва ли заслуживающие усилий¹.

Главная цель научного исследователя общества заключается в том, чтобы сделать очевидное неизбежным, если он хочет изложить истину в парадоксальной форме. Задача состоит в том, чтобы поместить в центр разумного внимания направления, которые имеют решающее значение в определении наших суждений о субъективных событиях, и открыть составляющее прошлое этих образцов субъективности и направления. На всех людей, которые удивляются, обнаружив, что всю жизнь говорили прозой, находится немало изображающих из себя простаков, которые якобы «знали об этом всегда», когда устанавливались научные

¹ Подобная критика была направлена на новаторское начинание Линдсов (Middletown).

факты о человеческой природе. То, что известно косвенным образом и основывается на расплывчатом, неописанном опыте, должно быть точно определено, если будут разработаны новые способы изучения реальности.

Исследовательская работа может привести к утверждениям о субъективных конstellляциях, которые находят выражение в отдельных культурных формах или в утверждениях о субъективных конstellляциях, связанных с формами, которые универсальны для всех людей. Сфера исследования ученого-обществоведа – это культура; сфера деятельности психолога – человеческий род.

То, что известно как «количественный метод», обеспечивает полезный порядок для изучающего культуру, так как направляет его внимание на исследование событий, которые повторяются достаточно часто, чтобы вызвать сильное подозрение, что отдельные последовательности действительно существуют. Эти события должны определяться таким образом, чтобы подобные события могли быть идентифицированы и другими учеными. Это требует рабочего определения понятия, условия которого, к слову сказать, должны использоваться для установления позиции наблюдателя по отношению к структуре, которую предполагается описать¹.

Нетерпимость со стороны изучающих культуру к неторопливому количественному подходу частично вызвана расплывчатой, скрытой природой опыта, на котором основывается суждение о субъективном событии вне самой личности, и возникающее в результате предубеждения изучающего культуру человека против преувеличенной значимости элементов в образце. Утверждение о том, что «его жизненный опыт был окрашен в меланхолические тона», является обобщением, которое предполагает знание гигантского количества фактов. Или утверждение о том, что «престиж общественных служб в Германии выше, чем в любой другой стране», зависит от осуществимых наблюдений, столь же многочисленных, как песчинки на морском берегу. Любое предложение в работе Брайса «Современные демократии» или в ана-

¹ Содержательное обсуждение рассматриваемого понятия есть в работе П. У. Бриджмена «The Logic of Modern Physics».

лизе Масариком русской цивилизации означает ссылки на громадные массивы данных. Конечно, опыт любого наблюдателя ничтожен, несмотря на колоссальные пропорции фактов, и компетентные исследователи всегда продолжают работать на основе отбора образцов. Они вступают в контакт с людьми любого имущественного положения, любой религиозной, расовой и каждой региональной группы. Они изучают проявления культуры в живописи, литературе, математике, законодательстве, управлении и в естественных науках.

Методика исследований Брайса является количественной в том смысле, что большое число наблюдений было накоплено прежде, чем были сделаны выводы, однако она не была количественной в буквальном, математическом смысле слова. Исследователь культуры часто отказывается от количественного подхода, так как количественный метод требует упрощения множества фактов, принятых во внимание; импрессионистско-количественный подход исследователя культуры означает общую реакцию на целое и затем ведет к упрощению, возможно, внося исправления и, действительно, довольно часто приводя в сомнение.

Гораздо больше общего, чем это может показаться на первый взгляд, между исследователем культуры, в особенности, чужой культуры и исследователем личностей методами глубинного интервью. Этнолог, противостоящий проявлениям чужой культуры, и психопатолог, противостоящий чужим проявлениям подсознания, приобретают уникальную практику в своих изысканиях скрытых в деталях значений, которые выпадают из внимания неискушенного человека. Они оба формируют свое представление о субъективных событиях из массы признаков, которые могут проявляться в течение месяцев близкого общения, и оба до некоторой степени склонны относиться с пренебрежением к поиску простых внешних фактов, на которые можно положиться, чтобы указать на специфическое субъективное содержание.

Психопатолог обладает наиболее известными, разработанными способами исследования многообразия субъективных событий, которые могут быть связаны с внешними движениями. Помимо сознательного субъективного опыта, существует богатая подсознательная жизнь, в раскрытии которой он особенно изо-

щрен. Так, наши движения – это не только результат простых сознательных процессов; о них можно сказать, что они «в высшей степени обусловлены» множеством факторов.

Это представление о чрезмерной обусловленности не является новым для общего здравого смысла. Мы знаем, что Джон В. гордится тем, что он американец и хочет воевать за свою страну; мы с усмешкой отмечаем, что любимой девушке Джона В. нравится военная форма, и это одна из причин, почему он стал добровольцем. Более того, нам известно, что действие – не всегда результат опыта, как точка на той же прямой. Нам может быть известно, что Джон В. беспокоится, останется ли он на работе еще на месяц и получит ли повышение, и что уход в армию в данный момент означает жертву. Таким образом, его разум был отчасти нацелен против себя самого. Что дают психологические методы, так это больше раскрывают вереницу воспоминаний и показывают действие факторов, которые нельзя увидеть сразу. Так, глубокое желание умереть может оказаться фактором, способствующим героизму.

Психопатологический подход сложен не столько в плане специфического содержания его открытий, сколько в смысле богатства значений, которые он раскрывает за кажущимся, на первый взгляд, простым образцом. Роль определенного субъективного опыта и движения не может быть полностью оценена в отрыве от общего контекста, в котором он осуществляется, и этот метод раскрывает более широкий, чем принято считать, контекст.

Отныне разнообразие человеческих мотивов всегда является источником затруднений для людей, которые хотят управлять другими людьми или просто понять их. Неповоротливый аппарат судебной администрации был разработан по определенным схемам в надежде ввести некоторую степень единообразия в судебные решения путем ограничения в рассмотрении мотивов, которые действуют в определенном случае. Судья, таким образом, обязан ограничить себя, определяя существование определенного состояния фактов, и действовать особым образом, если эти факты могут быть установлены согласно предписанной процедуре. Движение в сторону стандартизации свободы действий судебных

исполнителей выражается в этом распространенном образце мышления:

«Действие запрещено государством.

Определенные предписанные «внешние обстоятельства» докажут факт совершенного действия.

С совершившим действие будут поступать определенным образом».

Этот крестовый поход против субъективного элемента в сознании судебного исполнителя в некоторой мере определен желанием судьи или чиновника избежать ответственности¹.

Психопатологический подход устраивает нечто весьма похожее на панику среди тех, кто пытался описать проявления человеческой жизни в традиционных общесмысловых категориях. Кажется, дюжина мотивов расцветает там, где раньше был зачаток только одного.

Давайте посмотрим, что это значит для политической теории. Длительное изучение людей дает нам возможность различать детали процесса, с помощью которого людьми достигается встречающийся во взрослой жизни политический образец.

Когда Х. баллотируется на должность или выносит приговор, его поведение в высшей степени обусловлено сознательными и бессознательными мотивами, которые сформировались в последующие образцы в период младенчества, детства и в подростковом возрасте. Признание принадлежности к коллективному порядку никогда не действует обособленно, и сравнение историй жизни показывает, что это внушено ребенку на основе значений, которые он выработал в своей борьбе сначала против запретительных факторов окружения, и теперь, когда он воспринял требования окружающей среды, против собственных антисоциальных импульсов.

Ранние ограничения, которые накладывает на ребенка окружение, важны тем, что они встречают реакции той части тела, которая предрасполагает ребенка определенным образом встречать последующие ограничения. Эти ранние ограничения нало-

¹ Александер и Стауб прокомментировали это в своей работе «Der Verbrecher und seine Richter». Однако это принципиально обусловлено подозрениями государственного служащего.

жены на ребенка путем причинения боли или переключения внимания на доставляющие удовольствие стимулы. Подавление, следовательно, устанавливается в организме с помощью *force majeure*¹ со стороны окружения так, что ребенок просто подавлен или побежден им.

До сих пор растущий человек социализировался в своем развитии в том смысле, что был автономным по отношению к объектам своего окружения. Младенец учится «морали сфинктера» (по выражению Ференци), однако это не включает эмоциональные взаимоотношения с объектами. Его тело испытывает удовольствие (внутренняя пластичность), и окружение является инструментом для снятия простейшим способом телесного напряжения. Постепенно ребенок начинает искать пути активных эротических действий на теле другого. Этот внешний натиск деятельности снова ограничивается и часто блокируется в силу *force majeure*. Вместо сексуального отношения к объектам теперь появляется новая форма отношений, и ребенок социализируется, включаясь в деятельность окружающих.

Следует помнить, что эмоциональные связи устанавливаются двумя путями: выбором объекта (для сексуальных действий) и идентификацией. Идентификация, пишет Фрейд, – это исходная форма эмоциональной привязанности к объекту. Она может стать замещающей для чувственной привязанности к объекту и может возникать с каждым новым ощущением общности с каким-то другим человеком, который не является объектом сексуального инстинкта. Последнее является частичной идентификацией. Качества объекта копируются (принимаются на себя). Об энергии идентификации сказано, что она исходит от сексуальных инстинктов, в которых подавлено стремление к целям. Название государства, церемониальные акты для выражения уважения к церемониальным символам – все это и другое – характерная особенность взросления ребенка.

Характерная, можно сказать, часто встречающаяся особенность, но не неизменная. Детей всегда включают в систему препятствий и поблажек (способы воспитания детей), и они всегда

¹ *Force majeure* (франц.) – непреодолимые препятствия. – Прим. пер.

воспринимают порядок подобного рода. Но в некоторых случаях, когда нация зависима от государства, признание отношения государства может сопровождаться чувством возмущения.

Государственный образец сам по себе доминирует, когда большое число людей воспринимает его как более чем простое состояние дел, и идея подкрепляется «неуместными значениями». Некоторые люди навязывают свою мотивацию другим через государственный образец. Этих людей, деспоты они или энтузиасты, можно определить как «корни», активные источники энергии для сохранения и развития государственного образца.

Фрейд рассматривал государство как эмоциональное единство¹. Граждане государства идентифицируют себя с абстрактным объектом (идея государства) и эмоционально связаны частичной идентификацией, которая возникает в восприятии аналогичных взаимоотношений с объектом. Келсен возражал против этой концепции государства как реального субъективного единства, приводя доводы, что идентификация – это процесс между людьми, и каждого гражданина государства нельзя рассматривать как вступившего в личные отношения с каждым другим. Даже если его узкое толкование идентификации было бы хорошо обосновано, государство могло бы, тем не менее, рассматриваться как реальный субъективный союз на основе взаимосвязанных идентификаций. А идентифицировал себя с В, В с С, и одна из особенностей В, которую ребенок А обычно воспринял бы (интроецировал), и была бы названием и другими символами государства.

В самом деле, именно взаимосвязанный характер идентификаций разумно обеспечивает вхождение символа государства в представление ребенка о самом себе. Существует такой процесс, как негативная идентификация, отказ от образцов, которые связаны с ненавистными людьми. Ребенок обычно подвергается воздействию со стороны многих взрослых и сверстников, и если все они ассоциируют себя с государством, ребенок почти определенно отвергнет только те образцы, которые относятся исключи-

¹ См. его изложение социальной психологии в работе «Massenpsychologie und Ich-Analyse».

тельно к ненавистным ему людям. Это является главной причиной сохранения власти образцов, когда-то принятых группой.

В психоаналитической литературе по социальным и политическим процессам стало общепринятым описывать государство как универсальную замену отца. У нас есть возможность обстоятельно обсудить проблемы, поднятые подобным обобщением. Особым вкладом психопатологического подхода является многообразие открытых им индивидуальных смыслов. Наступает облегчение от открытия, что многообразие все же ложно, и правы те, кто настаивает на большом упрощении человеческих мотивов. Точка зрения, на которой я настаиваю, заключается в том, что данные, полученные с помощью психопатологической процедуры, гораздо важнее для политической и социальной науки, чем однонаправленное обобщение может заставить кого-либо предположить.

Особая ценность психопатологического подхода состоит в том, что он представляет собой супермикрометод, использующий индивидуальные случаи для изучения культурных образцов. Если мы возьмем политический образец и рассмотрим его в связи с частными историями реальных людей, то обнаружим, что этот образец изменяет значения от человека к человеку, но так, что обширные группы связанных значений доступны для уяснения. Важно любое субъективное событие, которое часто связано с политическим образцом. Действенные обобщения зависят от множества случаев, которые отбираются из различных групп в культуре и изучаются методами, способными раскрыть субъективный контекст. Это пункт, где количественные процедуры могут оказаться полезными для исследователя культуры, внимание которого сосредоточено на образцах, где важен субъективный элемент.

Однако дадут ли эти исследования что-либо ценное, если субъективные события столь множественны, что любое из них может быть соединено с любым другим субъективным событием? Почему бы в самом начале не ограничить исследование, сказав, что общая теория вероятности может быть применена для определения частоты, с которой можно ожидать одновременное появление двух любых из числа точно установленных субъектив-

ных событий. И не ограничится ли, вероятно, наше эмпирическое исследование перечислением субъективных состояний и часто сопровождающих их движений, предопределяя, таким образом, любую попытку открыть чаще повторяющиеся, а не просто случайные совпадения, предшествующие и последующие? Если вы достаточно долго понаблюдаете, не обнаружится ли, что каждое субъективное событие связано со всеми остальными?

Огромное количество фактов подтверждает эту точку зрения. Верно, что немало влиятельных психологических школ мышления возникло и некоторое время активно развивается в узких рамках, а затем застывает в поверхностном описании «способностей» или «инстинктов», простых перечислений образов, которые абстрагированы от всех конкретных событий и поэтому могут сочетаться в любом событии в почти бесконечных комбинациях. Поиск особых связей сократился, и психологическая заводишь лишь чуть всколыхнется, когда кто-нибудь бросит в нее камень в виде новой теории специфической каузальности, которая замутишь воду до тех пор, пока не обнаружится, что специфическое событие произошло лишь случайно. В этом смысле единственные, кто вносит вклад в психологию, – это те, кто достаточно наивен или небрежен, чтобы преувеличить роль особого типа опыта. Итак, либо у нас есть психологии, опирающиеся на «страх», «любовь» или «подражание», либо длинная вереница отдельных подчиненных терминов, «опасения», которые размножаются по мере расширения уровня конкретных наблюдений, и несостоятельность избранного фактора все объяснить становится очевидной или скрывается.

Так, история психологии могла бы быть написана путем принятия «завершенных» систем, с помощью анализа функциональной эквивалентности применяемых категорий и сведением каждой новой системы к набору синонимов для терминов предшествующих систем. Эта гипотетическая история психологических теорий могла бы показать, как исследователь, находящийся под сильным впечатлением от определенного опыта, мог бы воспользоваться определенными терминами для их описания, и как, противостоя все большему и большему напору эмпирической реальности, будет видоизменять отличительные значения своих

объяснительных понятий, не соответствующих действительности. История психоаналитической терминологии, как ее изложил Ранк в своем курсе генетической психологии, может стать подспорьем для подобного сравнения.

Неужели больше не останется ничего, кроме словарей синонимов, представляющих весьма сомнительный вклад в лингвистическое исследование? Может случиться так, что наша проектируемая история покажет, что каждая психологическая система оставит после себя постоянное наследство в форме важного «механизма», который ранее не выделялся. Отныне весь круг «причинности» входит в любое событие, и число важных механизмов, которые можно выявить в «разуме в данную минуту», бесконечно. Следовательно, наша гипотетическая сила может закончиться принятием предположения, что некоторые события могут осуществляться не только со случайной частотой, подчиняясь оговорке, что экспериментальное подтверждение никогда не будет достоверным, как в будущем. Отчетливые конфигурации могут никогда не «появиться вновь». Мы обычно говорим, что вероятность повторения события в будущем увеличивается, если оно неоднократно повторялось в прошлом. Однако нет средств продемонстрировать, что будущее содержит сходные конфигурации в прошлом времени. Возможность будущего повторения события «невозможна». Если событие кажется предсказуемым, это так, потому что наше знание о непредвиденных обстоятельствах ограничено, и наши последовательности подобных конфигураций могут, тем не менее, рассматриваться как особые случаи «непоследовательности». Стабильность, выражаясь в высшей степени парадоксально, – это особый случай нестабильности. Открытие совокупности механизмов, переделка которых за короткий период обогатит аппарат социального контроля, – это мечта (или миф?) психологии.

Будут ли эти возражения хорошо обоснованы, зависит от результатов проверки, и они не подходят для диалектического решения. Можно отметить, что поиск обобщенных механизмов основывается на не более устойчивом логическом основании, чем поиск субъективных последовательностей, так как механизмы

подобны проявлениям мира событий и как таковые подчинены тем же законам «невозможности» повторения.

Следует повторить, что цель исследования историй жизни – это не достижение таких тонких обобщений, подобно утверждению, что государство – универсальный образ отца (символ). Для изучающего культуру имеют значение не субъективные сходства черт, а субъективные различия между членами одной и подобных ей культур. Форма истории жизни – это именно то, что имеет особое значение для изучения культуры и занимает свое собственное, обоснованное место как объект исследования в мире событий.

Сейчас мы можем кратко проследить шаги, которые были предприняты в этой монографии. Психопатологический подход был исследован в историческом ракурсе, и была проиллюстрирована особая ценность метода свободных ассоциаций в использовании разума. Подобным образом было показано его значение для понимания политических типов со специальной ссылкой на агитаторов и администраторов.

Общая формула для истории развития политического человека включает три термина:

$$p \} d \} r = P,$$

где p означает частные мотивы, d – смещение на общественный объект, r – рационализацию в терминах общественного интереса, P символизирует политического человека, и $\}$ обозначает «преобразование в».

Политический человек разделяет p – частные мотивы, сформированные в ранний период жизни, с каждым человеком, и d – смещение на общественный объект – с некоторыми людьми. Отличительный признак *homo politicus* – это рационализация смещения в терминах общественных интересов. Политические типы можно выделить в соответствии со специализированным или сложным характером функций, которые они выполняют, и выполнение которых для них желательно. Это политические агитаторы, администраторы, теоретики и различные их комбинации. Имеются серьезные различия в историях развития каждого из этих политических типов.

Отличительный признак агитатора – это высокая ценность для него отклика публики. Агитаторы как класс являются явными нарциссическими типами. Нарциссизм усиливается из-за препятствий, проявляющихся в ранних любовных отношениях или в силу излишней снисходительности и восхищения в семейном кругу. Либи́до блокируется в движении вовне на объекты и возвращается к личности. Предпочтение отдается подобным себе сексуальным объектам, и, таким образом, характерен сильный гомосексуальный компонент. Среди агитаторов жажда эмоционального отклика гомосексуального типа смещается на обобщенные объекты, и высокая ценность придается идущим от сообщества в целом эротическим, эмоциональным откликам. Агитатор ораторского плана, в противопоставление публицисту, видимо, демонстрирует долгую историю успешного мошенничества в общении со своим окружением. Агитаторы существенно отличаются спецификой и общностью социальных объектов, на которые они успешно смещают свои эмоции. Те, кто был сознательно привязан к своим родителям, и те, кто был удачливым мошенником («примерные дети»), склонны выбирать далекие и всеобщие объекты. Те, кто сознавал подавление серьезных обид против ближнего окружения, и те, кто был не способен успешно разыгрывать роль обманщика, предрасположены выбирать более непосредственные и личностные замены. Рациональная структура склоняется в первом случае к теоретической завершенности. Выбор объектов смещения эмоций зависит от моделей, которые предлагаются при создании ранних идентификаций. Когда гомосексуальная позиция является чем-то важным, агрессивное, вызывающее отношение к окружению, вероятно, смещается на себя; когда реальна боязнь импотенции, грандиозные реакции прорисовываются более отчетливо.

Администраторов как группу отличает ценность, которую они придают координации усилий в продолжающейся деятельности. Они отличаются от агитаторов тем, что смещают свои эмоции на не столь далекие и абстрактные объекты. В случае одной значительной группы эта неудача достичь абстрактные объекты обусловлена чрезмерной поглощенностью определенными членами семейного круга и сопутствующей этому трудностью в оп-

ределении собственной роли. Самые оригинальные и работоспособные администраторы демонстрируют основной образец, который совпадает у них с агитаторами. Расхождения в специфическом развитии принципиально обусловлены культурными образцами, доступными для идентификации в решающие фазы взросления. Другая группа администраторов рекрутируется среди тех, кто легко преодолел кризисы в своем развитии. Им не приходилось подавлять сильную враждебность, но они сублимировали эти побуждения или смело выражали их в кругу близких. Они проявляют безличный интерес в самоорганизации и непоколебимо отстаивают, хотя и без излишнего напряжения, свои права в профессиональной и интимной жизни. Отсутствие у них интереса к абстракциям обусловлено тем, что они никогда не нуждались в них как в средстве решения своих эмоциональных проблем. Они могут принимать или не принимать общие идеи, не используя их для возбуждения широкого эмоционального отклика у общест-венности. Не привязанные ни к абстракциям, ни к определенным людям, они способны иметь дело с широким контекстом человеческих отношений, воспринимаемых обезличенно. Их эмоции протекают свободно, но они не бесчувственны, а способны контролировать эмоции.

Психопатологический метод предназначен также для раскрытия смысла политических убеждений, так как очевидно, что мировоззрение – это выражение рационального и «явного» логического содержания того, что они символизируют совокупность частных мотивов. В этой связи был совершен экскурс в историю конформиста, который был вынужден стать им под влиянием примера семьи, и в историю нескольких неконформистов. Были исследованы частные значения милитаризма и пацифизма, а также пессимизма и склонности к осуждению, присущие пожилому возрасту.

Затем внимание было переключено с фрагментов историй болезни на проблему извлечения подтекста при интенсивном изучении личности для теории коллективного политического процесса.

Политические движения обретают свою жизнеспособность смещением частных эмоций на общественные объекты. Эмоции,

которые были сформированы в семье, перераспределяются на различные общественные объекты, такие, как государство. Политические кризисы осложняются сопутствующей реактивацией специфических примитивных импульсов. Можно предположить, что когда принимаются важные решения, общество должно очень хладнокровно взвешивать; однако печально известна диспропорция между поведением человека во время войн, революций и выборов и требованиями рационального мышления. Очевидно, что здесь в действии процесс реактивации; налицо регрессивная тенденция пробуждения примитивного садизма и похоти.

Политические символы в особенности призваны служить мишенями для смещения эмоций вследствие неясности их применения в индивидуальном опыте и по причине их общего круговорота. Несмотря на то что динамичность политика – это напряжение людей, но не всякое напряжение вызывает политические действия. К политическому действию ведут не все эмоциональные связи. Политические действия зависят от символизации недовольства человека в терминах более включенного **Я**, которое борется за набор требований для общественной акции.

Политические требования обладают только ограниченным соответствием тем изменениям, которые приводят к постоянному снижению уровня напряженности в обществе. Политические методы насилия, увещевания и обсуждения предполагают, что роль политики заключается в разрешении конфликтов по мере их появления. Идеал превентивной политики заключается в устранении конфликта путем определенного снижения уровня напряженности в обществе эффективными методами, среди которых обсуждение – лишь один из многих. Превентивная точка зрения настаивает на продолжительной проверке человеческих последствий социальных действий, особенно политических. Достижение идеала превентивной политики в меньшей степени зависит от изменений в социальной организации, чем от совершенствования методов и подготовки социальных администраторов и ученых-обществоведов.

Эмпирический материал, используемый в книге, был собран в ходе глубинных интервью при довольно близком общении с людьми. В настоящее время нет удовлетворительных отчетов о

том, что на самом деле происходит в условиях этих интервью, и для будущего исследования личности важно совершенствовать методологию этих процедур. Описания происходящего во время интервью можно достичь путем подготовки стенографического отчета обо всем и фиксации физических изменений.

Эффективное исследование личности зависит от рассмотрения ее реакций как системы и от совершенствования процедур, с помощью которых могут быть раскрыты замещающие реакции этой системы. В широком понимании, личность может рассматриваться как система объектных ориентаций регулируемого мышления, аутистических фантазий и соматических реакций. Проблема заключается во включении в систему препятствий и в обнаружении замещающих реакций для сравнения и дальнейшего анализа. Каждый «факт» о событиях в жизни личности должен определяться с точки зрения конкретного наблюдателя, и главная проблема в будущем заключается в проверке «фактов» наблюдателей в других ситуациях. Исследование личности может стать более значимым для политической науки, когда отчетливо видны реакции взрослых, которые главным образом интересуют политологов (см. Приложение В).

Что же представляет собой в целом взаимоотношение между исследованиями человека и общества? Здесь нет никаких расхождений, но имеется градация ориентиров. События, представляющие общий интерес, всегда имеют индивидуальное местоположение, и эти события могут изучаться в их отношении к последовательности событий «внутри человека» или по отношению к событиям «среди людей». Характерное событие, которое служит ориентировочной формой для политического исследования, – это признание принадлежности к сообществу с системой высших требований и ожиданий. Это явление, когда оно достаточно широко распространено среди людей, которые проживают на данной территории в определенный временной период, обозначает государство, которое, таким образом, является многообразием событий. Исследование, которое изучает порядок событий «внутри человека» или «среди людей», в равной степени подходит для понимания государства; разница – в отправной точке, но не в конечном результате.

Когда государство понимается как многообразие событий, условия появления которых должны быть установлены, положено теоретическое основание интенсивным и дистрибутивным исследованиям, на основе которых может быть построена превентивная политика. В частности, это может со временем принести пользу, по мере того как психопатология расширит область своих исследований и увеличит надежность своих методов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ¹

1

Со времени публикации «Психопатологии и политики» психоаналитическое движение претерпело много изменений². Три крупнейших европейских центра по его изучению и распространению – в Вене, Будапеште и Берлине – были, по крайней мере, временно ликвидированы волной нацизма. Умеренно восприимчивая обстановка в Москве, где высокопоставленные чиновники впервые могли отправлять своих детей в психоаналитически ориентированные экспериментальные школы, растопила ледяное отношение к психоанализу. Соединенные Штаты стали главным прибежищем и творческим центром динамической психиатрии. Перемена сопровождалась множеством смещений приоритетов «внутри ортодоксальной» школы. «Отколовшиеся группы», действующие, например, под руководством Хорни и Райха, стали независимыми в интеллектуальном и организационном плане.

2

Политическая наука принимала участие в общей активизации учебной и научной деятельности в Соединенных Штатах. «Психопатология и политика» сама по себе была воплощением исходившей от Чарльза Э.Мерриама и других ученых инициативы по расширению и углублению эмпирической и теоретической базы всех дисциплин, имеющих общеизвестное отношение к че-

¹ Данный анализ представляет собой переложение доклада «Психопатология и политика: Двадцать пять лет спустя», прочитанного на съезде Американской психологической ассоциации в 1955 г. в Сан-Франциско. Симпозиум по вопросам применения психоанализа планировался Р.Кристи, Ф.Александром, Э.Френкель-Брунsvиком и мною. В конце докт-
тор Э.Френкель-Брунsvик не представил доклад.

² Я не берусь рассматривать историю. По некоторым вопросам см. мое размышление в: *The Impact of Psychoanalytic Thinking on the Social Sciences // The State of the Social Sciences / Ed. White L.D. (1956).*

ловеку¹. «Чикагская школа» оказала такое глубокое влияние на изучение политики, управления и закона, что стала в настоящее время наиболее значительной составляющей «Американской школы»². Как и всякое развитие, оно происходило не без решительных защитных маневров и контратак, в особенности со стороны ученых, чья философия не имела соответствующего обеспечения исследований, особенно их собственных теорий, эмпирической базой.

3

До сих пор может казаться странным размышление о применении психоанализа в исследовании политики. Психоанализ начинался как отрасль психиатрии и первоначально был ориентирован на лечение людей с отклонениями. Политологи лишь время от времени обращались к психоанализу для объяснения или лечения индивидуальных симптомов (например, функционального паралича). Обычно они разделяли интерес историка к наличию или отсутствию душевных заболеваний у власть предержащих³. Задолго до Фрейда очень часто описывали психопатологию королей, генералов, судей и других общественных фигур. По мере развития медицины применительно к симптомам, выявленным у исторических персонажей, были выделены новые проявления болезни и довольно быстро применены новые категории. С того времени как открытие эпилепсии впервые оказа-

¹ Профессор Мерриам был ведущей академической фигурой, чья инициатива привела к созданию Исследовательского комитета по общественным наукам. Он начал с организации конференции для определения позиции политической науки. Бердсли Румл из мемориального Фонда Лауры Спелман Рокфеллер поддержал идею и средства.

² См. исследования мировой политической науки под патронажем ЮНЕСКО, в которых американские эмпирический и психологический подходы выглядят довольно необычно: *Contemporary Political Science: A Survey of Methods, Research and Teaching* (1950). Дж.Э.Д.Кэтлин был смелым первооткрывателем в переосмыслении значения того, что он назвал «Чикагская школа».

³ Для краткой библиографии см.: *Lang-Eichbaum W. Genie-Irrsinn und Ruhm* (1928).

лось в чести, врачи обнаружили массу политиков-эпилептиков. И каждый, кто знал, что Крепелин подразумевал под *dementia praecox*¹ или паранойей, и тот, кто слышал о Людвиге Баварском, быстро приклеили ярлык на короля. В начале девятнадцатого века американские врачи способствовали открытию обратной зависимости между снижением неврозов и такими социальными кризисами, как война или революция².

Что придает значение психоанализу, так это то, что Фрейд разработал инструментарий, предназначение которого шире, чем просто диагностика и лечение психотиков, невротиков и людей с аномалиями. Психоанализ – это всеобъемлющая теория развития человеческой личности и, следовательно, распространяется как на «больных», так и на «здоровых». Психоанализ – это и выдающийся метод наблюдения, в котором соединены «свободные ассоциации» и «толкование». С помощью этих средств психоанализ способен раскрыть направленность и силу «бессознательных» факторов и выстроить значимые в жизни человека ситуации, в которых формируются эти бессознательные факторы. Психоанализ внес в политическую науку, как и во все науки о человеке, метод исследования бессознательного субстрата личностей и ситуаций.

4

В каком смысле «Психопатология и политика» является применением психоанализа к политике? Если рассматривать с отрицательной стороны, – это работа не профессионального практикующего психоаналитика, а профессионального исследователя политического поведения. Следовательно, у психоаналитиков есть основания для отрицания того, что они не одобряют. Тридцать лет назад психоанализ был столь молод, что литература по этому предмету содержала очень мало конкретных способов

¹ *Dementia praecox* (лат.) – старое название шизофрении. – *Прим. пер.*

² *Dr. Rush Richard. On the Influence of the American Revolution on the Human Body.*

его применения к исследованию политики¹. Не было создано никакой традиции публикаций в этой области, как бы ни был психоаналитик увлечен политической философией или реальной политикой. Напротив, у ученых, систематически занимающихся изучением управления, была устойчивая традиция часто обращаться к теориям о характере человека в обществе, и, следовательно, к человеческой натуре в политике. Обратившись только к британским мыслителям, достаточно будет вспомнить из числа «классиков» Джона Локка, Томаса Гоббса и Иеремию Бентама и из современников – Грэхема Уоллеса².

Можно сказать, что эта книга является «применением», по крайней мере, в этих смыслах. Автор был направлен обучаться психоанализу у психоаналитиков (и у терапевтов или психологов, весьма обязанных Фрейду); он собрал воедино разрозненные случаи, доступные в литературе, и проанализировал немногочисленные статьи и книги, непосредственно относящиеся к психоанализу и политике; он обсудил теории взаимоотношений со специалистами и прочитал имеющееся собрание психоаналитической литературы (и оценки психоанализа, сделанные предшествовавшими фрейдистскими обществами и представителями других «школ» – крепелианскими психиатрами, уотсоновскими бихевиористами, павловскими рефлексологами, макдугаловскими инстинктологами, вертхаймерскими перцептуалистами, стернианскими персоналистами, анджелланскими функционалистами [упоминая немногих]).

¹ В библиографии упомянуты специальные дискуссии по проблемам политики и психоанализа, которые вели Оскар Фистер, Ханс Закс, Отто Ранк, А.Дж. Сторфер, Карл Абрахам, Людвиг Джекекс, Лео Каплан, Эрнст Джоунс, Виктор Таск, Ганс Блюхер, Зигфрид Бернфелд, Пауль Федерн, Л.Пирс Кларк, Аурел Колнаи, Джоел Ринальдо, Уильям А.Уайт, Барбара Лоу, Уильям Бовен, Эмиль Лоренц, Дж.К.Фрейюнг, Герман Свобода, Вильгельм Райх и некоторые другие.

² Грэхем Уоллес не ссыался на Фрейда в книге «Природа человека в политике» (1908). В работе «Великое общество» (1914) единственное упоминание дается в сноске (с.141). Уоллес не разделяет предположение, в котором обвиняли Фрейда, что все виды любовных отношений людей сексуально окрашены.

«Психопатологию и политику» можно назвать применением в отдаленном и, может быть, в более спорном смысле. Автор получил некоторые материалы по историям болезни непосредственно через глубинные интервью с политически активными личностями. Интервью помогли вызвать у людей свободные ассоциации, и, таким образом, был получен пласт материала, более подходящий для «глубинной» интерпретации, чем полученный с помощью традиционных методов интервьюирования и включенного наблюдения. Интервью проводились с людьми, которые изъявляли готовность соблюдать психоаналитическое правило – «говорить все, что приходит в голову», которые имели возможность без принуждения обращаться к сновидениям, оговоркам, жестам и вульгарным телодвижениям – и к интервьюеру.

«Глубинное интервью» проводилось с людьми, имевшими весьма разнообразные мотивации. Некоторых направляли терапевты, которые, несмотря на то что были слишком заняты, чтобы рассматривать человека как больного, хотели распространить на интервьюера свою медицинскую ответственность. По существу, процедура проходила как обычное терапевтическое интервью. В нескольких других случаях лечение не было важным мотивом. Основным стимулом могла быть возможность лучше ознакомиться с методом свободных ассоциаций (и получить психоаналитически ориентированные интерпретации). Следовательно, в основном отношения представляли собой традиционный обучающий анализ. Одни интервьюируемые стремились и готовы были рассказывать о себе, но не могли или не хотели использовать свободные ассоциации. Другие хотели говорить о своей профессиональной карьере в политике с минимальными ссылками на свои личные истории. Такой человек может дать мало информации о своей сексуальной жизни и не в состоянии преодолеть потерю памяти о годах, предшествующих периоду Эдипова комплекса.

5

Хотя было бы ошибкой преувеличивать разницу, можно отметить заметный контраст между двумя типами применения психоанализа или в действительности любой психологической инно-

вации в процессе изучения политики. Отправная точка первого типа – теоретическая система. Другой тип сосредоточен на наблюдательной позиции, на специальных процедурах, с помощью которых теоретическая система связана с областью наблюдений. «Психопатология и политика» была результатом попытки скорее применить и приспособить процедуру, чем официально предложить полный список применений исчерпывающей теоретической системы.

Выбор был сделан сознательно. Одно время я думал дать систематическое изложение теории психоанализа и предложить столько применений его в политике, сколько смогу придумать. Но теория постоянно изменялась. Поток идей привел к тому, что ныне превратилось в теорию «эго», которая так много дала для измерений подсознательного и супер-эго в структуре личности¹. Тем не менее, важнее то, что я находился больше под впечатлением от процедур наблюдения, внедренных Фрейдом, чем от теории или от полученных результатов. «Бессознательное» было, например, и у Платона; в платоновском «бессознательном» находилось такое же множество подавленных сексуальных и разрушительных импульсов, которые вновь появились в психоанализе.

Наиболее выдающаяся новация, предложенная Фрейдом, – это глубинное интервью с его двойной опорой на свободную ассоциацию и на истолкование с научной и терапевтической целями. Метод, несущий в себе, по-видимому, семена собственной коррекции. Неважно, какие литературные, мифологические и древнегреческие образы задействованы в аналитической теории, мне ясно, что они пригодны в качестве рабочих дефиниций в контексте самой процедуры интервью.

6

В свете этих рассуждений моя главная цель в «Психопатологии и политике» заключалась в распространении предварительных открытий, полученных с помощью психоаналитического метода наблюдения. Так как теория не была завершена, основ-

¹ Поворотным пунктом стала работа: *Freud Anna. The Ego and the Mechanisms of Defense.*

ным намерением было помочь размышляющей части научной аудитории выбрать новую передовую позицию для изучения природы человеческой личности в политике.

Психоаналитики и ученые-обществоведы еще не могли полностью осознать, что невозможно без серьезной теоретической базы анализировать историю болезни с психодинамической точки зрения. Следовательно, истории болезни, полученные психоаналитически ориентированными врачами, не были совершенно отвлеченными в известном смысле, который показывает их значимость для социального процесса. Необходимо было переходить из больницы в больницу и от врача к врачу, чтобы выяснить, могут ли они вспомнить или сделать записи политически активных личностей. Немало примеров было призвано поддержать мое исходное описание политических «типов» (или, скорее, «ролей»).

Однако какими бы открытыми для возможных детальных изменений не были результаты, я думал, что «Психопатология и политика» была на правильном пути, например, в поиске связи между исполнением политической роли с целостной системой личности, как это обнаруживается на любом этапе взрослой жизни; и далее, в стремлении связать личность взрослого человека с последовательностью развития, через которую он прошел.

Во многих отношениях самая большая заслуга социальной и психологической науки – это непрерывное противостояние традиционных образцов их функциональным значениям. В специфической области политики это означает призыв к изучению и повторному изучению каждой традиционной особенности того, что обычно называют «политика», «управление» и «закон». Цель этих действий – достичь определения ценности любой специфической детали или всего института в смысле их важности для человека. Или, другими словами, цель – раскрыть значение любой институциональной деятельности или личностных особенностей для человеческих ценностей. До той степени, в какой эта задача завершает научную проверку человека, она содействует потенциальному просвещению всего общества.

Короче говоря, мы выходим за рамки «официальных» категорий, когда воспринимаем «агитатора», «администратора» и «теоретика» или аналогичных исполнителей ролей в обществен-

ной жизни. Наша формальная система управления не выбирает людей на пост «агитатора» или «теоретика»; обязанности, которые мы называем «административными», не обязательно выполняются «администраторами», как мы их описываем. Как показано в «Психопатологии и политике», подобные «типы» характеризуются внутренней связью с определенными видами деятельности. Описывая агитаторов, администраторов и теоретиков на основе их внутренней зависимости от категории действий, мы уже вышли за пределы простой идентификации «должности» с «обобщенной ролью». Был предпринят шаг в направлении отделения традиционных каналов в социальной системе от вполне разработанных оценок в функциональных терминах.

Для того чтобы исчерпывающе описать систему личности в любом временном сечении, необходимо выявить образцы ценностных требований (и спецификаций) личности и описать механизмы, на которые главным образом полагается человек в стремлении поддерживать внутренний порядок в изменяющейся конфигурации внешнего окружения. Ценностные требования избирательны по отношению к последствиям; механизмы избирательны на основе способа, которым достигаются результаты. Любая традиционная перспектива или операция внутри цельной системы личности изображается функционально, когда мы можем сказать, насколько ценен определенный образец внутри всей системы и насколько действен способ.

7

На сегодняшний день я считаю полезным использовать стандартный список категорий для обозначения предпочтительных результатов – ценностей, к которым стремятся индивидуумы или группы¹. Когда бы ни возникала возможность выбора, чело-

¹ См. особенно: *Lasswell H. and Kaplan A. Power and Society: A Framework for Political Inquiry* (1950). Recent application: *Lasswell H. The Normative Impact of the Behavioral Sciences // Ethics*. 1957. 67. P. 1–42; *McDougal M.S. and Lasswell H.D. The Identification and Appraisal of Diverse Systems of Public Order // American Journal of International Law*. 1959. 53. P. 1–29.

век стремится максимально увеличить предпочтительные результаты и уменьшить нежелательные. Он стремится делать это в рамках доступных ему возможностей. Мы говорим о нулевом или низком уровне выбора, который называем насилием, когда действуют факторы, которые оказывают воздействие на человека, как если бы он был неодушевленным предметом, подобно ситуации, когда тяжело раненного беспомощного солдата берут в плен или убивают. Уровень насилия так же высок, когда единственно возможные альтернативы неблагоприятны с точки зрения предпочтений человека, подобно той ситуации, когда он должен сдаться в плен или допустить большую вероятность быть уничтоженным.

В человеческих отношениях стремление к насилию – это феномен, с которым мы имеем дело как профессиональные ученые-политологи. Это отличительная характеристика той социальной ценности, которую мы называем властью. Это наиболее ценный объект «функционального», в отличие от «традиционного», исследования в политической и юридической науках.

Потребность подчинять, которая является синонимом стремления к насилию, была выявлена с того времени, как изучение политики стало самостоятельной областью исследования. Точнее, политические мыслители большей частью имели дело с властью *в рамках* территориально ограниченной сферы сообщества или *среди* подобных сфер. Отдельными исключениями были тесно связанные сообщества, такие, как племена кочевников, непрерывно передвигающиеся по джунглям и не имеющие четких территориальных притязаний; или же социальные группы, которые, хотя и имеют соседей, в значительной степени сводят свое взаимодействие к общению с членами собственного сообщества (например, религиозные общества типа гетто).

Когда мы анализируем условия сообщества, в которых люди взаимодействуют друг с другом, всегда есть возможность обнаружить по крайней мере несколько ситуаций, в которых одни взрослые люди принуждают других взрослых (и детей). Во всех этих образованиях можно выявить относительную власть, даже когда ее уровень может казаться низким в контексте более крупных группировок. Властные отношения в относительном смысле

можно обнаружить в любой группе независимо от того, насколько она мала (пара, тройка и т. д.).

Всесторонние исследования властных отношений должны выявить, насколько долго изучается *та* или *иная* контекст. Даже в очень небольших социальных образованиях может быть важно провести различия между функциональной и традиционной концепциями. Члены небольших колониальных поселений могут согласиться, что *у* обязан подчиняться приказам *х*. Любой человек может быть в равной степени осведомлен, что *у* – инициатор политических идей, и что *х* робок и ленив, следовательно, *х* выполняет формальную, «копирующую» роль по отношению к *у*. До тех пор пока нет пренебрежения к формам «полномочий», эффективный «контроль» может оставаться в руках *у* без какого-либо разрыва с «законным порядком» с последующим возникновением системы «неприкрытой власти» или нового законного порядка.

8

Мы не можем четко определить границы ценности власти в конкретном социальном контексте, не выявив ее связь со всеми остальными ценностными категориями, с помощью которых научный наблюдатель описывает общую обстановку. (Использование полного списка категорий подразумевает упрощение обобщенных сравнений одного контекста с другим. Если список категорий не рассматривается всесторонне, тогда невозможно узнать, что можно проигнорировать при описании каждого контекста).

Некоторые виды деятельности по созданию и распределению ценностей можно идентифицировать как «богатство». Они достигают своего высшего проявления в сделках (подарки, бартер, обмен), с помощью которых притязания на материальные ценности, способность произвести больше богатства открыты для изменения, или притязания заменяются для получения товаров или услуг, которые могут быть потреблены. Когда притязания на материальные ценности переносятся путем использования насилия, это отношение, кроме того, что оно завязано на богатстве, становится властным.

Помимо власти и богатства мы выделили шесть ценностных категорий: уважение, эмоциональная привязанность, мастерство,

просвещенность, физическое благополучие, нравственность. В каждом отдельном случае ценностный результат создается и распределяется; и они получают свое высшее выражение в потенциальном обмене требования на дальнейшее развитие или обладание.

Несмотря на то что я не рассматривал данные, полученные путем психоаналитического интервьюирования с позиции упомянутого здесь системного анализа ценностей, можно сделать эту информацию более сопоставимой с данной точки зрения. В какой мере это касается власти как ценности, в той же мере «Психопатология и политика» воспринимает, по существу, выведенное здесь понятие. Когда мы анализируем бессознательную составляющую «агитатора», то понимаем, что «требование отклика» воспринимается как стремление немедленно получить признание у широкой аудитории на основе таких ценностей, как эмоциональная привязанность и уважение. В самом деле, некоторые «восторженные» агитаторы столь притягательны в своем подходе, что было бы ошибкой рассматривать их как «сконцентрированные на власти личности», если мы ограничим это обозначение наиболее крайними случаями, в которых личность интенсивно сосредоточена на принуждении.

Некоторые «агитаторы» в значительной степени заняты осуждением других. Осуждать – значит использовать нормы ответственности («правильно и неправильно») и провозглашать и осуждать голословное неподчинение. Психоаналитические исследования четко выявили значимость норм ответственности (нравственной) для самооценки политиков по рассматриваемому вопросу. Эти агитаторы-обвинители «движимы чувством вины» – суровым самоосуждением – и стремятся получить облегчение с помощью таких механизмов, как проецирование неблагоприятных характеристик на других людей на основе нравственности.

Хотя «администраторы» рассматривались как менее требовательные, по сравнению с агитаторами, к одобрению их определенными людьми, было очевидно, что склонность некоторых «бюрократов» к канцелярской волоките связана с борьбой за удержание внутренних деструктивных импульсов под контролем. В этих случаях стремление принуждать было очень близко к пол-

ному выражению и, следовательно, предполагает более близкое сходство с заикленными на власти, чем с более терпимыми типами.

Вследствие своей сосредоточенности на относительно активных личностях в традиционном правительстве и политике, я почти неожиданно натолкнулся на личные истории людей, которые были изначально ориентированы на бизнес. Было совершенно очевидно, что некоторые партийные деятели почти полностью забыли любые другие возможности, кроме стяжательства. Они подпитывали свой частный бизнес правительственными контрактами и изобретали ловкие ходы для совмещения выплаты долгов и законности. Анализ структуры их личности показывает, что они были явно нацелены на укрепление своей личной и семейной безопасности. Помимо эмоциональной привязанности и уважения они придавали огромное значение физическому благополучию – через достижение здоровья, безопасности и комфорта в зрелом возрасте.

Описание «теоретика» придает значение ценностям просвещенности (и мастерства) и дает представление о том, что рассмотренные индивидуумы сталкивались в ранний период жизни со множеством разочарований. В нескольких случаях властные мотивации были почти на поверхности и принимали косвенную форму преданности активным политикам, на которых исследуемые надеялись повлиять.

9

До тех пор пока общие выводы не будут подкреплены многочисленными результатами подробных данных, нельзя утверждать, что мы достаточно узнали, чтобы говорить, что *x* больше ориентируется на одну ценность, чем на другую, и что полностью осознанные перспективы не идентичны ценностным требованиям, ожиданиям или идентификациям, практически лежащим на поверхности. Я предлагаю принять довольно точные показатели того, как методы психоанализа могут быть использованы с тем, чтобы снабдить исследователя знанием о системе ценностей объекта его изучения и дать интервьюеру возможность извлечь из

процедур пользу путем совершенствования эффективности его проникновения в суть вещей.

Прежде всего, однако, будет полезно сделать замечание о природе «механизмов», которые извлекает на свет аналитическая работа. С помощью механизма мы оцениваем проявление воздействия образцов в виде основных элементов действия (или последовательности взаимодействий). Элементы являются единицами, из которых состоят все действия, единицами, классификация которых принята для формальных различий между ними.

Классифицируя базовые компоненты действия с точки зрения научного наблюдения, мы характеризуем последовательность событий как действие, состоящее из 1) символов, 2) знаков, 3) движений и материалов. Движения и материалы являются «физическими событиями», понятными каждому ученому-естественнику. Они могут быть определены как рабочие показатели того вида, который используется для измерения массы и энергии. Знаки, с другой стороны, сложнее, так как включают два компонента: телодвижения и возможный вариант образца субъективных событий (символов), поскольку они измеряются путем доказательства. «Доказательство» обычно означает слова, и слова объясняют, «что подразумевает данный знак». Символ – это субъективное событие, и «сторонний» наблюдатель должен выбрать образец словесных упоминаний или другие знаки, которые может принять за рабочие показатели.

Различия между символами, знаками и движениями дают нам возможность применять при работе с любыми специфическими механизмами любую желаемую степень точности. Некоторые механизмы встречаются, например, в действиях, когда заметны телесные отклонения, как в случае паралича или любого изменения «психосоматического» происхождения¹. Одна категория механизмов отличается уровнем разработанности знаков. Это

¹ См.: *Wolff A.G.* Ed. *Life Stress and Bodily Disease* // *Proceedings of the Association for Research on Nervous and Mental Disease*. 1950. 29; *Dunbar F.* *Emotions and Bodily Changes*, 4th ed. (1954). О жестях см.: *Birdwhistell R.L.* *Introduction to Kinesics*, Foreign Service Institute, Department of State (1952); *Crout M.* *Autistic Gestures* (1935).

верно для «воздействия речи», «стереотипных жестов» и т. д. Далее следуют механизмы, чья основная сложность символична в смысле «субъективного».

Психоанализ был особенно полезен для различения в великом множестве символических механизмов (термин, использованный Фрейдом в более широком смысле, чем он использован здесь). Проекция, интроекция, сосредоточение – это слабые напоминания о целом.

При описании символических событий полезно провести разграничения между символами «идентификация», «требование» и «ожидание». Связанные с личностью события – идентификации «первичного эго» – и символы других эго могут быть включены вместе с первичным эго в состав **Я**. Некоторые символические обращения относятся к другим эго, это другие **Я**.

Символами требования являются «предпочтения» и «волевые акты» для получения результатов (ценностей). Они могут быть классифицированы по отношению к власти, богатству, уважению, эмоциональной привязанности, мастерству, просвещенности, благополучию, нравственности. Мы обнаруживаем, что каждая ценность до какой-то степени востребована «личностью как целым», а также каждым связанным с личностью «образованием», таким, как семья, политическая партия, нация и т. д.

«Ожидания» – это прозаические отношения (исключая символы идентификации).

Мы должны различать события, которые совершаются «совершенно сознательно, в здравом уме и твердой памяти», от «минимально сознательных», «предсознательных» и «бессознательных». Более того, очень важно отметить этапы, через которые «действие» может дойти до завершения, и типы встречающихся помех или помощи.

10

Не углубляясь в данный момент далее в эти механизмы, вполне реально показать, как системный «ценностный» подход к взаимодействию между интервьюером и интервьюируемым может одновременно обеспечить и данные для ученого, и эффективное прозрение для пациента.

Начнем с обзора того, что происходит во время интервью с позиции ценностей. Как мы убедимся, те же базовые категории должны быть представлены особыми рабочими показателями с точки зрения каждого наблюдателя-участника. Следует напомнить, что интервьюируемый согласился говорить все, что приходит ему в голову.

Предположим, что интервью началось, как это часто бывает в терапевтической ситуации, с жалобы на физический симптом. На основе «четко выраженного содержания» интервьюируемый явно заинтересован в ценности физического благополучия.

Это отнюдь не универсальное начало. Один человек может начать с жалобы на трудности в вопросах любви. Он не будет говорить о проблемах своих половых органов и будет пространно жаловаться исключительно на трудности любить и быть любимым. Другой интервьюируемый может начать с жалоб на свое социальное положение, утверждая, что ему постоянно отказывают в признании. Или проблема может быть связана с мастерством: «Я безнадежно неловок в работе или в игре». Источником беспокойства может быть и просвещенность: «Меня приводят в замешательство мои отношения с внешним миром». На передний план могут выйти экономические трудности или несостоявшиеся политические амбиции. Интервьюируемый может быть «подавлен» (это мы называем негативным отношением к физическому благополучию) вследствие «смутного и угнетающего чувства вины» (негативный нравственный отзыв).

Упомянутые выше примеры (из непосредственного опыта) показывают интервьюируемого как человека, представляющего себя интервьюеру скорее как «пострадавшего», чем «приобретшего» в смысле использования каждого ценностного образца (примененного к самому себе).

Отношение к самому себе не является полностью враждебным. Даже преобладающий сначала тип представления может быть предпочтительным, зачастую в форме прямой оценки. Картина, вероятно, будет усложнена не просто отрицательным отношением к «другому», а изображением «другого» как «несправедливо» налагающего на него самого ограничения (или преимущества).

Следует сделать отступление, чтобы подчеркнуть, что независимо от категорий, используемых интервьюером, или от метода, задействованного для поддержания плодотворного потока, каждая история болезни потенциально имеет значение для понимания человека и общества. Глубинные интервью такого типа дают «внутренние оценки» того, что, похоже, существует в различных социальных образованиях, воздействию которых человек подвержен с младенчества до времени проведения интервью. В целях исследования мы также используем для описания социальных образований такие категории, как приведенные ниже:

*Сообщества*¹. Этот термин относится к близко взаимодействующим образованиям с различными культурами. Они варьируют от «современных» и «древних цивилизаций» или «народных обществ» до важных регионов, таких, как южные штаты или меньшие образования.

*Классы*². Внутри сообщества люди могут быть разделены в зависимости от их доступа к власти, богатству и другим социальным ценностям соответственно на верхний, средний и нижний уровни.

*Интересы*³. Группы, которые являются слишком маленькими для классов, или те, которые пересекают границы классов или даже сообществ, являются заинтересованными группами.

¹ Наиболее смелые усилия по применению психоанализа и близких к нему концепций для исследования влияния культуры на личность можно найти в работах Маргарет Мид, Дж.Горера, Г.В.Дикса, Дж.Рикмана, В.Лабарре, Дж.Бейтсона, Дж.С.Молони, А.Кардинера (среди прочих). См.: *Mead M. The Study of National Character // Lerner D. and Lasswell H. The Policy Sciences: Recent Developments in Scope and Method (1951)*. См.: *Fromm E. Escape from Freedom; Whiting J. and Child I. Child Training and Personality: A Cross-Cultural Study (1953)*.

² Взаимосвязь класса и личности прослежена в работах таких выдающихся социологов, как Карл Мангейм и Талкотт Парсонс.

³ Относительно различных интересов и личности см.: *Sperling O. Psychanalytic Aspects of Bureaucracy // Psychoanalytic Quarterly. 1950. 19. P. 88–100; Zink H. A Case Study of a Political Boss // Psychiatry. 1938. 1. P. 527–33; Alexander F. and Staub F. The Criminal, the Judge and the Public (1931); Frank J. Law and the Modern Mind (1930).*

*Личности*¹. Каждый человек окружен личностными системами, которые характеризуются ценностной ориентацией, особой деятельностной интерпретацией и механизмами.

*Кризисы*². Этот термин относится к высокому или низкому уровню «стресса перед действием». Четыре предшествующие категории повторяются здесь согласно предположению, что «уже первая» классификация соответствовала «нормальному», или «обычному», уровню.

11

При изучении «политики изнутри» очевидно, что это социальное окружение имеет большое значение, и что каждое психоаналитическое интервью раскрывает множество формирующих факторов, которые, по-видимому, будучи постоянными в рамках каждого контекста, на различных уровнях изменяются. Очень жаль, что психодинамически ориентированные специалисты были медлительны при разработке процедуры для отчета о наиболее характерных, по крайней мере, особенностях в каждой истории болезни. Будь эти данные доступны в течение последних тридцати лет, если повторить жалобу, высказанную в «Психопатологии и политике», наше знание о взаимовлиянии цивилизаций, классов, интересов и типов личностей друг на друга на различных уровнях кризиса было бы обосновано гораздо полнее и достовернее.

По мере того, как подобное знание увеличивается в своей репрезентативности и глубине, социальная психиатрия начинает играть более важную роль в оценке человеческих последствий во

¹ *George A.L., George J.L.* Woodrow Wilson and Colonel House: A Personality Study (1956); *Adorno et al.*, Authoritarian Personality (1950); *Lindner R.M.* Rebel Without a Cause (1944); *Lane R.E.* Political Character and Political Analysis // *Psychiatry*. 1953. 16. P. 387–398; *Rees J.R.* Ed. The Case of Rudolf Hess, A Problem in Diagnosis and Forensic Psychiatry (1948); *Gilbert G.M.* Nuremberg Diary (1947).

² Тема войны привлекала особое внимание психоаналитиков, например, Р.Уалдера, Е.Гловера, Е.Ф.М.Дурбина и Дж.Боулби, Мани-Кирла, У.А.Уайта, И.Д.Сутти. Для ознакомления с текущей дискуссией см. журнал «Conflict Resolution».

всех социальных образованиях. Фрейд преуспел в постановке вопросов, на которые можно ответить только тогда, когда в нашем распоряжении будут соответствующие институты самоизучения. Например, основатель психоанализа чувствовал тревогу за будущее человека в обществе. Это, конечно, верно, что сам Фрейд, несмотря на длительную борьбу по преодолению своих постоянных невротизмов, прожил весьма «буржуазную» жизнь. Неважно, какие кровожадные или кровосмесительные импульсы прорывались из его подсознания, Фрейд удерживал их в подчинении благодаря устойчивой защите структуры своего эго. Но опасения Фрейда возникли в силу ожидания того, что другие люди могут оказаться не в состоянии успешно бороться за сохранение самообладания. Следовательно, человечество должно, используя все возможности, готовиться к взрыву против «невыносимого» груза культуры¹.

В качестве компенсации мы можем вдохновляться не только личной победой Фрейда как примером для широкого подражания, но и прояснением человеческого развития, которое усиливается и за счет наступления и продуктивности психоанализа. Чем интенсивнее мы анализируем «систему личности», тем становится очевиднее, что подлинная единица социального процесса – это не биологическая сущность, представляющая собой организм человека. Скорее каждая единица – отношение «личность – личность».

Наиболее революционные новаторы типа Фрейда считают почти невозможным полностью принять некоторые свои наиболее блистательные открытия. Неудивительно, что Фрейд продолжал говорить о «человеке», противопоставляя его «обществу», а не признавал, что это всегда ситуация «человек в обществе» против «человека в обществе» (или «с человеком в обществе»). Начиная с рождения и дней младенчества, если, в действительности, еще не за несколько месяцев до рождения, социальное так воздействует и изменяет каждый физический организм, что он движется во времени, неся последние «внесенные обществом изме-

¹ «Цивилизация и ее недостатки» остается одним из наиболее захватывающих политических и социологических сочинений Фрейда.

нения» вплоть до следующей возможности претерпеть изменения и, в свою очередь, влиять на других¹.

12

Значение этой концепции подтверждается последовательностью событий в процессе интервью с присущим ему непрерывным движением туда-сюда «знаков», которые служат промежуточным звеном «символических» событий между двумя непосредственными участниками. Несколькими страницами ранее я привлек внимание к некоторым особенностям интервью, рассматриваемого с точки зрения интервьюера, который классифицировал ссылки интервьюируемого на самого себя (и некоторые другие сделанные им ссылки). Давайте слегка изменим наш угол зрения и рассмотрим интервьюера, который отмечает для себя, как интервьюера, значение событий в ситуации.

Несомненно, для интервьюера наиболее значимая ценность – мастерство; и интервьюируемый может пройти через весь спектр – от снисходительности до строгих ограничений, налагаемых интервьюером. Все квалифицированные психоаналитики весьма чувствительны к способам, которыми может быть проверено их мастерство, и часто вводятся в заблуждение защитными маневрами подсознательных «защит» системы личности интервьюируемых.

Психоаналитики подвержены снисхождению и утрате на основе эмоциональной привязанности. Интервьюируемый может вызвать любовь у интервьюера и противостоять ему «ценой» от-

¹ Я пишу как человек, который рассматривает «социологизацию» психоанализа как развитие, которое помогает освободить наследие Фрейда от ошибок. Из числа европейских аналитиков в США важную переходную роль играет Карен Хорни. Американец Гарри Стак Салливан превратил Вашингтонскую психиатрическую школу W.F. White Foundation в центр по изучению межличностных отношений. Для современного уровня исследования терапевтического процесса и терапевтического сообщества см.: *Greenblatt M., Levinson D.J., Williams R.H., eds, The Patient and the Mental Hospital (1957) and Leighton A.H., Clausen J.A., Wilson R.N., eds., Exploration in Social Psychiatry (1957).*

каза от самопроизвольного выражения привязанности с тем, чтобы пациент преодолел свои личные проблемы.

Интервьюерам зачастую приходится сталкиваться с нравственными проблемами; например, явное страдание, через которое проходят некоторые интервьюируемые пациенты, может вызвать у них глубокое чувство вины. Это чувство обычно не столь явно и преодолевается с трудом по сравнению с высказанным в его адрес осуждением со стороны пациента.

Есть проблемы, связанные с любопытством (просвещенностью). Интервьюеры могут касаться проблем, представляющих большой интерес и определенную важность для понимания некоторых аспектов общемирового масштаба; однако интервьюер легко переносит разочарование, не следуя за намеком.

Я упоминал чувство вины. Обычно оно осложнено беспокойством и другими сохранившимися признаками невроза (или даже психоза) интервьюера. Некоторые интервьюируемые явно оказывают неблагоприятное воздействие на физическое состояние интервьюера.

Интервьюеры часто оказываются перед перспективой материальных потерь не только в «служебных» ситуациях, но и вследствие действий пациентов и спонсоров. Ожидаются также милости, и одна из проверок уровня профессиональной пригодности и нравственности интервьюера состоит в том, сможет ли он различить «симптомы» и действительно приемлемый вклад.

Ценности уважения неизменно являются источником беспокойства для интервьюера, особенно, когда интервьюируемый находится на более высокой ступени социальной лестницы и «бессознательно» выдает свое презрительное отношение к людям более низкого социального положения.

Немало интервьюеров в значительной степени вовлечено в общепринятом смысле в политику, чтобы ощущать угрозу, когда интервьюируемые нападают на их партийную программу или идеологию «капиталистической системы».

Такой намек на политику имеет общепринятое значение. У интервьюера есть большой шанс стать мишенью для власти и использовать ее в функциональном смысле применения насилия. Это в особенности заметно, например, в обстановке психиатриче-

ской больницы, где врач обладает большей потенциальной властью над пациентом, чем над произвольно взятым человеком вне ее стен.

Важно, что отношения «интервьюер-интервьюируемый», как и все социальные взаимодействия, представляют собой непрерывный процесс взаимного получения и лишения ценностей от участника к участнику и каждой личности от самой себя. Как было указано выше, приобретения или лишения, полученные личностью «у себя самой», зачастую имеют большее значение, чем положительные или отрицательные отклики, направленные на «другого» или полученные непосредственно от «другого».

Последнее замечание не означает, тем не менее, что «индивидуум» обращен лицом к «обществу»; компоненты личности, которые ответственны за ее наказания и поощрения, являются отпечатком прошлого опыта взаимодействия с другими людьми.

13

Теперь должно стать ясно, почему исследование политиков (и политики в целом) методами, широко предлагаемыми психоанализом, до сегодняшнего дня прогрессировало незначительно. Существуют тысячи политических ролей. Необходима широкая социальная проверка, чтобы распознать эти роли в традиционном или функциональном смысле. И это важная задача по выяснению степени, в какой эти роли исполняются личностями, ориентированными на власть. Важнейшая задача – показать эволюционную последовательность, которая приводит к формированию сконцентрированной на власти зрелой личности, то есть такой, которая предпочитает скорее обзывать, чем убеждать, даже когда убеждением можно было бы достичь любого желаемого результата, исключая возможность применять насилие. В дальнейшем это осложняется изменяющимися образцами развития, ибо различные типы поведения воспринимаются с одобрением или без одобрения в семейном кругу, в школе, в сообществе в целом. Соответствующая конфигурация постоянно меняется с течением времени по мере того, как политические роли изменяют свое отношение к личностным системам; и история развития личностных систем – это непрерывное движение. В конечном счете ос-

мысление и постижение – осознание личностью самой себя, осознание принятых ранее решений – входит в широкое и непрерывное переосмысление роли, личности и развития.

14

Подобным образом «Психопатология и политика» сыграла позитивную роль в переходе к конфигуративному изучению человека в социальном окружении. Однако очевидно, что колоссальная интеллектуальная деятельность, уже сама по себе являющаяся актом созидания, ценна в том случае, если мы можем стремиться к тому, что *можем* узнать. Главная составляющая задачи заключается в создании теории политической личности, охватывавшей каждую возникающую в результате наблюдений точку зрения. (Рабочие показатели могут изменяться в зависимости от точки зрения).

Без стремления создать всеобъемлющую классификацию точек зрения можно выявить некоторые критерии, с помощью которых можно ранжировать интенсивность. Наиболее интенсивными процедурами являются те, в которых, во-первых, субъекты осведомлены о наблюдателе и о факте изучения, во-вторых, методы записи и обработки данных требуют особой подготовки, и, в-третьих, отношения продлены во времени. Глубинное психоаналитическое интервью – это крайне интенсивное исследование, так как объекты изучения могут остро ощущать свое положение подопытных, на изучение которых специалист может потратить часы (а иногда и годы), чтобы завершить свое наблюдение. Исследование также носит интенсивный, хотя и не психоаналитический характер, когда исследователь использует комплекс тестов через определенные интервалы времени в экспериментальных условиях или действует как участник в повседневных жизненных ситуациях (при этом сбор данных – по стандартной методике социальных антропологов). Ситуация является менее напряженной, когда предмет обсуждения сведен, например, к рассказу и комментариям о профессиональной карьере (подобно тому, когда судья рассказывает свою историю юридически образованному человеку). Позиция будет не столь напряженной, если тесты используются только для выявления некоторых предпочтений и

ожиданий субъекта, или когда квалифицированный исследователь, такой, как психоаналитик, не может применить к объекту исследования свой особый метод, но делает предположения о нем, опирающиеся на данные, полученные в других обстоятельствах (например, когда даются объяснения поведения свидетелей на суде или заключенному предстоит пройти судебное разбирательство или отбывать тюремное заключение).

Помимо различий между подходами с точки зрения их интенсивности будет полезно добавить такой критерий, как цели участников (например, лечение или обучение) и степень выполнения этих целей (по мнению исследователя, который опирается исключительно на данные, полученные при исследовании). Схематично это выглядит так:

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОЗИЦИИ

А. Интенсивность – экстенсивность

1. Потраченное время.
2. Специализация записи и обработки (включая эксперимент).
3. Осведомленность, неосведомленность объекта исследования:
 - а) о наблюдателе;
 - б) о том, что его исследуют,

Б. Цели – результаты

1. Лечение, обучение, исследовательские цели.
2. Степень реализации цели.

Термином «собиратель» мы обозначаем исследователя, который не имел непосредственного контакта с объектом и не мог лично повлиять на результат (как в случае с историком, изучающим в наше время Юлия Цезаря). «Интервьюер» лично известен объекту его изучения. «Участник» известен его объекту, но не воспринимается как непосредственно работающий с ним. «Наблюдатель» ведет наблюдение за людьми, которые не осведомле-

ны о нем или о том, что за ним наблюдают с научными целями. Процедуры, которые применяют интервьюеры, участники или наблюдатели, могут быть экспериментальными или неэкспериментальными. Целями может быть исследование, обучение или лечение¹.

¹ Одним из наиболее важных движений последних лет было умножение усилий по определению обстановки психоаналитического интервью как шага на пути экспериментирования. Сейчас используются многие модификации ортодоксальной модели, выделенные Фрейдом, среди которых самой новой, возможно, является терапевтическая группа. Исторический интерес может представлять замечание, что хотя я общался со многими психиатрами и психоаналитиками в Европе в 1928 и 1929 гг., никто не мог видеть никакой заслуги в усилиях получить вербальные интервью или в расширении записи с включением физиологических изменений или замечаний о видимых телодвижениях. Другой американец (Э.Зинн) независимо предлагал в то же самое время те же «чуждаковые американские» идеи. Я возвратился (в США – *Прим. пер.*) в 1929 г. абсолютно убежденным в значимости «воплощения» обстановки интервью. В среде американских психиатров Гарри Стак Салливан относился к числу немногих, кто использовал активацию и частично записывал свою работу с пациентами-шизофрениками в больнице Шеппарда и Еноха Пратта в Тоусоне, штат Мериленд. Новое здание исследовательского центра по общественным наукам Чикагского университета позволило приступить к программе реализации. Д-р Уильям А. Уайт, руководитель больницы св. Елизаветы в г. Вашингтоне, был особенно воодушевлен проектом. С помощью Честера Дарроу и других был создан аппарат, который позволил установить изменения электропроводности кожи человека, а также регистрировать постоянные изменения ритма пульса и дыхания. Интервьюер отмечал все наблюдаемые телодвижения. Данные о кровяном давлении и анализы крови брались до и после интервью. О результатах сообщается в следующих статьях: *Lasswell H. Verbal References and Psychological Changes During the Psychoanalytical Interview: A Preliminary Communication* // *Psychoanalytic Review*. 1935. 22. P. 10–24; *Certain Prognostic Changes During Trial (Psychoanalytic) Interviews* // *Psychoanalytic Review*. 1936. 23. P. 241–247; *Veränderungen an einer Versuchsperson während einer kurzen Folge von psychoanalytischen Interviews* // *Imago* (Vienna). 1937. 23. P. 375–80.

Когда я оставил Чикагский университет в 1938 г., вагоны, в которых переправлялись записи, попали в аварию. Водитель первого вагона отпра-

Всеобъемлющий подход к изучению политических личностей должен соотносить каждое общее понятие со специфическими показателями, доступными на каждой позиции наблюдения. Давайте определим в рабочем порядке политическую личность как «сконцентрированную на власти», как придающую наибольшую важность власти как ценности (*применительно к группе, представителем которой является субъект*; относительная важность имеет для нас значение, так как мы знаем, что власть занимает низкую осознанную позицию в различных культурах, у социальных классов, в группах интересов, у личностей и в бескризисные периоды).

Допустим, мы применяем это краткое определение для одной из наименее сложных наблюдательных позиций (назовем ее позиция А), подходящей для изучения таких типов политиков, как судьи, чиновники и партийные лидеры. Позиция А состоит в том, что официально подготовленный интервьюер задает вопросы не обо всей истории, которая, например, может включать информацию о сексуальной жизни объекта изучения, а о краткой профессиональной автобиографии. Предположим, что в позиции А не применяют методы свободных ассоциаций, аналитическое истолкование или тесты. Теперь мы определим некоторые рабочие индексы, с помощью которых можно выявить «политические

вился спать и сбился с пути, второй вагон врезался в первый, и бумаги оказались разбросаны и облиты топливом. Поскольку мой основной интерес был связан с коллективными политическими процессами грядущей войны, мое внимание было сконцентрировано на проблемах коммуникации. Методы контент-анализа, первоначально примененные в психоаналитических интервью, были адаптированы к исследованию напечатанных и записанных материалов. С начала войны было несколько больших проектов с использованием интервью. См.: *Auld Jr. F. and Murphy E.J. Content-Analysis Studies of Psychotherapy // Psychological Bulletin. 1955. 52. P. 377–95*; См., например: *Dollard J. and Mowrer O.H. A Method of Measuring Tension in Written Documents // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1947. 43. P. 3–32*; Also, *Lasswell H. A Provisional Classification of Symbol Data // Psychiatry. 1938. 1. P. 197–204*; *Lasswell H., Leites H. and Associates, Language of Politics, Studies in Quantitative Semantics (1948).*

личности». В общем виде наши индексы включают все утверждения, выделяя «потребность навязывать». Мы проводим еще одну классификацию, учитывая, действительны ли утверждения «сам», «о себе» или «о других» (кроме интервьюера) или «об интервьюере». (При классификации полученных данных мы можем применять общепринятый термин «политическая личность» в отношении объектов, входящих в высшую четверть в каждой группе).

Категории:

«За себя»: непосредственное выражение удовлетворения человека, заявляющего о распространении своей воли на других в ситуации любого рода в любое время его жизни; подсчет подобных ситуаций; заявления о намерении продолжать делать это в будущем; предсказание успеха и разработка планов и прогнозов.

«Против себя»: осуждение себя за то, что подчинился чьей-то воле и остался с этим; подсчет сомнительных случаев; пессимистические прогнозы результатов будущих усилий по «освобождению» самого себя или распространению своей воли на других.

«Против других» (исключая интервьюера): сомнение в том, что другие люди стремятся навязать свою волю, успешно или нет; подсчет сомнительных случаев; обвинение других в планах господствовать; разработка подобных планов.

«За других» (исключая интервьюера): восхваление других за попытки доминировать над другими, включая интервьюируемого, и за осуществление этого; разработка условий; одобрение прогнозов будущих навязанных попыток; разработка прогнозов.

«За интервьюера»: восхваление интервьюера за попытку навязать свою волю, успешно или безуспешно; разработка; одобрение прогнозов будущих попыток; разработка.

«Против интервьюера»: сомнение в успешных или безуспешных попытках интервьюера навязать свою волю, разработка; осуждение прогнозов, разработка.

Будет ли абсолютно верно говорить, что все люди (и группы), продемонстрировавшие низкие результаты в процессе интервью «профессионал-интервью-профессионал» (позиция А), не являются политическими личностями? Нет. Опыт подсказывает,

что в некоторых культурах считается недопустимым делать подобные утверждения по отношению к члену профессионального сообщества (даже во имя «науки», если это слово имеет какое-то значение в данной культуре). Мы также знаем, что представители различных социальных классов предпочитают, видимо, отличаться в высказывании подобного рода утверждений. И мы знаем или, по крайней мере, всерьез подозреваем, что некоторые системы личности не могут примириться с подобными допущениями.

Поэтому мы должны принять результаты, полученные с позиции А, как временные и отдать больший приоритет результатам более интенсивных позиций (например, когда объекты соглашались обсудить всю их жизнь, личную или профессиональную, и воспринимают интервьюера как специалиста, профессионально подготовленного для таких откровений). В нашей культуре подобная позиция (назовем ее позиция Б), вероятно, наиболее приемлема для врача, социального работника или психолога, однако она доступна и для человека, не слишком подготовленного для этих видов деятельности, но имеющего репутацию обладателя большого опыта и личной зрелости. Даже сегодня у нас нет достаточного систематического опыта по сбору данных с помощью процедур типа Б, чтобы знать, как соотнести их с результатами, полученными с помощью процедур А.

16

Позиции А и Б рассматривались как средство установления сознательных перспектив изучаемых личностей. Однако «Психопатология и политика» явно не сводит определение личности к сознательной перспективе. В ней изучены результаты различных исследовательских позиций для того, чтобы выявить как бессознательные, так и сознательные структуры. Данные, относящиеся к бессознательным ориентациям, важны для достижения итоговой классификации политических ролей, как важных, так и второстепенных для системы данной личности. Важен вопрос, действительно ли отказ от возможности сыграть политическую роль, даже очень скромную, разрушит целостность личности. Иногда окружение готовит для нас «сюрприз» и создает человеку трудности, например, когда его увольняют с работы. В результате че-

ловек может прибегнуть к крайним мерам (суицид) или проявить симптомы ведущих к неработоспособности соматических изменений или впасть в состояние психической невменяемости. Подобные случаи, изложенные в «Психопатологии и политике», привлекли внимание терапевтов именно в силу политических последствий. Это были личности, в полном смысле нашего определения ориентированные на власть, поскольку их способность оставаться полноценными членами общества зависела от социальной ситуации, в которой они с определенным успехом могли сохранить и использовать власть. Эти системы личности были столь жестко ориентированы на выполнение определенного набора ролей, что оказывались не способны поддерживать свою целостность, когда их возможности были исчерпаны.

Анализируя бессознательное измерение личности человека, который еще не оказывает сопротивление, мы можем предсказать его отношение к политическим лишениям. Если, однако, исследование бессознательного выявляется таким образом, что делает невозможным для объекта глубже понять самого себя, прогноз может, видимо, быть неверным. (Следует отметить, что можно установить бессознательную ориентацию объекта без содействия его пониманию, как в случае использования наркосинтеза или определенных методов проективного тестирования).

Помимо обеспечения нас возможностью диагностировать базовое или связанное с ним значение специфической политической роли или ценности власти в рамках системы личности, исследование бессознательных факторов дает возможность изучить «эволюционные» последовательности. Другими словами, техника, с помощью которой выявляются показатели бессознательного, – это техника, применяя которую, выявляют прошлые события. В психоаналитическом интервью воссоздание может происходить путем рассказа о приводимых в оправдание событиях, которые, вероятно, имели место в прошлом. Воссоздание принимает также форму повторения в настоящем действий, совершенных в прошлом. Такое случается, например, когда объект «притворяется» при первой реакции, даже прибегая к плачу с использованием детских интонаций и лексики или принятию детских поз. Следует отметить, что многие действия, когда они ини-

цированы в ходе интервью, не дают прямого доступа к полностью пробужденной осознанности. Велико также беспокойство. Однако эти действия могут получить косвенное выражение, достигнутое с помощью «историчности» в форме «воспоминания» или «повторения».

Распространение на текущую запись «событий, имеющих отношение к прошлому», или «событий, повторявшихся в прошлом», позволяет ученому-наблюдателю получить данные, необходимые для реконструкции последовательностей, которые обычно скрываются с помощью выборочного стресса при выполнении политических ролей. Как отмечалось ранее, мы должны четко различать события, которые имели место во время интервью или до этого, вызванные интервью или возникшие позднее, так как это важно для того, чтобы рабочие показатели каждой позиции не смешивались. Например, история давнего совращения – это характеристика в ситуации интервью, поскольку данная история рассказана в этих условиях, а не потому, что в ней есть доля правды о мнимом совращении¹. Это позволяет формулировать аналитическую теорию в следующих рабочих терминах.

Когда в процессе интервью рассказываются истории совращения, интервьюируемый быстро по ходу заменит в истории факты о реальном происшествии изложением позднего субъективного требования со своей стороны (например, быть соблазненным упомянутым лицом). Или: вероятность того, что история совращения будет рассказана, возрастает, если интервьюируемый будет обвинять интервьюера и других влиятельных лиц в намерении оскорбить его. (И так далее).

В идеале было бы возможно в любое данное время представить отчет о частоте, с которой эти гипотезы подтверждаются или опровергаются данными. Очевидно, что если должна быть установлена частота случаев совращения, включая взрослых и детей, должны быть использованы другие исследовательские позиции. Может быть применена теория развития, сформулирован-

¹ Фрейд активно исследовал эту проблему. Эрнст Джоунс поместил подходящие случаи в соответствующем виде в первом томе своей биографии Фрейда.

ная на основе психоаналитической ситуации и определенная в рабочем порядке в ее рамках с различными рабочими определениями и с других позиций. В целом нашего научного опыта достаточно для того, чтобы можно было достоверно предсказать результаты, полученные со *всех* позиций, исходя из данных, полученных с *любой* точки зрения. Так, это может означать, что проинтервьюированные с психоаналитической точки зрения политики в большинстве своем (95%) принадлежат к тем людям, которые утверждают, что в детстве имели подобный опыт. Данные могут подтвердить прогноз, что не такой высокий процент (90%) среди тех, кто прошел проективные тесты, считают, что они имели подобный опыт (или представили доказательства о таком опыте). Дальнейшее исследование может подтвердить, что группа поменьше (75%) будет свидетельствовать об опыте такого типа при интервьюировании менее интенсивными методами, как в рассмотренном ранее случае с А. Общая гипотеза о межпозиционных прогнозах заключается в том, что предсказуемость напрямую зависит от позиции на шкале «интенсивность-экстенсивность». Более интенсивные позиции в меньшей степени обеспечивают прогноз.

17

Описанные здесь фигуры являются гипотетическими, так как по этим направлениям было проделано слишком мало систематической работы. Тем не менее, у нас накоплено достаточно опыта для того, чтобы подтвердить формулировку гипотезы о значимом для развития науки опыте. В данном обсуждении я не пойду дальше заявления о том, что наиболее подходящее утверждение заключается в том, что *личности, сконцентрированные на власти, формируются из людей, которые полагают, что властные позиции (роли) являются наилучшим средством для достижения ими максимально высоких ценностных позиций. Это является следствием наказаний, полученных от лиц, которые также рассматривались и как источник большого вознаграждения. Сильный гнев и постоянная реакция благополучно находят выход в смягчении депривации, хотя и не дают полного освобождения.* Для того чтобы обрести истинное значение, каждое ут-

верждение должно быть проверено на практике для каждого сегмента на протяжении всей жизни с каждой позиции наблюдения (от самой поверхностной до самой глубинной). Гипотеза по желанию может быть ограничена с тем, чтобы в фокусе рассмотрения были политические образования разной степени сложности. Например, нужно добавить минимальный уровень мастерства для того, чтобы быть уверенным, что будут исключены лица, которые живут только в мире собственных фантазий и не имеют ни малейшего шанса на успех¹.

18

Одно из преимуществ разграничения традиционной и функциональной политики заключается в том, что оно дает возможность поместить в центр научного анализа людей, находящихся у власти в государственных органах различного типа. В большом индустриальном государстве, таком, как Соединенные Штаты Америки, где существует традиция правления народа, – это быстрое «восхождение по лестнице», вероятно, ведет к огромному разнообразию типов личностей. На уровне избирательного участка во многих солидных жилых районах политически активные силы зачастую состоят из людей, мотивация которых далека от внутренних мучений власти². Мы часто встречаем домохозяек, скучающих или подавленных рутинной, приветствующих возможность активно заняться общественной деятельностью, которую их приучили рассматривать как моральную ответственность. Они наслаждаются близкими отношениями с другими сотрудниками избирательного участка и радуются растущему уважению, которое вызвано тем, что друзья и соседи восприняли их как «винтик». Здесь размеренные интересные разговоры о городской ра-

¹ См.: *Lasswell H. Power and Personality* (1948) (*Salmon Thomas W. Memorial Lectures*, New York Academy of Medicine, 1947); *Democratic Character // The Political Writings of Harold D. Lasswell* (1951). P. 465–525; *Eysenck H.J. Political Personality* (1954).

² Отрывки доказательств были собраны учеными-бихевиоралистами, анализирующими политический процесс. Среди других работ см.: Key V.O., Heard A., Leiserson A., Grazia A. de, Gosnell H.F., Forthal S.

туше или Капитолии и Вашингтоне – разговоры, в которых реализуются некоторые мотивации, не исключая потребность в знакомстве с силами, которые влияют на чью-то судьбу. Некоторые сотрудники избирательных участков гордятся тем мастерством, с которым делают свое дело, и наслаждаются тем фактом, что новая «партийная» семья дала себя уговорить благодаря преднамеренной дружбе и советам, что делать с потоком дел. Член избирательной комиссии может получить за счет широкого круга знакомств некоторое экономическое преимущество в виде страховки или стабильного легального дохода. На многих избирательных участках отнюдь не только отдельные сотрудники стремятся продвинуться по лестнице традиционной политики. «Катонская сила убеждения», присущая молодому Ленину, или неумная коварная амбициозность Сталина появляются при любом общественном порядке.

Однако нельзя не заметить, что даже в условиях безопасности в доме и за его пределами потребность в насилии и стремление занять положение, которое позволит подчинять своей воле других, далеко не исчерпаны в традиционной партийной политике. Это особенно очевидно там, где она носит вопиющий характер, что применимо к некоторым избирательным участкам, расположенным в районах с высокой мобильностью на территории больших городов. Постороннему наблюдателю ставки могут показаться незначительными, однако политическая организация может создать впечатление, что предлагает одно из немногих средств спасения от исчезновения в каменных джунглях и возможность «застолбить себе место». Физическое насилие и запугивание могут быть нормой, а не исключением среди подростков, в отношениях между мужем и женой, родителем и ребенком, между соседями. Некоторые мальчики стараются сделать все что могут, чтобы подчинить себе враждебное окружение. Полиция или армия обеспечивают «путь наверх»; и новобранца заставляют принять все, что он может.

В обществе, где есть условия для выхода амбиции среднего класса, существует много традиционных путей достижения высокого положения в правительственных и партийных организациях. Мы видим блистательных молодых мужчин и женщин, идущих

щих в юриспруденцию, журналистику, а в последнее время в экономическую, политическую и социальные науки в надежде на продвижение. Почти все эти молодые люди, несмотря на амбиции, далеки от того, чтобы сконцентрироваться на обладании властью, и это с точки зрения общественного порядка является огромным источником силы всеобщего благоденствия. Те, кто стремится к вершинам, кажутся дружелюбными, несмотря на соперничество мужчин и женщин, для которых сложные образцы удовлетворенности, состоящие, например, из любви, уважения, образованности и профессионального мастерства, более привлекательны, чем власть в функциональном смысле этого понятия. В американской политике путь на вершину может быть разным и имеет вид плохо работающего лифта, а скорее представляет собой спутанный клубок веревочных лестниц, канатов и узких обходных путей, привлекающих людей из других областей деятельности на различных уровнях процесса и ведущих других к смертельному исходу или слепому падению.

Процесс рекрутирования в промышленно развитых и демократических государствах, возможно, направлен на то, чтобы трансформировать личности, сконцентрированные на власти, в очень ценных людей или полностью их отвергнуть. Отвергнутые искатели власти имеют возможность реализовать себя в бизнесе, профсоюзной деятельности, организованной преступности и в других сферах, где они надеются закрепиться на единоличной позиции и доминировать над другими. Однако сфера бизнеса, как и сфера труда, и связанные с ним виды деятельности имеет структуру, которая только частично контролируется единичными элементами. К сегодняшнему дню даже единичное проявление монопольного контроля запустит в действие антимонопольные механизмы, которые создают препятствия для возникновения реального диктаторства.

В древних автократических и аристократических системах общественного порядка человеческие отношения складываются в соответствии с занимаемым «местом» в жизни. Этим принципом определяется степень участия в политике. Элиты современных деспотических режимов были вознесены на вершины власти на плечах массовых движений, которые они спровоцировали и кото-

рыми более или менее успешно управляли и направляли их. Преисполненные страха от того, что допущены в царство власти, основные элементы новых правящих классов стремились заменить принцип профессиональной партийной службы более старым принципом рангов и использовать партию для закрепления идеологически устойчивых элементов на ключевых постах. Из-за атмосферы террора, который осуществляется при деспотических режимах, процесс рекрутирования элит поощряет лиц, способных примириться с неопределенностью без потери способности выявлять людей, с которыми они могут реально взаимодействовать. Если они, в конце концов, выживают, сконцентрированные на власти личности поднимаются без помех по ступенькам партийной иерархии, и в длительном восхождении они должны сдерживать свои устремления, не позволяя амбициям исказить свои оценки реальных факторов.

Сложное разделение труда в современном обществе преобразовало масштабные организации в огромную бюрократию. В бюрократической системе приветствуется скорее косвенное, чем прямое выражение власти; вознаграждаются профессиональная компетентность, личная вежливость, умение прислушиваться к мнению других, выполнение общепринятых этических норм поведения в официальном кругу, скромные расходы и другие подобные качества. Не поощряются властные мотивации в виде лидерства над массами или какого-либо другого типа лидерства. В частности, не приветствуется непредсказуемость, при этом непредсказуемость является одной из несомненных, а зачастую главных характеристик «харизматической» фигуры, с которой могут идентифицировать себя толпы и фанатики.

Стандартизация «позиции» в современных индустриальных обществах эквивалентна распределению «рангов» в феодально-аграрных системах. Возможен рост уязвимости крупных административных аппаратов от вторжения на вершину предпринимчивых групп. В чрезвычайных обстоятельствах современные армии и вооружения теряют немалую часть своего потенциала по причине страха перед своей разрушительной силой. Следовательно, они почти наверняка теряют время в проверке и перепроверке сообщений, которые, по крайней мере, внешне предоставляют им

возможность перейти в контратаку. В силу потенциальной беспомощности крупной организации для малых групп дисциплинированных и компетентных людей создаются прекрасные возможности не только разрушения, но и захвата власти. Сконцентрированные на власти личности, несомненно, будут продолжать искать слабые места в устаревших структурах современного мирового устройства.

19

Одно из главных намерений социологической и психологической науки в последние годы заключалось в выяснении, до какой степени предрасположенность людей к специфическим формам поведения может определяться влиянием малых групп или ближним окружением. С помощью экспериментов появилась возможность показать, что природа откликов различается в значительной степени в зависимости от характера ситуации и независимо от личностей участников. Это означает, что участники могли меняться ролями, и в последующих изменениях поведения может приниматься во внимание не личность, а роль¹.

В какой мере можно добиться какой-либо реакции от любого человека, независимо от тех намерений, с которыми он включается в ситуацию? Очевидно, что некоторые реакции нельзя вызвать напрямую (по крайней мере, без столкновения участников с неизбежными страшными угрозами наказаний или возможностью вознаграждения). Например, от военнопленных вообще не ждут обвинений в адрес их стран и просьб о гражданстве во вражеской стране немедленно после захвата их в плен, если побуждающий мотив не представляет собой не более чем обещание улучшения условий жизни. Однако последний поступок (отказ от гражданства) может быть вызван в конце серии подчиненных ситуаций, когда участник (или участники) ожидают такого улучшения своего

¹ См.: *Shils E. The Study of the Primary Group and Bavelas A. Communication in Task Oriented Groups* / Lerner D., Lasswell H. eds., *The Policy Sciences: Research Developments in Scope and Method* (1951). Chapter 10; *Guetzkow. Building Models about Small Groups* / Young R.A. Ed., *Approaches to the Study of Politics* (1958).

положения, что маленькая уступка кажется не более значительной, чем временное вознаграждение. Поощрения или наказания могут быть неявно уравновешены таким образом, что в одном случае «улучшение» означает получение пищи получше, а в другом – устранение угрозы ухудшения пищи. Ценности на кону – не важно, сиюсекундные или великие – варьируют во всем, что мы определяем. В частности, сознание участника может быть расщеплено так, что когда одна часть личности продолжает налагать на него чувство вины или стыда (нравственность, уважение), другая часть переносит его вину на интересы «Уолл-стрит», которые, в первую очередь, и втянули его в неприятности ради «спасения своих инвестиций в руках промышленности» и которым приписывается все возможное неуважение к патриотизму, сохраняемому в качестве «опиума» для народа. Считая других виновными и бесчестными, человек усиливает представление о себе как о пострадавшем от лишений, но лишение воспринимается теперь как исходящее из внешнего мира и таким образом, что ответственность за аморальное и бесчестное поведение находится где угодно, только не в первичном эго.

Образование и лечение осуществляются по фундаментальному образцу, который мы описываем. От преподавателей и студентов ждут не того, что все они немедленно будут жить по различным нормам поведения, но чтобы они хотя бы примерно на основе вознаграждения или лишения ценностей соответствовали нормам в разных местах и в разное время. Телесная боль или дискомфорт, воздействие на чувство привязанности или уважения предположительно играют по мере взросления детей и интернализации команды бывшего окружения все меньшую роль. Они могут стать более чувствительными к возможностям, относящимся к профессиональному мастерству и образованию, уважению и более сложным видам деятельности в отношении богатства или политики. Общества считают своих граждан взрослыми в смысле выполнения ролей, когда они усваивают достаточно ролей, чтобы свести пользу от внешнего насилия к минимуму.

Лечение также происходит постепенно, когда пациент страдает от расстройств, вызванных бессознательными процессами. «Коммуникативное лечение» делает акцент на сигналах, которые

посылают друг другу врач и пациент (и другие участники терапевтической группы), напрямую воздействующие на все ценности всех участников ситуации. «Медикаментозная и связанная с ней терапия» основана на использовании для воздействия на пациента незначительных событий при намерении контролировать только показатели физического состояния. Часто случается так, что восстановление некоторых физических событий будет глубоко влиять на символические события и наоборот. Взаимозависимость физических и символических событий такова, что используются объединенные коммуникативные и некоммуникативные средства для получения оптимальных результатов.

20

Каково значение работ или, по крайней мере, усовершенствованной стратегии, контролирующей руководство с помощью «мелкого деления» социального процесса на все большее число участников, каждый из которых может стать объектом продуманного управленческого вмешательства?¹ До той степени, в какой эта стратегия применяется к каждому социальному взаимодействию все двадцать четыре часа в период от рождения до смерти человека, каждое взаимодействие становится податливым к планируемому изменению. Всегда применимы две подчиненные стратегии, которые мы называем «одобрение» и «исправление»².

Рассмотрим сначала стратегию одобрения. Она заключается в управлении ценностной терпимостью и депривацией на основе предположения, что участник или участники могут усиливать свое действие, принимая во внимание терпимость и депривации. Например, мы разрешаем вопрос о превышении скорости с помощью штрафа или одобрения действий хороших водителей на

¹ О разработанных методах см.: *Skinner P.F. The Behavior of Organisms* (1938); *Teaching Methods // Science*. 1958. 128. P. 969–71; отметим также его художественное произведение «Уолден-2» (1948).

² Для специального случая см.: *Lasswell H.D. and Donnelly R.L. The Continuing Debate over Responsibility: An Introduction to Isolating the Condemnation Sanction // Yale Law Journal*. 1959. 68. P. 869–99.

том основании, что большинство людей способно воспринять понятные результаты использования избранного ими стиля поведения на дороге, и поэтому они должны считаться людьми, которые допускают преднамеренный риск, когда нарушают предписанные нормы. Стратегия «исправления» вступает в силу, когда нельзя предположить, что люди готовы принимать в расчет заявленные последствия политики. Мы не рассматриваем, например, детей как соответствующих минимальному уровню знаний и самоконтроля взрослого «стандарта». Соответственно, мы не считаем физически несостоятельных людей как имеющих все, чтобы приспособиться к определенным нормам.

В отношении детей применимо разграничение одобрения и исправления. Мы верим, что, получив выговор или шлепок, один ребенок может научиться, осмысливая будущее поведение, принимать в расчет опасность депривации. Однако другой ребенок «еще слишком мал», и пустая трата времени (и более того) делать выговор или шлепать его за определенный поступок. Можно придумать корректирующее действие, чтобы удержать ребенка от искушения.

Бессознательные факторы нередко в такой степени влияют на поведение, чтобы воздействовать на свободу, с которой люди могут оценивать доступную им в данном контексте политику. Одним из самых ранних и выразительных проявлений роли бессознательного был человек, который совершает преступное действие для того, чтобы спровоцировать сообщество наказать его, облегчая, таким образом, по крайней мере на время, постоянное чувство вины, которое из-за несовместимых побуждений накапливалось в структуре его личности. До той степени, до какой бессознательные факторы влияют на его общение, человек, который нарушает норму, ставит задачу не разрешения, а исправления.

Если бессознательные факторы такие проникающие, как показывают психоаналитические данные, вправе ли мы предположить, что вообще существуют задачи разрешения? Является ли свобода выбора иллюзией, лелеемой неисчезнувшими остатками всемогущества мышления ребенка? Короче, можно ли гарантировать кому-то быть достаточно свободным, чтобы играть роль судьи, терапевта или учителя?

Мы знаем, что сознательные и бессознательные компоненты личности могут до некоторой степени формироваться путем обнаружения последствий ситуаций, включая культуру цивилизованного общества, социальной группы, заинтересованной группы или группы людей; и что результаты изменяются в зависимости от степени кризиса – высокой, средней или низкой. Мы также знаем, что каждый член какой-либо группы таким же образом реагирует на определенные политические проблемы. Однако мы должны предсказать, как члены группы распределяются в вариантах по многим вопросам, мы не можем всегда сказать, *кто* выберет *что*. Если мы предпочтем утверждение, что все отклики «полностью обусловлены», то должны провести разграничение между откликами, обусловленность которых в данное время «известна», и откликами, обусловленность которых в данное время «известна частично». Это равнозначно утверждению, что настолько, насколько доступное знание позволяет нам предсказать отклик человека в групповой ситуации, мы должны рассматривать его действие как «сильно детерминированное»; следовательно, если его действие нарушает норму, он становится объектом стратегии исправления. До той степени, до какой отклик человека не может быть предсказан, его можно рассматривать как доступный в этом контексте для разрешения. Понятие «частично известный» можно использовать как рабочее определение понятия «неполная свобода»; и понятие «полностью обусловленный» – как определение понятия «полная несвобода». Постулат можно изменить, считая, что «полная обусловленность абсолютно невозможна»; и сдвиг не повлияет в данное время на состояние знания. Фундаментальные постулаты невозможно доказать или опровергнуть; такова постулирующая природа и соответствующая ей равноценность всех основных постулатов.

Вывод заключается в том, что в демократическом обществе доверять можно тем судьям, терапевтам и учителям, которые, как люди взрослые, не могут отказываться от идеальной потребности реализации человеческого достоинства. Они не свободны не потому, что их принуждают со стороны, а потому, что включили потребность действовать как ответственные лица общества с присущим им скорее широким, чем незначительным участием в

распределении ценностей. Однако они проявляют «неполную свободу», рассматривая доступные им варианты для содействия идеальному сообществу.

Теперь следует перенести интерес на последовательность ситуаций, в которых судьи, учителя и терапевты становятся, например, полностью связанными обязательствами. Идеал демократии, как мы его понимаем, предполагает конечный общественный порядок, в котором принуждение минимально и доверие основано на убеждении. При применении техники микроделения к социальному процессу любого демократического политического образования цель манипулятивна в том смысле, что намерение заключается в усилении гармонии между отвергнутой целью и положениями, которые включают культуру и особенно культурные проявления социализации несовершеннолетних. Цель в том, чтобы дать людям возможность стать взрослыми личностями, у которых бессознательные процессы скорее поддерживают, чем препятствуют достижению высокого уровня демократического участия. Думается, в этом направлении можно изменить культурные последствия любого общества, и может появиться многоценный по характеру тип и, следовательно, исполненный по отношению ко всем другим такой же любви и уважения, на которые он способен по отношению к самому себе.

Хорошо подготовленные в этом плане люди будут особенно восприимчивы к тому факту, что все люди рождаются беспомощными, слабыми и дикими; и что в течение нескольких первых месяцев и лет каждый почти полностью зависит от ценностей, привносимых людьми их непосредственного окружения. Не испытывая со стороны поощрения, особенно любви, это первоначально не может сформироваться в Я, способное любить себя или другого¹. Постепенно в процессе социализации биологический организм становится социальным и движется к тому времени, когда способен оказывать другим поддержку, которую он первоначально

¹ Улыбка ребенка — естественный источник поощрений. См.: Spitz R.A. and Wolf K.M. The Smiling Response. A Contribution to the Ontogenesis of Social Relations // Genetic Psychological Monographs. 1946. № 34. P. 57–125.

чально получал от окружения. Такой человек осознает, что не знает истинных границ собственного **Я**, с которым идентифицируется его первоначальное эго. **Я** не следует путать с физическим телом какого-либо человека, еще меньше – с соматическим проявлением первоначального эго¹. Паттерны взаимодействия, которые являются истинными составляющими социального процесса, могут, видимо, точно сосредоточиваться вокруг членов семьи или соседей; но большая осведомленность позволит, очевидно, установить, что первоначальное эго взаимодействует с широким научным, техническим, религиозным, философским и эстетическим наследованием.

Бессознательные компоненты личности могут стать союзниками в процессе, посредством которого человеческий потенциал данного общественного окружения достигает высокого уровня реализации. Люди, которые в ладах со своей личностной структурой, могут выиграть от «частичных регрессий», которые несут новые потенциальные возможности совершенствования формы².

21

Мы мало что можем сказать непосредственно за пределами тела о целях, которые являются объектами отношения или движения, когда импульсы проходят через бессознательную стадию или выходят из нее. До тех пор пока непосредственно находящиеся в окружении фигуры не всегда в полной мере снисходительны к растущему младенцу и ребенку (с его точки зрения), используются элементы фантазии, нацеленные на фигуры за преде-

¹ Примите во внимание: *Schilder P.* The Image and Appearance of the Body // *Psyche Monographs*. 1935. № 4; а также *Kolb L.C.* Disturbances of the Body-Image. Ch. 39, in: *Arieti Silvano*. Ed., *American Handbook of Psychiatry*. 1959. Vol. 1.

² См.: *Kris E.* *Explorations in Art* (1952); *Kubie L.* *Neurotic Distortion of the Creative Process* (1958); *Horney K.* *Self-Analysis* (1942). «Мозговая атака» – это метод работы группы, заимствованный из психоанализа, в ходе применения которого людей поощряют давать любые предложения безотносительно их правдоподобия; см. также: *Hilgard.* *Creativity and Problem Solving* and *Lasswell H.* *The Social Setting of Creativity* // *Anderson H.H.* Ed., *Creativity and Its Cultivation* (1959).

лами непосредственного окружения. Объекты фантазий представляются в них как волшебный источник вознаграждений. Верно и то, что мир за пределами непосредственного окружения может быть населен нетерпимыми, весьма опасными персонажами. Случается так, что ребенок борется с внутренними побуждениями избить или нанести вред человеку, которого он также любит. Конфликт может быть частично разрешен путем переноса враждебного побуждения на созданное воображением страшилище.

С того времени как каждый ребенок получает самое простое представление о вознаграждении и наказании, сразу же возникает предрасположенность к созданию схем предполагаемой действительности за пределами ближнего круга. В любом обществе процесс социализации осознанно или неосознанно нацелен на выявление этой предрасположенности с целью объединения объектов, на которые она направлена, вокруг понятий культурного стандарта. Техника поиска состоит в том, чтобы предусмотреть ценностные вознаграждения для трансформации ранних «положительных» фантазий в «положительные» символы мифа взрослых, а ранние «отрицательные» фантазии – в «отрицательные» науки о символах взрослых. (В последнем случае переход относится, например, к словам «враги» или «вечные ценности»)¹.

¹ Исследователей политики частично касается процесс, с помощью которого люди включаются в идеологические или контридеологические системы государств. Примеры таких исследований: *Erickson E.H.* Hitler's Imagery and German Youth // *Psychiatry*. 1942. 5. P. 573–96; *Dai Bingham*. Divided Loyalty in War // *Psychiatry*. 1944. 7. P. 327–40; *Jones E.* The Psychology of Quislingism // *Essays in Applied Psychoanalysis* (1951); *Almond G.* The Appeals of Communism (1954); *Ackerman N.W. and Jahoda M.* Anti-Semitism and Emotional Disorder (1950); *Leites N. and Bernaut E.* Ritual of Liquidation (1954); *Lane R.E.* How Are Unconscious Needs Expressed in Politics? Ch. 9 // *Political Life: Why People Get Involved in Politics?* (1959); *Burdick E. and Brodbeck A.J.* Eds., *American Voting Behavior* (1959), ch. on The Problem of Irrationality and Neuroticism Underlying Political Choice, The Relation between Primary and Secondary Identifications: Psychiatry and the Group Sciences, Emotional Factors in Voting Behavior, The Principles of Permanence and Change: Electioneering and Psychotherapy Compared; *Leites N.* A Study of Bolshevism (1953); *Schein E.H.* The Chinese Indoctrination Program for Pris-

Основной вопрос относительно политического мифа заключается в том, как он может быть «реалистичным». Мир фантазии ребенка заполнен, она может захватывать все внимание. Очевидно, что младенцу или ребенку доступна часть действительности, и он почти не отказывается от фантазии как несовместимой с реальностью. Образы, разумеется, состоят из ожиданий, потребностей и идентификаций; «реальность», в конечном счете, действительно преуспевает в преобразовании всех фактических предположений (ожиданий) и идентификаций. Прочувствованные символы, особенно предпочтения и желания (потребности), могут существовать очень долго. Соответственно границы **Я** могут колебаться вокруг первичного эго без неизбежного, глубоко преобразующего изменения.

То, что символические события сопротивляются течению внешних событий, хорошо известно. Когда сопротивление преодолено и выкристаллизовывается интерпретация «внешнего мира», за нее хватаются как за имущество, за которое было заплачено. Так, интерпретация действительности предполагает стабилизирующий критерий для системы символов. Следовательно, ригидность проявляется в установленных восприимчивых критериях¹.

oners of War; A Study of Attempted «Brain Washing» // *Psychiatry*. 1952. 19. P. 149–72; *Lifton R.J.* Thought Reform of Western Civilians in Chinese Communist Prisons // *Psychiatry*. 1952. 19. P. 173–95; *Meerloo J.A.* Rape of the Mind (1956); *Lasswell H.* Collective Autism as a Consequence of Culture Contact: Notes on Religious Training and The Peyote Cult at Taos // *Zeitschrift für Sozialforschung*. 1935. 4. P. 232–46; The Tripple Appeal Principle // *American Journal of Sociology*. 1932. 37; Propaganda and Mass Insecurity // *Psychiatry*. 1950. 13. P. 283–300; Selective Effects of Personality on Political Participation // *Christie R. and Jahoda J. Eds., Studies in The Scope and Method of The Authoritarian Personality* (1954). P. 197–225; С. де Грация опубликовал два тома планируемой трилогии, в которых непосредственно затрагиваются рассматриваемые здесь проблемы.

¹ Среди современных исследований восприятия наибольший интерес представляют работы Е. Боунсвика, Дж. Бернера и их соавторов. См. также: *Marsh J.T. and Worden F.G.* Perceptual Approaches to Personality // *Psychiatric*

Жесткость восприятия системы эго помогает объяснить недостаток реализма, столь часто обнаруживаемый на мыслительной стадии процесса принятия решения. Сложные прорезы (информационные входы), которые были разработаны для восприятия таких, например, понятий, как «запутанное дело», «семьи высшего общества», «интересы станкостроения» или «исчерпавшие себя личности», влияют на характер восприятия репортером событий и на признаки, которые он выбирает таким образом, чтобы вызвать у аудитории воспринимаемый символ. Стереотипы, как ранее удачно назвал их Уолтер Липпманн, представляют собой стандартизированные формы просвещенности, которые обычно рассматриваются как искаженные, если новые случаи не вписываются в схему. Отклик на противоречие может принять форму не пересмотра, а повторения, сопровождаемого отвлечением внимания от источника нежелательных образов.

Концентрируя научную деятельность на *микрokonцепции*, мы начинаем больше интересоваться задачей совершенствования умственной фазы политического процесса. Неосознанный страх быть захваченным врасплох, который является компонентом недоверия, играет в этом отношении важную роль; и насколько это относится в целом к бессознательной деятельности, страх часто саморазрушителен. Заменяя требование ради результатов повторного исследования, человек или группа часто подвергают испытанию свою безопасность.

Путем систематического исследования интеллекта и функций оценки мы можем надеяться изобрести методы, которые увеличат реализм восприятия в процессе принятия решений¹. Бессознательные компоненты, например, уязвимы при прямом воз-

Research Reports. № 6. American Psychiatric Association. January. 1956. P. 171–77.

¹ *Lasswell H.* The Intelligence Function: Built in Error // Prod. 1959. 3. P. 3–7; The Decision Process; Seven Categories of Functional Analysis (1956); *Szalito A.B.* Some Comments on Psychological Aspects of Evasion and Disarmament // Melman S. Ed., Inspection for Disarmament (1958). P. 251–60; *Ichheiser G.* Misunderstanding in Human Relations: A Study in False Social Perception // American Journal of Sociology. August. 1949 (supplement).

действии свободных ассоциаций и интерпретации, а также при использовании таких некоммуникативных технологий, как химические препараты мозга.

Часто обращают внимание на то, что основная линия демократии традиционно «негативна», что означает скорее веру в практику состязания, чем в четкую позитивную цель. Предполагается, что политическое тело находится в здоровом состоянии, если политические партии, бизнес и средства массовой информации состязаются друг с другом. Никто не будет всерьез отрицать, что очень большая дисперсия власти, вероятно, больше способствует свободе, чем ее чрезмерная концентрация. Но состязательности недостаточно. Очевидно, что наилучшая информация и наиболее компетентная интерпретация могут не появиться даже в соперничающей прессе. Нужно нечто большее, чем простая вера в невидимую руку. Убежденные, что нуждаемся в соревновании и антимонопольной политике, мы нуждаемся также в соревновании качества. Соревнование качества – все же соревнование: оно означает объединение в состязательном столкновении людей, которые сообщают и выдвигают лучшие истины и наиболее богатые идеями интерпретации, доступные политическому сообществу в данное историческое время. Стратегия состоит не в том, чтобы вытеснять, а скорее в том, чтобы совершенствовать искусство демократического управления.

Практика соревнования качества особенно важна в связи со средствами общей и специальной коммуникации в современных индустриальных демократиях. Нам хорошо известно, что существуют обоснованные и ощутимые интересы сокращения функций просвещения и мастерства средств массовой информации. Самое непосредственное объяснение, видимо, в том, что производители, которые рекламируют свои товары, оказывают влияние на средства массовой информации для того, чтобы было как можно меньше равнодушных. Отсюда постоянное размывание качества.

Однако очевидный факт – не всегда самый важный. Почему представители бизнеса не видят, что разрушая прессу как инструмент свободного управления, они разрушают два института, без которых свободная экономическая система не может выжить? Недостаточно утверждать, что бизнесмены смотрят сквозь паль-

цы на самоубийство потому, что они тупоумны или потому, что лучше «схватывают» по сравнению с другими членами сообщества. Точно также неверно выдвигать в качестве оправдания незнание и заявлять, что «им никогда ничего не говорилось» о хрупкой природе частного бизнеса. Напротив, представители многих предпринимательских ассоциаций «высказывают правильные идеи».

Существует множество индикаторов, указывающих на то, что основной фактор глубже и не столь очевиден, как глупость или незнание. Судя по личным историям некоторых бизнесменов, есть, я думаю, основание утверждать, что основные факторы – это бессознательный страх признания уязвимости **Я** настолько, насколько **Я** идентифицируется с системой бизнеса, и в результате невозможно воспринимать смысл сообщений, обеспечивающих реалистическую картину истинного состояния дел.

Эти защитные механизмы могут и часто преодолеваются членами сообщества предпринимателей, но не распространяются на деловые круги как целое. Технология регулирования каналов коммуникации нашего общества, очевидно, настолько абсурдна, что невозможно прорваться сквозь бессознательную защиту и освободить бизнесменов для поиска их собственных интересов¹.

Никто не отрицает, что другие группы общества столь же непрозрачны, как бизнесмены. Однако они не так заметны и не столь непосредственно влиятельны в применении рекламных средств, которые в настоящее время порождают коррупцию в средствах массовой информации. Кто-то может предположить, что есть бизнесмены, желающие воспрепятствовать коррупции в печати, и такие действительно существуют. Но они, видимо, оказываются среди более застенчивых членов сообщества при ведении дел с другими бизнесменами.

Мы должны с некоторой надеждой смотреть на технику микроделения, когда применяем ее ко всей последовательности событий, через которые проходят люди при изучении социального мифа. На каждой стадии выявления применительно к образам

¹ См. заключение и рекомендации Комиссии по свободе прессы (председатель – Роберт М. Хатчинс), 1947.

культуры, класса, интереса, личности должна использоваться процедура оценки реальности. Следует содействовать реалистической проверке с помощью главной ценности вознаграждений и наказаний в согласии с комбинированными стратегиями разрешения и исправления.

На сегодняшний день мы находимся в преддверии задачи реорганизации средств выработки навыков или оценки реализма интеллектуальных схем, на основе которых люди делают свой выбор. Важную помощь в этом огромном деле окажет расширение и углубление современного потока информации, оценивающей как бессознательные, так и сознательные факторы мирового общественного процесса. Для Соединенных Штатов, в продолжение исследования бессознательной тенденции, предполагается охват следующих важных основных пунктов:

Становится ли давление супер-эго менее требовательным для американцев, чем оно было для предыдущего поколения?¹ Можно ли, например, сказать, что сознание меньше наказывает и что оно безапелляционно по отношению к более узкой сфере общения, чем ранее? Отличается ли масштаб изменений в Новой Англии, в Среднеатлантических штатах и других регионах? Есть ли различия между столичными и другими районами? Колеблется ли масштаб в зависимости от позиции высшего, среднего или низшего класса по отношению к каждой значимой ценности? Есть ли какие-то заинтересованные группы, например, связанные с индустрией коммуникации, где масштаб меняется или устойчив на определенном высоком (или низком) уровне? Связаны ли размеры с кризисными (или внутрикризисными) ситуациями? Становятся ли представления, которые есть у одной группы американцев о другой, более или менее реалистическими? А их представления о самих себе? Каковы представления американцев об иностранцах? До какой степени в межличностных отношениях

¹ *Riesman D.* The Lonely Crowd (1950); *Faces in the Crowd* (1952); *Rosenberg M.* The Meaning of Politics in Mass Society // *Public Opinion Quarterly*. 1951. 15; *Kris E. and Leithes N.* Trends in Twentieth Century Propaganda // *Roheim G. Ed.*, *Psychoanalysis and the Social Sciences* (1947); *Trilling L.* Freud and the Crisis of Our Culture (1955).

возникает бессознательное непонимание? А при наличии массовой аудитории?

Какие экономические ненасильственные средства в наибольшей степени изменят склонности данной группы к непониманию себя и других? Какова должна быть цена, измеряемая в плане всех ценностей, десятипроцентного сдвига в течение года к реалистическому восприятию в важнейших ситуациях? Во второстепенных? В условиях кризиса разной степени?

22

В заключение я предлагаю следующее замечание: Мы находимся на ранних стадиях взрыва во всех областях научного знания, включая знание изменяющихся во времени predispositions и удовлетворения человеческих ценностей. Темп заметно увеличился, но не столь явно в достижении самообладания, как в управлении природой. По мере того как разрыв увеличивается, наше распоряжение жизнью рода человеческого становится более ненадежным. Ясно, что мы должны жить, и убивать, и умирать. У нас также есть прекрасное основание верить, что мы можем и жить, и творить, и совершенствоваться. Психопатология «индивидуумов», которая становится психопатологией общества, обращает внимание на труднопреодолимые факторы, которые стоят на пути человеческого достоинства мирового сообщества. Открытие и исследование таких факторов предопределяет политику, которая снижает разрыв между стремлением к идеалу и уровнем эффективного участия в управлении, политике и правовой деятельности.

ПРИЛОЖЕНИЕ «А» ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Перепечатано из издания 1930 г.

Литература по психоанализу за период со времени его возникновения по 1926 г. доступна в удобной форме в «Index Psychoanalyticus, 1893–1926» Джона Рикмана. Труды Зигмунда Фрейда «Gesammelte Schriften» были опубликованы издательством «Internationaler Psychoanalytischer» (Verlag), Вена, в одиннадцати томах. Этот издательский дом напечатал большую часть работ, написанных авторами из окружения Фрейда. От книг Фрейда начинающий читатель может перейти к его работам «Общее введение в психоанализ», «Интерпретация сновидений» и «Три вклада в теорию сексуальности». Английское издание собрания сочинений Фрейда находится в стадии публикации. Наиболее важным методологическим журналом является «Internationale Zeitschrift für arztliche Psychoanalyse». Есть английский журнал «The International Journal of Psycho-Analysis» и американский «The Psychoanalytic Review». (Французское периодическое издание появилось недавно).

Среди «ортодоксальных» психоаналитических трудов заслуживают особого внимания следующие:

Ferenczi, S. Bausteine zur Psychoanalyse. Leipzig, 1926.

Тот же автор. Versuch einer Genitaltheorie. Leipzig, 1924.

Ferenczi, S., and Hollos, S. Psychoanalysis and Psychic Disorder of General Paresis / Nervous and Mental Disease Monograph Series, No. 42. New York and Washington, 1925.

Психологические проявления физического заболевания определяют на основе психоаналитической теории развития личности. Имеет большое методологическое значение.

Abraham, K. Klinische Beitrage zur Psychoanalyse aus den Jahren 1907–20. Leipzig, etc., 1921.

Тот же автор. Psychoanalytische Studien zur Charakterbildung. Leipzig, etc., 1925.

Наиболее влиятельный подход к изучению проблемы формирования личности. Развивается во многих направлениях Джоунсом, Гловером и др.

Alexander, F. Psychoanalyse der Gesamtpersönlichkeit. Leipzig, etc., 1927.

Исключительно четкое изложение общей теории. Недавно переведено под названием «The Psychoanalysis of the Total Personality» и опубликовано в «Nervous and Mental Disease Monograph Series».

Hartmann, H. Die Grundlagen der Psychoanalyse. Leipzig, 1927.

Очень важная книга, в которой рассматриваются аналитические концепции по отношению к данным экспериментальной психологии.

Deutsch, Felix. Experimentelle Studien zur Psychoanalyse // Internationale Zeitschrift. 1923. IX. P. 484–96.

Рассматриваются проявления механизма репрессии путем использования постгипнотического внушения.

Kempf, E. Psychopathology. St. Louis, 1921.

Выделяется функция автономных функций, и психоаналитическая теория развивается в этом направлении.

Среди тех, кто порвал с Фрейдом после связывавших их отношений, – Штекель, Юнг и Адлер. Штекель опубликовал десять томов описаний реальных случаев, которые ценны для начинающих исследование, нуждающихся в понимании того, на что способен человеческий разум. Два других автора важнее в теоретическом плане. Работа Юнга «Психологические типы» представляет непосредственный интерес для ученых-обществоведов, несмотря на то, что его теоретизирование о «расовом бессознательном» является провокационным. Точка зрения Альфреда Адлера изложена в «Individual Psychology». Его венский кружок издает журнал.

Прекрасное учебное пособие «The Structure and Meaning Psychoanalysis» (New York, 1930) написано Уильямом Хили, Августой Ф.Броннер и Анной Бауэрс.

Психоаналитическое движение может рассматриваться в общей перспективе медицинской психологии с помощью таких учебных пособий, как «Outlines of Psychiatry» Уильяма Уайта или «Psychopathology» Бернарда Харта. В Германии прекрасные книги по медицинской психологии написаны Кронфелдом, Бирнбаумом, Шилдером, Кречмером и многими другими. Основные на-

правления в этой области можно проследить в «American Journal of Psychiatry» или в «Journal of Nervous and Mental Diseases», последний издается Уильямом А. Уайтом и Смитом Эли Джеллифом, под руководством которых выходит широко известная серия книг, обычно переводов, под названием «Nervous and Mental Diseases Monograph Series». В работе Пьера Жане «Psychological Healing» содержится обзор общей истории психопатологии. Среди бесчисленных статей и книг, в которых оценивается клиническое и стандартное применение психоанализа, можно выбрать собрание «Krisis der Psychoanalyse» (Leipzig, 1928) под редакцией Ганса Принцхорна, Том I (планировавшийся второй том издан не будет). Отто Ранк, который также порвал с Фрейдом, публикует серию книг по психоаналитическому интервью, которые могут послужить мостиком, связывающим общую теорию и эмпирические исследования обстановки интервью, которые получили развитие в Америке.

Работа А.А.Робака «The Psychology of Character» непосредственно по проблеме личности и по типологии характера может быть приведена в качестве исчерпывающего путеводителя по литературе. Также полезна его работа «A Bibliography on Personality». Глубокий анализ типологий был предложен О. Селзом прежде, чем это сделали в 1923 г. немецкие экспериментальные психологи. См. ниже:

Selz, O. Über die Persönlichkeitstypen und die Methoden ihrer Bestimmung, Bericht über den VIII. Kongress für experimentelle Psychologie. Jena, 1924.

Klüver, H. An Analysis of Recent Work on the Problem of Psychological Types // Journal of Nervous and Mental Diseases. December. 1925. LXII, No. 6.

Текущие результаты относительно тестов время от времени анализируют Марк А.Мей, Гордон В.Олпорт и некоторые другие психологи, которые особенно интересуются этой областью. «The Psychological Index» может быть принят во внимание для учета огромного объема публикуемого материала.

Наиболее влиятельной является недавно вышедшая книга Кречмера «Physique and Character». Соматические факторы личности четко, непринужденно излагаются Е.Миллером в работе

«Types of Mind and Body». Полезны по содержанию и критические работы, написанные Уильямом Томасом и Дороти С. Томас, – «The Child in America» (New York, 1928), главы viii-xiii включительно, и Р.Дж. Гордоном – «Personality» (New York, 1926).

Здесь можно приложить психоаналитическую литературу, которая используется для изучения политики и особенно политиков:

Prister, Oskar. Analytische Untersuchungen über die Psychologie des Hasses und der Versöhnung // *Jahrbuch der Psychoanalyse.* 1910. II. S. 134–78.

Тот же автор. Die Bedeutung der Psychoanalyse für die Staats- und Gesellschaftslehre (Vortrag an VI. Int. Ps. Kong., Hague, September 8–11, 1920) // *Abstract in Internationale Zeitschrift*, VI, 400.

Тот же автор. Die menschlichen Einigungsbestrebungen im Lichte der Psychoanalyse // *Imago.* 1926. XII. S. 126–35.

«Imago» – психоаналитический журнал, который посвящен применению психоаналитической теории для изучения культуры.

Sachs, Hanns. Die Bedeutung der Psychoanalyse für Probleme der Soziologie (Vortrag) // *Abstract in Centralblatt für Psychoanalyse.* 1911. II. S. 464–69.

Тот же автор. Ein Traum Bismarcks // *Internationale Zeitschrift.* 1913. I. S. 80–83.

Sachs, Hanns, and Rank, Otto. Die Bedeutung der Psychoanalyse für die Geisteswissenschaften. Wiesbaden, 1913.

Эта работа была опубликована в «Grenzfragen des Nerven und Seelenlebens», No. 93, в серии, в которую входит множество томов, представляющих большой интерес для ученых-обществоведов. Главный редактор – Кречмер. Книга также вышла под No. 23 в «Nervous and Mental Disease Monograph Series».

Rank, Otto. Der «Familienroman» in der Psychologie des Attentats, Der Künstler (virte vermehrte Auflage; Leipzig, etc., 1925). S. 142–48.

Этот фрагмент впервые был опубликован в 1911 г.

Storfer, A.J. Zur Sonderstellung des Vaternordes. Leipzig, etc., 1911.

Отцеубийство и цареубийство наказываются с особой жесткостью в различных правовых системах.

Abraham, Karl. Amenhotep IV (Echnaton) // *Imago.* 1912. I. S. 334–60.

Пример одного из первых применений аналитических концепций к изучению исторических персонажей.

Freud, Sigmund. Totem und Taboo. Leipzig, etc., 1913.

Выводит свои гипотезы происхождения культуры из первоначального отцеубийства группой восставших братьев, недовольных монополией старейшего мужчины племени на женщин, позаботившихся уничтожить воспоминания о преступлении. См. обсуждение этой гипотезы Малиновским в «Sex and Repression in Savage Society» (New York, 1927).

Тот же автор. Zeitgemasses über Krieg und Tod // *Imago.* 1915–16. IV. S. 1–21.

Тот же автор. Massenpsychologie und Ich-Analyse. Leipzig, etc., 1921.

Применение теории Фрейда к изучению психологии толпы и социальных институтов. См.: William McDougal, «Professor Freud's Group Psychology and His Theory of Suggestion», ch. xvii of «Problems of Personality» (Ed. Campbell and others; New York, 1925).

Тот же автор. Unbehagen der Kultur. Leipzig, etc., 1929.

Jekels, Ludwig. Der Wendepunkt im Leben Napoleons I // *Imago.* 1914. III. S. 313–81.

Kaplan, Leo. Der tragische Held und der Verbrecher // *Ibid.* 1915. IV. S. 96–124.

Jones, Ernest. War and Sublimation. Прочитано перед Британской Ассоциацией развития науки (секция физиологии) 10 сентября 1915; опубликовано в «Reports» Ассоциации, LXXXV, 699 ff.

Тот же автор. (ed.). The Social Aspects of Psychoanalysis. London, 1923.

Tausk, Viktor. Zur Psychologie des Deserteurs // *Zeitschrift.* 1916–17. IV. S. 193–204, 228–40.

Blüher, Hans. Die Rolle der Erotik in der männlichen Gesellschaft. 2 vols. Jena, 1917.

Bernfeld, Siegfried. Die Psychoanalyse in der Jugendbewegung // *Imago.* 1919. V. S. 283–89.

Тот же автор. Über eine typische Form der männlichen Pubertät / *Ibid.* 1923. IX. S. 169–188.

Federn, Paul. Die Vaterlose Gesellschaft. Leipzig, etc., 1919.

Clark, L. Pierce. A Psychologic Study of Abraham Lincoln / *Ibid.* 1921. VIII. P. 1–21.

Тот же автор. A Psycho-historical Study of the Epileptic Personality in the Genius / *Ibid.* 1922. IX. P. 367–401.

Тот же автор. The Narcism of Alexander the Great / *Ibid.* 1923. X. P. 156–69.

Тот же автор. Napoleon: Self-Destroyed. New York, 1929.

Kolnai, Aurel. Psychoanalyse und Soziologie. Leipzig, etc., 1920.

Lazell, Edward W. Phychology of War and Schizophrenia // *Psychoanalytic Review.* 1920. VII. P. 224–45.

Rinaldo, Joel. Psychoanalysis of the Reformer. New York, 1921.

White, William A. Thoughts of a Psychiatrist on the War and After. New York, 1919.

Low, Barbara. Civic Ideals: Some Psycho-analytical Considerations / *Sociological Review,* 1922.

Boven, William. Alexander der Grosse // *Imago.* 1922. VIII. S. 418–39.

Berger, G. Zur Theorie der menschlichen Feindseligkeit / *Ibid.* 1923. IX. S. 344–67.

Lorenz, Emil. Der politische mythus, Beitrage zur mythologie der Kultur. Leipzig, etc., 1923.

Иллюстрирует патерналистскую политику государства примерами из областей науки и литературы различных культур.

Reik, Theodor. Geständniszwang und Strafbedürfnis: Probleme der Psychoanalyse und der Kriminologie. Leipzig, etc., 1925.

В мастерском стиле описывает необходимость наказания и применения силы при дознании в криминологии. Рейк также опубликовал исследование религии с позиции психоанализа.

Kohn, Erwin. Lasalle der Führer. Leipzig, etc., 1926.

Alexander, Franz, and Staub, Hugo. Der Verbrecher und seine Ritcher. Vienna, 1929.

Краткий очерк по криминологии с позиции психоанализа, в котором Александером четко обрисована концепция невротической личности как отличающейся от невротиков с симптомами истерии и стремления к насилию.

Friedjung, Josef K. Zur Psychologie des kleinen Politikers // Imago. 1928. XIV. S. 498–501.

Среди тех, кто пытался использовать принципы психоанализа в смежных областях, следует отметить Уильяма Ф. Отбурна, который сделал доклад перед экономистами в 1918 г.; Томаса Д. Эллиота, социолога; Гарри Элмера Барнеса, социолога-историка; Э. Д. Мартина, социального психолога; Презервера Смита, историка; У. Г. Р. Риверса, этнолога, и Теодора Шредера, юриста. Особое внимание заслуживают следующие работы:

Barnes, Harry Elmer. The New History and the Social Studies, chap. iii. New York, 1925.

Обсуждается библиография на английском языке.

Swoboda, Hermann. Zur Psychologie des Parlamentarismus, Oesterreichische Rundschau, Band XIV, Heft 1, January 1, 1908.

Тот же автор. *Die Kunst des Regierens / Ibid., Band XVII, December 15, 1908.*

Тот же автор. *Der Volksvertreter / Ibid., Band XXXII, Heft 3, August 1, 1912.*

Эти статьи Свободы являются первым тщательно продуманным применением психоанализа к изучению политики неспециалистом. В первой статье рассматривается роль парламентаризма как «катарсиса», статья тесно связана с работами Брейера и Фрейда.

Помимо чисто психоаналитических попыток исследования людей и коллективных тенденций, другими психиатрами и терапевтами или их последователями предпринято немало усилий предложить подобные интерпретации. Вся литература по «патологии» изложена и обсуждена здесь.

Lange-Eichbaum, Wilhelm. Genie-Irrsinn, und Ruhm. Leipzig, 1928.

Исследователей политики более всего интересуют ссылки и отрывки, касающиеся Руссо, Александра Македонского, Аменхотепа IV, Бисмарка, Блюхера, императоров и принцев, Фридриха Великого, Линкольна, Лойолы, Людвига II Баварского, Наполеона и Робеспьера. Мебиус перенес «патографию» на научную основу. Следующая работа является одним из лучших

примеров «патографии», поскольку подчеркивает патологические характеристики личности на всем протяжении карьеры изучаемого объекта.

Heidenhain, Adolf. J.-J. Rousseau, Persönlichkeit, Philosophie und Psychose. Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens, Heft 117. Munich, 1924.

Исследование воздействия индивидуальной патологии на культуру и культуры на индивидуальную патологию предложено в виде программы в следующей работе.

Birnbaum, Karl. Grundzüge der Kulturpsychopathologie. Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens, Heft 116. Munich, 1924.

Необдуманное применение терминов индивидуальной психологии к описанию состояния общества как целого может вызвать массу ошибок, однако может быть успешным в случае правильного использования понятия патологического. См., например:

Schneersohn, F. Zur grundlegung einer Völker-und Massenpsychopathologie (Soziopsychopathologie) // Ethos. 1925–26. I. S. 81–120.

Эта работа содержит полную библиографию попыток психиатров применить их концепции к изучению общества и детальный анализ связанных с ней методологических споров.

Особое внимание следует обратить на выходящую работу Гарри Стэка Салливэна «Personal Psychopathology», в которой представлен систематический анализ, охватывающий всю сферу психиатрии и социологии. Д-р Салливэн в значительной степени содействовал *сближению* психологов и социологов в Соединенных Штатах. См. «Материалы» двух коллоквиумов по изучению личности, проведенных под патронажем Американской психиатрической Ассоциации, впервые опубликованные в «American Journal of Psychiatry» за май 1929 г. и май 1930 г. и доступные по отдельности.

ПРИЛОЖЕНИЕ «В»

СПИСОК ВОПРОСОВ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Перепечатано из издания 1930 г.

Этот список вопросов имеет непосредственное отношение к организованной политической жизни субъекта. Не включены вопросы, призванные выявить предпочтения. Для общих вопросов, относящихся к личности, и списка признаков можно использовать с целью предположений обычные источники¹.

1. Укажите различные ассоциации и организации, в которых Вы состоите и обладаете равными с другими членами правами. В каждом случае уточните, были Вы пассивны, в меру активны, очень активны. Отметьте, когда стали членом организации и как менялась Ваша последующая активность. Укажите, если можно, даты. Помните, что Вы были членом различных демократически организованных объединений. Укажите также организации на уровне класса в подготовительной школе, в школе и колледже, ассоциации выпускников, профессиональные, гражданские организации, партии, общественные и избирательные объединения. Автократические организации (т. е. такие, в которых власть осуществлялась над теми, кто не обладает формальным правом избирать ру-

¹ Более подробно см.: Kretschmer's Psychobiogramm, published in Hoffmann H. Das Problem des Charakteraufbaus, as an appendix; Heyman's trait list (republished in Gesammelte Kleinere Schriften, Dritter Teil); the Psychograms of W. Stern (In Die differentielle Psychologie in ihren methodischen Grundlagen), of Baade, Lipman, and Stern (Zeitschrift für angewandte Psychologie, Band III), of P. Margis (Bleslau dissertation, 1911. Das Problem und die Methoden der Psychographie mit einer Individualanalyse von E. T. A. Hoffmann), of L. Levin (Friedrich Hebbel: Beitrag zu einem Psychogramm [Berlin, 1931]), of E. Stern («Patho-psychographische Untersuchungen», Archive für Psychiatrie und Nervenkrankheiten, Band LXI), of Kehler F. and Fischer S. (Modell einer klinischexperimentellen Pathographie. Zeitschrift für die gesamte Neurologie der Libidoaufnahme, MSS in my possession), of F. L. Wells, (MSS in my possession), of G. V. Hamilton, of Adolf Meyer (mimeographed in my possession), of Amsden and Hoch, of Floyd Allport, and the lists of Woodworth. Laird. House. Freud and Thurstone.

ководителей) включать не следует. Не забудьте ассоциации ветеранов войны, Дочерей и Сыновей революции, пацифистов, анархистов, агитаторов за реформу Конституции и т. д.

2. Укажите различные организации, с которыми Вы были связаны как один из обладающих авторитарной властью руководителей или как подчиненный такой власти. Сюда нужно включить школы, которые Вы посещали, назначаемые посты в управлении, большинство связей в бизнесе, попечительство и др.

3. Укажите различную свою независимую деятельность, которая не была связана с какой-либо организацией, но являлась источником дохода. Здесь следует упомянуть партнерство, практически не включающее штат, частное секретарство и тому подобное.

Следующие вопросы призваны выявить скрытые факты в связи с Вашим отношением к каждой демократической или авторитарной по своей сути ассоциации или институту, с которым Вы связаны. Дайте, насколько возможно, ответ по каждой организации.

4. Как Вы стали членом этой организации? Какие шаги предприняли? Кто Вам помогал? Почему Вас приняли? Если Вы организовали это сообщество, то почему? Когда впервые возникла эта идея? Как развивались Ваши планы? Какую помощь Вы получили и каким путем? Какова была Ваша репутация в организации, когда Вы в нее вступили? Например, Вас игнорировали, рассматривали как подающего надежды или приняли сразу и наделили ответственностью?

5. Были ли у Вас друзья или враги в организации, когда Вы только в нее вступили?

6. В какие органы Вы были избраны или на какие посты в организации были назначены?

7. В каждом случае объясните, как это произошло. Как долго Вы колебались и размышляли, прежде чем решиться занять пост или принять его, если Вам его доверили? Какие альтернативы Вы рассматривали? С кем говорили на эту тему? Что Вас побуждало? В чем заключались невыгоды, которые Вас удерживали, и выгоды, которые привлекали? Что Вы предпринимали с целью получить место или назначение? Кто были Ваши основные помощники? Кто были Ваши основные соперники? Какие осо-

бенности были в Вашу пользу и в пользу других? Как выстраивались различные клики, группы и другие составляющие организации? Проследите свою стратегию и действия в общении с каждой из них до избрания. Значили ли что-нибудь какие-то действия и почему?

8. В чем заключались случаи, когда Вы участвовали в выборах или Ваша кандидатура на какой-либо стадии рассматривалась для отбора? Как и ранее, дайте ответ по каждому случаю.

9. Какой властью назначать или каким влиянием Вы обладали в офисе? У кого консультировались, производя назначения или оказывая влияние на этот процесс? До какой степени Вы учитывали компетенцию? Назначение друзей? Разделение или ослабление своих оппонентов?

10. Какие планы Вы продумывали, если они были, принимая на себя ответственность?

11. Каковы были основные результаты, позволившие Вам занять положение? Как в каждом случае ощущалось Ваше влияние (в публичном выступлении, в интервью, в давлении на назначение и т. д.)? Как возникало каждое важное событие? Как Вы пришли к своему положению? У кого консультировались? Какие соображения балансировали на двух полюсах вопроса? В каких пределах Вы создавали новое, делая специфические предложения? Как Вам это удалось? Каковы были элементы организации, которые выстраивались на каждой стороне рассматриваемого вопроса? На какие уступки Вы шли, чтобы добиться своих целей? Оглядываясь назад, воспринимаете ли Вы свои уступки как легко полученные? Какие устраивающие Вас результаты сохранили?

12. За время Вашего пребывания на посту были ли случаи личностного непонимания, ссор, ненависти между Вами и кем-либо? Как это происходило? Что Вы предприняли, и какое влияние это оказало на то, что все же случилось?

13. Было ли личностное непонимание, ссоры и антипатия между членами Вашей организации и людьми в других организациях, которые Вас просили или Вы стремились разрешить? Что Вы предприняли, и какое воздействие это оказало на реально случившееся?

14. Было ли личностное непонимание, ссоры и антипатия между членами Вашей собственной организации и людьми в других организациях, которые Вас просили или Вы сами пытались разрешить? Что Вы предприняли, и какое воздействие это оказало на то, что в результате произошло?

15. Были ли у Вашей организации как целого недобрые чувства к другим организациям или группам, когда Вы вступили в должность? Что Вы сделали, чтобы разжечь их или ослабить? С каким результатом? Почему?

16. Были у Вашей организации как целого дружественные чувства к другим организациям или группам? Что Вы сделали, чтобы укрепить или разорвать эти отношения? Почему? С каким влиянием на ход событий?

17. Развивала Ваша организация какие-либо дружественные или недружественные отношения с организациями или группами, к которым ранее она была индифферентна, во время Вашего пребывания на посту? Что Вы предприняли из того, что можно было сделать с таким результатом? Почему?

18. Использовала Ваша организация физическую, законную или другую формы воздействия на какую-либо другую организацию или группу за время Вашего пребывания на посту? В чем заключалась Ваша роль в советах, поддержке, направлении или противодействии принятию такой тактики? Почему? Что последовало?

19. Использовала Ваша организация физическую, законную, экономическую или иные формы давления на кого-либо из своих членов за время Вашего пребывания на посту? Какую роль Вы сыграли, оказывая советы, поддержку, направление или противодействие принятию такой тактики? Почему? С каким результатом?

20. Кто хвалил Вас за время и по истечении Вашего пребывания на посту за результаты? Как Вас хвалили, признавали и награждали и за что? Какое значение это имело?

21. Кто с неприязнью критиковал Вас во время и после окончания срока Вашего пребывания на посту за полученные результаты? Как Вас осуждали и за что? Как это на Вас повлияло?

22. Были Вы переизбраны или назначены вновь, продвинуты по службе или понижены в должности после истечения срока службы или до этого? Почему?

23. Как Вы уживались со своими непосредственными руководителями, сотрудниками и помощниками? До какой степени Вы ими манипулировали? Какую разнообразную тактику применяли с каждым из них? С каким успехом?

24. В чем заключались Ваши формальные и ритуальные обязанности в организации в качестве сотрудника? Получали Вы от этого удовольствие?

25. Насколько Вам нравилась другая официальная деятельность?

26. Насколько Вас устраивало положение в качестве неофициального или не занимающего постов члена организации? Получали Вы удовлетворение от церемоний? Рутинных действий? Неизвестно от чего?

27. Как рядовой член организации какую политику и деятельность Вы инициировали, поддерживали или противостояли ей? Почему? Что Вы сделали и с каким результатом? Как устраивались элементы организации? Были Вы обычно в меньшинстве или в большинстве? Кто был обычно с Вами?

28. Как изменилась Ваша репутация за время пребывания в организации?

29. Каких друзей и врагов Вы обрели?

30. Были ли у Вас как у рядового члена организации личное непонимание, ссоры или ненависть в отношениях с другими членами? Почему? Что Вы предприняли? Каковы результаты?

31. Выступали ли Вы в роли арбитра каких-либо жалоб, пытались ли их смягчить? Каков результат? Почему?

32. Каково было Ваше отношение к другим организациям и группам, с которыми Ваша организация соревновалась или имела определенные отношения? Как рядовой член организации что Вы сделали, чтобы изменить или усилить преобладающие отношения? Влияние?

33. Использовала ли Ваша организация физическое или другие виды давления на организации-аутсайдеры и других членов Вашей организации? Как рядовой член что Вы сделали и с

каким результатом? Считали ли Вы, что Ваша организация – лучшая в своей области?

34. Разорвали Вы отношения или стали пассивным? Почему?

35. Если Вы еще активны, то каковы Ваши планы и надежды?

36. Как эта определенная организация была связана с административными, законодательными и юридическими сферами правительства? С политическими партиями? Каким образом? Какие методы для оказания давления использовались? Какова была в них Ваша роль?

37. Оглядываясь на свою жизнь в организации, ставите ли Вы под сомнение практику, в которой участвовали или к которой были терпимы? Примеры. Воспринимали ли Вы все это так в то время? Что бы произошло, если бы Вы в ней не участвовали? Действовала ли бы тогда организация на другой основе?

38. Какое воздействие оказала жизнь в организации на Вашу политическую активность в целом? Были ли у Вас побуждения выразить себя публично или частным образом по отношению к тому, чему Вы считали целесообразным следовать?

39. Если бы Вам надо было оценивать исключительно на основе собственного опыта как члена этой организации, какова была бы Ваша оценка честности и эффективности общественной службы и партийной машины?

40. Какие политические предрассудки и взгляды были распространены среди различных членов организации?

41. Подумайте о различных, наиболее типичных членах этой организации. Как Вы вели себя при встрече с ними? Каковы были темы разговоров, анекдотов и т. д.? В чем заключалась основная деятельность?

42. Оглядываясь назад, думаете ли Вы, что некоторые люди Вам навязывались? Оценивали ли Вы некоторых из них слишком высоко? Кого? Почему?

43. Переоценивали ли Вы некоторых из них? Кого? Почему?

44. Оценивали Вас слишком высоко или слишком низко? Кто? Почему?

45. Что, кроме общей бесчестности, могло бы заставить Вас покинуть место в организации? Какое мнение и деятельность могли бы Вас скомпрометировать?

46. Рисковали Вы когда-нибудь на словах или на деле своим положением? Вас к этому склоняли? Что Вас удержало?

47. Пытаясь увеличить организацию, кого Вы искали? В целом, какой тип людей Вас интересовал?

48. Соответствовала ли организация Вашему идеалу? Почему?

49. Кто были в самые разные периоды самые влиятельные люди в организации? Каковы были Ваши отношения с ними? Что Вы осознанно делали, чтобы их победить? Успех? Что Вы делали, испытывая к ним неприязнь? Как они это воспринимали? Короче говоря, каким было отношение к Вам лидеров?

50. Испытывали Вы когда-нибудь фрустрацию, вызванную неспособностью участвовать в обсуждении политики или потому, что Вы затруднялись выразить себя или сделали это плохо?

51. Каково Ваше зрелое суждение о пользе этой организации для общества?

52. Какие связи Вашей организации помогали или вредили Вам в общественном плане или как-либо еще?

53. Как Ваши сторонние отношения помогали или мешали Вам в организации?

54. Каковы в целом Ваши достижения и потери в связи со стремлением сохранить и обладать заметным положением в организации?

55. Какую роль в целом сыграла организация в Вашей жизни?

56. Со вниманием относясь к каждой своей так называемой свободной и личной деятельности, ответьте на следующие вопросы: Как Вам удалось с ней справиться? От каких факторов зависел бы Ваш успех или поражение? Что Вы делали, общаясь с людьми, от которых зависел успех или поражение? С каким результатом? Какое влияние оказал Ваш опыт на отношение к политике в целом?

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Лассуэлл (Lasswell) Гарольд Дуайт (1902–1978) – выдающийся американский ученый в области политологии. Им опубликовано около 60 книг и более 300 статей по различным проблемам политической науки. Круг его научных интересов очень широк. Следуя традициям Чикагской школы политической науки, Г.Лассуэлл занимался разработкой методологических проблем политических исследований. Был сторонником сближения политической науки с социологией, психологией и философией.

Г.Лассуэлл родился в Доннеллсоне (штат Иллинойс) в семье пресвитерианского священника и школьной учительницы. По окончании в 1918 г. средней школы поступил в Чикагский университет. В 1922 г. получил степень бакалавра (экономика) и продолжил обучение по специальности «политическая наука». Незаурядные способности молодого человека были замечены деканом факультета политической науки Ч.Э.Мерриамом, который был ярким сторонником междисциплинарных исследований. Он и порекомендовал Г.Лассуэллу глубоко заняться изучением психологии, психиатрии, психоанализа с целью использования этих наук в дальнейшем исследовании политических феноменов. В 1923–1925 гг. Г.Лассуэлл проходил научную стажировку в университетах Лондона, Берлина, Парижа и Женевы. По возвращении в США защитил докторскую диссертацию на тему «Техника пропаганды в мировой войне» (через год опубликовал под тем же названием монографию), в 1927 г. получил в Чикагском университете должность ассистента, а в 1932 г. – доцента на факультете политической науки. С целью более глубокого изучения психоанализа в 1928–1929 гг. Г.Лассуэлл стажировался в Европе – в Вене, Берлине, Праге, Будапеште, где общался с известными психоаналитиками – А.Адлером, Т.Рейком, В.Штекелем, А.Фрейд и др. Более того, он сам был подвергнут Т.Рейком пси-

* Свой интерес к политической науке Г.Лассуэлл впоследствии объяснял тем, что эта отрасль общественнознания не была достаточно изучена. (См.: A Conversation with Harold Dwight Lasswell: The Psychology of Politics // Psychology Today. 1968. October. P. 63).

хоаналитическому исследованию. Г.Лассуэлл не только глубоко изучил европейскую традицию психоанализа, но и собрал обширный клинический материал, который лег в основу его монографии «Психопатология и политика», опубликованной в 1930 г. С выходом этого труда Г.Лассуэлл был признан как основоположник политического психоанализа и политической психологии.

С 1930-х гг. Г.Лассуэлл активно сотрудничал с различными учебными заведениями, научными организациями, участвовал в исследовательских проектах. Наиболее известные работы, опубликованные в этот период, – «Мировая политика и личная небезопасность» (1935), «Политика: кто получает что, когда и как» (1936). С 1938 г. его жизнь тесно связана с Йельским университетом. В 1946 г. он получил должность профессора юридических наук, в 1952 г. стал профессором политических наук, в 1971 г. получил звание заслуженного профессора юридических и политических наук. Деятельность Г.Лассуэлла не ограничивалась стенами Йельского университета. Его приглашали читать лекции в университетах США, Китая, Японии и др. Наиболее значимые работы Йельского периода – «Анализ политического поведения: эмпирический подход» (1948), «Власть и личность» (1948), «Язык политики: Исследования в области количественной семантики» (1949), «Власть и общество. Основы политического исследования» (1950) и др.

Большое место в работах ученого занимает проблема политической власти как центральной категории политической науки. Он широко известен как новатор в области теории политического анализа и политического процесса. Изучая механизм политической власти и характер распределения ценностей в обществе, большое место Г.Лассуэлл отвел определению роли в этом процессе общественного мнения (например, в работе «Демократия посредством общественного мнения», 1941). Общественное мнение рассматривалось как важный инструмент осуществления демократической формы правления, наиболее эффективных форм управления. Г.Лассуэлл стал инициатором разработки комплекса государственно-управленческих наук (the policy sciences). Эта идея получила наиболее полное обоснование в книге «Государст-

венно-управленческие науки: современные направления по содержанию и методам» (1951).

Работы «Техника пропаганды в мировой войне» (1927), «Пропаганда, коммуникация и общественное мнение» (1946) оказали большое влияние на развитие средств массовой информации в США. Г.Лассуэлл выступил как один из инициаторов современного исследования коммуникаций. Рассматривая пропаганду как продуманный отбор символов, которые распространяются с целью воздействия на поведение масс, он обосновал теорию политической семантики.

Г.Лассуэлл активно занимался научно-организационной деятельностью: избирался президентом Американской ассоциации политической науки (1956), занимал пост генерального председателя и почетного президента Международного общества политической психологии, принимал самое непосредственное участие в создании журналов «Public Opinion Quarterly» (1937), «Human Relations» (1945), «World Politics» (1947), «Policy Sciences» (1969).

Неоценимый вклад, который внес Г.Лассуэлл в развитие американской и мировой политической науки, широко отмечается учеными разных стран.

Т.Н.Самсонова

ПОСТСКРИПТУМ

Размышления над книгой Г. Лассуэлла «Психопатология и политика»

Содержание книги Г.Лассуэлла раскрывает механизмы функционирования политики и мотивацию действий политиков на основе психоанализа.

Во-первых, несмотря на то, что методология и теория даже нашего российского психоанализа уже ушли вперед, собственно политического психоанализа в нашей литературе явно недостает, мешает традиционализм и некий политологический нарциссизм, прежнее мнение о Фрейде как догма не вытесняется не из подсознания и не из сознания, точнее – научного знания. Следует, очевидно, действовать, согласно пословице: «Капля за каплей камень точит». Книга Лассуэлла, конечно же, «большая капля», даже более того.

Во-вторых, данная работа будет очень полезной для рефлексии и саморефлексии наших политиков по принципу: познай самого себя и себя среди других. В этом пришлось убедиться: а) при наложении данного материала на многотомные исследования наших историков: Ключевского, Костомарова и др., описывающих жизнедеятельность наших политиков и результаты проводимых ими реформ; б) для оценки состояния и перспектив современных реформ в контексте законов, открытых З.Фрейдом и развитых Г.Лассуэллом в данной книге. Поэтому прочтение «Психопатологии и власти» многим современным политикам поможет глубже понять механизмы государственного управления.

В-третьих, издание данной книги поможет преодолеть традиционные (чаще ошибочные) оценки творчества З.Фрейда и его последователей, перестанут «похихикивать» по поводу его «либидо» и «сновидений», а всерьез займутся политическим психоанализом. В этой сфере у нас сегодня вакуум – как в политологии, так и в психологии, даже в социальном психоанализе. Отдельные статьи или малотиражные издания не решают проблемы. Противоречивые и многочисленные политики, разби-

равшиеся в психотипе Сталина, только запутывают его «истинный» образ, поскольку основываются на политизированных, а не на психоаналитических концепциях.

В-четвертых, мне приятно читать в книге Г.Лассуэлла о научной «стычке» З.Фрейда, Адлера и К.Г.Юнга, хотя Юнга здесь недостаточно (в частности, о его двух типах творчества: *психологическом и визионерском*). России явно не хватает представителей визионерского творчества в экономике, в политике и журналистике, что затрудняет выход из системного кризиса, а в итоге – не сокращает степень недоверия народа к власти, гражданского общества – к государству.

В-пятых, похвально обращение автора к роли символов. Вспоминается вывод Э.Тоффлера о том, что одной из причин развала СССР является то, что КПСС практически не обновляла символы, особенно свою символическую идеологию и, в сущности, лишилась «общественного идеала» (П.Новгородцев). Важно понять, что символы, наряду с архетипами, догматами, мифами, традициями и другими феноменами глубинной психологии тех или иных народов лежат в сфере бессознательного, но ближе к предсознанию и делают свои «выбросы» в сознание, если запрашиваются «социальными раздражителями» (Залкинд), а могут там долгое время находиться в состоянии дремоты. Но до поры до времени. Обращение автора к проблеме символов значимо и актуально в данном контексте. Существует символическое мышление, которое требует для своего изучения синтеза методов социального психоанализа – с использованием синергетической, немарковской, рефлексивной, мотивационной и других парадигм научных исследований. Жаль, что подобные знания не востребованы нашими политиками. Прислушались бы к Бердяеву, который писал: «Символ, образ, знамя, звук имеют первенствующее значение». И к «звуку» слов великого Г.Свиридова: «музыка – искусство бессознательного». Возможно, книга Г.Лассуэлла поможет прийти в нашу политику людям визионерского типа, и они отразят в нем и музыку, и искусство своего одаренного, талантливого Народа.

В-шестых, данное издание выполнит просвещенческую функцию, хотя поначалу может у «мэтров» вызывать отторжение,

но потом, весьма вероятно, книга выступит в роли социального и научного раздражителя: будут дискуссии и споры, размышления наедине с книгой. Почему это может произойти? Потому что, прочитав главу «Превентивная политика» и др., умный читатель может спрогнозировать, например, степень соответствия, идентичности действий власти, парламентариев, партий глубинным, ментальным запросам народа.

Книга Г. Лассуэлла стимулирует исследователей, политиков использовать открытия З. Фрейда о проявлении механизмов «вытеснения» и «сопротивления» и таких функциональных структур, как: «Я» (функция сознания), «Оно» (функция бессознательного), «Сверх-Я» (функция «сверхсознания»), ведь в последнем главную роль играет (по Фрейду) *Совесть*, нравственные тормоза личности, удерживающие инстинкты (как «темное вино» в сфере бессознательного, по Бердяеву). И здесь проектируется обращение к центральному феномену в теории психоанализа – *переживанию*.

Еще одна проблема, острейшая для российского общества, в работе подается вскользь – это *страх*. Страх – это приобретение от смут, потрясений, революций, войн, голода. Не случайно актуализируется изучение *толпы*, хотя о последней уже много написано (Тард, Лебон, Московичи, Щербатых и др.).

Главное предназначение данной книги – привлечение внимания политологов, социальных психологов и социологов и, что особенно важно, политической элиты России к достаточно новому для нас направлению в науке – политическому психоанализу.

Работа Лассуэлла поможет, на мой взгляд, преодолеть научный и политический сепаратизм, совершить над собой социальную саморефлексию и уберечь себя и народ от такой болезни, как нациопатия. «Познав себя, никто уже не останется тем, что есть» (Т. Манн). Если перефразируем мысль известного героя о том, что разруха в мозгах предшествует разрухе в стране, то и возрождение человека и страны начинается, очевидно, тоже в мозгах, точнее – в сознании, в психике людей.

Если психопатология политиков может приводить страну к разрухе, значит, нужна политическая психотерапия для политиков и для всего психически больного общества.

Нашим политикам в своей повседневной и эгоцентристской работе почему-то не удается заглянуть в глубину души своего народа и увидеть в ней слезы и мольбу о помощи. Ведь именно в душе народной, его глубинной психологии, его бессознательном, но способном приумножать силу сознания и духа, находится то главное, без чего невозможна сильная государственность. Без этого нет эффективной политики, а тем более противопоставления «черному пиару». На таком фоне и начинается развиваться психопатология, и тогда вновь складывается ситуация, о которой А.С.Пушкин писал:

«Беда стране, где раб и льстец

Одни приближены к престолу».

А рядом хочется процитировать другие пушкинские слова: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Дорогу к бунту прокладывает как раз больной психопатологией политик.

Нет ответа на страшные слова Л.Н.Толстого, запечатленные в его дневнике (от 27 июня 1910 года): «Я серьезно убежден, что миром управляют совсем сумасшедшие. Не сумасшедшие либо воздерживаются, или не могут участвовать». И уже несколько дней спустя он вновь обращается к этой «тайне» и замечает в дневнике: «Сумасшедшие всегда лучше, чем здоровые достигают своих целей. Происходит это оттого, что для них нет никаких нравственных преград: ни стыда, ни правдивости, ни совести, ни даже страха». Так ли это? Если так, то почему это происходит? Простого ответа нет. Его надо искать, если эти вопросы не есть следствие психопатологии великого писателя? От психических болезней ведь никто не застрахован. В этой связи вспоминаются фрейдовский «цензор», где скрепом служит *совесть*, перегородка «Сверх-Я» между «Я» и «Оно». Это в теории. А на практике? Если прав Л.Толстой, то где истоки искать? В слове совести? Или...? Трудно верить гиганту и не верить нельзя. Может, секрет в раскрытии психопатологии – и политиков, и ученых, и населения вместе взятых? Или это преувеличение?

Возможно, прочтение данной книги хоть как-то поспособствует излечению психопатологии, если ею заболели? Поможет «облучить метастазы» коррупции, избавиться от «черного пиара»

и порядком надоевших одних и тех же во всех СМИ, на телеэкранах политтехнологов, которые твердят нам что-то (одно и то же)? Быть может, есть проблема кризиса глубинных политических исследований? Это и есть некий аспект психопатологии в политике и в науке.

Для широкого читателя следует, очевидно, объяснить, что психоанализ – это, во-первых, теоретические представления о структуре душевной жизни человека, социальной психике социальных групп, этносов, народов (т.е. их сознательного, предсознательного или подсознательного) и бессознательного; во-вторых, особый подход к изучению психики бессознательного, его проявлениям и, в-третьих, особый метод лечения – психотерапия. Лечение в социальном психоанализе – это и социальное, политическое управление обществом (и больным и здоровым) с помощью благотворного влияния на бессознательное. Это психокоррекция политики, политических решений, например, коррекция информационной политики, действий «агитаторов» и «администраторов» (по Лассуэллу). Или коррекция политики проводимых реформ. Политический психоанализ решает судьбоносную задачу любой власти, в любом государстве: идея овладевает массами, если она становится достоянием их психики.

Основной концепт психоанализа: главные причины действий человека *изначально* заложены в его психическом динамическом устройстве, – бессознательном по своей сущности. Дело в том, что «двоякого рода может быть жизнь человека: бессознательная и сознательная», – как выявил наш талантливый соотечественник Василий Розанов, – «Под первую я разумею жизнь, которая управляется причинами, под второй – жизнь, которая управляется целью. Жизнь, управляемую причинами, справедливо назвать бессознательной... В границах, уже установленных этими причинами, сознание выполняет служебную роль: указывает способы той или иной деятельности, ее легчайшие пути, возможные и невозможные для выполнения того, к чему нудят человека причины»¹.

¹ Смысл жизни: Антология. Выпуск II. М., 1994. С. 21.

Если бы изучали причины терроризма, а они заложены в области бессознательного, то знали бы и его цели, а, значит, могли бы прогнозировать и упреждать. А не прятать «голову в песок», не молчать первые 2–3 дня катастрофы, а потом невнятно объяснять причины, вяло искать «козлов отпущения», пострадавших и весь народ держать в неведении. Это яркий пример психопатологии властей. Значит, пришла пора всерьез заняться овладением политического психоанализа, выбраться из прежнего догмата: человек – сознательное существо, освободиться от мифа – надежды на фаустовского гомункула – «нового человека», его быстрого «производства» и отказа от его «устаревшего» и никчемного менталитета, «мешающего» проводить «прогрессивные реформы», а кому-то – осуществлять вестернизацию – насильственное насаждение другим, в особенности мусульманским этносам и странам, – «передовой американской демократии». Глубочайшее заблуждение. И эту истину помогает вскрыть прочтение книги Г. Лассуэлла.

Похоже, что мир находится в состоянии агрессивной психопатологии, поскольку в человеке начинает господствовать «животное бессознательное» (Автономова Н.С.), даже низменнее – «звериное бессознательное», если судить по террористическим актам, произошедшим в России в течение последних лет. Все это – социальное цунами, последствие землетрясения от тектонических сдвигов в психике человека в сторону низменных слоев бессознательного.

Если политика – искусство возможного, то политический психоанализ – это вскрытие глубинных причин возможного искусства управления. Русская пословица гласит: «не зная броду – не лезь в воду». Или, как утверждают философы, – «в одну и ту же воду нельзя войти дважды». Почему? Потому что бессознательное – это глубина человеческой психики, ментальные потоки жизни, ее смыслов, это причиннодействие, а жизнь – бурный поток истории, где действует закон повторения ошибок, как отклонений от законов жизни, но нет возврата к прожитому в своей жизни. Честным политикам всегда бывает «жаль за бесцельно прожитые годы», за грехопадение в глазах собственного народа.

Знание причин, т. е. бессознательного, позволяет грамотно формулировать цели, уберегает от ошибок прошлого, дает возможность оценить настоящее и прозорливо взглянуть в горизонты социального на восходе солнца, а не в момент заката, когда политический цунами уже сделает свое дело. Причинно-следственное политическое мышление «коммуникативного разума» (Ю.Хабермас), превентивную политику дает именно политический психоанализ. Политиков он спасает от собственных ошибок и поражений, а народ защищает от ошибок властей, политического манипулирования им, от обмана и лжи, позволяет понять важность и суть методов самосохранения и самодостоинства своего «Я» и «Сверх-Я» с подключением заряда своего «Оно». В этом смысле очень хочется, чтобы главу «Превентивная политика» книги Г.Д.Лассуэлла внимательно изучили наши политики, и те из них, кто искренне переживает за судьбу своего народа, за судьбу России, донесли ее содержание до массового сознания.

Традиция нашей политической элиты, наших ученых оценивать причины, особенно – явные ошибки прошлого, по принципу: «Если бы? То...!». Или, как в народе говорят, – «если бы да кабы, во рту выросли грибы». Все этим оправдываем: и холод, и голод, и разруху, и революцию, и самообман. Это тоже психоанализ, но на уровне замаливания своих политических грехов, т. е. своеобразная психотерапия, да еще с таким «мудрым» самопокаянием, точнее – с самооправданием: «знал бы, где упасть – соломки бы постелил». И непременно через «бы»...

Воспользуюсь этим принципом и я, чтобы призвать читателя не просто прочитать книгу Лассуэлла по психопатологии в политике и расширить свою эрудицию, а поразмышлять над ней, накладывая содержание прочитанного на российское ментальное поле. И задуматься: почему не все, даже, казалось бы, самые элитные европейские, американские семена либо не дают всходов, либо дают их после глубинной вспашки этого поля – очередной революции. Но вскоре всходы увядают, а потом и вовсе засыхают.

Ядром, скрепом «коллективного бессознательного» (Юнг), «социального бессознательного» (Фромм), «русского» или

«русского бессознательного»¹ является: 1) менталитет; 2) глубинная психология; 3) национальный характер.

Есть поверхностная психология, т. е. психология сознания и сознательного. А есть глубинная, т. е. психология бессознательного и подсознательного (сверхсознания), куда входят и менталитет, и национальный характер. Психология сознания может быстро трансформироваться при смене строя, правительств, идеологии. При этом глубинная психология может оставаться неизменной или корректируемой с помощью «превентивной политики» на основе методов политического и социального психоанализа. Часто политики с целью своего утверждения, своей легитимизации, быстрого проведения реформ в своих целях (приватизации, например), с одной стороны, вначале отвечают на вызов бессознательного, его менталитет, национальный характер, а с другой, впоследствии, находясь во власти кодов пассионариотики (по Гумилеву), таких как: алчность, жажда власти и богатства, тщеславия и т. п., идут фактически против законов бессознательного, ругают менталитет, хулят характер народа. Не верите? Прочтите под этим углом зрения Г. Лассуэлла и оцените новейшую российскую историю – вы убедитесь в этом, а может и в более глубинном, и, действительно, начнете рассуждать через «бы».

Я также постараюсь это сделать, но с одной целью – вытеснить с помощью механизма трансфера это «бы» из политического мышления и сознания нашей «элиты», жертвой которых оказывается народ.

Начнем с истории:

Если бы наша политическая «элита» знала *бы*, а если и знала *бы*, то учитывала *бы* ошибки предыдущих реформ и реформаторов... Известный русский историк В.О. Ключевский писал, что, после смерти, народ прозвал Петра I, «царя-реформатора», – «царем-антихристом», хотя и скорбил, «что упала сильная рука». Почему «царь – антихрист»? От реформ и поли-

¹ Это в нашей транскрипции и теории. См.: Основы социального психоанализа / Под ред. проф. В.Д. Попова. М., 1996; *Попов В.Д.* Социальный психоанализ в России: проблемы и перспективы. М., 1997; *Попов В.Д.* «Тайны» информационной политики: социальный психоанализ информационных процессов. М., 2003.

тических действий, своей в сущности «превентивной политики» («мы должны жить и убивать, и умирать» как и у Ивана Грозного), «народ оставался в тягостном недоумении»: «ни происхождение, ни цели реформы не были ему достаточно понятны» (сравните с современной реформой монетизации льгот. – В.П.). На языке психоанализа реформы Петра I – это ломка глубинной психологии, менталитета, национального характера. Это игнорирование законов политического психоанализа, русского бессознательного.

Предвижу возражение, что при Петре I еще никто и не слышал про психоанализ, о нем как термине, как учении не знали, но всякий объективный закон даже мужики на уровне обыденного сознания, посредством интуиции и опыта (читайте А.Н.Энгельгардта «Письма из деревни») познавали и следовали ему. А Петр I – просвещенный, умный, хитрый царь. Он сознательно эксплуатировал причину во имя цели (по Розанову), бессознательное и слабо развитое сознательное приносил в жертву «великой цели» – прорубить окно в Европу, построить Северную Венецию. Но какой ценой?! Здесь цель оправдывала средства, а причины – цель: до тех пор, пока жив был царь-реформатор. Умер, бессознательное всколыхнулось, объективно и субъективно заявило о себе. Почему? Потому что политика Петра I не была превентивной с позиции глубинных ментальных ценностей и интересов народа. Результаты реформ остались в исторической памяти, и царь вошел в сознание нескольких поколений россиян как царь-созидатель. «За кадром» остались: народное сознание, ломка его менталитета, души; массовое самопожертвование, нищета. Расцвет символов государства российского сопровождался нищенским положением народа. Символы были не идентичны русскому архетипу и потому один имидж «царя – великого реформатора» сменился на имидж «царя-антихриста».

Ф.Достоевский считал, что реформа 1861 г. – исправление «исторической ошибки» Петра I. Отказ от исторического наследия «петровского периода» русской истории сделал возможным, по умозаключению Достоевского, духовное сближение правительства и образованной части общества с народом. На языке психоанализа это сближение – факт некой гармонизации, коммуникативного взаимодействия между сознательным, предсозна-

тельным и бессознательным основных субъектов политики того времени.

Кстати, реформы Александра II, Столыпина, Сталина и Хрущева повторили политику реформ Петра I, как игнорирование превентивной политики, основанной на политическом анализе и прогнозе. *А если бы этого не было?* Тогда Россия *оказалась бы* не в восьмерке на правах «шестерки», а в пятерке, и, может быть, в тройке развитых стран мира:

Если бы невежественные полиция и политики не выстрелили в мирную демонстрацию (кстати, продиктованную недовольством политического бессознательного народа), *не было бы* «Кровавого воскресенья», революции 1905 года, разгула политического террора и жестокой эксплуатации, нового для того времени, «рабочего класса», вышедшего из крепостного права и попавшего в другое – промышленное крепостное право. Этот процесс сопровождался сменой патриархального менталитета сельского крестьянина на городской, разломом традиционного душевного устройства. Для того чтобы он не привел к взрыву, нужна была грамотная превентивная политика, социально-психологическая коррекция и психотерапия. Этого не было сделано. Психоаналитический след от «Кровавого воскресенья» осел на дне бессознательного народа и вновь возродился в 1917 г. – как только ошибка реформаторов повторилась. Наряду с прочими проявились две ментальные причины Октябрьской революции: покушение на русскую общину при всех ее известных недостатках и известных преимуществах, описанных, например, К.Д.Кавелиным в работе «Наш умственный строй» (М., 1989); потеря Россией сильной государственности как своего архетипического наследия, что выразилось в политическом безволии царя, падении архетипически-монархического типа власти, поражении в первой мировой войне, разложении армии, кризисе в экономике, резком обнищании масс, господстве хаоса над порядком на фоне разгула политического плюрализма.

Если бы социалистическое правительство после революции, при захвате власти воспользовалось результатами одного из величайших открытий XX века (по оценке мировой науки начала XXI века) – *учения о бессознательном* З.Фрейда, то она бы не повторила старых и не воспроизвела бы новых политических ошибок. З. Фрейд считал Москву третьим городом по степени развития психоанализа в мире после Вены и Берлина. В.И. Ленин же не принимал всерьез учение Фрейда, называл его «модной

причудой». Однако его соратники имели иное мнение. Так, Н.И.Бухарин считал, что необходимо «овладевать» бессознательными процессами, чтобы сделать человека полностью бесконтрольным. Л.Д.Троцкий расценивал психоанализ как инструмент завоевания будущего счастья¹. Кстати сказать, в период одной из предвыборных президентских кампаний Клинтона культивировался тезис: Америка готовится «к прыжку в цивилизацию третьей волны», чтобы «сознательно контролировать поведение человека в глубинах его бессознательного»². Россия в этот момент совершала прыжок в дикий «государственно-олигархический капитализм» (Г.Х.Попов) и разгоняла лаборатории, занимающиеся психоанализом в целях обеспечения информационно-психологической безопасности. Мы опережали американцев в этой области. Проблема была в применении, в использовании. *Если бы...?*

В России еще в 20-е годы сформировалась достаточно мощная школа психоанализа под руководством профессора Ермакова И.Д. В российском научном мире шла острая дискуссия среди политиков и ученых в контексте «соединения» психоанализа с марксизмом. Результаты дискуссии 20-х годов не утратили своей актуальности и в наши дни³. Их прочтение помогло бы современным политикам и «медиакратии» отразить свое политическое бессознательное и сознательное и грамотно корректировать «коллективное бессовестное» (термин Ю.Полякова) при принятии законов, противоречащих «социальному бессознательному» (Э.Фромм)⁴.

В конце 20-х гг. XX в., когда власть завоевал И.В.Сталин, школа психоанализа была прикрыта (точнее разогнана), как и НЭП, а ведь это была наиболее идентичная менталитету «русского суперэтноса» (Л.Гумилев) форма хозяйствования. И, на-

¹ См.: Белкин А.И., Литвинов А.В. К истории психоанализа в Советской России // Российский психоаналитический вестник. 1992. № 2.

² См.: Лики России. 1992. № 7, 9. С. 35.

³ См.: Зигмунд Фрейд: психоанализ и русская мысль. М., 1994.

⁴ Весьма полезным подспорьем в овладении психоанализом являются такие труды наших соотечественников, как: Овчаренко В.И. Психоаналитический глоссарий. Минск, 1994; Овчаренко В.И., Лейбин В.М. Антология российского психоанализа. В 2 тт. М., 1999 и др.

против, был введен политический механизм, не идентичный социальной антропологии, сущности человека, осуществивший геноцид «середняка», раскулачивание. Коллективизация в итоге оказалась политической манипуляцией на основе традиций общинности, артельности, а по сути привела к огосударствлению этих архетипических форм хозяйствования, на отказе от главного принципа их жизнеспособности – *самоорганизации* с элементами государственной флуктуации.

Изучение психоаналитических оснований в портрете Сталина говорит о том, что он, во-первых, владел психоанализом, поскольку учился в духовной семинарии и умело играл на русском бессознательном. Вспомните его обращение к русскому народу в трагический момент начала Великой Отечественной войны: «Дорогие братья и сестры». Ничего не скажешь, талантливое включение механизма идентификации себя с народом. Во-вторых, жестокость, тирания Сталина – продукт его воспитания, проявление его либидовского комплекса. По мнению Д. Ранкур-Лаферриера, опиравшегося на психоаналитическую теорию в анализе политического портрета Сталина, «из двойственного отношения к отцу, который будучи пьяным, нередко избивал сына и жену, и большой близости с матерью, безумно любившей Сосо и зародившей в нем бессознательные чувства восхищения самим собой, выводятся многие особенности формирования у Сталина защитных механизмов, будь то проекция собственных страхов и агрессивных желаний, на других людей (политических деятелей, включая Ленина, Бухарина и Троцкого), своих детей, многообразных "врагов народа"»¹.

Сталин умело поднял дух «русского бессознательного» на индустриализацию, не считаясь ни с чем, не жалея жизни миллионов, создавал из России символ сильной державы. Последнее отвечало запросу менталитета народных масс. Сильной России – сильный лидер – это тоже ментальный запрос народа. И Сталин на него ответил – создал себе символ Вождя. Или божественный культ личности. И он глубоко вошел в историческую память на-

¹ Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина: психоаналитическое исследование. М., 1996. С.11–12.

рода, в российское бессознательное и там продолжает (как показывают социологические исследования) жить и делать выбросы в сферу сознательного до наших дней. Сколько бы его не осуждали политики, не уничтожали политически репрессированные люди за его кровавые дела, каким бы политическим уродом его не показывали в современных фильмах (например, в к/ф «Дети Арбата» и других), образ его почему-то воскресает. Хотя ясно – почему. Усиливается запрос на «сильную руку» как олицетворение порядка в стране и сильной России. Тем не менее много еще не познанных тайн человеческой души, и книга Г. Лассуэлла в этом смысле – призыв к дальнейшему познанию загадок в психике политических деятелей, с другой стороны – путь к познанию способов защиты от тирании, от ошибок псевдореформаторов, способов выбора себе политических кумиров.

Россия – страна парадоксов, которые чаще называют «загадкой русской души». С позиции психоанализа только и можно дать отгадки этим «загадкам». Загадка в дихотомии русской души: с одной стороны – в ней заложен глубинный мотив от глубинной психологии, стремление жить по велению своей души, своего сердца, или иначе – по велению своего менталитета, своего характера (мотив истинной свободы), а с другой – быть человеком естественным, с открытой душой и доверчивым сознанием, а значит, легко обманчивым на уровне сознательного. Или иначе, «Оно» просит одного, а «Я» – другого. В результате русские легко клюют на «политическую удочку» новых революционеров и реформаторов. Но потом, как народ с развитым «Сверх-Я» («сверхсознанием»), сильным духом и природной мудростью, осознает, куда его завели политики, и начинает, как рак, медленно пятиться назад, бросаться в другую крайность из состояния «безграничной свободы» – в «безграничное рабство» (Н.Бердяев), из рабства – через восстания, смуты, революции, протесты, к безграничной свободе или анархии, но набивая каждый раз себе шишек.

О дихотомии русской души Н.Бердяев писал: «Чужд русскому народу империализм (чужд на уровне глубинной психологии – *В.П.*) в западном и буржуазном смысле слова, но он покорно (на уровне сознания, его обработки политиками – *В.П.*) отда-

вал все свои силы на создание империализма, в котором сердце его (а значит, менталитет, характер – *В.П.*) не было заинтересовано. Здесь скрыта тайна русской истории и русской души»¹. Но *если бы* народ был просвещен или защищен интеллигенцией на основе познания самих себя с позиции психоанализа? *Тогда бы*, возможно, не было столько смут, революций, потрясений в душе и судьбе народа; напрасно прожитых лет в плену антинародных реформ. Опять «*бы*»!

Но не меньшая загадка русской истории и русской души состоит в том, что в России, задолго до Фрейда, проявился интерес к проблемам бессознательного. Произведения Достоевского, Гоголя, Толстого, талантливо раскрывающие всю сложность главного психоаналитического феномена – *переживаний человека* – не могли не повлиять на политиков и интеллектуалов России. Все зарубежные психологи ссылаются на психоаналитическую гениальность Ф. Достоевского, а мы – «как сапожник без сапог». *Если бы* не экранизировали «Идиота», *то* целое современное поколение не знало бы Достоевского. В это время на ТВ доминирует «коллективное бессовестное» (Поляков) «информационный терроризм» (Дондурей), «садизм и мазохизм» (Бестужев-Лада).

Особенность России состоит в том, что каждый властный руководитель страны находится больше, чем в любом другом государстве, во власти своего окружения, в эпицентре борьбы и смены элит. И часто становится их жертвой. Причина, как правило, лежит в отчуждении и забвении коллективного бессознательного, а в итоге – в отчуждении власти от народа. *Если бы* это не стало традицией, то...

Через «*если бы*» можно говорить об Эдиповом комплексе применительно к политике и политикам. Особенно он проявляется в революционных ситуациях и в борьбе за власть в мирное время. Прежняя власть, по Фрейду, – это «Отец», его окружение, единомышленники – «братья» или «пассионарная группа» (по Гумилеву), а «мать» – Россия. Большевики – это «братья», «пассионарная группа». Они делятся на группы – окружения, одна защищает «Отца-вождя», другая – выдвигает нового «Отца». И

¹ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 18.

каждая из групп старается продлить политическую жизнь своему вождю. Так было при царях. Так случилось с советскими вождями (в частности, с Н.Хрущевым).

Ленин был первым «Отцом-вождем». И все «братья» его слушали, подчинялись ему, «дети» не только поверили, но стали боготворить Ленина, несмотря на жертвы гражданской войны. В итоге появился новый символ – «Вождь». Но как только Ленин заболел, Сталин (как «мини-вождь») формирует вокруг себя «братьев-окруженцев» и идет на завоевание роли нового «обоже-щенного вождя». Он постепенно отстраняет от реальной власти Ленина, ничем не гнушаясь, даже оскорблениями жены Ленина – Надежды Крупской.

После смерти Ленина Сталин разгоняет, уничтожает «братьев» прежнего «Отца» и формирует свою команду преданных «братьев». А что «дети» (т. е. народ)? Вначале они скорбят об ушедшем «Отце-вожде», но у них, по законам российского бессознательного, появляется потребность в новом «Отце» – ранее в обожествленном Царе, сейчас – в обожествленном Вожде. «Детям» надо в кого-то верить, без веры им жить невозможно. И они (посредством механизма трансфера) переносят эту потребность с Ленина на Сталина, и он становится «Отцом всех народов». Но Сталин знал зловещую сторону могущества законов политического психоанализа или проявлений бессознательного, потому что патологически боялся появления новых «братьев», которые снимут его с престола. И он их менял, держал в страхе, уничтожал. Как же иначе расценивать ситуацию: «братья» жили в страхе и преданно, на уровне инстинкта самосохранения, служили «Отцу», в то время как их жены были репрессированы. В страхе держалась и часть «детей». Но для народного большинства Вождь стал родным и непогрешимым «Отцом». О нем сочиняли стихи, пели песни и, таким образом, народ кодировался. Кодом был образ «любимого Вождя». За него, с его именем солдаты шли в бой.

Все то же самое, в сущности, повторили Хрущев, Брежнев, Горбачев, и Ельцин, только с другим эффектом. Законы политических отношений латентно и открыто продолжают действовать при их правлении. Этот анализ я предлагаю проделать самому

читателю, но только с одной подсказкой – *культ личности* в политической жизни в России – это продукт российского бессознательного. Это новое название «Отца». И потому вновь и вновь повторяется по закону циклов судьба новых «Отцов» и «братьев». И вновь и вновь жертвами является «Мать», т. е. Россия и «дети», т. е. народ.

Вот почему важно понять для будущих поколений необходимость познания причин появления психопатологии в политике, законов проявления своего бессознательного, своего менталитета и их эксплуатации в корыстных целях новых «Отцов» и «братьев». *Если бы* это свершилось! Но кому из политиков и олигархов это выгодно? Парадоксальный вопрос, без разрешения которого зов народного бессознательного может всегда найти оправдание политическому манипулированию. «Отец» всегда есть и будет, но безотцовщина «детей» не должна повторяться, чтобы главный код активной социальной деятельности человека – «*смысл жизни*» – не гипертрофировался, растаптывался в душе народной все новыми «Отцами» и «братьями» со своими новыми корыстными властными кодами и смыслами.

Остается неразрешенным вечный парадокс России: *богатое государство и бедный народ, состоятельное чиновничество и увеличивающееся горьковское «дно»*, самая большая свобода для действий одного только закона, названного сегодня законом 4-х «Б» – богатые богатеют, бедные беднеют. И все почему? Оказывается, плохой менталитет народа не дает хорошим государственным «братьям» осуществить реформы во благо этого народа. Это не что иное, как манипулирование и сознанием, и бессознательным, по причине первоначального разрушения у них перегородки «Сверх-Я», а затем – первоначального и очень быстрого накопления капитала и политического кодирования жадной власти и богатства. Так что судьба России во многом зависит от судьбоанализа как саморефлексии политиков, а главное от народа как главного субъекта исторического процесса. Общество наше нуждается в психоаналитическом просвещении.

И еще об одном «*если бы, то ...*»:

Если бы «Отцы» и «братья» обращались к закону, выражающему «архетип Старого Мудреца» (Юнг), который гласит: «Общество может

жить в гармоническом состоянии, – как замечает В.Налимов, – и быть послушным своим властям до тех пор, пока есть согласованность между деятельностью людей и их откликами в бессознательном»¹...

К выше сформулированному закону В.Налимов добавляет, что игнорирование его приводит к такой политической ситуации, что «могут быть периоды стагнации, когда общество дряхлеет (вспомним застои «эпохи Брежнева»). Это всегда предшественник бури, что мы неоднократно наблюдали в нашей истории»². Стагнация – это тихий конфликт между сознательной деятельностью народа под контролем властей и откликами – вызовами бессознательного. Иначе не было бы такой тихой революции 1991 года.

Кроме того, «может возникать и состояние конфликта между деятельностью общества и состоянием его бессознательного. Тогда бессознательное начинает искать нового героя. Ошибившись (как оценил народ М.Горбачева, провал его идеи перестройки), пытается сменить его (сменил на нового «героя» или на нового «Отца» – Б.Ельцина), и тогда возникают серьезные социальные конфликты»³ (как это и случилось в октябре 1993 г.). Такой конфликт – это всегда раскол бессознательного у «детей» по отношению одних к старому, других – к новому «Отцу» и их «братьям». Новые «братья» создают соответствующее окружение новому «Отцу» и идут на новый штурм «Зимнего» (теперь «Белого дома»), но с тем же принципом «до основания, а затем».

Опять развитие идет по законам циклов. Длительность циклов в разных областях жизни социума бывает разная. Циклы этногенеза у Л.Н.Гумилева – 300 лет. А вот длительность цикла популярности «Отца», естественно, меньше. Теория цикла строится на исторических, политических, экономических, социальных законах, включая законы психоанализа.

Если бы политики знали, что ученые выделяют семилетний цикл популярности в народе той или иной политической кампании (например, перестройки, перехода к рынку, прекращения непопулярной войны и т. п.) и

¹ Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М., 1993. С. 221.

² Там же.

³ Там же.

популярности лидера этой кампании примерно в 7 лет. И в самом деле, В.И. Ленин правил 7 лет, у И.В. Сталина через 7 лет – кризис власти и разгром ленинских «братьев», Н.С. Хрущев правил 7 лет, М.С. Горбачев – 7 лет, Б.Н. Ельцин – 7 лет, Л.И. Брежнев был популярным лидером – тоже 7 лет, а потом народ начал сочинять о нем анекдоты – это первый признак начала непопулярности лидера. Но при каждом «Отце-Вожде» «отклики» бессознательно либо игнорировались, либо пресекались «братьями», партией, либо наказывались диссидентством (как это было с Солженицыным, Зиновьевым и др.). Одним словом, уже была нарушена гармонизация отношений между действиями властей и запросами бессознательного.

Для того, чтобы продлить семилетний цикл, сохранить популярность власти, необходимо обратиться к архетипам российского бессознательного и обновить «общественный идеал» (П.И. Новгородцев), стратегию развития общества, идеологию, символы и мифы, а не «наскоком» идти на одновременно осуществляемый комплекс непопулярных мер, т. е. следовать советам «братьев», далеких от познания ментальных законов жизнедеятельности своего многострадального народа. Если он и дальше остается в неведении: какое общество власть строит в его стране, то он перестает верить власти. Нужен дискурс власти с народом. Вот где заложены секреты превентивной политики.

Другим важным направлением превентивной политики является знание «закона духовного единства толпы», гуманное проникновение в «душу толпы» (Г. Лебон) с тем, чтобы уметь упреждать ее формирование и проявление. Перерастание митинга в толпу (как это было в Карачаево-Черкессии) – это всегда взрыв бессознательного («Оно») и поражение сознательного («Я»), разрушение перегородки «Сверх-Я» и полная свобода действий механизмов «вытеснения» и «сопротивления» (по Фрейду). Например, освобождение от Совести инстинкта собственности привело к дикому соотношению богатого меньшинства и бедного меньшинства. Кстати, действие механизмов «вытеснения» и «сопротивления» и перегородки «Сверх-Я» (Совести) считается самым существенным открытием З. Фрейда. Э. Фромм их применил при анализе «социального бессознательного», но они не получили развития в политологии, в политической психологии.

И еще одно размышление через «если бы, то...»:

Если бы наши политологи занимались исследованием законов политических отношений, а власть выстраиванием адекватной системы сознательного управления, включая глубинные законы российского бессознательного, то системный кризис мы бы давно одолели. Правда, при одном условии: *если бы власти имели потребность в результатах научных исследований в целом и в особенности – исследований в области политического и социального психоанализа.* Сейчас же политологи ушли в изучение и применение пиаровских технологий и на экраны телевидения (тусуется одна и та же пиаровская «кучка братьев»), и им не до изучения фундаментальных законов. А в итоге провалы в пиаровских, предвыборных технологиях, во многом по причине игнорирования законов политических отношений и политического психоанализа. Самым ярким подтверждением тому являются результаты «зажиревших российских политтехнологов» (термин многих СМИ) на Украине, до этого – в Абхазии. Они игнорировали в своих технологиях, например, закон ментальной идентичности и раскололи Украину на два ментально-противоборствующих лагеря. Ментальный раскол такими же технологиями не излечить.

Политтехнологи заразили и власть. И она начала пиарить, правда согласно модусу русской души: «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». И не очень, прямо скажем, грамотно (если вспомнить запоздавшие выступления министров на ТВ по поводу «правильной» льготной реформы). Вину они сваливают на своих региональных «братьев», которые могут не простить этого ни «мини-вождям», ни даже самому «Отцу». А если глубже взглянуть, то и «мини-вожди» и «братья» сегодня вновь находятся во власти «русского обскурантизма» (Н.Бердяев), т. е. недооценки образования, науки и культуры, что проявилось в известной негативной реакции общественности на проекты реформ в этих областях. Причина та же: власть не слышит, а если слышит, то игнорирует призывы российского бессознательного, своих глубинных, фундаментальных традиций (например, в образовании). Опасная позиция. Может прийти новый «Отец народов» или «новые братья» – менеджеры, играющие по правилам, прописанным в «Великой шахматной доске» (З.Бжезинский). Их тень уже витает над «Матерью» – Россией и ее «детьми» – народом.

У нас в результате психопатологии в политике девальвировали такие понятия, как «демократия», «свобода», «либерализм»

и другие. Причина – в неразвитости «коммуникативной теории психоанализа» (Ю.Хабермас) в новой России. Власть не разъясняет, не объясняет народу ни этих понятий, ни целей реформ, очевидно, в силу неприятия советской «пропаганды» и «агитации». Но ведь последние, как следует из работ Г.Лассуэлла, не коммунистами придуманы. Если хочешь обратить народ в свою веру – занимайся агитацией и пропагандой своих идей и решений. У нас же здесь как раз все делается по законам психоанализа – по закону противоположностей, в характере русского народа бросаться из крайности в крайность: либо тоталитарная и тотальная идеологизация, либо тотальная деидеологизация. Никак не остановимся на «золотой середине», или где-то поближе к ней. *Если бы это удалось?*

В результате деидеологизации народ, не понимая сути «демократизации», «монетаризации», «либерализации», «монетизации», по закону психологического бумеранга, начинает испытывать к ним отвращение, тем более, что это не ментальные русские слова. Или же их надо переводить на русский язык, искать идентичные понятия. Либо не употреблять, не пускать в эфир («Словом-то не воробей...»), а дело делать.

Главное, подобные ситуации Россия уже раньше переживала. Не случайно же талант Ф.Достоевского устами своих героев в «Идиоте» гласит: «Я ничего не говорю против либерализма. Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадается или мертвоет; либерализм имеет такое же право существовать как и самый благонравный консерватизм; но я не на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю то, за что собственно и нападаю на него, что русский либерализм есть русский либерал не есть русский либерал. Дайте мне русского либерала и я его сейчас же при всех поцелую... Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет самую Россию – свою Мать».

Интересно, расцеловал бы Достоевский наших современных либералов? Вот на какие размышления натолкнула меня книга Г.Лассуэлла «Психопатология и политика». Думается, что одна из ее ценностей – послужить научным, политическим и «социальным раздражителем» (Залкинд) для российских ученых и политиков. Ученых она, возможно, подвигнет на разработку поли-

тического психоанализа, политиков – воспользоваться результатами исследований на практике. Например, сколько «тайн» можно открыть, применяя фрейдовские механизмы «сопротивления» и «вытеснения» во взаимодействии бессознательного, предсознательного и сознательного, особенно в век «информационной эпохи» (М.Кастельс), когда резко возрастает потребность в развитом «коммуникативном разуме» (Ю.Хабермас), когда власть поймет, что она имеет «коммуникативную природу» и что «власть – средство коммуникации» (Н.Луман).

Для науки и политической практики открывается перспектива новых исследований и новых идей, новых управленческих решений. Сегодня практически не исследуется экономическая власть с позиции политэкономического психоанализа, наметились лишь некоторые подходы¹.

Фундаментальной и весьма актуальной остается проблема идентичности: политической, экономической, национальной, культурной. М.Кастельс считает, что развал СССР произошел по причине «кризиса идентичности»². Как бы то же самое не произошло с Россией!? Ведь сегодня ни одна партия в стране не отвечает по большому счету критерию *политической идентичности*. Получается, согласно психоанализу, что книга Г.Лассуэлла может стать хорошим учебником для политиков и ученых. Очень хотелось бы – и для народа...

В.Д. Попов
доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой информационной
политики РАГС при Президенте РФ

¹ См.: Проблемы экономической психологии / Отв. редакторы А.А.Журавлев, А.Б.Купрейченко. Том 1, 2. М., 2004–2005.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 44–45.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю (<i>Т.Н.Самсонова</i>).....	3
Предисловие к изданию 1977 г. (<i>Ф.И.Гринштейн</i>).....	6
Введение (<i>Г.Д.Лассуэлл</i>)	21
Глава I. Истории жизни и политическая наука.....	24
Глава II. Психопатологический подход.....	36
Глава III. Новый метод мышления.....	47
Глава IV. Критерии политических типов	56
Глава V. Теории развития личности.....	81
Глава VI. Политические агитаторы	92
Глава VII. Политические агитаторы (Продолжение).....	117
Глава VIII. Политические администраторы.....	136
Глава IX. Политические убеждения	159
Глава X. Превентивная политика.....	177
Глава XI. Глубинное интервью и его использование.....	205
Глава XII. Система личности и ее реакции замещения	220
Глава XIII. Государство как многообразие событий.....	239
Послесловие: тридцать лет спустя.....	264
Приложение «А». Избранная библиография	312
Приложение «В». Список вопросов по политической практике	320
Краткая биографическая справка (<i>Т.Н.Самсонова</i>)	327
Постскриптум. Размышления над книгой Г. Лассуэлла «Психопатология и политика» (<i>В.Д.Попов</i>).....	330

Научная литература: Монография

Гарольд Д. Лассуэлл

Психопатология и политика

Редактор
Е.А. Сайко

Корректор
И.А. Мышева

Оформление
Л.С. Андреева

Компьютерная верстка
Д.С. Файзуллина

Лицензия ЛР № 020898 от 08.07.99 г.

Сдано на верстку 15.02.05

Подписано в печать 20.06.05. Формат 60х90^{1/16}. Тираж 1000 экз.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс».

Усл. п.л. 22,0. Уч.-изд. л. 17,5. Изд. № 82

Издательский центр Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Отпечатано ОП ИЦ РАГС. Заказ № 90
119606 Москва, пр-т Вернадского, 84

Цель данной работы состоит не в том, чтобы доказать, что политические деятели «ненормальные». Наша задача – не составление каталога признаков за счет основных типов личности... Действительно, патологическое в специальном смысле слова вторично по сравнению с основной проблемой выявления развивающегося контура различных типов общественных характеров. «ПсихопатогRAFия» оправдана и полезна, однако фиксирование патологий – не наша цель.

Harold D. Lasswell